

Вестник
Московского
университета

Moscow
State University
Bulletin

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER ONE

JANUARY — FEBRUARY

This journal is a publication prepared by
the Philological Faculty Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press
2014

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9
ФИЛОЛОГИЯ

№ 1

ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета
2014

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Л. РЕМНЁВА, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **главный редактор**

О.А. СМИРНИЦКАЯ, докт. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — **зам. главного редактора по лингвистике**

Е.В. КЛОБУКОВ, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка — **отв. секретарь по лингвистике**

Н.А. СОЛОВЬЕВА, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы — **отв. секретарь по литературоведению**

Е.Г. ДОМОГАЦКАЯ, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по редакционно-издательской деятельности — **оргсекретарь**

Члены редколлегии:

Т.Д. Венедиктова, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы, зав. кафедрой теории словесности

М.В. Всеволодова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов

И.М. Кобозева, докт. филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Т.А. Комова, докт. филол. наук, проф. кафедры английского языкознания

С.И. Кормилов, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX–XXI веков

Перевод на английский язык *М.М. Филипповой*

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Корректор *И.В. Луканина*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5. Тел. 697-31-28.

119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет

Подписано в печать 15.03.2014. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,5.

Уч.-изд. л. 16,7. Тираж 570 экз. Изд. № 10 064. Заказ №

Издательство Московского университета.

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.

Типография МГУ.

119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Першина Н.С.</i> Категориальный класс компаративов в русском языке и его включенность в поле предложных единиц	7
<i>Волошина О.А.</i> Фридрих Шлегель и Франц Бопп (флексия и агглютинация как две тенденции развития индоевропейского слова)	33
<i>Любжин А.И.</i> «Русский Гомер». Опыт о литературной репутации. Часть III	48
<i>Кормилов С.И., Аманова Г.А.</i> Метрика, рифма и строфика в русских переводах из корейской поэзии (А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев). Статья 3	59
<i>Степанов А.Г.</i> Стихотворение и его прозаический парафраз: семантические различия	78
<i>Богданова О.А.</i> Роман-эпопея XX века: «восстание масс» в «Жизни и судьбе» В.С. Гроссмана	95

Материалы и сообщения

<i>Ивинский А.Д.</i> К истории Собрания сочинений императрицы Екатерины II: почему не был издан шестой том	106
<i>Федотов А.С.</i> А.Н. Островский и петербургский книгоиздатель Д.Е. Кожанчиков: история издания второго прижизненного собрания сочинений драматурга	126
<i>Перишкина А.Н.</i> Анонимные тексты в журнале «Время»: опыт атрибуции	146
<i>Касаткина К.В.</i> О некоторых особенностях психологии «подполья» в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского	164
<i>Лебедева Ю.Н.</i> От любекского патриция к «одному простому молодому человеку» (Бюргерский герой и взгляд повествователя в «Будденброках» и «Волшебной горе» Томаса Манна)	172
<i>Инь Лю</i> (КНР) Дионисийское и аполлоническое начала в романе Е.А. Нагродской «Гнев Диониса»	180
<i>Козюра Е.О.</i> Введенский и Семен Бобров	189
<i>Коляева А.Ф.</i> К вопросу о типологии специальной лексики: терминология и номенклатура	197
<i>Тимофеев В.В.</i> Особенности реализации согласных на конце русских приставок в современном русском литературном языке	206
<i>Ван Хуа</i> (КНР). Сопоставление названий улиц в китайской и русской лингвокультурах (на материале названий по именам исторических лиц)	219
<i>Федько М.В.</i> К исследованию лексико-семантической группы <i>власть</i> в готском и древнеисландском языках (на примере подгруппы <i>правитель</i>): опыт этимологической стратификации	231

Критика и библиография

<i>Архангельская А.В., Алпатов С.В.</i> Biblioteka przekładów rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej / Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы: Т. 1 Eliza Małek. Первый древнерусский перевод <i>Апофегмат</i> Беняша Будного. Исследование и издание текста. Łask, 2011; Т. 2 Eliza Małek, Siergiej Niokołajew. <i>Апофегматы</i> Беняша Будного в переводе Петровского времени. Łódź, 2012.	239
<i>Харитонова А.Е.</i> О р а и ч Т о л и ч Д. Хлебников и авангард / Пер. с хорват. Н. Видмарович. М.: Вест-Консалтинг, 2013. 183 с.	245
<i>Изотов А.И.</i> Н р д л и ч к а М. Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010. 248 с.	249

Научная жизнь

<i>Снесарева М.Ю.</i> Первый европейский симпозиум кельтологов – хроника со-бытия	256
<i>Сергеева О.М.</i> VIII Международная научная конференция «Современные методы сравнительно-исторических исследований»	260

CONTENTS

Articles

<i>Pershina N.S.</i> The Categorical Class of Comparatives in Russian as a Part of the Field of Prepositional Units	7
<i>Voloshina O.A.</i> Friedrich Schlegel and Franz Bopp (inflexion and agglutination as two trends in the evolution of the Indo-European word)	33
<i>Lubzhin A.I.</i> "The Russian Homer". An attempt at producing a literary reputation. Part III	48
<i>Kormilov S.I., Amanova G.A.</i> Metrics, Rhymes and Stanzas in Russian Translations of Korean Poetry (A.A. Akhmatova, A.L. Zhovtis, G.B. Yaroslavtsev). Article 3	59
<i>Stepanov A.G.</i> A Poem and Its Prosaic Paraphrase: Semantic Differences	78
<i>Bogdanova O.A.</i> The XX Century Epic Novel: 'Rebellion of the Masses' in V.S. Grossman's 'Life and Fate'	95

Communications and Materials

<i>Ivinsky A.D.</i> Towards the History of Empress Catherine II's Collected Works: Why Volume Six wasn't Published	106
<i>Fedotov A.S.A.N.</i> Ostrovsky and St Petersburg Book Publisher D.E. Kozhanchikov: The History of Publishing the Dramaturgist's Second in His Lifetime Collected Writings	126
<i>Pershkina A.N.</i> Anonymous Texts in the 'Vremya' Journal: An Attempt at Attribution	146
<i>Kasatkina K.V.</i> On Some Peculiar Features of the Psychology of the Underground in F.M. Dostoyevsky's 'Notes from the Underground'	164
<i>Lebedeva Yu.N.</i> From a Lubeck Patrician to 'one ordinary young man' (a burgher hero and the narrator's view in Thomas Mann's 'Buddenbrooks' and 'The Magic Mountain')	172
<i>Liu Inh (PRC).</i> The Dionysian and Apollonian Principles in E.A. Nagrodskaya's Novel "Dionysus's Anger"	180
<i>Kozyura E.O.</i> Vvedensky and Semyon Bobrov	189
<i>Kolyaseva A.F.</i> Towards the Problem of the Typology of Specialized Vocabulary: Terminology and Nomenclature	197
<i>Timofeyev V.V.</i> The Specifics in Realization of Consonants at the Ends of Russian Prefixes in Standard Russian Literary Language.	206
<i>Van Hua (PRC).</i> Comparing Street Names in the Chinese and Russian Linguocultures (on the basis of streets named after historical figures).	219
<i>Fed'ko M.V.</i> Towards Studying the Lexical-Semantic Group POWER in Gothic and Old Icelandic (as exemplified by the subgroup RULER): An attempt at etymological stratification.	231

Critique and Bibliography

<i>Arkhangel'skaya A.V., Alpatov S.V.</i> Biblioteka przekładów rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej / The Library of XVII–XVIII Century Russian Translations of Old Polish Literature: V. 1. Eliza Małek. The First Old Russian Translation of Benyash Budny's Apophthegms. A study and publication of the text. Łask, 2011; T. 2. Eliza Małek, Siergiej Nikołajew. Benyash Budny's Apophthegms in the translation of Peter the Great's period. Łódź, 2012	239
<i>Kharitonova A.E.</i> Oraic Tolic D. Khlebnikov and the Avant-Guard / Translated from the Croatian by N. Vidmarovich. M., 2013	245
<i>Izotov A.I.</i> Hrdlička M. Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. Plzeň, 2010.	249

Scholarly Life

<i>Snesareva M.Yu.</i> The First European Symposium of Celtic Scholars – the Chronicle of the Event.	256
<i>Sergeyeva O.M.</i> The VIII International Conference 'Contemporary Methods of Historical-Comparative Studies'	260

СТАТЬИ

Н.С. Першина

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ КЛАСС КОМПАРАТИВОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ВКЛЮЧЕННОСТЬ В ПОЛЕ ПРЕДЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ

В статье проводится анализ компаративов как лексико-грамматического класса, а также как базового компонента компаративной конструкции; показана степень включенности компаратива в функционально-грамматическое поле предложных единиц. Подробно исследуются функции компаратива в системе предложных единиц (функции предлога и конкретизатора), а также операциональные методы, позволяющие разграничить собственно предлоги и корреляты предлогов.

Ключевые слова: компаратив, предлог, предложная единица, конкретизатор, экспликатор, квантитатив.

The article analyzes comparatives as a lexical grammatical class, and the basic component of a comparative construction; it shows the degree to which comparatives are involved in the functional grammatical field of prepositional units. The comparative's functions in the system of prepositional units (as a preposition and a particularizer), and operational methods enabling us to distinguish prepositions from correlates of prepositions, are examined in detail.

Key words: comparative (Comparative degree), preposition, prepositional unit, particularizer, explicator, quantitative.

В последнее время многие лингвисты обращаются к проблеме разграничения предлогов и непредлогов. Особую трудность представляет переходная, пограничная область от полнозначных слов к собственно предлогам. Решение этого вопроса необходимо прежде всего для описания и представления функционально-грамматической категории предложных единиц русского языка [Всеволодова, 2008; 2010; 2011; 2012б], а также с дидактической точки зрения – для преподавания русского языка как иностранного и русского языка в школе. Не менее важным нам представляется изучение этой проблемы и для осознания и понимания языковых механизмов, того, как работает Язык и что в нем есть на современном этапе его развития.

Данная статья имеет следующую структуру.

I. Терминологический аппарат исследования.

II. ФГП (функционально-грамматическое поле) предложных единиц.

III. Компаратив как лексико-грамматический класс.

IV. Компаратив как базовый компонент компаративной конструкции.

V. Функции компаратива.

VI. Операциональные методы разграничения предлогов и не-предлогов.

VII. Выводы.

Отметим, что материалом для нашей работы послужили тексты самых разных стилей и содержания, поскольку мы считаем, что язык невозможно ограничить только рамками художественной литературы. Мы прибегаем к услугам поисковых систем Yandex (<http://www.yandex.ru/>), Google (<https://www.google.ru/>), а также обращаемся к богатейшей библиотеке текстов Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/search-main.html>). Хотелось бы отметить, что язык интерактивного общения начинает формировать особый функциональный стиль и заслуживает самостоятельного изучения.

I. Терминологический аппарат исследования. Вслед за М.В. Всеволодовой мы называем **предложными единицами** всю совокупность собственно предлогов и их аналогов. **Предлогом** мы будем считать класс служебных лексических единиц, служащих для выражения семантико-синтаксической роли существительного (а также числительного, прилагательного, местоимения и количественно-именной группы – квантитатива) в высказывании и вводящих предпосложные единицы в предложение [Всеволодова и др., 2003]. При этом предлог имеет свое лексическое значение (иногда ослабленное) и формирует синтаксему вместе с основной лексемой, управляя ее падежной формой. В свою очередь полнозначные слова, в определенных условиях и в определенной форме выполняющие функции предлога и только предлога, но при этом не выходящие за рамки своей части речи, мы будем называть **эквивалентами предлогов**. **Функции предлога** следующие. Предлог 1) вводит имя участника ситуации и конкретизирует его роль в данной ситуации; 2) обуславливает зависимый характер вводимой синтаксемы, к которой можно поставить вопрос и 3) формирует самоё синтаксему, т. е. выступает в функции служебной части речи, имея в роли припредложного слова имя вводимого ею компонента, к которому можно поставить падежный вопрос от самого предлога (см. [Всеволодова, 2011; 2012б]).

II. В функционально-грамматическом поле (ФГП) предложных единиц [Всеволодова, 2008; 2010; 2011; 2012б] выделяются две зоны: ядерная (собственно предлоги) и периферийная (эквиваленты предлогов). Центр ядра отведен первообразным, немотивированным (в современном языковом сознании) предлогам *к, у, за, на, под, возле, против, кроме, между* и проч. Ближайшую к центру, приядерную,

зону занимают вторичные, мотивированные предлоги **в качестве, во избежание, в русле, в течение** и проч.

Далее следуют компаративы, претендующие на очень близкое к ядру место, поскольку в пространственных и временных конструкциях, а также в предложениях с квантитативами они системно выполняют функцию предлогов¹ (*лететь **выше** облаков, вернуться **раньше** брата, стоимость **ниже** 20 тысяч рублей, квадрат **шире** 5 мм и под.*): **Выше** неба только звёзды; *Торопилась доделать работу **раньше** прихода отца, чтобы успеть вдоволь насладиться ночной природой; Неужто **ближе** Мурманска нету диванов?; Сочи, как и весь участок российского черноморского побережья **южнее** Туапсе, расположен в зоне влажных субтропиков; Пиломатериалы **толще** 100 мм принято называть брусьями; В таблице указаны только вершины гор **выше** 8000 метров над уровнем моря и др. (Инт.)².*

Периферийную зону формируют, во-первых, аналоги предлогов (первая периферийная зона): 1) существительные-классификаторы (**в границах чего, в пределах чего** и под.), 2) словоформы, образованные по аналогии с уже существующими предлогами (**в изменение чего, в улучшение чего** и под.); во-вторых, корреляты предлогов (вторая периферийная зона): словоформы параметрических существительных (*с **диагональю** 7 дюймов, **длиной** 5 метров* и под.).

Компаративы также входят в функционально-семантическую категорию квантитативности, так как регулярно выступают в тексте вместе с количественно-именной группой (или квантитативами)³: *Дальше 20 км от МКАД товар не доставляется; Неврологи советуют засыпать **не позже десяти** вечера; В ней должна быть температура **не ниже нуля**; Совсем другая картина получится, если мы подключим устройство, потребляющее ток чуть **меньше 10 ампер*** (Инт.).

В работе «Русские предлоги и средства предложного типа: Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления» [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов, 2014] компаративы рассматриваются как потенциальные предлоги.

III. Компаратив как лексико-грамматический класс. Наше внимание сфокусировано прежде всего на функционировании компаративов в качестве предлогов [Першина, 2010; 2011]. Мы рассма-

¹ Необходимо отметить, что первым опытом монографического исследования компаратива как предложной единицы была дипломная работа А.Т. Мукажановой [Мукажанова, 2007], выполненная под руководством профессора Е.В. Клобукова.

² Пометой *Инт.* здесь и далее мы пользуемся для обозначения примеров из интернета, в частности с сайта Национального корпуса русского языка <http://ruscorpora.ru/search-main.html>, а также в поисковых системах Yandex <http://www.yandex.ru/> и Google <https://www.google.ru/>.

³ О квантитативах см. [Судзуки Рина, 2008]. С.А. Крылов называет подобные конструкции *нумеративными* [Крылов, 2005].

триваем все компаративные формы, включая ненормативные (типа *ширше, длинше, поране* и др.), встречающиеся в спонтанной речи, поскольку язык не уместается только в рамки художественной литературы – он богаче и шире⁴.

В грамматике до сих пор нет единого мнения о том, выделять ли компаратив в отдельный категориальный класс (именуемый также частью речи) или нет. В своих работах мы придерживаемся точки зрения, что компаратив можно считать отдельным лексико-грамматическим классом, обладающим своими формообразующими, лексическими и функциональными характеристиками (см. также [Федотова, 2003]). На данном этапе развития русского языка не существует четких принципов разграничения омонимичных форм простой сравнительной степени, образованной от прилагательных и от наречий, кроме как синтаксического, выявляемого только в контексте (ср. также [Пешковский, 2001: 160; ИГДЯ, 2006: 264]).

Однако наш материал показал, что существует большая группа параметрических компаративов, которые выступают в тексте в качестве предлогов, выполняя служебную функцию. И нам неважно, от чего именно образован тот или иной компаратив. Ср.: *Кашель **больше** недели? Не полнитесь обратиться к врачу! Ведь такое состояние может быть единственным симптомом многих заболеваний; Ссылка на низкую вероятность падения её цены **ниже** 16–18 долларов за баррель не выглядит убедительно; Счастливчики, чей чемодан **легче** пяти килограмм, минуя багажную ленту, торопятся к выходу, к своим друзьям и родственникам; Физрук хотел научить нас играть. **Дольше** урока это не продлилось* (Инт.).

Здесь и далее мы называем **компаративом** простую (не аналитическую) нерасчлененную форму сравнительной степени (производящими основами для которой послужили прилагательные или наречия), оканчивающуюся на формообразующие суффиксы *-ее, -ей, -ée, -éй, -е, -ше* (*активнее, активной, сильнѐе, сильнѐй, ближе, выше*), а также представленную супплетивными формами типа *лучше, больше, меньше, более, менее, хуже* (немотивированные формы для современного языкового сознания). Значение форм сравнительной степени традиционно обозначается как проявление большей степени признака по отношению к признаку, выраженному положительной степенью ([Шахматов, 2001; РГ-80] и др.). Это далеко не во всех случаях верно, о чем неоднократно писали исследователи (например, [Арутюнова, 1988; Шувалова, 1990; Бондарко, 1996]). С точки зрения синтаксического употребления компаративы обычно рассматриваются либо как характеризующие группу существительного (и тогда их признают адъективами, выполняющими функцию определения),

⁴ Об этом же говорил и А.М. Пешковский [Пешковский, 2010].

либо – группу глагола (и тогда они считаются адverbативами с функцией обстоятельства времени, места, способа действия и проч.). Также отмечаются функция компонента предикативной основы и функция заместителя субъекта. Ср. *Меньше потерь; Нет родней матери и Найдутся покладистее тебя; Есть куда же меня виноватей* (Анн.) (примеры взяты из РГ-80).

Подробно на образовании форм компаратива мы в данной работе останавливаться не будем. Для нас сейчас важно проанализировать лексическое содержание прилагательных и/или наречий в сравнительной степени, выполняющих функцию предлога, а также выявить особенности их функционирования в предложении.

IV. Компаратив как базовый компонент компаративной конструкции. Мы поддерживаем точку зрения, что полная компаративная конструкция состоит из четырех элементов: 1) первый компарат, т. е. объект, который сравнивается; 2) второй компарат, т. е. объект, с которым сравнивается первый; 3) основание сравнения (признак, выраженный компаративом) и 4) показатель сравнения (имя разности) [Першина, 2011]. Частично данные элементы были выделены у А.В. Бондарко [Бондарко, 1996] и Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988]. Некоторые ученые (см., например, [Бондарко, 1996: 133–135]) допускают совпадение первого и второго компарата в случае, если один и тот же объект сравнивается в разное время и/или в разных условиях.

Для выражения имени разности (показателя сравнения) в предложениях с компаративами-предлогами и коррелятами предлогов используются конструкции:

1) с предлогом *на*:

➤ *на* + $Num_g/N_{quant/v}$ + N_p или N_p + *на* + $Num_g/N_{quant/v}$ (на сколько единиц; компаратив возможен и в препозиции, и в постпозиции): *Коньяк крепче на 2 градуса, если он ввезён в Россию официально; Взвзвывая себе за правило не скрывать мыслей и говорить правду, Таня улыбнулась на четверть дюйма шире, чем обычно; Премьера нового Infiniti Q50 состоится в Детройте на несколько месяцев раньше; И, уж не обессудьте, морозец градусов на 10 крепче, чем в городе* (Инт.);

➤ *на* + N_g (на сколько, *на что; компаратив чаще в постпозиции): *Новое стекло оказалось на сантиметр длиннее и шире, чем требовалось; Дальше всё идёт по убывающей: уралистов уже на порядок меньше, чем индоевропейцев, алтаистов еще меньше, афразистов уже можно пересчитать по пальцам; Некоторые родители помещают ребенка в детский сад с 2-летнего возраста, для того чтобы он мог на год раньше пойти в школу* (Инт.);

➤ *на* + Num_{np} + N_{np} (на скольких единицах; компаратив в постпозиции к показателю сравнения): *На двух километрах ниже моста расположено два крупных порога 4 категории; Я сразу закармлил*

две лунки **на трех метрах** ближе к берегу; Довольно узкая область сосредоточенна **на 40 градусах** южнее экватора, еще одна группа облаков находится в районе южного полюса (Инт.);

2) с предлогом **в/во**:

➤ **в/во + Num_г/N_г + N_р**, а также **N_р + в/во + Num_г/N_г** (в/во сколько единиц/раз; компаратив возможен и в препозиции, и в постпозиции): Сладить с сильным противником нелегко, а если он вооружен, то становится сильнее **в 10 крат**; Украинцы тратят на алкоголь, сигареты и наркотики **в 5 раз** больше, чем на образование; Осветляющая краска **в несколько раз** сильнее портит локоны, чем другая, которая не содержит перекиси водорода или резорцина; Российские телеканалы платят за премьеры белорусских фильмов **в сотни раз** дороже, чем отечественные; Батарея год, она **раз в десять** мощнее родной (Инт.);

➤ **в/во + N_{quant/v}** (во сколько, *во что): В России **в разы** больше, чем в других развитых странах, смертность в трудоспособном возрасте от болезней системы кровообращения и внешних причин – травм, отравлений, убийств, самоубийств (Инт.);

➤ **в + Num_{пр} + N_{пр/р}** или **N_{пр} + в + Num_{пр}** (в скольких единицах; компаратив в препозиции или в постпозиции к показателю сравнения): Мы подумали, что, возможно, это и есть исток Усени, хотя на карте он обозначен **в двух километрах** ниже и восточнее этого места; **Километрах в трех-четыре**х ниже Талиц на левом берегу песчаный яр с сосновым лесом; Расположен остров Боракай неподалеку от острова Панай, **в 2-х километров⁵** севернее (Инт.);

3) с другими первообразными предлогами:

➤ **за + Num_г + N_р** (за сколько единиц; компаратив в постпозиции к показателю сравнения): Что здесь понадобилось командиру, воевавшему Бог весть как далеко, **за сто шестьдесят километров** ниже по течению, этого Кобрис не мог себе объяснить (Инт.);

➤ **до + Num_р + N_р** (до скольких единиц; компаратив в препозиции или в постпозиции к показателю сравнения): Кастрюли с неровным дном потребляют **до пятидесяти процентов** больше энергии; Она **до восьмидесяти процентов** эффективнее улучшает здоровье десен и защищает от двенадцати проблем полости рта на двенадцать часов (Инт.);

➤ **около + Num_р + N_р** (около скольких единиц): Ближайшая автомобильная переправа через реку Северная Двина находится в Ичкове **(около 10 километров севернее)** (Инт.);

4) **Num_{мс} + N_{мс}, N_{мс} + Num_{мс}** или только **N_{мс}** (сколькими единицами; компаратив в постпозиции к показателю сравнения): **Двумя километрами** ниже небольшого селения по левому берегу – начало ка-

⁵ Отмечены ненормативные формы употребления числительных и существительных при них, что свидетельствует о процессе перестройки этого класса слов.

ньона; В последний раз подстригли плавным переходом, начиная с длины выше плеча и заканчивая **сантиметрами пятью** выше талии; В тот же период **годом** ранее в Россию было импортировано 10,7 млн штук шин (Инт.);

5) $Num_u + N_p$ или $N_p + Num_u$ (сколько единиц; компаратив в препозиции или в постпозиции к показателю сравнения): *Через неделю, именно второго сентября, еще один плацдарм – южнее, **восемь километров** ниже по Днепру; У меня дача расположена от Сергеева Посада **километров 30** восточнее, по 3 бетонному кольцу* (Инт.).

Существуют и такие предложения, где, несмотря на наличие и первого компарата, и основания сравнения, другие элементы (второй компарат, показатель сравнения) оказываются вообще не представленными, они отсутствуют не только в плане выражения, но и в плане содержания. Здесь тоже налицо разрушение ситуации сравнения. Важными оказываются физические параметры объекта, его положение в пространстве и времени, занимаемая им точка на карте, на шкале, в единицах измерения.

Остановимся подробнее на подобных примерах, в которых компаративы выступают в несвойственной им (в рамках традиционной грамматики) роли предлогов и компонентов предложных единиц: *Этот очаровательный дом находится **ближе** города Добрич в экологически чистом районе; Белые айфоны появятся **не позже** апреля; Температура **ниже** 40 градусов наблюдалась не только на Севере, но и в центральных областях Прибалтики и местами на Украине; **Ближе** пяти метров не подходить!; **Дальше** от берега ветер усиливается* (все примеры из Инт.).

V. Функции компаратива⁶. По выполняемой компаративами функции можно выделить:

1) собственно предлоги:

1) конструкция $Сотр + N_p$ (пространственные и временные конструкции): *Этот очаровательный дом находится **ближе** города (ср. **перед** городом, **около** города. – Н.П.) Добрич в экологически чистом районе; Белые айфоны появятся **не позже** апреля (ср. **до** апреля. – Н.П.); Она дарила мне крылья и ежедневно я летал **выше** облаков (ср. **над** облаками. – Н.П.), закрывая глаза и ощущая безграничное счастье; **Раньше** октября (ср. **до** октября. – Н.П.) сотовый не подключишь; И вот однажды летом вся семья решает ехать в город на машине, а Барзика, который никогда раньше не путешествовал **дальше** соседнего дома (ср. **за** соседний дом, **за пределы** соседнего дома. – Н.П.), решили взять с собой. Вернулись они домой без кота* (Инт.);

2) конструкция $Сотр + Num_p + N_p$: *Температура **ниже** 40 градусов наблюдалась не только на Севере, но и в центральных областях*

⁶ Подробнее о функциях предложных единиц в [Всеволодова, 2000; 2008; 2011; 2012б].

Прибалтики и местами на Украине; **Ближе** пяти метров не подходить!; Так как по роду выполняемых мной работ мне редко приходится использовать электроды **толще** 2,5 мм, а при сварке [...], я свободно варю металл до 5 мм толщиной, и такой вариант меня вполне устраивает; **Раньше** 9 часов там делать нечего; Привести к нарушению слуха могут звуки **громче** 80 децибелов (Инт.);

3) базовые единицы с экспликаторами (статический глагол + *Сотр* + экспликатор + $N_{\text{косв}}$), также относимые к предлогам: **Дальше от** берега ветер усиливается; **Чуть правее от** тарелки с приборами и немного **дальше от** края стола поставьте чайную или кофейную чашку ручкой вправо; Греция все **ближе к** выходу из еврозоны; Курган находится в 3.6 км **западнее от** села Карасор; Работа для всех, кто **старше от 14 лет!** (Инт.);

2) конкретизаторы (скаляры, векторы):

1) конструкция динамический глагол + *Сотр* + первичный предлог + $N_{\text{косв}}$: Жена прижалась **плотнее к** нему, ее высокий, несколько крикливый голос стал еще мягче, ласковее (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); Но с каждым километром он отдалялся все **дальше от** родного города, он словно скатывался под откос и боялся, что вот-вот сорвется в черную яму; Внимание: данная коллекция появится в магазинах **ближе к** началу сезона весна-лето 2011⁷ (Инт.);

2) конструкции с компаративами более/менее и первообразными предлогами (также часто вставляется союз чем/нежели): В Пекине **за более** 100 млн юаней на аукционе продана картина современного мастера живописи Чжан Дацяня; Примерно 40% кибератак нацелены на организации **с менее** 500 сотрудниками; В самом её начале на поле появились 2008 барабанщиков, затем представление продолжали группы **более чем из** 1000 участников; Однако за последние 400 лет в медицинской литературе встречается упоминание **о менее чем** 300 случаев; Достигается такой результат путем тщательного анализа предложений **от более нежели** 300 туроператоров, 100 тысяч отелей и 500 авиакомпаний по всему миру (Инт.).

VI. Операциональные методы разграничения предлогов и не-предлогов. Основанием для разграничения собственно предлогов и не-предлогов являются операциональные методы, изложенные в работе Т.С. Тихомировой и М.В. Всеволодовой (см. [Всеволодова, 2011]), позволяющие в том числе выявить особенности функционирования компаративов в качестве предлогов.

⁷ Нередки случаи появления конкретизаторов в предложениях со статическими глаголами, как и в этом примере (**появится ближе к началу сезона**). Как показывает материал, такое употребление конкретизаторов характерно для временных конструкций: **Ближе к восьми** вечера гонка завершилась; Экономика оживет **ближе к лету**; **Ближе под** вечер, в положении «столбиком», она с небольшим промежутком **закатывает глаза**; **И ближе под** утро рассеется ночь; **Состояние ближе под** ремонт (Инт.). Такие конструкции требуют нашего дальнейшего изучения.

1. Методы перехода одной части речи в другую

1) **Лексико-семантический критерий** подразумевает утрату или приобретение единицей нового смыслового наполнения. Анализ собранного нами материала показывает, что в определенных условиях (в определенном синтаксическом окружении) некоторые компаративы десемантизируются и, по сути, теряют свое «сравнительное» значение. Под синтаксическим окружением понимается следующее: компаративы в функции предлога и предложной единицы появляются чаще всего в пространственных и временных конструкциях, а также при описании физических параметров/характеристик предмета. Сразу поясним, что речь идет о так называемых параметрических прилагательных (и соответствующих наречиях) *близкий/далекий, глубокий/мелкий, высокий/низкий, громкий/тихий, крепкий/слабый, ранний/поздний, тяжелый/легкий, частый/редкий* и под., которые, как правило, представлены антонимической парой [Бондарко, 1996: 111, 129]. Такие прилагательные/наречия интенсифицируются по нарастанию/убыванию признака и условно могут быть разделены по значению на две большие группы: положительную (*больше точки отсчета*) и отрицательную (*меньше точки отсчета*)⁸.

В первую группу могут быть отнесены слова *далекий, глубокий, высокий, громкий, крепкий, поздний, тяжелый, частый* и др. Например, *Я пока **дальше** 150 км на полтиннике не проезжал; Взял 130 метров (сейчас **глубже** 60 никто не опускается, нормативы не позволяют); **Выше** 600 градусов вода начинает взаимодействовать с цирконием и так далее; Если она возвращалась **позже** одиннадцати, ждала за дверью, пока папа долго, нарочно медленно, открывал замки, и выслушивала: «Ну, аде можно так долга ходить?»* (Людмила Гурченко. Аплодисменты (1993–2004); Мужчины, потребляющие жареную пищу **чаще** одного раза в неделю, имеют увеличенный риск развития рака простаты на одну треть (Инт.).

Во вторую группу – антонимы к первым *близкий, мелкий, низкий, тихий, слабый, ранний, легкий, редкий* и др. Например, *Политотделы, да еще армейские, во второй половине войны набрались боевого опыта и **ближе** двадцати километров к боевым позициям не приближались; Если, конечно, кровяное давление аномально низкое не от случая к случаю, а постоянно: то есть верхнее (систолическое) **ниже** 95 мм ртутного столба, нижнее (диастолическое) – 65 мм; **Тише** 70 децибел! Это в два раза меньше, чем первый рейсовый реактивный самолет 1960-х годов!; **Раньше** трех лет ребенок не сможет со всей осмысленностью сказать Я; Ноутбуки **легче** 2 килограмм – купить ноутбуки **легче** 2 килограмм (Инт.).*

⁸ Точка отсчета при компаративной оценке есть также в работе [Крылов, 2005].

Отметим также, что перечисленные прилагательные отражают объективную реальность, т. е. называют математические, физические (и физиологические) градуируемые характеристики предметов, такие как размер (длина, ширина, высота), вес, расстояние, форма, возраст, температура и под. В них отсутствует какой бы то ни было оценочный компонент: *Если бревно **короче пяти метров** – тащишь один, если длинней – вдвоем; Первоклашкам запретили носить ранцы **тяжелее 1,5 килограммов**; Нужна дача (в деревне с широкими улицами) **не дальше 50 км от Уфы**, с хорошим бревенчатым или кирпичным домом в 2 и более комнат, баней (желательно); Самые высокооплачиваемые знаменитости **моложе 30 лет** по версии Forbes Теннисист Роджер Федерер – 4 место; Куда посоветуете поехать в декабре, чтобы водичка **не холоднее 20 градусов** была (Инт.).*

Как правило, такие прилагательные свободно замещаются в тексте на компаративы *более/больше* и *менее/меньше* соответственно, что говорит об утрате ими своего собственного лексического наполнения, своей «признаковости», своего качества (ср. невозможность такой замены ядерных прилагательных типа *деревянный, стеклянный, железный* и под., а также абстрактных *красивый, умный, добрый, волшебный, вежливый* и под.). Например, *Нет четкого определения тому, что значит быть красивой или как стать **красивее**, ведь в принципе сложно сказать, что включает в себя это понятие (ср. *Нет четкого определения тому, что значит быть красивой или как стать **больше**, ведь...); Если вы будете добры сами к себе, вы будете **добрее** и к окружающим (*Если вы будете добры сами к себе, вы будете **больше** и к окружающим); Чем **зеленее** доллар, тем **деревянное** рубль (ср. *Чем **больше** доллар, тем **меньше** рубль)⁹ (Инт.).*

Десемантизация происходит еще и потому, что в предложениях с подобными компаративами их значение частично берут на себя глаголы с компаративной семантикой (*превзойти, увеличить(ся), расти, тянуться, скакать, зашкаливать* и под.; *уменьшать(ся), понижать(ся), сокращать(ся), падать, опускаться(ся), замедлять(ся)* и многие др.), а также параметрические существительные (*длина, ширина, диагональ, диаметр, высота, температура, скорость, вес, вместимость, объем* и проч.). Например, ***Температура** на солнце уже **зашкаливает выше +40 градусов**; Срабатывает АБС на сухом асфальте как только **скорость падает ниже 20 км/ч**; За новый автотранспорт **весом легче 2,5 тонны** придется заплатить по 75 тысяч рублей, а за «трехлетку» и старше – по 120; При **частоте пульса реже 60 ударов в минуту** врачи говорят о брадикардии (Инт.). Под-*

⁹ Интересно, что в примерах с переносным значением ядерных прилагательных, как в этом предложении, замена на компаративы *больше/меньше* кажется вполне нормальной.

робнее параметрические существительные рассмотрены в работе Рины Судзуки [Судзуки Рина, 2008].

Компаративы могут быть заменены и на соответствующие первичные и вторичные предлоги. Об этом см. ниже (пункт VI.6).

В функции конкретизатора компаратив, будучи структурно факультативным (компаратив может быть исключен из конструкции без потери смысла) и семантически облигаторным, вносит дополнительное, важное для говорящего значение к базовой единице, уточняет ее. Мы выделяем среди компаративов: 1) конкретизаторы-скаляры, характеризующие количественный параметр и маркирующие границы; 2) конкретизаторы-векторы, задающие направление или описывающие сферу бытия актанта.

(1) **Ближе к** одиннадцати тишину леса прорезало рычание двигателя и скрип старых рессор (ср. **К** одиннадцати тишину леса прорезало рычание двигателя...); В случае транспортировки линолеума при температуре **ниже от 0** градусов °C до плюс 10 °C следует распаковывать не ранее, чем через 24 часа... (ср. В случае транспортировки линолеума при температуре **от 0** градусов °C до плюс 10 °C следует распаковывать...); Для взрослых и детей **старше от 3 лет** (ср. Для взрослых и детей **от 3 лет**) (Инт.).

(2) Пес убежал все **дальше от** дома, переходил ручей в овраге вброд, забегал на кладбище (ср. Пес убежал **от** дома, переходил ручей...); Он расположен в 100 км **севернее от** Лиссабона (ср. Он расположен в 100 км **от** Лиссабона); С голоду они не умрут, ибо в развороченном бомбами фруктовом саду по склону **выше над** домом она посадила немного овощей... (ср. С голоду они не умрут, ибо в развороченном бомбами фруктовом саду по склону **над домом** она посадила немного овощей...) (Инт.).

При компаративах-конкретизаторах очень часто появляются дополнительные конкретизаторы, интенсифицирующие и уточняющие еще больше значение конструкции (*еще, всё, гораздо, даже, уже, чуть, слегка, немного* и др.), что отличает их от первообразных предлогов, причем подряд могут использоваться несколько конкретизаторов. При изъятии их из предложения смысл фразы не теряется: *Он подошёл **гораздо ближе к** берегу и спустил на воду моторные лодки, на которых пассажиры могли добраться до мыса* (ср. Он подошёл **ближе к** берегу и спустил на воду...); *Чуть **выше над домом** завис вертолет* (ср. **Выше над домом** завис вертолет); *С командиром сынковской смены **меньше чем через месяц после её окончания** можно будет отправиться **уже гораздо дальше от** Москвы* (ср. С командиром сынковской смены <...> можно будет отправиться **дальше от** Москвы) (Инт.).

2) Морфологический критерий предполагает разрушение морфологической парадигмы. Но поскольку компаратив является неиз-

меняемой формой на синхронном уровне, то говорить о его парадигме не приходится. Ушло в прошлое изменение компаративов по родам и падежам (кроме, пожалуй, слов *больш́ий, ая, ея* и *меньш́ий, ая, ея*), что тоже говорит об их ранней грамматикализации. Напоминание о древних формах содержится в дублетных прилагательных *более/больше, менее/меньше, далее/дальше, ранее/раньше*. По словарю М. Фасмера вариант *больше* восходит к бывшей форме женского рода [Фасмер, 2003: 191]. По данным «Исторической грамматики русского языка» появление форм на *-ш-* в компаративах *больше, меньше* (наряду с *более, менее*) произошло, скорее всего, из-за внутрипарадигматических изменений (*-ш-* появлялось в косвенных падежах форм муж. и ср. родов); в свою очередь, формы *раньше* и *дальше* появились по аналогии с *больше* и *меньше* в силу частой употребительности последних в среднерусской письменности [ИГДЯ, 2006: 429–431].

Впрочем, назвать эти лексемы дублетными на данном этапе развития языка представляется не всегда возможным. *Более* и *менее* употребляются чаще своих аналогов (в 2 раза), а *ранее* и *далее*, наоборот, реже (тоже примерно в 2 раза). Кроме того, есть и другие особенности. Например, слова *более* и *менее* (в отличие от *больше* и *меньше*) на современном этапе выкристаллизовались в обязательные компоненты аналитических форм степеней сравнения и таким образом грамматикализировались, став, по сути, служебной частью речи [Реформатский, 2001: 302]. Скорее всего, современная ненормативная форма *ширше* появилась по аналогии с компаративами *дальше, меньше, больше, раньше* (хотя исторически *ширше* восходит к им. пад. мн. ч. муж. рода членных форм сравнительной степени прилагательных, см. [Ремнева, 2004: 207]). По данным словаря В.И. Даля, *ширше* распространено в южном тамбовском наречии [Даль, 2003: 426]. Наш материал также показывает возможность употребления данной лексемы в функции предложной единицы: *Есть ванна и душевая кабина, есть бытовка, кухня из цельного дерева, холл 25 кв. м с эксклюзивным дизайном потолка, подоконники ширше 0,5 м. Квартира теплая, видеонаблюдение; Вел то не ширше двух метров, а вона как обернулося – не разминулись!; Выбирайте речку не ширше трехсот метров...* (Инт.). Отметим, что такие «ненормативные» лексемы употребляются в основном в технических, а также диалектных текстах.

3) С точки зрения **синтаксической парадигмы** компаратив в роли предлога и конкретизатора теряет свою валентность на второй компарат и на имя разности. Сохраняется лишь управление родительным падежом имени существительного или имени числительного, что никаким образом не выделяет компаратив из числа большинства вторичных предлогов, также управляющих N_p [Всеволодова, 2011; 2012б]. Стоит заметить, что нами не было обнаружено примеров с компаративами-конкретизаторами в предикативной функции. Такие

компаративы занимают присловную позицию. Ср., *Офицер и матросы успели выскочить и оттащили шлюпку **дальше от воды*** (в составе обстоятельства места. – Н.П.); *Но **ближе под утро*** (обстоятельство времени. – Н.П.) *мороз стал крепчать*; *Дорога уходит все **дальше от дома*** (обстоятельство места. – Н.П.) (Инт.).

Компаративы-предлоги могут выполнять в предложении предикативную функцию: *Солнце **выше облаков*** (ср. над облаками. – Н.П.) *и самолетов*; *В общем, уже почти две недели температура **ниже 35 градусов***; *Крым стал **ближе к Москве***; *Из-за расстояния марс **дальше от солнца*** и ему достается меньше тепла (Инт.). Возможно, это еще один метод определения предлогов.

Возможна также конструкция *Сотр + чем/нежели/нежели чем + Nit_г + N_р*, в которой вставное *чем/нежели/нежели чем* гасит валентность компаратива на род. п.: *Быстрый пиролиз без доступа кислорода (воздуха) при температуре **ниже семисот градусов*** и *Быстрый пиролиз без доступа кислорода (воздуха) при температуре **ниже, чем семьсот градусов***; *...регистрация предприятия намного **дешевле 25%** стоимости комбайна «Дон»* и *...регистрация предприятия намного **дешевле, нежели 25%** стоимости комбайна «Дон»*. Думается, это происходит из-за нежелания говорящим образовывать форму родительного падежа числительных, зачастую являющуюся очень трудной для произнесения и написания. Особенно это помогает осваивающим русский язык как иностранный.

Кроме того, конструкция *чем/нежели/нежели чем/чем нежели + больше/более/меньше/менее* вставляется и в том случае, когда нужно подчеркнуть большее или меньшее количество какого-либо параметра при условии, что исходная конструкция содержит первообразный предлог с количественно-именной группой или количественно-именную группу в косвенном падеже без предлога. Ср.: *Уже более 8000 крупнейших агентств **из более чем 100 стран** мира успели разместить информацию о себе на сайте* (при исходном *Уже более 8000 крупнейших агентств **из 100 стран** мира...*); *Оружейный экспорт вырос **с менее чем** одного миллиарда долларов в 1992 году до 4,7 миллиарда в 2002 году...* (при исходном *Оружейный экспорт вырос с одного миллиарда долларов в 1992 году...*); *Высокое качество продукции «Мегастроля» обеспечивается благодаря жесточайшему контролю специалистов ГМ, а также сотрудничеству **с более чем трехстами*** (отметим здесь частую ошибку при склонении числительных. – Н.П.) *Российскими предприятиями*; *Потом Он явился **более нежели пятистам** братьям одновременно*; *Далее, при наличии оснований, парламент **не менее чем тремястами** голосами принимает решение об обвинении президента и передает материалы в суд* (Инт.). При этом изредка возможны примеры и без *чем/нежели*: *В 2003 году в выставке приняло участие 1800 экспонентов **из более***

100 стран мира; Масса тела варьирует от 900 кг у тяжеловозов до менее 100 кг у пони (Инт.).

4) Словообразовательные потенции компаратива выражаются лишь в присоединении приставки *по-*, слова с которой за редкими исключениями не могут употребляться с квантитативами. При этом значение «параметрического» компаратива практически не меняется. Вероятно, *по-* такой же показатель интенсивности, как и наречия *уже*, *гораздо*, *намного*, *чуть*, *немного*, *слегка* и под. Ср. **Ближе** пяти метров не подходить! при невозможности ***Поближе** пяти метров не подходить! Редко встречаются примеры вроде *А именно, реакционная температура повыше 370°C приводит к наибольшему получению ароматических соединений...* Но вполне нормальными выглядят фразы типа *Корабли в шторм стараются уйти подальше от берега*. Достаточно много семантический облик компаративов с приставкой *по-* обсуждался и в литературе (см. [Бондарко, 1996: 114, 120]).

2. По степени грамматикализации компаративы могут быть рассмотрены в двух аспектах.

1) Во-первых, параметрические компаративы, исследуемые нами, достаточно сильно оторвались от остальных, «признаковых», прилагательных и наречий в сравнительной степени. Как уже отмечалось выше, невозможно представить себе слова вроде *красивее*, *умнее*, *вежливее* и проч. в функции предложной единицы в силу их сильной зависимости от своего лексического значения. Примеры с подобными лексемами сохраняют компаративную конструкцию и всегда используются в «сравнительном» значении: *Заспорила с подругой не на жизнь а на смерть – какой оттенок волос красивее, пепельный или теплый???*; *Сын отца глупее – жалость; сын отца умнее – радость; а брат брата умнее – зависть; Водители Петербурга стали вежливее к пешеходам¹⁰ – такой вывод можно сделать из акции, которую провели сегодня сотрудники ГИБДД* (Инт.). Не найдено примеров «признаковых» прилагательных и наречий с квантитативами. Вероятно, это следствие того, что в них отсутствует градулируемый числовой компонент. Большинство ядерных прилагательных не допускают постановки вопросов *на сколько единиц?* *во сколько раз?* и под. Предложения типа *Британские ученые доказали, что мужчины умнее женщин в среднем на 5 пунктов IQ* (Инт.) весьма немногочисленны. При этом в приведенном примере находим показатель сравнения *на 5 пунктов IQ*, который не может быть никак трансформирован. Нельзя изъять предлог *на* (**Британские ученые доказали, что мужчины умнее женщин в среднем 5 пунктов IQ*), нельзя употребить конструкцию **5-ю пунктами IQ умнее* и под. Это еще раз подчеркивает, что перед нами обычная сравнительная конструкция

¹⁰ Думается, здесь *к* не является экспликатором, а просто выражает валентность самого прилагательного *вежливый* (вежливый к кому? с кем?).

(кто умнее кого на сколько пунктов?), не допускающая никаких замен в отличие от предложений с параметрическими компаративами: *Если у малыша младше 6 месяцев повышенная температура тела выше 37,5С, то это повод для немедленного обращения к врачу (ср. Если у малыша до 6 месяцев повышенная температура тела сверх/свыше/от 37,5С, то ...)* (Инт.). Еще больше примеров с «признаковыми» прилагательными и наречиями, где представлены только два или три члена сравнительной конструкции при отсутствии имени разности: *Французские рифмы удачнее воспроизводят соловьиный щекот: je ferai ton nid si haut, si haut, si haut! si bas...; Чем удачнее наши шутки, тем больше у нас безработных!; Тревожнее живется тому, кто больше всего жаждет благоденствия; Современная молодежь стала тревожнее; Внимательнее заполняйте свой профиль, в частности адрес школы* (Инт.).

В то же время прилагательные *дальше/ближе, короче/длиннее, быстрее/медленнее, громче/тише* и под. легко замещаются предложениями при употреблении с квантитативами. Утрачивается не только собственное, присущее прилагательным качество, но и сама «сравнительность» компаративов. Параметрические прилагательные/наречия называют конкретные единицы измерения, параметры, указывают значения таких величин, как размер (высота, ширина, длина), расстояние (дальность/близость), температура (верхняя и нижняя границы), крепость, скорость, площадь, объем, масштаб, энергия, мощность электрического тока, вес, возраст, количество и другие. Квантитативы при параметрических компаративах чаще всего состоят из единиц исчисления (*метр, градус, минута, месяц, год, децибел, вольт, километр в час, капля в минуту* и проч.) и числительных, но также есть много примеров с обычными существительными различной семантики.

Как вы относитесь к запрету продавать алкоголь выше 5 градусов после 23:00 ??? На дорогах иногда бывают такие ситуации, когда вам надо двигаться со скоростью меньше 5 км/ч; Дальше 50 километров дорога как стиральная доска, идущая по холмам; Вряд ли сейчас на побережье Хургады вода теплее 20 градусов; Вводят внутривенно со скоростью 40—60 или больше капель в минуту в зависимости от уровня артериального давления, которое нужно измерять каждые 2 минуты; Население области убывает со скоростью больше 1000 человек в месяц; Больше 145 000 лимонов и апельсинов ушло на создание удивительных творений из цитрусовых для 80-го ежегодного Фестиваля Лимонов... (Инт.).

2) Во-вторых, параметрические компаративы не могут трансформироваться в какие-либо конструкции с базовыми словами без потери смысла. В случае преобразований предложений с квантитативами компаратив неминуемо распадется на две составляющие:

полное прилагательное (или наречие) и градулируемый компонент, показатель величины. Ср. *Привести к нарушению слуха могут звуки громче 80 децибелов* (Инт.) и *Привести к нарушению слуха могут громкие звуки больше/свыше/сверх 80 децибелов*. Отметим в этом примере семантическую необлигаторность прилагательного *громкие*. Ср. *Привести к нарушению слуха могут звуки больше/свыше/сверх 80 децибелов*. Подобные замены на предлоги *сверх*, *свыше* и компаративы *больше* (*более*) говорят о том, что прилагательное *громкий* маркирует верхнюю границу величины (а *тихий* в свою очередь – нижнюю границу).

В предложениях с экспликаторами компаративы могут быть заменены на полную форму почти без потери смысла: *Дальше от берега ветер усиливается* и *Далеко от берега ветер усиливается*; *Вопрос: в 3D кинотеатре лучше сидеть ближе к экрану или дальше от него? Ответ: дальше.* и *Вопрос: в 3D кинотеатре лучше сидеть близко к экрану или далеко от него? Ответ: далеко* (Инт.). В отличие от форм положительной степени компаративам *больше* присуще значение ‘постепенности, градулируемости’, но при этом практически не наблюдается разница в употреблении положительной и сравнительной степени.

В пространственных и временных конструкциях с компаративами-предлогами замена на полную форму прилагательных/наречий возможна, но, как правило, с вставкой первичного предлога: *Приходи ближе к пяти* (ср. *Приходи близко/близко к пяти*); *Солнце выше облаков* (ср. *Солнце высоко над облаками*), но есть ряд компаративов, не допускающих замену на полную форму: *Но добавил, что приход денег из Москвы не стоит ожидать раньше декабря нынешнего года* (ср. **<...> не стоит ожидать рано декабря нынешнего года*). Это лишний раз является доказательством высокой степени определенности подобных единиц.

В предложениях с конкретизаторами компаративы, как уже было обозначено, являются семантически обязательными и структурно факкультативными. Трансформационные действия по замене на полную форму также возможны, но с утратой «постепенности» признака. *Подъехали к пляжу, решили подъехать ближе к морю* и *Подъехали к пляжу, решили подъехать близко к морю*.

Уникальность компаративов, в отличие от первичных предлогов, в том, что они допускают вставку интенсификатора (*чуть*, *гораздо*, *еще*, *очень* и др., см. подробнее [Бондарко, 1996: 115–118]): *В начале прошлого лета чуть выше дома № 28 появился забор, оградивший солидный кусок земли; Только-только светает, туманище, температура слегка выше нуля, руки коченеют; Еще дальше от берега ветер усиливается; Жена прижалась немного плотнее к нему, ее высокий, несколько крикливый голос стал еще мягче, ласковее*. В то же время

есть и ограничения на интензив: **Чуть ближе пяти метров не подходить!* Скорее всего, это связано с модальностью (волюнтивным регистром речи)¹¹. В данном случае очевидна категоричность, приказной характер высказывания, не допускающий возражений. «Смягчение» компаратива в таких случаях невозможно. Однако возможна вставка «смягчающей» приставки *по-* в других регистрах речи. Ср. *Жена прижалась немного поплотнее к нему...*

3. Типы грамматической парадигмы (см. [Всеволодова, 2011]) представлены в предложениях с компаративными конструкциями достаточно широко:

- 1) морфосинтаксическая парадигма;
- 2) формообразовательная парадигма;
- 3) лексико-синонимическая парадигма.

1) Морфосинтаксическая парадигма предполагает наличие ряда синонимичных образований, различающихся падежной формой припредложного слова, отсутствием/наличием экспликаторов, порядком слов в компаративной конструкции: *ближе чего – ближе чем что – ближе к чему – к чему ближе – ближе у чего – у чего ближе – ближе с чем – ближе до чего – ближе по чему – ближе за чем – ближе меж чем – ближе перед чем – ближе под чем – ближе через что – ближе около чего*. Морфосинтаксическую парадигму могут также образовать конструкции с положительной степенью и с приставочными компаративами на *по-*, например, *близко чего – близко к чему – близко у чего – близко с чем* и т. д.; *поближе чего – поближе к чему – поближе у чего – поближе с чем – поближе до чего* и т. д.

Представим морфосинтаксическую парадигму с компаративом *ближе*: *На вокзалах ближе Москвы – вся страна, вся Европа* (Александр Иличевский. Перстень, Мойка, Прорва. 2005); *Сделать Владивосток ближе к Москве предлагают в Приморье; Вы не могли бы свое море к Москве ближе подвинуть? Ну очень жарко))))))*; *Ближе у озера – запах сероводорода. Вода чистая, даже голубоватая, видно дно; Стоянка у Арены, которая, если смотрим с фасада чуть правее, у дороги ближе; Я сам житель одного из регионов, который стал ближе с Москвой на один час; В конце переговоров Наполеон иронично спросил, какая дорога ближе до Москвы; Ярик, между собой пока собираются в общины мобильные бригады, готовые приехать по первому вызову в течение короткого срока, например, кто ближе по Москве находится, потом остальные; ...откуда в одну сторону виднеются остатки Москвы, а в другую вдали Коломенское; ближе за лесом золотится крест Перервиской, рассыпаны селения; Подкравишись ближе меж камней, Среди валунов гранитных скрылся И, как последний дуралей, Весь во вниманье превратился; Перегнув-*

¹¹ О коммуникативных регистрах речи см.: [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004].

ишь вперед, Куприянов осмотрел дорогу **ближе перед** машиной; Осмотрите **ближе под** раковиной, возьмите ЛУНУ (Н); Разместите тяжелые предметы в багажнике или грузовом отделении как можно **ближе около** стенок задних сидений (Инт.).

Примеры с компаративом севернее: Да и вообще в 10 км **севернее Вологды** начинаешь ощущать, что вот он – Север; Если быть точнее, то цистерны загорелись в восьми километрах **севернее от Вологды**, на станции Рыбкино; А вы наверное из Иванова и **севернее к Вологде** (Инт.).

2) Неотмеченная ранее в исследованиях **формообразовательная парадигма** состоит из различных реализаций одного и того же компаратива с набором суффиксов *-e, -ee, -ей, -ше*: *более – больше, менее – меньше, ранее – раньше, шире – ширше – ширее – ширей, толще – толстее, длиннее – длинней – длинше* и др., а также с приставочными формами на *по-*: *более – поболее, больше – побольше, менее – поменее, меньше – поменьше, раньше – пораньше, ранее – пораннее, шире – пошире, ширше – поширше* и под.

Проиллюстрируем парадигму *толще – толстее – потолще* примерами: *Использовать покрытия **толще** 3 мм просто нецелесообразно; Мы можем принять другую глубину, но обязательно **толстее**, чем 26мм; Что-то мне подсказывает, что не совсем простая половая доска, доска пола это всё же что-то **потолще** 20 мм, хотя бы где-то от 30 мм* (Инт.).

Примеры для парадигмы *ранее – раньше – пораннее – пораньше*: *Было объявлено, что эпоха **ранее** 18 века является непросвещённой, и заботливые учителя «реформаторы» стали «просвещать народы»; Для смеха еще рано, не люблю смеяться **раньше** десяти; Крестьянские войны и побивание рыцарей началось **пораннее** 16 века; Позвонил администратору, попросила позвонить в 11:00 в воскресенье по номеру 500–155 (администратор), предупредить, чтобы открылись **пораньше** двенадцати* (Инт.).

3) **Лексико-синонимическая парадигма** включает в себя различные предлоги и предложные единицы, в том числе с отрицательной частицей *не*, обладающие общим, синонимичным значением. Сюда могут быть отнесены немотивированные предлоги, мотивированные предлоги (в частности, компаративы) и их отрицательные модификации. Речь идет о таких рядах, как *до – ниже – не выше – не выше чем – меньше – менее – меньше чем – менее чем* (например, при показаниях температуры); *от – сверх – свыше – выше – не ниже – не ниже чем – крепче – сильнее – не слабее – не слабее чем – больше – более – больше чем – более чем* (о крепости напитков); *от – сверх – свыше – тяжелее – не легче – не легче чем – не меньше – не меньше чем – не менее – не менее чем* (при характеристике веса предмета) и под.

Приведем примеры: *Отличная пила. Заводится очень легко, зачастую с 1-2 рывков на холодную (пробовал до 0 градусов); Микробы умирают при температуре ниже 0 градусов?; Банки с маточным молочком хранят в холодильнике при T не выше нуля градусов Цельсия; Что касается зимовки, то кактусы должны зимовать при температуре не выше, чем десять градусов; Знаете ли вы, что вода в состоянии покоя может быть охлаждена до температуры меньше нуля градусов по Цельсию?; Пиррольно-водный гель, который получился в итоге, высушили при температуре менее нуля градусов, а затем подвергли отжигу; Скажу вам одна работа винтов (диск массива при менее чем 0 градусов или в + но ниже точки Росы) их верная смерть; А так вообще алматинцу противопоказана температура меньше чем 0 градусов)* (Инт.).

Другая лексико-синонимическая парадигма: *Причём это касается не только крепкого алкоголя, но и пива крепостью от 5 градусов; Зато на пиво крепостью свыше 7 градусов за каждый дополнительный процент крепости сверх нормативных семи придется выкладывать 10 литов на гкл; Содержание спирта в столовых винах более 12 градусов делает их тяжёлыми, излишек дубильных веществ – грубыми; Оптимально подходит для шампанского, вина и других напитков крепостью выше 10 градусов; Какой крепкий спиртной напиток не ниже 40 градусов легко пьётся?; Для любителей всего «максимального» существуют алкогольные напитки крепче 40 градусов; Не пью ничего сильнее 10 градусов, да и то по праздникам; Все желающие участвовать в эксперименте должны приходить в редакцию с горячительными напитками не слабее 20 градусов, и женой; Я за полное запрещение алкогольных напитков крепостью больше 30 градусов* (Инт.).

Вопрос о степени близости/дальности перечисленных единиц к точке отсчета, включенности/невключенности точки отсчета в лексическое значение этих единиц требует нашего дальнейшего изучения (срав. *пришел до семи часов – пришел раньше семи часов – пришел не позже семи часов* и под.).

4. Невозможность/возможность изъять из состава предложной единицы базовый компонент. Из временных и пространственных предложений, из конструкций с квантитативами и экспликаторами изъять компаратив невозможно, что еще раз доказывает его определенность в таких конструкциях: *Почему государство дальше Москвы ничего не видит?; Раньше понедельника Тимошенко не помилуют; Мне очень нравятся женщины старше 30 и моложе 45 лет, главное, чтобы у них была хорошая фигура и лицо; Южный тропический пояс расположен южнее 10–12° ю. ш., т. е. за пределами муссонной зоны; Ищу мужчину от 36 до 50 лет для серьезных отношений, не ниже 175 см и не полнее 90 кг; Евсюков не будет сидеть ближе к*

Москве, и психолог ему не нужен, заявил глава ФСИИ (Инт.). Во всех приведенных предложениях компаратив точно так же, как и любой другой предлог, обязателен и с точки зрения структуры, и с точки зрения семантики.

Заметим, что компаративы в словарях обычно даются с пометой *нареч.*, но есть и исключения. **ВЫШЕ 1.** См. высокий **2.** Предлог в род. п. За пределами, вне, сверх чего-н. *Это в. моего понимания. Быть в. предрассудков.* **3.** Нареч. и предлог с род. п. Вверх по течению реки от какого-н. места. В. Саратова. **4.** Нареч. В предшествующем месте речи, текста. В. об этом уже говорилось [Ожегов, 1987: 107]. Такая трактовка частично пересекается с нашей, но сам факт наличия пометы *предл.* свидетельствует о том, что и в то время *выше* воспринималось не только как форма сравнительной степени, существовало понимание этой единицы как отличной от других компаративов, выступающей еще и в роли предлога с род. пад. То же верно и для формы *ниже*. С.И. Ожегов также относит ее в том числе к предлогам: «*предл. с род. п.* Вниз от чего-н. По Волге н. Казани. Ушиб н. колена» [Ожегов, 1987: 355].

В функции конкретизатора компаратив может быть опущен без разрушения целостности высказывания, что также говорит о его служебной, прикладной функции. На асфальте, с ростом скорости, автомобиль самостоятельно прижимается **плотнее к дороге**; Потом их предводитель вместе со знаменосцем и одним из синих людей отделился от основной группы и подъехал **ближе к нам**; Завтра **ближе к вечеру** поговорю на эту тему (Инт.). При этом допускается употребление без компаратива. Ср. На асфальте, с ростом скорости, автомобиль самостоятельно прижимается к дороге; Потом их предводитель <...> подъехал к нам; Завтра к вечеру поговорю на эту тему (при наличии варианта Завтра **ближе вечера** поговорю на эту тему). Вставка компаратива объясняется коммуникативной потребностью говорящего показать, как именно нужно *прижиматься к дороге* или *подъезжать к нам*, или в какой именно момент времени нужно *поговорить на эту тему*.

В конструкциях *ближе к вечеру, старше от 60 лет* и под. отметим черту русского языка удваивать смыслы (наряду с *самый худший, имеет место быть* и др.), уже неоднократно отмеченную исследователями (например, в [Всеволодова, 2012б: 62]).

Как отмечает М.В. Всеволодова, «конструктивная облигаторность единицы в составе структуры характеризует ее как собственно предлог, а конструктивная облигаторность обоих компонентов говорит о синтаксической целостности данной структуры. Конструктивная факультативность лексически базовой словоформы в составе предложной единицы может свидетельствовать о ее предложной функции» [Всеволодова, 2011]. Таким образом, компаратив в структурах

с квантитативами и экспликаторами – это однозначно предлог, а в функции конкретизатора – коррелирует предлога.

5. Еще одним доказательством определенности компаратива в исследуемых нами конструкциях является **возможность поставить падежный вопрос** к имени при условии, что ситуация сравнения разрушена и нет сопоставимых объектов (компаратов). Ср. *Зато в точках расположенных **ближе** (чего?) **центра** атома существует положительное ускорение; Эксперты предупреждают: буйство цен прекратится **не раньше** (чего?) **августа** этого года; Температура **ниже** (чего? скольких единиц?) **40 (сорока)** градусов наблюдалась не только на Севере, но и в центральных областях Прибалтики и местами на Украине; Привести к нарушению слуха могут звуки **громче** (чего? скольких единиц?) **80 (восьмидесяти)** децибелов; **Ближе** (чего? скольких единиц?) **пяти** метров не подходить!* и под.

В предложениях с экспликаторами и конкретизаторами компаратив также допускает постановку вопроса, но в вопросе обязательно повторяется первообразный предлог: *Участок в Домодедово находится **дальше** (от чего?) **от Москвы**, но там близко аэропорт Домодедово и имеется удобное транспортное сообщение с центром Москвы; В целях безопасности садитесь **ближе** (к чему?) **к выходу** из салона или к аварийному выходу; Подъехали к пляжу, решили подъехать **ближе** (к чему?) **к морю**; Ждем вас **ближе** (к чему?) **к вечеру**.*

В сложных реализациях компаративных конструкций с союзами *чем* и *нежели* вопрос ставится ко всей группе (от глагола, немотивированного предлога, других частей речи), причем вопрос может быть и грамматический, и смысловой: *В книге содержались биографические данные (какие?) **о** (ком?) **более чем** 800 представителях власти, общественных деятелях, предпринимателях, ученых; Удельный вес населения, живущего (как?) **менее чем на** 1 долл. в день; За опоздание на работу (какое? на сколько?) **больше чем на** двадцать минут опоздавшего судил Военный Трибунал.* Налицо неделимые целостные сочетания *Сотр + чем/нежели + первичный предлог* (который может находиться и в препозиции, и в постпозиции к компаративу).

6. Как уже было отмечено ранее, при поиске и выявлении компаративов-предлогов очень востребован такой операциональный метод, как **замена компаратива на первичный или вторичный предлог** (куда, к слову, относится и бывший компаратив в сочетании с первичным предлогом *свыше*). Для компаративов со значением ‘больше точки отсчета’ замена производится соответственно на предлоги *от, после, через, сверх, свыше, вне, за*, ‘меньше точки отсчета’ – на предлоги *до, по, перед, прежде*.

Ср. ***Ниже** Окна расположена панель сообщений – на ней вводятся текстовые сообщения и предупреждения и **Под** Окном*

расположена панель сообщений – на ней выводятся текстовые сообщения и предупреждения; Как утверждают специалисты из Института биомедицинских и эпидемиологических исследований и спорта, человек никогда не сможет прыгнуть **выше** 2,6 метров и Как утверждают специалисты <...> человек никогда не сможет прыгнуть **сверх/свыше** 2,6 метров; Проблема заключается в том, что по умолчанию Windows 2000 не понимает жесткие диски объемом **больше** 137 Гб и Проблема заключается в том, что по умолчанию Windows 2000 не понимает жесткие диски объемом **сверх/свыше** 137 Гб; Правда, риск стоил того, т.к. на глубинах **мельче** двух метров окунь качественно превосходил того, что клевал глубже и Правда, риск стоил того, т.к. на глубинах **до** двух метров окунь качественно превосходил того, что клевал глубже (Инт.).

Такие трансформации производятся только в рамках пространственных или временных конструкций, а также с компаративами, выступающими вместе с квантитативом. Не представляется возможным заменить компаратив на первообразный предлог в предложениях типа **Дальше от берега ветер усиливается, Жена прижалась плотнее к нему**, так как здесь компаратив употреблен не самостоятельно, а в купе с немотивированными предложениями.

7. Есть и другой операциональный метод, позволяющий вычленить предлоги, – **употребление компаратива в сочинительном ряду вместе с первообразным предлогом** [Всеволодова, 2011]. Например, **Нужно учесть, что планируемая Вами нагрузка (резервируемая автономным источником электроснабжения) в 10 и более кВт при длительных отключениях централизованного электроснабжения предполагает использование дизельных, (как более надежных при длительном использовании), а не автономных бензиновых источников электроснабжения; БОНЯК БОНЯК (ранее 1096 – после 1167), половецкий хан, совершавший разорительные набеги на Киевскую Русь и Византию; Воздух прогреется до 30 градусов и выше**, – рассказала радиостанции Эхо Москвы-Екатеринбург главный синоптик Уралгидромета Галина Сердюк (Инт.).

VII. Выводы. Суммируя все вышесказанное, приходим к следующим выводам.

1. Компаративы (или простая форма сравнительной степени) – отдельный лексико-грамматический класс, обладающий своими формообразующими, лексическими и функциональными особенностями. Компаративы – это неизменяемые (кроме реликтов *большой, меньший*) лексемы, производящей основой для которых явились прилагательные и/или наречия. Формообразующими суффиксами служат *-ее, -ей, -ée, -éй, -е, -ше: активнее, активней, сильнее, сильней, ближе, выше, дальше*. Лексическое значение выражено в степени градуирования признака, обозначенного корнем. Функционально в

предложении компаративы указывают на разность по какому-либо признаку между двумя объектами: *Ира выше Маши на 5 см.* Однако нашей задачей является рассмотрение компаративов в функции предлога и предложной ещеницы.

2. Компаративы являются базовым элементом в так называемой компаративной конструкции, состоящей из четырех членов: первый компаратив, второй компаратив, основание сравнения, показатель сравнения. Компаратив также может работать вне компаративной конструкции (она разрушается), подчиняться другим правилам, функционируя как предлог или коррелят предлога. Для нас наиболее интересным представляется изучение последних: *Белые айфоны появятся не позже апреля; Ведь я мог лететь выше облаков или в самих облаках; Температура ниже 40 градусов наблюдалась не только на Севере, но и в центральных областях Прибалтики и местами на Украине; Ближе пяти метров не подходить!; Дальше от берега ветер усиливается; Жена прижалась плотнее к нему, ее высокий, несколько крикливый голос стал еще мягче, ласковее.*

3. Наше основное внимание сфокусировано на «параметрических» прилагательных, представленных, как правило, антонимической парой *больше/меньше, более/менее, дальше/ближе, выше/ниже, громче/тише, позже/раньше, крепче/слабее* и под. Все подобные прилагательные маркируют физические параметры, такие как высота, ширина, длина, дальность, близость, количество, вес, емкость, скорость, время и проч.

4. Исследуемые нами компаративы функционируют в трех аспектах: 1) собственно предлоги: а) в пространственных и временных конструкциях (*Мы летели выше облаков, Позже января подавать документы нельзя* и под.); б) в конструкциях с квантитативами (*Сметану жирнее 20% не бери!; У тебя сердце бьется реже 40 ударов в минуту* и под.); в) в конструкциях с экспликаторами (*Тот, кто стоял ближе к кровати, протянул руку и коснулся левого ребра лежащего; Западнее от головы Дракона находится созвездие Цефей* и под.); 2) конкретизаторы: а) конструкции с динамическим глаголом (*Укатил на сотню с лишком километров дальше от дачи; Вертолет подлетел ближе к озеру и пилоты заметили тонущее животное* и под.); б) конструкции с *более/менее* и первообразными предлогами (*Прайс-лист состоит более из 10 тысяч наименований и постоянно обновляется; Мы говорим о менее нежели 2 часах!* и под.).

5. При поиске, анализе и обработке материала самым востребованным и простым методом выявления предложной функции компаратива оказывается замена на первообразный предлог (в предложениях с квантитативами, а также в пространственных и временных конструкциях): *Детям младше шести месяцев не нужен прикорм* (ср. *Детям до шести месяцев не нужен прикорм*), а также возмож-

ность/невозможность изъять компаратив из структуры (при анализе предложений с экспликаторами и конкретизаторами). Ср. *В зарослях ближе к дороге я обнаружил памятник героям Отечественной Войны* (ср. **В зарослях к дороге я обнаружил...*); *Подъехали к пляжу, решили подъехать ближе к морю* (ср. *Подъехали к пляжу, решили подъехать к морю*).

6. Другими немаловажными критериями вычленения компаративов в функции предложной единицы стали лексико-семантический, морфологический, синтаксический, словообразовательный. Большую роль играет степень грамматикализации единицы, включенность в морфо-синтаксическую, формообразовательную и лексико-синонимическую парадигмы, а также возможность постановки падежного вопроса. Параметрические прилагательные утрачивают свою «признаковость», приобретая чисто служебные характеристики: *стоимость ниже 20 тысяч рублей, квадрат шире 5 мм* и проч. Морфологически компаративы давно закрепились в неизменяемых частях речи, утратив всю парадигму склонения, изменения по родам и числам. Синтаксически параметрические компаративы утрачивают свою валентность на второй компарат и на имя разности: *Раньше трех лет ребенок не сможет со всей осмысленностью сказать Я* (ср. *До трех лет ребенок...*). Словообразовательные модели практически не работают. Можно говорить лишь о приставке *по-*, которая по сути не изменяет значения компаратива (но компаративы на *по-* реже употребляются с квантитативами): *А именно, реакционная температура повыше 370°С приводит к наибольшему получению ароматических соединений....*

7. По степени грамматикализации все параметрические компаративы занимают достаточно высокую ступень, функционируя в строго определенных синтаксических построениях. Парадигмы компаратива: морфосинтаксическая (*ближе чего – ближе чем что – ближе к чему – к чему ближе – ближе у чего – у чего ближе – ближе с чем – ближе до чего – ближе при чем – ближе по чему – ближе за чем – ближе меж чем – ближе перед чем – ближе под чем – ближе через что – ближе около чего*), формообразовательная (*толще – толстее – потолще*) и лексико-синонимическая (*до нуля – ниже нуля – не выше нуля – не выше чем ноль – меньше нуля – менее нуля – меньше чем ноль – менее чем ноль*) – представлены весьма широко в разных линейках компаративов, что еще раз доказывает большую вариативность исследуемых нами единиц.

8. Постановка грамматического вопроса возможна в структурах с квантитативами, в пространственных и временных предложениях, в построениях с экспликаторами и конкретизаторами; грамматический и смысловой вопросы вместе характерны для сложных реализаций

конструкций с компаративами (с союзом *чем и нежели* + первообразный предлог).

9. Подытоживая данную работу, обращаемся к самому главному: параметрические компаративы могут претендовать на более близкое к ядру место в функционально-грамматическом поле предложных единиц, поскольку они: 1) вводят имя участника ситуации и конкретизируют ее роль в этой ситуации; 2) обуславливают зависимый характер вводимой синтаксемы (к которой в большинстве случаев можно поставить вопрос) и 3) формируют саму синтаксему, которая не может быть употреблена без них, т. е. выполняют функции предлога и только предлога [Всеволодова, 2011; 2012б].

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Издательство Московского университета, 2000.
- Всеволодова М.В.* Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Лингвистика. М., 2008.
- Всеволодова М.В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4.
- Всеволодова М.В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3.
- Всеволодова М.В.* Части речи и категориальные классы слов // Приоритеты современной русистики в осмыслении языкового пространства. Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 35-летию кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета и 30-летию памяти И.П. Распопова, 23–24 марта 2012 г. / Отв. ред. В.Р. Тимирханов: В 2 т. Т. II. Уфа, 2012а.
- Всеволодова М.В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012б. № 5.
- Всеволодова М.В., Клубуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2.
- Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* Русские предлоги и средства предложного типа: Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию предложных единиц. М., 2014.
- Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 3-е изд. М., 2006.
- Золотова Г.А., Онищенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

- ИГДЯ – Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. III: Прилагательные / А.М. Кузнецов, С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько. М., 2006.
- Крылов С.А.* Количество как понятийная категория // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2005.
- Мукажанова А.Т.* Эквиваленты предлогов как средство выражения тенденции к аналитизму в русской грамматике (на материале компаративных и декомпаративных предложных единиц). М.: МГУ, филологический факультет, кафедра русского языка, 2007 (на правах рукописи).
- Першина Н.С.* Аспекты изучения компаративов в функции компонентов предложных единиц // IV Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: Исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2010.
- Першина Н.С.* Особенности функционирования компаративов в качестве предложных единиц // Функциональная лингвистика: Сб. науч. работ/ Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А.Н. Рудяков. Симферополь, 2011.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык. М., 2010.
- РГ-80 – Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. URL: www.rusgram.narod.ru (дата обращения: 24.11.2014)
- Ремнева М.Л.* Старославянский язык: Учебное пособие. М., 2004.
- Реформатский А.А.* Введение в языковедение: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Виноградова. М., 2001.
- Судзуки Рина.* Русские атрибутивные конструкции со значением «Параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Федотова Н.С.* Комплексный анализ русского компаратива: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М., 2001.
- Шувалова С.А.* Смысловые отношения в структуре сложного предложения. М., 1990.

Словари

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 2003.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 2003.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1987.
- Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2005.

Сведения об авторе: *Першина Наталья Сергеевна*, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: perelandra15@yandex.ru

О.А. Волошина

**ФРИДРИХ ШЛЕГЕЛЬ И ФРАНЦ БОПП
(флексия и агглютинация как две тенденции
развития индоевропейского слова)**

В статье рассматриваются противоположные теории происхождения индоевропейского слова, разработанные знаменитыми немецкими учеными – основателями лингвистического мировоззрения XIX века – Фридрихом Шлегелем и Францем Боппом. Знакомство европейцев с санскритом и древнеиндийскими грамматическими теориями способствовало появлению разных точек зрения на процессы слово- и формообразования в индоевропейских языках.

Ключевые слова: теория происхождения слова, флексия в понимании Фридриха Шлегеля, теория агглютинации Франца Боппа.

The article considers opposing theories of origins of the Indo-European word developed by famous German scholars – the founders of the XIX century linguistic world outlook Friedrich Schlegel and Franz Bopp. When Europeans got acquainted with Sanscrit and Old Indian grammatical theories, it promoted formulation of different points of view concerning the processes of word- and paradigm-formation in Indo-European languages.

Key words: the theory of origins of the word, inflexion as understood by Friedrich Schlegel, Franz Bopp's agglutination theory.

В конце XVIII – начале XIX в. в Европе стали появляться первые научные работы, знакомящие европейцев с древним языком индусов – санскритом. Историки языкознания считают, что именно привлечение санскрита в качестве материала исследований способствовало становлению языкознания как научной дисциплины. Известно, что попытки сравнения европейских языков (особенно древних) с санскритом явились мощным толчком к зарождению первого научного направления в лингвистике – сравнительно-исторического языкознания. Санскрит явился связующим звеном между двумя классическими языками европейской древности (древнегреческим и латинским), потому что непосредственное сравнение этих языков друг с другом не позволяло сделать вывод об их родстве, а привлечение санскритского материала делало очевидным сходство их грамматического устройства и, соответственно, общее происхождение сравниваемых языков. Кроме того, включение древнеиндийского языка в контекст лингвистических исследований стало основой еще одного направления в языкознании – типологии. Своеобразное строение санскрита

послужило фоном, на котором явственно проступали особенности устройства разнообразных языков, попадавших в поле зрения исследователей.

Знакомство европейцев с санскритом совпало с бурным развитием романтизма в начале XIX в. Следствием романтического направления в языкознании явилась попытка исследовать язык народа как материальное воплощение «духа народа», особенностей мировоззрения и культуры. Поэтому изучение строения санскрита, его лексического состава стало своеобразным ключом к древнеиндийской культуре, литературе, науке и религии.

Кроме того, к началу XIX в. в европейской науке прочно утвердился принцип историзма, согласно которому каждый объект рассматривался с точки зрения его изменчивости, исторического развития и происхождения. Историческое прошлое европейских народов, античная цивилизация воспринималась романтиками как «золотой век человечества». Романтики интересовались историей, культурой, религией и, конечно, языками древней Европы. Древнеиндийская культура была признана наиболее архаичной формой арийской культуры в целом, источником, питавшим европейскую цивилизацию. Ученые-романтики пытались доказать, что все основные литературные и мифологические сюжеты древней Индии были восприняты европейцами и обогатили мировую литературу. Следовательно, древнеиндийский язык – санскрит – считался, если не праязыком европейцев, то, по крайней мере, языком, наиболее приближенным к архаичному индоевропейскому языковому типу. Поэтому любое сходство европейских языков с санскритом демонстрировало общее происхождение и наличие архаичных черт в современных европейских языках.

Пути исторического изменения индоевропейского языкового типа ученые пытались установить, выясняя наиболее важные принципы устройства санскрита и преобразование этой структуры в других языках индоевропейской семьи. В нашей работе мы попробуем показать, что санскрит явился источником двух прямо противоположных теорий развития слова в индоевропейских языках. Автором первой теории был вождь немецких романтиков **Фридрих Шлегель** (1772–1829); вторая принадлежала основоположнику сравнительно-исторического языкознания – **Францу Боппу** (1791–1867)¹.

Фридрих Шлегель – яркий и талантливый ученый, исследовавший различные формы человеческой культуры и религии (в частности, древнегреческую литературу и философию), обратился к

¹ Автор выражает благодарность доценту кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Вартану Казаровичу Казаряну, любезно предоставившему для статьи корпус работ немецких языковедов XIX века в электронном виде.

культурному наследию древней Индии и мистическим учениям индусов. Именно Шлегель впервые познакомил европейское общество с культурой далекой и загадочной Индии, издав в 1808 г. знаменитую книгу «О языке и мудрости индийцев». В этой работе он привел краткие сведения о грамматическом устройстве санскрита², сравнил некоторые санскритские слова со словами классических европейских языков, предложил переводы отрывков из древнеиндийской литературы, познакомил европейцев с основными положениями древнеиндийской философии и т. п.³ Перед читателями открылся удивительный мир богатой и своеобразной культуры древних индусов.

Исследователи отмечают, что Фридрих Шлегель впервые сравнил санскрит с европейскими языками не только на уровне отдельных слов, но и с точки зрения внутреннего устройства, организации грамматики этих языков. Поскольку общие слова могут являться результатом заимствования, сходство структуры языков является наиболее важным доказательством их общего происхождения. «Решающий момент, который все объяснит, – это внутренняя структура языков (*die inner Struktur der Sprachen*), или сравнительная грамматика (*die vergleichende Grammatik*), которая нам даст новые разгадки происхождения языков (*die Genealogie der Sprachen*), подобно тому как сравнительная анатомия пролила яркий свет на естественную историю» [Schlegel, 1808: 28]. Именно здесь Фр. Шлегель впервые употребил термин «сравнительная грамматика», которому суждено было сыграть важную роль в становлении сравнительно-исторического языкознания, и провел аналогию между методом исследования языков и методами естественных наук. С точки зрения Шлегеля языки нужно группировать на основе формальной близости, которая проявляется на уровне устройства языковой структуры: «сходство обнаруживается не только в множестве общих корней, но простирается также на внутреннюю структуру языков, на их грамматику (*die innerste Struktur und Grammatik*)» [Schlegel, 1808: 1].

Об общем строении грамматик древних индоевропейских языков Шлегель писал: «В индийском или греческом языках каждый

² Фридрих Шлегель специально занимался санскритом в 1802–1804 годах в Париже, воспользовавшись помощью английского индолога Ал. Гамильтона.

³ Эта работа является единственно собственно лингвистической работой Шлегеля: вопросы языка он рассматривал в исследованиях историко-литературного и философского характера. В 1869 г. Теодор Бенфей в капитальном обзоре истории языкознания назвал работу Фр. Шлегеля «блестящей увертюрой» индоевропейского сравнительного языкознания, но не его «краеугольным камнем». Шлегелю свойственна фрагментарность и туманность изложения (стоит заметить, что Шлегель специально культивировал фрагментарность в качестве особой манеры изложения в области эстетики и философии). В 1-й части работы Шлегель характеризовал принцип грамматического устройства санскрита, при этом парадигмы склонения и спряжения автор не приводит, он анализирует лишь некоторые грамматические категории, выражаемые посредством флексии.

корень соответствует своему названию и подобен живому ростку (*ein lebendiger Keim*). Благодаря тому, что понятия отношений (*die Verhältnißbegriffe*) выражаются при помощи внутреннего изменения (*durch innere Veränderung*) корней, их развертыванию, предоставляется возможность свободного развития, и оно может простираться вширь самым неограниченным образом. Все же, что получилось, таким образом, от простого корня (*der einfachen Wurzel*), сохраняет отпечаток родства и взаимной поддержкой обеспечивает свое сохранение. Отсюда, с одной стороны, богатство, а с другой стороны, устойчивость и долговечность этих языков, о которых можно сказать, что они органически возникли и образуют органическую ткань (*organisches Gewebe*); поэтому даже по прошествии тысячелетий в языках, разделенных большими пространствами, нередко можно легко обнаружить нить, протягивающуюся через широко развернутое богатство целой семьи слов и приводящую нас к первичному происхождению от единого корня (*zum einfachen Ursprunge der ersten Wurzel*)» [Schlegel, 1808: 50–51].

По мнению Шлегеля, этот «структурный закон» (*das Gesetz der Struktur*) особенно последовательно проявляется в санскрите: «строевание языка (*die Struktur der Sprache*) образовалось чисто органически (*organisch*), разветвилось во всех своих значениях путем флексий или внутренних изменений и преобразований звуков корня (*durch Flexionen oder inner Veränderungen und Umbiegungen des Wurzellautes*)». [Schlegel, 1808: 41]. Корень в санскрите подвергается разнообразным преобразованиям посредством изменения первоначального звучания, при этом органическим образом выражаются различные грамматические значения. Таким образом все формы слова «органически вырастают и распускаются» из корня слова подобно бутонам и цветам.

Как известно, при словоизменении и словообразовании санскрита большую роль играло чередование гласных в корне слова. Традиционно в индийской грамматической традиции различаются три ступени чередования гласных: нулевая ступень, ступень *guṇa* и ступень *vṛddhi*. Например,

нулевая ступень	ступень <i>guṇa</i>	ступень <i>vṛddhi</i>
∅	a	ā
i	e	ai
u	o	au

Итак, при образовании различных грамматических форм огласовка корня может быть разной, потому что гласный корня может выступать в нулевой ступени, ступени *guṇa* или *vṛddhi*. Таким образом, в корне могут чередоваться ∅/a/ā; i/e/ai; u/o/au. Например, *vidya* «знание» – *vēda* «знаю» – *vaidyas* «ученый». Или *bodh* «будить» – *Buddha* (Будда – букв. «пробужденный») и т. п.

Приведем некоторые примеры образования новых слов (или форм слов) посредством «внутренней флексии»:

- огласовка корня играет в санскрите важную роль при образовании прилагательных от существительных:

mitra «друг» – **maitra** «дружеский»;

pura «город» – **pauga** «городской»;

deva «бог» – **daiiva** «божественный» и т. п.

- также апофония активно используется при образовании инфинитива от глагольного корня:

nī – **netum** «вести»;

ṣru – **ṣrotum** «слушать» и т. п.

- при образовании основы каузатива:

vac «говорить» – **vācau** «понуждать говорить»

likh «писать» – **lekhaui** «понуждать писать» и т. п.

Помимо изменения огласовки корня, в санскрите происходят многочисленные фонетические изменения аффиксальных морфем при синтезе словоформ. Внешний облик каждой морфемы зависит от соседних морфем, т. е. от контекста, в котором выступает морфема. Это свойство (контекстная вариативность морфем) присуще всем индоевропейским языкам, но важность теоретического осмысления этой особенности индоевропейской морфологии стала очевидна после знакомства с санскритом, поскольку именно в санскрите вариативность морфем в словоформе представлена очень широко⁴.

Стоит заметить, что в санскрите в корне при образовании различных форм слова происходят чередования гласных, которые не вписываются в трехступенчатое чередование гласных санскрита. Так, при образовании страдательного причастия при помощи суффикса *-ta* происходят различного вида чередования гласных в корне:

mā «мерять, измерять» – **mita** «измеренный»;

sthā «стоять» – **sthita** «стоявший» и т. п.

Помимо модификации корня при образовании словоформ имеют место различного рода сандхи на стыке морфем. Например, при образовании активного причастия настоящего времени от глагольного корня: **kar** + **-ant** > **kuru** + **ant** > **kurvant** «делающий».

Таким образом, Шлегель впервые четко сформулировал своеобразное грамматическое явление санскрита – способность выражать грамматическое значение чередованием звуков в корне. Эта яркая особенность древнеиндийского языка поразила европейских лингвистов, тем более что сходное явление немецкие языковеды могли наблюдать и в хорошо знакомых им языках (например, в древнегреческом, латин-

⁴ Постепенно благодаря теоретическому осмыслению подобных фактов и явно под влиянием индийской лингвистической традиции была сформирована особая лингвистическая дисциплина – морфонология.

ском и в германских языках): греч. λέγω «говорить» – λόγος «слово, речь», лат. tego «покрывать» – toga «тога», англ. to sing – sang – sung «петь», нем. singen – sang – gesungen «петь» и др.⁵

Изменение гласных звуков корня, передающее различные грамматические значения, Шлегель назвал «флексией», а языки, для которых характерно это явление, – флективными. Шлегель восхищался внутренним устройством флективных языков, объявив их эстетически совершенными и органичными. Благодаря гибкости и изменчивости огласовки корня такие языки, по мнению Шлегеля, оказывались способными выражать самые сложные и вместе с тем необычайно ясные понятия и мысли.

Флективным языкам, демонстрирующим совершенный тип языкового устройства, Шлегель противопоставил языки без «внутренней флексии», выражающие грамматическое значение при помощи аффиксов – аффиксирующие. Слово в таких языках состоит из механически присоединенных морфем: неизменяемого корня и последовательности таких же неизменяемых, стандартных и однозначных суффиксов. Слово «составилось чисто механически (bloß mechanisch) посредством прицепленных слов и частиц (durch angehängte Worte und Partikeln), причем сам корень собственно остался неизменным и непроизводительным (die Wurzel selbst eigentlich unverändert und unfruchtbar bleibt)» [Schlegel, 1808: 41–42]. Разрозненные элементы, составляющие слово, могли соединяться различными способами, сохраняя при этом свою самостоятельность, а, следовательно, возможность разорвать ту связь, которая их соединяет. Связь между элементами механическая и более слабая, чем во флективных языках. «В языках, имеющих вместо флексии аффиксы, корни не есть плодородное семя (fruchtbarer Same), но лишь как бы груда атомов (ein Haufen Atome), которые ветер случайности легко может то разъединять, то соединять. Собственно говоря, связь между ними не может быть иной, как только чисто механической (bloß mechanischer), обусловленной внешним присоединением (durch äußere Anfügung). Этим языкам при самом их возникновении не хватает зачатка живого развития (einem Krim lebendiger Entfaltung)... и эти языки... всегда тяжелы (schwer), путаны (verworren) и часто особенно выделяются своим своенравно-произвольным, субъективно-странным и несовершенным характером (durch einen eigensinnig willkührlichen, subjektiv sonderbaren und mangelhaften Charakter)» [Schlegel, 1808: 51–52].

⁵ Сравнивая древние индоевропейские языки, Шлегель заявляет, что латинский и греческий для выражения падежных значений используют не только флексию, но и предлоги, в которых «индийское склонение не нуждается никогда». Подобные категоричные заявления Шлегеля способствовали тому, что языковеды стали с осторожностью относиться к его теориям, упрекая в поверхностном знании языков и в стремлении к излишне широким обобщениям.

Итак, именно наличие внутренних изменений, модификаций корня являлось, по Шлегелю, самым совершенным механизмом словоизменения и словообразования, который демонстрировал системный характер языка, проявляющийся в органической связи всех составляющих его элементов. Поскольку это архаичное устройство в наиболее чистом виде сохранилось в санскрите, Шлегель считал древнеиндийский язык тем источником, от которого произошли другие индоевропейские языки, в большей или меньшей степени сохранившие флексию. Некоторые индоевропейские языки (греческий, латинский и германские) использовали архаичный механизм для образования новых слов и форм. Другие индоевропейские языки потеряли чистоту языкового типа вследствие влияния на них соседних языков менее совершенного языкового типа⁶. К таким «испорченным» языкам, следуя логике, можно было отнести славянские языки⁷.

Вслед за Шлегелем немецкие лингвисты начала XIX в. считали способность языка выражать грамматическое значение посредством чередования звуков корня («внутреннюю флексию») высшим достижением языкового развития⁸.

Итак, Шлегель, глубоко убежденный в том, что путем разложения слов на составные элементы нельзя раскрыть тайну происхождения индоевропейского слова, выступал против стремления некоторых современных ему лингвистов (Леннепа, Шейда и др.) расчленять язык и сводить его к сумме отдельных элементов – корней (аффиксы же считались результатом позднейшего видоизменения корней). Шлегель же был убежден, что слово возникло благодаря «органическому росту» корня⁹.

⁶ Шлегель писал: «Изысканная структура (die kunstreiche Struktur) легко утрачивается в результате стачивания в обычном употреблении...» [Schlegel Fr., 1808: 34].

⁷ Ученик Бодуэна де Куртенэ Николай Крушевский попытался показать важность чередований гласных корня для выражения грамматических значений на материале старославянского языка («К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма» 1881). В названии работы Крушевский использует термин древнеиндийских грамматистов, обозначающий одну из ступеней чередования гласных санскрита. Автор пытается найти следы грамматических чередований в старославянском языке – огласовка корня на *-o* характерна для именных форм, а огласовка на *-e/-u* – для глагольных. Например:

воз // вез, нос // нес, ток // тек
мор // умереть
соброр // собирать, соброрать
гроб // погребать.

Анализируя подобные примеры, автор стремится воссоздать такую же стройную систему «внутренней флексии», какую мы находим в древнеиндийском языке.

⁸ Становление теории аблаута германских языков Я. Гримма («История немецкого языка» 1848 г.) происходило под влиянием изучения автором древнеиндийского языка и основных понятий индийской лингвистической традиции.

⁹ Шлегель пытался подтвердить свою гипотезу тем, что по сравнению с современными романскими языками латинский язык является, несомненно, более флективным, а архаичный санскрит, еще более флективный, чем латынь. Следо-

Эта теория происхождения индоевропейского слова была чрезвычайно популярна в начале XIX в. по нескольким причинам. Во-первых, теория обосновывала общее внутреннее устройство индоевропейских языков (как языков не только генетически родственных, но и типологически схожих), во-вторых, явилась порождением романтического мировоззрения и удачно вписывалась в общепило-софскую картину осмысления действительности, сложившуюся в начале XIX в. в Германии.

Другая теория строения индоевропейского слова принадлежит основоположнику сравнительно-исторического языкознания **Францу Боппу**. Именно Бопп впервые предпринял системное сравнение глагольных форм некоторых индоевропейских языков, доказав тем самым их родство. Воодушевленный знаменитой работой Шлегеля («О языке и мудрости индийцев»), Бопп самостоятельно изучал древнеиндийский язык и в 1816 г. издал свою первую работу «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков» [Ворр, 1816]. В этом сочинении автор совершенно солидарен с Шлегелем в том, что внутреннее изменение корня представляет особый механизм слово- и формообразования в индоевропейских языках, однако здесь же он говорит (правда еще очень осторожно) о том, что словоформа в санскрите образуется не только путем апофонического чередования в корне, но и посредством присоединения отдельных частей слова – аффиксов. Там, где Шлегель видел два различных типа языков, Бопп искал их общее происхождение, стараясь показать, что флексии порождаются не внутренним, самопроизвольным и органическим развитием некоего исходного элемента, но являются самостоятельными частицами, присоединенными к корню. Так, в форме 1 лица единственного числа bhavāmi «я есть» глагольная флексия содержит звук m, который, по предположению Боппа, возник из личного местоимения tām «я». А форма 3 лица единственного числа bhavāti «он есть» имеет во флексии звук t, который представляет осколок местоимения tām «он» и т. п. [Ворр, 1816: 147]. В этой работе Бопп пока еще учитывает апофонические изменения корня во флективных языках как важнейший этап синтеза словоформы, однако уже признает важным механизмом образования индоевропейского слова сложение разных корней.

вательно, чем древнее является индоевропейский язык, тем больше, по мнению Шлегеля, проявляется в нем способность использовать модификацию корня для выражения грамматического значения. Значит, первоначально индоевропейское слово органическим образом «вырастало» из корня, путем изменения его огласовки. Присоединение к корню аффиксальных морфем Шлегель, конечно, не мог отрицать, но считал, что этот процесс характеризует деградацию совершенного механизма индоевропейских языков.

Эту идею Бопп последовательно развивает в главной работе своей жизни – «Сравнительной грамматике»¹⁰ [Bopp, 1833], которую пишет в течение нескольких лет (с 1833 по 1852 г.). В предисловии к первому тому Бопп формулирует задачу исследования: «В этой книге я предлагаю дать сравнительное, охватывающее все родственные явления, описание организма языков (*des Organismus der Sprachen*), перечисленных в заглавии, исследование их физических и механических законов и происхождения форм, обозначающих грамматические отношения (*des Ursprungs der die grammatischen Verhältnisse bezeichnenden*)» [Bopp, 1833: III].

Именно в этой работе Бопп выдвинул новую теорию происхождения индоевропейского слова и решительно провозгласил принцип сложения элементов господствующим при формировании словоформы. По мнению Боппа, грамматика индоевропейских языков (или их организм) образуется путем соединения (сложения) различных корней. Основной принцип образования слов в таких языках – соединение глагольных и местоименных корней (*der Verbindung von Verbal- und Pronominal-Wurzeln*), а не путем внутренних изменений корня (*durch bloße innere Modification der Wurzeln*) [Bopp, 1833: 112]¹¹.

Даже композиция «Сравнительной грамматики...» была подчинена главной идее Боппа – доказательству теории агглютинации. В главе «О корнях» автор подробно рассматривал неизменяемые исходные морфемы, которые объединялись в грамматически оформленную словоформу.

Краеугольным камнем теории Боппа явилось понятие корня и разработка классификации корней. Следуя древнеиндийским грамматистам, Бопп выделяет два типа корней как исходных элементов при построении слова. Основные положения своей теории индоев-

¹⁰ Первый том «Сравнительной грамматики» («*Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Littauischen, Gothischen und Deutschen*») вышел в 1833 г., а третий том – в 1852 г., однако уже в 1857 г. появился I том второго издания, переработанного и дополненного.

¹¹ В «Сравнительной грамматики» Бопп резко полемизирует с гипотезой Шлегеля: «Под флексией Фридрих фон Шлегель понимает внутреннее изменение звука корня (*die innere Veränderung des Wurzellauts*), или внутреннюю модификацию корня (*die innere Modification der Wurzel*), противопоставляемые им внешнему присоединению (*Anfügung von aussen*). Но, если греческое *ἰδομαι, δῶσω, δῶθησόμεθα* происходят от *δο* или *δω*, то чем другим могут быть формы *μι, σω, θησόμεθα* как не очевидными внешними приставками к корню, внутри совсем неизменному, или измененному только в количестве гласного? Если, таким образом, под флексией должно понимать внутреннюю модификацию корня, то в санскритском, греческом и др. языках едва ли можно указать какую-нибудь флексию, за исключением редупликации, которая сама почерпается из материала корня. Но если *θησόμεθα* есть внутренняя модификация корня *δο* лишь потому, что оно связано с ним, граничит с ним, составляет с ним одно целое, то с одинаковым правом можно было бы также и сущность моря и суши представить, как внутреннюю модификацию моря или наоборот» [Bopp, 1833: 110].

ропейских корней Бопп изложил в следующих словах: «В санскрите и родственных ему языках существуют два класса корней (*zwei Klassen von Wurzeln*); из одного, более многочисленного, возникают глаголы и имена (*Verba und Nomina*), которые находятся с глаголами в братских отношениях» [Bopp, 1833: 109]. При этом Бопп замечает, что глаголы и имена возникли из общего источника – от одних и тех же корней, которые традиционно называются глагольными корнями (*Verbal-Wurzeln*). «Из второго класса возникают местоимения, все древнейшие предлоги, союзы и частицы (*Pronomina, alle Utrpräpositionen, Conjunctionen und Partikeln*); мы называем их “местоименными корнями” (*Pronominawurzeln*), так как они выражают местоименные понятия...» [Bopp, 1833: 109].

Итак, по мнению Боппа, слово в санскрите и других древних индоевропейских языках представляет собой соединение разного рода односложных корней: корней знаменательных слов (глаголов) и корней служебных слов (которые позднее превратились во флексии). Для доказательства этой гипотезы Бопп привлекает материал самых разных индоевропейских языков, поскольку некоторые языки могут терять старые флексии или сохранять их в искаженном виде. По его мнению, лучше всего возводятся глагольные окончания к личным местоимениям на материале санскрита (наиболее архаичного материала), поэтому санскрит и становится основой сопоставления.

Единственное число

	<i>Санскрит</i>	<i>Латинский</i>	<i>Старославянский</i>
1 лицо	bharāmi	audio	БЕРЖ ¹²
2 лицо	bharasi	audis	БЕРЕШИ
3 лицо	bharati	audit	БЕРЕТЬ

Множественное число

1 лицо	bharāmas	audimus	БЕРЕМЬ
2 лицо	bharatha	auditis	БЕРЕТЕ
3 лицо	bharanti	audiunt	БЕРЖТЬ

Некоторые языки могут терять те или иные окончания (как, например, латинский в окончании 1 л. ед. ч.), поэтому для большей надежности сопоставления необходимо привлекать как можно больше

¹² После того, как А.Х. Востоков «открыл тайну юсов», т.е. объяснил, что «юсами» в старославянском языке обозначались существовавшие когда-то носовые гласные, т.е. звуки, содержащие носовой, стало возможным восстановить и в старославянском окончании 1 л. ед. ч. и окончании 3 л. мн. ч. существовавшие когда-то носовые звуки.

языков¹³. Эта теория Боппа получила название теории агглютинации (от лат. *agglutinatio* – «приклеивание»). Бопп пытается доказать, что все спрягаемые и склоняемые формы – результат агглютинации первоначально независимых корней.

Глагольные формы, например, образовывались путем присоединения к корню, имеющему лексическое значение, местоименных частиц или различных форм вспомогательного глагола «быть» (*verbum abstractum*). Например, *dik + s = dixi* «я сказал», *a + dik + ś + am = adikṣam*, где *s* – потерявший самостоятельность вспомогательный глагол «быть» (санскр. *as-*, лат. *es-*)¹⁴.

Большинство глагольных форм Бопп рассматривал как результат агглютинации разных корней: корня, несущего основное лексическое значение (именно от этого корня впоследствии образовались и глаголы, и имена), и корня глагола «быть» в разных грамматических формах. Например, в окончаниях латинского перфекта Бопп пытался обнаружить в том или ином виде формы вспомогательного глагола:

	laudāre «хвалить»	esse
1 лицо	laudāvī	fuī
2 лицо	laudāvistī	fuistī
3 лицо	laudāvit	fuit

то же в формах футурума:

1 лицо	laudābō	erō
2 лицо	laudābis	eris
3 лицо	laudābit	erit

плюсквамперфекта:

1 лицо	laudāveram	fueram
2 лицо	laudāverās	fuerās
3 лицо	laudāverat	fuerat

и т. п.

¹³ Бопп постоянно расширяет круг исследуемых языков: во втором томе первого издания появляются славянские языки, а во втором издании – армянский. Бопп доказал принадлежность албанского языка к индоевропейской семье. Бопп периодически издает собранный материал в виде отдельных статей в трудах Берлинской Академии наук с 1824 по 1831 г.

¹⁴ В предисловии к первой работе Бопп пишет: «Целью настоящего исследования является показать, как в спряжении древнеиндийского глагола определения отношений выражаются соответствующими видоизменениями корня и как иногда *verbum abstractum* сливается с основой в одно слово, а основа и вспомогательный глагол различаются в грамматических функциях глагола» [Ворр, 1816: 8].

Итак, последовательно разбирая все глагольные формы древних индоевропейских языков, Бопп настойчиво доказывал свою точку зрения об агглютинативном характере морфологической структуры индоевропейского слова.

Вслед за описанием происхождения глагольных форм Бопп ставит перед собой задачу провести соответствующий анализ именных форм. Но при разборе конкретных языковых фактов он продолжает следовать тому же методу и тем же идеям, которые получили воплощение уже в первом его труде, посвященном системе спряжения. Основу этого метода составляет расчленение грамматических форм на составные элементы, возводимые к ранее самостоятельным лексическим единицам. Падежные окончания Бопп также предлагает выводить из агглютинированных к именным основам местоимениям, предлогам и частицам. В частности, он впервые предлагает возводить окончание именительного падежа единственного числа *-s* (ср. санскр. *vīkas* «волк», литов. *vilkas*, лат. *lupus*, гот. *wulfs*) к указательному местоимению (ср. санскр. *sa*).

Трехтомная «Сравнительная грамматика» подчинена основной цели грамматического описания: «Флективное языковое устройство санскрита демонстрирует нам не только внутренние изменения корня, но и наделенные значением элементы, объяснить происхождение которых и призвана научная грамматика» [Ворр, 1833: 111].

Не случайно в центре исследования Боппа находится санскрит, который является основой сопоставления других языков индоевропейской семьи. Язык индийцев был, по мнению Боппа, древнейшим из дошедших до нашего времени индоевропейских языков и демонстрировал наиболее архаичный принцип образования словоформы¹⁵.

Согласно индийским грамматикам слово образовывалось от глагольного корня путем последовательного присоединения различных аффиксов. Соответственно и Бопп видит в индоевропейском слове результат комбинации нескольких сотен первоначальных корней с небольшим количеством аффиксальных элементов. Чтобы найти исходные элементы словоформы, Бопп, по его словам, «расчленяет» «организм языка», причем систематическое сравнение языков для него – «анатомия» языка. В этом построении, несомненно, сказыва-

¹⁵ Исходные элементы, общие для всех родственных языков, претерпевали различные фонетические изменения под воздействием влияния «механических» и «физических» (фонетических) законов. Отделившись от общего предка, индоевропейские языки развивались «ступенчато», все более отдаляясь от своего источника и подвергаясь при этом «порче».

Например, готский язык лучше сохранил систему спряжения, чем новогерманские, древнегреческий и латинский оказались ближе к санскриту, чем соседний с санскритом бенгальский язык, который, сохранив древний лексикон, резко изменил свою грамматику.

вается известная зависимость Боппа от индийской грамматической традиции (грамматика на санскрите *vyākaraṇa* – букв. «расчленение», «анализ»). Так, в знаменитой грамматике Панини – *Aṣṭādhyāyī* «Восьмикнижие» словоформа создается в результате синтеза различных морфем, при этом присоединение каждой следующей морфемы означает новую ступень синтеза. Иногда словоформа представляет собой длинную цепочку следующих в определенном порядке морфем. При этом отсутствие морфемы в словоформе воспринимается как пропуск ступени синтеза, как элизия.

Например, образование глагольной формы настоящего времени 3 л. ед. ч. от корня *bhū* происходит по следующим правилам: к корню присоединяются личные глагольные окончания (*TiN*) (согласно правилу грамматики 3.4.113), однако при этом между корнем и окончанием, согласно правилу 3.1.68, вставляется элемент *ṣaP* (т. е. -а-). В результате получается цепочка:

bhū + ṣaP + TiN.

Однако по правилу 7.3.84 последняя гласная корня I класса принимает вид *guna*, т. е. *bhū > bho + ṣaP > bho + a > av* (согласно правилу 6.1.78). К полученной таким образом основе присоединяются личные глагольные окончания – *TiN*. В результате синтеза получается форма *bhavati* («он существует, становится»).

Древнеиндийские грамматики предлагали правила построения словоформы из отдельных морфем, причем главной морфемой при синтезе традиционно считался корень. Не случайно поэтому грамматику Панини сопровождает список корней санскритских слов – *Dhātupatha*. Индийским грамматикам принадлежит честь первичной идеи о корне и собрания полной коллекции образовательных элементов их языка¹⁶ [Мюллер, 1891: 253].

Совершенно в духе теории агглютинации Боппа описывает процесс образования падежных форм Макс Мюллер. Он считает, что любой корень существует как основа для образования глаголов и имен. Например, от корня *yudh* – «бороться» можно образовать не только глагольные, но и именные формы (как существительное он означает борьбу, сражение). Мюллер пишет: «с присоединением к нему местного (локативного) элемента, находим *yudh-i* «в сражении, в борьбе». *Yudh* также может означать «сражающийся, борец, воин», и с прибавлением другого местного указательного элемента мы находим *yudh-su* «среди воинов». Но так как сражающийся или воин предполагает оружие, которым он сражается, которое также борец,

¹⁶ Санскритские грамматики привели все богатство своего языка к 1.706 корням, из которых произошли все слова санскрита [Мюллер, 1891: 3, 201].

то мы находим *udh* с прибавкой еще другого местного указательного элемента, т.е. *udh-ā*, «с или через оружие» [Мюллер, 1891: 180]. Следуя завету Боппа, Мюллер пытается не только расчлнить слово на составные элементы, но и объяснить их происхождение: «Сердце» по-санскритски значит *hṛd*, «в сердце» – *hṛd-i*. Здесь, как видно, окончание местного падежа есть просто краткое *i*. Это краткое *i* есть указательный корень *i*, по всей вероятности тот самый, который в латинском произвел предлог *in* (в, на). Поэтому санскритское *hṛdi* представляет первоначальное сложное, как бы “сердце-внутри”...» [Мюллер, 1891: 165].

Современники и последователи Боппа не сомневались в истинности выдвинутой им теории, в частности, Якоб Гримм считал глагол и личные местоимения «подлинными рычагами языка». Вильгельм Гумбольдт пишет в письме Боппу: «Вы убедительно доказали, что и санскрит образует свои грамматические формы только посредством агглютинации и что проводимое Фр. Шлегелем различие между языками, использующими агглютинацию и использующими флексию, есть, как я всегда и предполагал, заблуждение, возникшее из-за недостаточного знания языков» [Переписка..., 2009: 32].

Тем не менее теория агглютинации Боппа так и не получила ни достойного подтверждения, ни окончательного опровержения, до сих пор это лишь яркая, завораживающая гипотеза о происхождении слова в индоевропейских языках. Опираясь на понятие корня – основной морфемы при словообразовании и словоизменении в грамматических трактатах древних индусов, Бопп впервые заговорил о роли корня в строении индоевропейского слова и о методе морфемного членения (анализа) словоформы¹⁷. Без сомнения, тенденция соединения простых исходных элементов в сложное целое при образовании слов в древних языках, была обнаружена с присущей Боппу гениальной прозорливостью. Однако сведение разнообразных механизмов порождения новых слов и форм слов к механическому процессу присоединения неизменяемых элементов, очевидно, упрощала реальную картину. Полностью поддерживая теорию Боппа, великий Гумбольдт тем не менее замечает: «возникновение системы склонения невозможно интерпретировать как процесс единообразный» [Переписка..., 2009: 35]. Открытие явлений переразложения основ в фузийных языках продемонстрировало наивность представления о возможности построения всего многообразия форм индоевропейского словообразования и словоизменения по универсальной схеме.

¹⁷ Даже композиция «Сравнительной грамматики...» была подчинена главной идее Боппа – доказательству теории агглютинации. В главе «О корнях» автор подробно рассматривал неизменяемые исходные морфемы, которые объединялись в грамматически оформленную словоформу.

Список литературы

- Дельбрюк Б. Введение в изучение языка. Из истории и методологии сравнительного языкознания. 3-е изд. М., 2010.
- Десницкая А.В. Лингвистические взгляды братьев Шлегель и их роль в формировании исторического языкознания // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. / Под ред. А.В. Десницкой. Л., 1984. С. 54–104.
- Десницкая А.В. Франц Бопп – основоположник сравнительно-исторического языкознания // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. / Под ред. А.В. Десницкой). Л., 1984. С. 105–125.
- Гумбольдт Вильгельм фон Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М., 2001.
- Мюллер М. Наука о мысли. СПб., 1891.
- Переписка Франца Боппа и Вильгельма фон Гумбольдта / Пер. с нем. А.В. Блинова. М., 2009.
- Böhtlingk O. Pāṇini's Grammatik. Leipzig, 1887.
- Bopp Fr. Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen. Frankfurt am Main, 1816.
- Bopp Fr. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Littauischen, Gothischen und Deutschen. Berlin, 1833.
- Schlegel Fr. Über die Sprache und Weisheit der Indier, Heidelberg, 1808.

Сведения об авторе: Волошина Оксана Анатольевна, канд. филол. наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: oxanav2005@mail.ru

А.И. Любжин

**«РУССКИЙ ГОМЕР».
ОПЫТ О ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ¹**

Часть III

К рубежу XIX–XX вв. академическое литературоведение в своих воззрениях на творчество М.М. Хераскова продолжало традиции русской прогрессивной критики. Но модернистское литературное движение, пересмотревшее многие из ее оценок, могло сделать это и для автора «Россиады». В.Я. Брюсов в подготовительных материалах к работе по истории русской поэзии высказывает гораздо более теплую и сочувственную оценку, чем те, которые высказывались прежде; однако эта работа не была доведена до конца и опубликована, и шанс не осуществился. В заключительной части статьи анализируются факторы, повлиявшие на судьбу репутации поэта, и их удельный вес в ее создании и сохранении.

Ключевые слова: М.М. Херасков, В.Я. Брюсов, литературная критика, литературная репутация.

By the turn of the XX century academic literary criticism went on with the traditions of Russian progressive criticism in its views on M.M. Kheraskov's work. But the modernist literary movement which overhauled many of its estimates might have done so for the author of 'Rossiada' as well. V.Ya. Bryusov in his preparatory materials for the work on the history of Russian poetry expresses a much warmer and sympathetic estimate than those expressed earlier; however, that work wasn't finished or published, and the chance didn't get materialized. In the concluding part of the article factors are analyzed which influenced the poet's 'poetic fate', that is his reputation, and their proportionate weight in its formation and preservation.

Key words: M.M. Kheraskov, V.Ya. Bryusov, literary criticism, literary reputation.

VII. Несостоявшееся воскресение

Оценки и репутации, сформированные прозаической эпохой русской словесности, хорошо видны – во всем их диапазоне – в научной и учебной литературе рубежа XIX–XX столетий. Теплее других образ Хераскова намечает Василий Васильевич Сиповский. В «Истории русской словесности»² он уклоняется от прямой оценки его творче-

¹ Окончание, начало и продолжение см.: Любжин А.И. «Русский Гомер». Опыт о литературной репутации. Часть I // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 83–95; *Он же*. «Русский Гомер». Опыт о литературной репутации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 1. С. 71–86.

² Часть II (История литературы сь эпохи Петра В. до Пушкина). Примѣнительно къ Исторической Хрестоматіи. Т. II. Вып. 1, 2, 3. 7-е изд. Пг., 1917. С. 103–113.

ства (которая по условиям времени могла быть только отрицательной), нигде не пишет о скудости дарований Хераскова и рассыпает по тексту сочувственные реплики (например, «все его оды написаны тепло и прочувствованно», с. 104; Херасков был «счастливее», чем Ломоносов и Тредиаковский, с попытками воспеть Петра I (с. 107). Петр Николаевич Полевой (сын известного нам Н.А.) строже:

«Херасковъ и Княжнинъ, въ цвѣтѣ силъ и возраста, продолжали идти тою же избитою тропой псевдо-классицизма, создавая свои громадныя, объемистыя и тяжелыя произведенія эпическія и драматическія по всѣмъ правиламъ теории Буало и Баттѣ», а его эпосы — «первые сносные образцы эпического рода на нашей литературной почвѣ»³.

***, автор предисловия к последнему известному нам отдельному изданию «Россиады», суровее:

«Михаиль Матвѣевичъ Херасковъ, главному произведенію котораго посвященъ этотъ выпускъ, является представителемъ искусственнаго эпоса въ русской литературѣ, и каково бы ни было впечатлѣніе, производимое чтеніемъ „Россиады“ на современнаго читателя, поэма эта не можетъ быть пропущена при изученіи нашей литературы. Человѣкъ небольшого поэтическаго дарованія, Херасковъ отличался просвѣщеннымъ умомъ, благороднымъ характеромъ и глубокими симпатіями къ литературѣ и наукѣ...»⁴.

Известная хрестоматия Александра Даниловича Алферова и Алексея Евгеньевича Грузинского – самое авторитетное пособие по русскому XVIII веку – характеризует Хераскова как писателя «посредственного таланта», который, однако же, «имѣлъ въ XVIII вѣкѣ очень высокую репутацію»⁵. Неудивительно, что на школьный уровень эти оценки попадают в наиболее жестком варианте: как считает шестиклассник Н. Карпека, автор случайно попавшего к нам в руки печатного реферата,

«поэма русского ложно-классика Хераскова – “Россиада” не настолько замѣчательна, чтобы на ней особенно долго останавливаться...»⁶

³ История русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Въ трехъ томахъ. Т. 3. СПб.: изд. А.Ф. Маркса, 1900. С. 28, 32.

⁴ *Херасковъ М.М.* Россиада. Поэма въ XII пѣсняхъ. Полный текстъ поэмы. – Объяснительныя статьи. Изданіе И. Глазунова. СПб., 1895. С. I (Русская классная библиотека, издаваемая подъ редакцію А.Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Выпускъ XX).

⁵ *Алферовъ А. и Грузинскій А.* Русская литература XVIII вѣка. Хрестоматія. Изданіе восьмое, исправленное. Въ первомъ изданіи допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. Складъ изд. въ книгоиздательствѣ «Школа». М., 1918. С. 268 (= ¹1907. М.: Изд. фирмы «Сотрудникъ школ», с. 274).

⁶ Къ исторіи ложнаго классицизма въ Россіи. По урокамъ преподавателя Д.Н. Ревуцкаго составилъ Н. Карпека, уч. 6-го кл. Киевской гимназіи В.П. Науменко (на правахъ рукописи). Киевъ, 1911. С. 43. Безусловно, сам по себе этотъ текстъ ничего не доказывает – мы его используемъ только какъ иллюстрацію. Хотелось бы располагать такими в большемъ количествѣ; но иллюстраціями в противоположномъ духѣ мы не располагаемъ вовсе.

Но эти оценки подверглись пересмотру на рубеже XIX–XX вв., когда передовые позиции в литературе были вновь захвачены поэзией. Вместе с Тютчевым и Баратынским мог рассчитывать на своеобразную «реабилитацию» и Херасков. И шанс такой у него был, поскольку он обрел квалифицированного и влиятельного читателя, способного – в большей степени, чем кто бы то ни было другой – заставить общество пересмотреть устаревшие взгляды. Читателем этим был Валерий Яковлевич Брюсов. О его интересе к творчеству автора «Россиады» свидетельствует, в частности, Иван Никанорович Розанов. Он описывает прогулку втроем, с участием Юлия Исаевича Айхенвальда:

«И как раз нет у Венгерова самого лучшего, – продолжал кончающий студент <В.Я. Брюсов. – *А.Л.*>. – Например, отсутствуют притчи Хераскова, а это его самые ценные произведения. Херасков вообще был замечательным писателем, а у нас его совсем не ценят и не знают». Штатский <Ю. Айхенвальд. – *А.Л.*> опять поддержал его: “Хераскова я мало знаю, но действительно мы часто не умеем хранить наших культурных ценностей”. <...> “А какие хорошие рифмы были у Хераскова, – не унимался Брюсов, – у него обычно рифмуются и согласные, находящиеся под ударением”. Полгода тому назад Брюсов делал доклад о “левизне рифм у Пушкина” <...>. Кто-то из его оппонентов пренебрежительно отозвался о Хераскове. “Вы ошибаетесь, – отвечал Валерий Яковлевич, – как раз у Хераскова-то рифмы обычно бывают звучные: он обращал внимание и на предшествующие согласные”»⁷.

Когда Розанов дарил Брюсову книгу о русской лирике, тот отреагировал на главу о Хераскове: «Надо, надо говорить о нем. Очень интересный писатель и совершенно не оцененный»⁸. По-видимому, у Брюсова могли быть намерения во всеоружии значительных знаний, авторитета и понимания сути проблемы восстановить репутацию Хераскова. Об этом свидетельствует статья, входящая в комплекс подготовительных материалов для истории русской поэзии. Мы приведем извлечения из нее, касающиеся оценки⁹.

Л. 2¹⁰. «[Херасковъ и Державинъ, два поэта время Екатерины, которыхъ современники особенно цѣнили, по характеру своей поэзии въ значительной степени противоположны другъ другу.

Державинъ – самородокъ, почти лишенный обработки, это талантъ громадный, самобытный, но какой то хаотическій, неустроенный <? – *А.Л.*>, онъ – по выражению Пушкина – не выдерживаетъ не только оды, но и даже строфы. Державинъ – это порывъ, мощь, стихійная сила, но ему недостааетъ

⁷ Розанов И.Н. Встречи с Брюсовым // Розанов И.Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М., 1990. С. 422–423.

⁸ Ibid. P. 430.

⁹ ОР РГБ. Ф. 386 (В.Я. Брюсов). Картон 41. Ед. хр. 13. «История русской лирики» – материалы к работе о Хераскове [конец 1890-х годов]. Лл. 10–11 посвящены рифмам. Их Брюсов относил к особому исследованию о рифме.

¹⁰ Весь пассаж, взятый нами в квадратные скобки, в рукописи зачеркнут.

знаний, въ <без ера – А.Л.> образованности, даже простого учения воспитанія и просто знаний.

Напротивъ, Херасковъ – это триумфъ искусства, торжество умѣнія, мысли, сознательности. Небольшой талантъ, которымъ надѣлила его природа, онъ взлелѣялъ, выхолить, обработалъ. Онъ извлекъ изъ своего дара все, что можно было извлечь и умѣло пользовался (2 об.) разными его сторонами, сохранивъ до старости способность быть новымъ, не повторяться. Херасковъ былъ мастеромъ своего искусства, виртуозомъ въ быть талантливымъ дѣлательмъ стиховъ – вотъ его опредѣленіе¹¹ былъ мастеромъ своего искусства, талантливымъ дѣлательмъ стиховъ, первымъ, поставившимъ форму стиха на то мѣсто, которое она заслуживаетъ]¹².

Это Россіада.

Херасковъ съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя музамъ и до конца жизни остался вѣренъ этому служенію. Двѣнадцатилѣтнимъ кадетомъ задумалъ онъ Россіаду, и семидесяти-четырёх-лѣтнимъ старикомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, <нрзб., несколько зачеркнутыхъ букв> писалъ свою послѣднюю трагедію, увѣнчанную Академіей уже послѣ смерти автора. Жить – значило для Хераскова творить. Херасковъ онъ (л.3) Жить для Хераскова значило наслаждаться поэзіей. Онъ прежде всего былъ художникомъ и это сказывается во всѣхъ чертахъ его характера во всѣхъ его поступкахъ. <...>

Произведенія своимъ Поэзіи Херасковъ отдавалъ всей душой. Сочиня онъ такъ забывался, что разговаривалъ самъ съ собой; надъ каждымъ произведеніемъ трудился долго и внимательно, отдѣлывая каждый стихъ; новое изданіе его сочиненія иногда являлось у него иногда новымъ произведеніемъ; при этомъ онъ лишень былъ излишняго самоумѣнія, много не хотѣлъ перепечатывать и собраніе его «Твореній», изданное въ концѣ жизни, не заключаетъ и половины написаннаго имъ (прим.). Всю жизнь Херасковъ не уставалъ перечитывать великія созданія другихъ литературъ; зная языки онъ близко ознакомился съ Гомеромъ и съ Вергилиемъ, и съ Виландомъ и съ Вольтеромъ Расиномъ; (л. 4) не чужды остались ему и Англійскіе и итальянскіе поэты; въ его произведеніяхъ видны слѣды знакомства съ что не чужды остались ему и Дантэ, и съ Мильтономъ и Тассо; вообще, громадная начитанность Хераскова почти удивляетъ при чтеніи его поэмъ и романовъ. Знакомство съ этими корифеями литературъ развило его тонкій вкусъ. Несомнѣнно, что Херасковъ обладалъ тонкимъ литературнымъ вкусомъ. Онъ высоко ставилъ Державина, столь противоположнаго ему по свойствамъ таланта, и радостно привѣтствовалъ новое литературное поколѣніе, шедшее на смѣну его самого и его друзей. Въ кругу писателей такъ высоко ставили сужденіе Хераскова, что рѣдкій изъ нихъ не обращался

¹¹ Прим. В.Я. Брюсова: «Противоположность Д. и Х. довольно ярко выразилась въ двухъ сходныхъ одахъ этихъ поэтовъ – въ одѣ Богъ Державина и въ одѣ Къ Богу Хераскова. Замѣчу кстати, что ода Хераскова была написана раньше Державинской. Она напечатана въ первый разъ въ 1778 г., а ода Держ. начата имъ въ 1780 г., а напечатана въ 1784 г. Слѣдовательно ошибаются тѣ, кто называетъ оду Хераскова “явнымъ подражаніемъ” Д–у». В дальнейшем, опуская его примечанія, мы этого специально не оговариваем.

¹² В конце отрывка Брюсовъ даетъ еще одинъ знакъ для вышеприведеннаго примечанія.

къ нему за совѣтомъ въ своихъ литературныхъ трудахъ. Есть извѣстіе, что Державинъ «ни одного сочиненія своего не издавалъ въ свѣтъ, не прочитавши его напередъ Хераскову и не спрося объ ономъ его мнѣнія».

Сочиненія Хераскова не имѣютъ самостоятельнаго значенія, но они сыграли важную роль въ исторіи литературы. Херасковъ далъ примѣръ, какъ подчинять вдохно-(л. 4 об.)веніе разсудку.

<...> Талантъ Хераскова главн. образомъ повѣствовательный, нѣкоторыя изъ его картинъ достигаютъ высокой пластичности. <...>

Л. 6. Херасковъ владѣлъ ети русскимъ стихомъ какъ немногіе до Пушкина. Строфы Хераскова закончены, округлы, цѣльны.

<...>

Благодаря так. версификаторск. таланту Хер.^у особенно удавались переложенія, т. е. произведенія, гдѣ содержаніе уже дано... (об.). О Херасковѣ сложилось мнѣніе, какъ объ «угрюмомъ педантѣ, внѣ Лагарпа не видѣвшемъ спасенія». Но – то-то и то-то. Въ значительной мѣрѣ такой взглядъ зависитъ отъ того, что въ Х. видятъ только автора Россіады, забывая его другія произведенія. Между тѣмъ характеръ ихъ весьма разнообразенъ.

Такъ, есть у Хер. маленькая поэмка «Пилигримы», к<отор>ую можно назвать сестрою Душеньки и предшественницей «Руслана и Людмилы». «Пилигримы» – шутивное описаніе приключеній на пути въ Храмъ Счастія. Х. поминутно прерываетъ свой разсказъ, сравниваетъ положеніе своихъ героевъ съ событіями въ другихъ поэмахъ и романахъ, дѣлаетъ лирическія отступленія, подсмѣивается надъ чудесами своей фантазіи... <...>

Л. 7 об. Современники зачитывались Россіадой и тому, кто [нрзб] самъ прочелъ ее, это вполне понятно (?). По сюжету Россіада занимательна не менѣ Освобожд. Иерусал<има>, а въ тѣ времена романа, въ той ф. <ормѣ? – А.Л.> какъ мы его знаемъ, у насъ еще не существовало. Упрекаютъ Россіаду въ томъ, что она произведеніе подражательное. Но такъ и былъ замыселъ автора – онъ хотѣлъ собрать въ своемъ твореніи лучшія сцены всѣхъ прославленных <? – А.Л.> эпопей. Россіада подражательна ровно настолько, какъ и Энеида. Во Владимірѣ Хер. показаль, что онъ умѣетъ и быть оригинальнымъ. Вообще эта вторая поэма выше и глубже по содержанію, красивѣе и совершеннѣе (л. 8) по формѣ. Она относится къ Россіадѣ какъ зрѣлость таланта къ первому опыту.

Строгій судъ надъ Россіадой, м. б., объясняется тѣмъ, что первыя ея двѣ пѣсни слабѣ остальныхъ. Зато третья едва ли не лучшая изъ всѣхъ. <...>

Л. 8 об. Особенно хороши два мѣста въ III п.»

Главного Брюсовъ не произноситъ – оценка таланта Хераскова высказана у него в духе академического позитивизма тогдашней эпохи. Но в статьѣ – наряду с этимъ конвенциональнымъ мотивомъ – присутствует, по-видимому, другой, личный.

Сопоставленіе Хераскова и Державина у Брюсова напоминаетъ то, что будутъ писать о немъ, сравнивая его с Бальмонтомъ. До «Грядущихъ гунновъ» пока далеко, до положенія мэтра и патриарха – еще дальше, но вниманіе к новизне и стремленіе понять и приветствовать ее – то, что будетъ характерно для Брюсова на протяжении всей его жизни. Чувствовал ли он – предвосхищая в очерке поэзии Хераскова черты

собственного творческого облика – глубокое внутреннее родство с поэтом, о котором писал? Нам кажется, для таких предположений есть определенные основания. Тем не менее эти мысли не стали достоянием широкой публики и не оказали никакого влияния на репутацию Хераскова – в обстоятельствах, которые были благоприятны для ее пересмотра. Пореволюционный период не внес в ситуацию принципиальных изменений – и мы его не рассматриваем. Единственное, что можно сказать, – поскольку Херасков не переиздается, доступность его текстов уменьшается, и знакомство с ним все более и более ограничивается кругами филологов-профессионалов¹³.

* * *

Теперь нам нужно вернуться к исходной точке. Мы рассмотрели факторы, которые влияли и могли влиять на посмертную судьбу Хераскова; эти факторы – общественное мнение, критика, школа. Мы пришли к выводу (расходящемуся с выводами И.Н. Розанова), согласно которому критика не в состоянии оказывать самостоятельного влияния на литературную репутацию: она сильна лишь тогда, когда ее слово падает на подготовленную почву, когда она говорит публике то, что та желает услышать и, следовательно, уже думает – до всякой критики. К этому нужно добавить еще одно обстоятельство. Литературная репутация – явление не одного дня и не одного десятилетия; в ней нет гарантий и закрытых зон. Даже кумиры столетий – Гомер, Вергилий, Данте – могут подвергаться нещадным нападкам и выпасть из плодотворного читательского опыта целых эпох. А потому любой успех критики можно рассматривать как временный: всё доступно пересмотру; так, несмотря на весь авторитет Буало, Сент-Бёву удалось во многом восстановить репутацию поэтов «Плеяды». Мы говорили уже о том, как мало удалось Мерзлякову; но не больше – и Белинскому. Все предметы его оценок в нашем распоряжении; все его оценки доступны пересмотру. И если мы сделали это с Баратынским и не сделали с Бенедиктовым, то только потому, что, на наш сегодняшний вкус, с Баратынским Белинский ошибся, а с Бенедиктовым – был прав; основополагающим фактором современной репутации этих поэтов уж во всяком случае является не авторитетное суждение критика. Важно и то, что в заочном споре условного «Буало» и столь же условного «Сент-Бёва» предпочтительные шансы на стороне последнего: восстановить репутацию легче, и достигнутый

¹³ Экземпляр третьего издания «Россиады», принадлежащий автору этих строк и приобретенный на аукционе «Литературной газеты», был когда-то собственностью поэта Сергея Сергеевича Наровчатова. Так со ссылкой на прежних владельцев было мне сказано распорядителем аукциона; документальным подтверждением этого факта я не располагаю, но он не представляется совсем уж невероятным. Экземпляр имеет многочисленные пометы, свидетельствующие о внимании к формальным аспектам версификации.

результат оказывается прочнее – в том числе и за счет того фактора, что человеческому сознанию – по крайней мере в отдаленной перспективе и применительно к седой древности – приятна мысль о наличии в национальной сокровищнице дополнительного золотого запаса, хотя бы он утратил всякую актуальность и к нему обращались одни эстеты. Мы не разбирали подробно проблематику «Херасков в школе», поскольку для этого у нас недостаточно материалов; однако то, что некоторое время он был школьным автором, не спасло его, как позднее не спасло – *mutatis mutandis* – писательский авторитет Николая Гавриловича Чернышевского; как не спасло еще тогда всю старую русскую литературу, которая утратила (почти полностью и, кажется, окончательно) свой школьный статус.

Глубоко ложным представляется нам еще один тезис И.Н. Розанова, а именно следующий:

«Закономерность в литературных движениях гораздо более обуславливается отталкиванием, чем притяжением. Важно то, что здесь мы не выходим за пределы родной литературы. Отталкиваться от литературных явлений на чужих языках не имело бы ни малейшего смысла. Можно бороться лишь с их отображением в родной литературе. Русский символизм в его главных чертах непременно возник бы и без влияний Бодлера и Верлена»¹⁴.

Как раз Херасков стал жертвой общеевропейского процесса, который привел к переоценке многих литературных традиций – Рим и Франция утратили прежнее влияние, Англия и Германия его приобрели; соответственно шла переоценка и своего, домашнего. Равным образом лишь локальную эвристическую ценность можно признать за версией отталкивания; она исходит из последовательной смены школ, а в жизни многое разворачивается параллельно, да и, кроме того, сам темп изменений в эпоху до катастрофы рубежа XVIII–XIX вв. был значительно меньше. Здесь мы подходим к понятию, которое, по-видимому, является для нас ключевым, – «непосредственного восприятия». В силу его статуса мы не даем ему определения, хотя предпримем попытку указать ряд свойств; и сразу оговоримся, что литературная репутация высокого уровня складывается тогда, когда непосредственное восприятие перестает быть решающим фактором, – Мильтону, например, не мешает считаться великим поэтом то обстоятельство, что его никто не читает и что его в принципе невозможно читать. Можно утверждать, что настоящая литературная слава – единодушное высокое мнение не читавших¹⁵.

¹⁴ *Розанов И.Н.* Ритм эпох // Розанов И.Н. Литературные репутации: Работы разных лет. С. 20.

¹⁵ Над «не читал, но скажу» смеяться не стоит: это естественная защитная реакция индивидуума, желающего сохранить инициативу перед лицом подавляющей массы печатной продукции. Для того чтоб выбирать, предварительное мнение должно быть составлено прежде чтения; и, безусловно, иметь четкую стратегию в данном вопросе – выигранный ход.

Для того чтобы непосредственное восприятие стало фактором литературной славы, оно должно быть массовым; желательно, чтоб оно принадлежало поколению, успешному в продвижении своих эстетических пристрастий. Хераскову в этом отношении не повезло: ценившее его поколение Муравьева (1757–1807), Дмитриева (1760–1837) и Шаликова (1768–1852) оказалось аутсайдером в литературе, а поколение Батюшкова (1787–1855), Вяземского (1792–1878) и Пушкина (1799–1837; во всех случаях для нас важна первая дата), которому принадлежало лидерство и которое смогло оказать решающее влияние на литературные вкусы последующего, обладало уже совсем другими эстетическими установками. (Отметим, впрочем, и тот факт, что братья Полевые принадлежали к пушкинскому поколению; но неприятие Хераскова у них вторичное, «эстетико-идеологическое», поскольку на ранние их вкусы оказывала воздействие совершенно другая, консервативная языковая среда; рассуждение о «поколениях» невозможно без очень существенных оговорок.) Но в непосредственном восприятии по самому его характеру не может быть единства: при всей художественной убедительности Гоголя (как для его современников, так и для нас), она не играла никакой роли для Николая Полевого, у которого вызывало отвращение (вполне искреннее, без «тактики») то, чем восхищалась молодежь; Иосиф Александрович Бродский несомненно пользуется репутацией лучшего русскоязычного поэта второй половины XX столетия, однако и пишущий эти строки, и многие лично знакомые ему просвещенные люди отказывают ему вовсе в поэтическом даровании. Ю.И. Айхенвальд писал когда-то в эссе о Белинском:

«Придя к безотрадным выводам о знаменитом критике, я не мог не спросить себя, почему же он знаменит, нет ведь дыма без огня. И вот здесь, в своем ответе, я был неправ: в области духовных явлений бывает и без огня дым и не всегда слава заслужена...»¹⁶.

Если мы добавим, что бывает и огонь без дыма, наш анализ охватит все наличные возможности. По-видимому, ситуация в современном мире (когда традиций, на которые могли бы опираться и писатель, и читатель, достаточно много) гораздо сложнее, нежели в не таком отдаленном XIX столетии с его параллельным существованием мейнстрима, традиции уходящей и традиции восходящей; может ли в отсутствие мейнстрима вообще сформироваться крупная литературная репутация – вопрос, на который должны дать ответ ближайшие десятилетия. С уверенностью можно утверждать, что это будет много сложнее.

¹⁶ *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. Спор о Белинском. М., 1994. С. 589.

Но литературная репутация – то, что можно изучать только на больших хронологических промежутках. Таким образом, само по себе непосредственное восприятие будет, несомненно, двойиться: оно чрезвычайно разное у современников, для которых языковой фон тождествен авторскому, и для всех остальных – начиная с потомства и заканчивая иностранцами, которые могут читать произведение либо в переводе, либо на языке, который не является для них родным. Для первого случая возможны два подхода – можно мысленно сделать поправку на привнесенное переводом искажение и предположить, что в оригинале данное произведение – шедевр, но читателю приходится довольствоваться плохой копией с божественного оригинала (это путь огромного большинства), либо оценивать оригинал, абстрагируясь от искажающего фактора. (Филология не может забыть, что произведение литературы – это произведение искусства *слова*; но для большинства читателей этот факт далеко не очевиден.) Таким образом, международная репутация становится более устойчивой: действие тех факторов, которые могли бы разрушить обаяние в своей языковой среде, демпфируется читательским «смирением», готовым в воображении дорисовать то, чего не воспроизводит копия.

Безусловно, трудно заслужить устойчивую репутацию, не сумев «очаровать» хотя бы одно читательское поколение. Лежащий на дне корабль должен выбросить на поверхность несколько предметов, свидетельствующих о его пребывании там, – иначе оно просто не будет никем обнаружено. Но для того, чтобы искусство слова могло оказать свое обаятельное воздействие, не только желательна, но даже и необходима образованная публика; если древние не сомневались, что были поэты и до Гомера, мы можем к этому прибавить, что у этих догомеровских поэтов была своя, догомеровская аудитория. Потому условному «Невию» в перспективе веков сложнее, чем «Эннию», а «Эннию» – чем Вергилию (положение «Энния» осложняется тем, что «Вергилий» пришел или может прийти); но у писателя появляется дополнительный шанс, когда в моду входят архаические вкусы. И вот тут-то положение в начальной точке предпочтительней, чем в середине; когда будет написана полная история русского литературного языка, станет ясно, насколько многим «школа гармонической точности» обязана Хераскову и насколько сильнее в пушкинской эпохе влияние его языковых установок, нежели, скажем, ломоносовских и державинских; именно это обстоятельство, когда к поэзии XVIII в. обращаются в поисках «непохожего», усиливает позицию Державина, Ломоносова, Тредьяковского, но не Хераскова. Здесь идеальным аналогом является литературная судьба Луцилия:

«Луцилий сознательно усваивает строгий формальный идеал и пишет простой, благородной речью; Варрон воспринимает его как представителя

gracilitas, “*утонченности*”. Возражение Горация – сатиры Луцилия напоминают “мутный поток” – неосновательно, поскольку писатель эпохи Августа позднее пересматривает это контекстно обусловленное суждение и признает, что для своего времени Луцилий мог вполне считаться тонко образованным (*doctus*) и не чуждым столичного лоска (*urbanus*), более умелым, чем все предшественники (*sat.* 1, 10, 64–71). Здесь мы сталкиваемся со смещением по фазе, столь усложняющим для нас суждение о древней римской поэзии. Наблюдатель, отталкивающийся от Горация, видит архаизмы Луцилия и оценивает их – по своему вкусу – как несовершенство или особое преимущество, в то время как перспектива для Луцилия – совершенно обратная. Его манил тот шаг вперед, который ему предстояло сделать в утончении языка и формы. Другие обогнали его на этом пути; и именно поэтому наше зрение здесь должно быть особенно острым»¹⁷.

По-видимому, для посмертной репутации весьма полезна жизненная катастрофа. Сегодняшние литературные вкусы вряд ли в состоянии обеспечить Андре Шенье хоть сколько-нибудь заметную читательскую аудиторию; но образ погибшего на эшафоте юноши останется в памяти потомства прочнее, чем прекрасные, но окончательно вышедшие из моды стихи. Дубинка Артемия Петровича Вольнского и смерть в нищете дают дополнительное преимущество Третьяковскому. Добродетели Хераскова слишком скучные и пресные, чтобы помочь его литературной славе; для этого больше подходят блестящие пороки. Его же недостаточная стойкость перед лицом самодержавной власти, отречение от масонства перед лицом угрозы не заточения в крепости, а всего лишь служебных неприятностей усиливают эффект неприятия. Определенную фору получает, по-видимому, и «непризнанный» автор, если ему удастся каким-либо образом привлечь к себе общественное внимание; риск велик, но и репутационный выигрыш возможен значительный.

Итак, «русский Гомер» сумел понравиться на уровне «непосредственного восприятия» тому поколению, чье мнение в литературе не оказалось решающим; поколение же победителей, находящееся под влиянием свежих западноевропейских идей, было менее чем кто-либо расположено его ценить; вторичной волны интереса ему не могли обеспечить ни архаичный язык (здесь было много более удачливых претендентов), ни жизненные и творческие невзгоды. Невезение Хераскова связано с литературной революцией, возможно, самой масштабной из всех, доступных нашему наблюдению; полагаем, что его творческие установки нисколько не изменились бы, если бы он это знал – полагаем, что он это предчувствовал. Насколько же закономерны причины его репутационной катастрофы, могут показать только сравнительные исследования.

¹⁷ Альбрехт М. фон. История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на позднейшие эпохи. Т. I. М., 2003. С. 293.

Список литературы¹⁸

- *** [Предисловіе] // Херасковъ М.М. Россіада. Поэма въ XII пѣсняхъ. Полный текстъ поэмы. Объяснительныя статьи. Изданіе И. Глазунова. СПб., 1895.
- Алферовъ А.Д., Грузинскій А.Е.* Русская литература XVIII вѣка. Хрестоматія. Изданіе восьмое, исправленное. Въ первомъ изданіи допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Пров. Складъ изд. въ книгоиздательствѣ «Школа». М., 1918.
- Альбрехт М. фон.* История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияния на позднейшие эпохи. Т. I. М., 2003.
- Брюсов В.Я.* ОР РГБ. Ф. 386 (В.Я. Брюсов). Картон 41. Ед. хр. 13. «История русской лирики» [конец 1890-х гг.].
- Карпека Н.* Къ исторіи ложнаго классицизма въ Россіи. По урокамъ преподавателя Д.Н. Ревуцкаго составилъ Н. Карпека, уч. 6-го кл. Кіевской гимназіи В.П. Науменко (на правахъ рукописи). Кіевъ, 1911.
- Полевой П.Н.* Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Въ трехъ томахъ. Т. II. СПб., изд. А.Ф. Маркса, 1900.
- Розанов И.Н.* Встречи с Брюсовым // Литературные репутации. Работы разных лет. М., 1990.
- Розанов И.Н.* Ритм эпох // Литературные репутации. Работы разных лет. М., 1990.
- Ситовскій В.В.* Исторія русской словесности. Часть II (Исторія литературы съ эпохи Петра В. до Пушкина). Примѣнительно къ Исторической Хрестоматіи. Т. II. Вып. 1, 2, 3. Изданіе седьмое. Пг., 1917.

Сведения об авторе: *Любжин Алексей Игоревич*, канд. филол. наук, зав. сектором книг Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ. E-mail: vultur@mail.ru

¹⁸ Произведения, уже указанные в предшествующих частях статьи, в данный список не включены.

С.И. Кормилов, Г.А. Аманова

**МЕТРИКА, РИФМА И СТРОФИКА В РУССКИХ
ПЕРЕВОДАХ ИЗ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ
(А.А. Ахматова, А.Л. Жовтис, Г.Б. Ярославцев)**

Статья третья¹

Из-за различия просодий ритм в русских переводах с некоторых восточных языков передается чрезвычайно условно. Немногочисленные переводчики корейской поэзии по-разному пытаются дать русский художественный аналог иноязычных приемов. В данном исследовании с точки зрения стиховедения рассматриваются работы трех переводчиков разного таланта и разной квалификации.

Ключевые слова: стих, полустишие, размер, стопа, рифма, строфа.

The translation of the poems from some oriental languages has the conditional character, because they have a varied prosody. Russian translators of Korean poetry, who are not numerous at present, tried to find the ways for artistic translations of the poetic methods of the foreign languages. The authors of this work to investigate of the translations of Korean poems made by the Russian translators, whose level of the skills and qualifications were not the same.

Key words: verse, hemistich, metre, metric foot, rhyme, stanza.

Г.Б. Ярославцев (1930–2004), в отличие от Ахматовой и Жовтиса – востоковед, окончил китайское отделение Московского института востоковедения. До 1990 г. работал редактором в Гослитиздате (издательстве «Художественная литература»), в частности, редактировал «Корейскую классическую поэзию» в переводе Ахматовой. Сам переводил с китайского, вьетнамского, тайского языков. В 1975 г. перевел 25 стихотворных вставок в корейскую прозу (из них 22 – в знаменитую «Повесть о верной Чхунхян...»), в том числе разными формами силлабо-тоники – 19 и дольника – 6. Рифмы использованы во всех силлабо-тонических стихотворениях (правда, в одном рифма тавтологическая, т. е. повторяется на конце стихов одно и то же слово), три дольниковых не зарифмованы и в одном рифма тавтологическая [Классическая проза..., 1975: 254, 266, 302, 341–346, 355–357, 360, 362–365].

¹ Статью первую см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 5. С. 92–115; статью вторую – там же. 2013. № 6. С. 75–93.

В 1977 г. Ярославцев выступил в числе 13 переводчиков (включая Ахматову и Жовтиса) подборки корейской поэзии, вошедшей в специальный том серии «Библиотека всемирной литературы» [Классическая поэзия..., 1977: 407, 408], но это только три произведения (из 263) общим объемом в 16 стихов, а именно «Дикая роза», «Беседка Лимгён на реке Хвансан» и «В Шеньяне расстаюсь с другом из родных мест» Чхе Чхивона (857-?). Первое существует также в переводе Жовтиса. У него это 16 строк 3-иктного дольника на дактилической основе без пробелов, но синтаксически и клаузулами разделенные на четверостишия (после каждого трех женских окончаний следует мужское, более подходящее для завершения строфы [<Холшевников>, 2005: 59]): «Пышная черная роза // В поле цветет одиноко. // Ветка к земле пригнулась, // Тень от нее дрожит» и т. д. [Жовтис, 1983: 88]. Ярославцев решил, что корейскому поэту IX в. надлежит выглядеть более «классичным» как по русским, так и по китайским понятиям. У него не дактилический белый дольник средней величины, а ровный длинный – 5-стопный – дактиль с рифмами через нерифмующийся стих (АБВб), графически разделенный горизонтальными пробелами, которые, однако, не отмечают цезуру, так как приходится на разные места в строке:

Дикая роза, расту на заброшенном поле,
 В уединении тонкие ветки клоню.
 Северный ветер утихнет – и я неподвижна,
 Дождь прошумит – аромат свой подолгу храню.

Выгадала не поэзия, а типография, поскольку у Ярославцева строк вдвое меньше, чем у Жовтиса. Два других его перевода из Чхе Чхивона также зарифмованы: четверостишие про беседку – попарно (аабб), про расставание с другом – по схеме абаб. Стихи в обоих текстах тоже длинные, но в первом случае переводчик прибег к 6-иктному дольнику, на сей раз правильно разделив его по цезуре («Окутаны горы дымкой. Широкий речной простор. // В зеркальной воде отразились деревня и зелень гор»), во втором же случае 6-стопный анапест с цезурным наращением графически поделен на полустишия – строчные буквы в начале четных строк и рифмовка показывают, что это именно полустишия, а не стихи (в подборке «Библиотеки всемирной литературы» это частый прием, только большинство других переводчиков, в отличие от Ярославцева, там предпочитает дольник и еще более раскованный стих):

Повстречались – недолгая радость:
 в горы Чу воротилась весна.
 Вот опять предстоит разлучиться,
 и слезами наполнен платок.
 Жизнь гонимого ветром скитальца
 то унынем, то верой полна.
 Земляка на чужбине увидеть
 удивительный случай помог!..

Впоследствии Ярославцев счел, что рифмованный силлаботонический стих, да еще всячески усложненный, весьма подходит и для переводов корейского поэта XX в.

В 1984 г. он опубликовал подборку переведенных им стихов Ким Соволя. Другой востоковед, Л.В. Галкина, снабдила Ярославцева подстрочниками. По пути того или иного предшественника он не пошел. В частности, к рифмовке, в том числе замысловатой, он тяготеет гораздо больше, чем Жовтис. Правда, лидирующим размером у него остался 5-стопный ямб (как в русской поэзии XX в.). Но это всего лишь три стихотворения из 31 [Ким Своль, 1984: 9–10, 14, 22–23]², правда, одно из них, «Родина», четырехчастное. Только 3-иктный дольник (с. 16, 17) и 4–3-стопный ямб (с. 12, 13) употреблены по два раза. Остальные 24 стихотворения наделены каждое своим собственным размером или сочетанием размеров (27 размеров и их сочетаний на 31 произведение!), чего отнюдь не было в оригиналах. И почти никаких намеков на свободный стих. Г.Б. Ярославцев постарался выставить форму поэзии Ким Соволя как довольно-таки разнообразную, оставаясь в пределах русского классического стиха и дольника. Если это «ахматовский» путь, то доведенный до абсурда. Более или менее адекватных аналогов оригиналам этот переводчик не нашел, да и не старался искать. От «самого национального из корейских поэтов нового времени» [Галкина, 1984: 8], как сказано в предисловии к публикации, на уровне стихотворной формы во многих случаях почти ничего не осталось.

В рамках 5-стопного ямба Ярославцев тоже хотел показать себя (а, по сути, вовсе не Ким Соволя) наиболее изобретательным. В каждой части «Родины» две строфы. В первой части одно четверостишие со сплошными дактилическими окончаниями (совершенно не характерными для корейского языка), другое с тремя зарифмованными женскими: *поглотила–растила–сроднило* (что тоже чуждо корейцам) – и заключительным дактилическим в рефренном слове «родина!» Вторая часть (обе строфы) упорядоченной неполной рифмовкой ЖЖДЖ («Весною птиц лесных повсюду пенье, // Азалий горных пышное цветенье, // А осенью в ручье листы кленовые // Плывут себе, несутся по теченью» (с. 9)) напоминает персидские рубаи, но к китаисту Ярославцеву эта форма пришла, конечно, из литературы, знакомой ему в оригинале: «Разновидностью уставного стиха ш и являются четверостишия, т. наз. “оборванные строки” (цзюэцзюи). Это как бы половинка обычного 5- или 7-сложного стиха, построенная по тем же законам. Нерифмованной в нем, как правило, остается только предпоследняя строка, она как бы подчеркивает следующую

² Далее страницы этой подборки указываются в круглых скобках без отсылки к источнику.

за ней концовку» [Лисевич, 2001: 355]³. Ту же форму Ярославцев использовал в первой строфе четвертой части этого патриотического стихотворения Ким Совея (с. 10) и в третьей строфе «Зова души», тоже патриотического (его начальные слова «Имя любимой» переводчик снабдил примечанием: «Автор посвятил это стихи родине, страдавшей под гнетом японской оккупации» (с. 24)), только дополнил ее рефреном «я называю» (он имеется лишь в первой и третьей строфах, в трех остальных его нет). Когда писались эти стихи, корейская литература старалась освободиться от многовекового китайского доминирования [Аманова, 2011: 12–18], а переводчик (точнее сказать, перелagатель) самого национального поэта «окитаил» как раз наиболее патриотические его произведения.

Ярославцев сделал корейца похожим также на араба или перса. Первая строфа третьей части «Родины» имеет два редифа (рифмуются слова, предшествующие повторяющемуся слову «родина»): «Скиталец я. Чужбиной стала родина, // Но сны мои не покидала родина. // Отец и мать в моих объятых – родина. // Воспоминание о братьях – родина» (с. 9). Во второй строфе обычные женские рифмы ААББ. Однако редиф вновь появился в стихотворениях «Много дней спустя» и «Красный прилив». В переводе «Много дней спустя» первое двустушие (двустушия разделены пробелами) – «Пусть много дней спустя ты вновь ко мне придешь, // Тогда тебе скажу одно: “Забыла”», второе – «Ты, может быть, меня в душе и попрекнешь, // Я повторю: “Грустила, но – забыла”» (с. 20). Во вторых строках двустуший рифмуются субстантивированное числительное *одно* и акцентуированный союз *но*, после которых следует повторяющееся слово «Забыла». В «Красном приливе» пробелов нет, а длинный Ан5 графически разделен на полустушия, записанные уступом. Первые два стиха (второе и четвертое полустушия) – с обычной рифмой *прилив–бурлив*, потом три стиха без рифм, а в конце двустушие, выделяющее в отдельную строку рефрен-реди́ф: «Быть подобным тебе я мечтаю, // О красный прилив, // Ликованье твое разделяю, // О красный прилив!» (с. 23).

Заключительная строфа «Родины» выбивается из всех традиций. В ней не четыре, а пять стихов, из которых только два рифмуются через два оставленных без рифм: *забыты–забыли–смерти–землю–сохранили*. Так что в одном четырехчастном (17-строчном) стихо-

³ Вероятно, знаменитая ахматовская миниатюра 1956 г. «Не повторяй – (душа твоя богата) – // Того, что было сказано когда-то, // Но, может быть, поэзия сама – // Одна великолепная цитата» [Ахматова, 1999: 182] имела своим источником не рубаи, а цзюэцзюй (правильно так, а не «цзюэцзюй») [Китайско-русский..., 1959: 705]). С фарси Анна Андреевна не переводила, зато в четырех переводах из Ли Бо и Ли Шан-иня форму цзюэцзюй использовала [Ахматова, 2005: 273–275], только в первом случае, в стихотворении «Без названия (К безымянной)», разделила стихи Я5 надвое.

творении четко просматривается стремление переводчика на малом пространстве попробовать то одно, то другое, то третье.

Простотой отличается построение пятистопнымбического стихотворения «Богатство, знатность, слава и почет». Согласно примечанию, в заглавие вынесен «традиционный в корейской поэзии символ эфемерности мирской суеты; они – ничто перед миром вечности, перед неумолимым ходом времени» (с. 22). Стиховая форма также традиционна для русской переводческой школы: регулярно чередуются мужские и женские окончания без рифм. Так переводили многие чан-сиджо и А.А. Ахматова, и А.Л. Жовтис. В оригинале строка состоит из полустиший в 7 и 5 слогов, преимущественно свойственных тогда жанру чанга, испытывавшему влияние более развитой японской поэзии (это прямо «заимствованный из новой японской поэзии размер 7.5» [Тэн, 2003: 70]).

Еще один пятистопнымбический перевод назван Ярославцевым «Не знала». В корейском языке нет категории рода, но очень личный характер оригинала Ким Соволя позволяет утверждать, что род здесь должен быть мужским. Сравним подстрочный перевод Г.А. Амановой и стихи Ярославцева.

То, что луна ночью весной и осенью восходит одинаково, Я не знал раньше.	Нет, о луне, что еженощно восходит, Еще недавно я совсем не знала.
То, что я буду с разбитым сердцем от любви к тебе, Я не знал раньше.	Тоска какая западает в душу, Еще недавно я совсем не знала.
Что луна яркая, откуда бы на нее ни глядеть, Я не знал раньше.	Что можно так луною любоваться, Еще недавно я совсем не знала.
То, что луна однажды будет печальной, Я не знал раньше	Что станет лик луны моею грустью, Еще недавно я совсем не знала
[Аманова, 2011: 167].	(с. 14).

В оригинале рефрен значительно короче, чем неповторяющиеся строки; основной размер – 5.7 и 7.5.

Помкаыль эпси памада тотнын тальто Йечжонен мичйё моллассоё	5 7
Ирохке самучхике кырйо ольчульто Йечжонен мичйё моллассоё	7 5
Тари амман пальгато чхйэтаболь чурьль Йечжонен мичйё моллассоё	7 5
Ичекым чэтари сэримин чурьин Йечжонен мичйё моллассоё	6 5

«Мичйё моллассоё» [Ким Соволь, 1955: 101].

Переводчик и тут своеволен.

С рефреном, но вариативным, выполнен уже цитировавшийся перевод «Много дней спустя». В нем четыре ямбических двустушия. В первой половине стихотворения после 6-стопной строки, как было сказано, следует 5-стопный рефрен с редифом, вся вторая половина 6-стопная без редифа, т. е. в двух последних рефренных стихах рифмы нет кроме тавтологической. Первые же строки двустуший образовали было монорим: *придешь–попрекнешь–нож*, однако заключительное двустушие эту тенденцию перечеркнуло, в его первой строке слово на конце – *тебе*. У переводчика и здесь нет сколько-нибудь определенной установки; если есть, то только на разнообразие. В оригинале полустишия по 3-3-4 слога. Сопоставим оригинал и подстрочник Л.В. Галкиной.

Мон хуил таньсини чхачжысимиён Если, спустя много дней, ты придешь ко мне,
Кы ттэе нэ мари «ичжээннора». Тогда слова мои [будут]: «Забыла».

Таньсини согыро намуримйён Если в душе упрекнешь ты меня,
«Мучхэк кыридага ичжээннора». [Я отвечу]: «Очень тосковала, но забыла».

Кырэдо таньсини намуримйён Если ты снова меня упрекнешь,
«Миткичжи анасэ ичжээннора». [Я отвечу]: «Не верила и забыла».

Онылдо эждедо ани икко И вчера и сегодня я не забываю [тебя],
Мон хуил кы ттэен «ичжээннора» Но спустя много дней, тогда [я скажу]: «Забыла»
[Галкина, 1979: 150–151].

Выдержанный монорим, обнаруживающий в Ярославцеве именно китаиста, а не корееведа («Сейчас подавляющая масса китайских стихов имеет рифму (часто сквозную) <...>» [Лисевич, 2001: 356]), представлен в переводе «Весенние холмы». Его первое двустушие – «Изумрудный молодой ковыль словно хочет петь. // Ласковые белые лучи мне глаза слепят» (с. 14). Со словом *слепят* рифмуются последние слова остальных четырех двустуший, первые их строки остаются незарифмованными. Это напоминает также арабо-персидскую газель, но в переводах газелей первое двустушие зарифмовано и только потом рифма повторяется через строку. В четвертой строке «Весенних холмов» зарифмованы и полустишия: «Лепестки их желтые *струят* тонкий *аромат*». Длинный цезурованный размер, по сути, соединяющий в одной строке Х5 и Х3, особенно далек от ровного размера оригинала с полустишиями в 4-4-4-4 слога:

Согип пхурын коун чанди сорирадо нэрийонынтыт
Чэньчжэньхасин коун хэпийот нун ттыгне падырэмне

Чачжу тарын чагын ккотква норан мулдын сангукхваен
Талго йотхын инсэ хыллэ наби пори чамчжэуне.

Поксанаму салгунаму пулгусыре чхвихайэкко,
Кэчханьпэдыл пхаран качжи килге нырэ эрийне

Ире каттын пхарин сонын сѳрын тыси килге улго
Морыл сирым чолдон кѳнын тари пѳкко хапхѳймхане

Чхѳнѳчхѳ чхѳѳчхѳ угѳчжин гот сонѳи сонѳи пулгын ккотсуп,
Ккум качхи ури нимгва сонѳмок чапко нолдон телсе

«Чхунганѳ» [Галкина, 1979: 165].

Подстрочник Л.В. Галкиной:

Приятный зеленый молодой ковыль словно хочет петь.
Светлые милые солнечные лучи спят глаза.

В маленьких цветах, что часто носил тебе я,
в желтых хризантемах горных
Сладкий тонкий аромат струится. И бабочки уснули.

Персики, абрикосы одурманили красным цветом.
Плакучая ива вытянула свои длинные, зеленые ветки.

Тощий вол, проработавший весь день, протяжно, словно тоскуя, мычит.
Беззаботно дремлющий пес вытянул лапы, зевает.

Там, где разрослась зеленая трава, где красные бутоны в зарослях цветов,
Там, словно во сне, взявшись за руки, гуляли мы с любимой

[Галкина, 1979: 164].

Другой мономрим Ярославцева в длинном стихе – «Словно капли ночного дождя» («Жизнь моя, как потечешь, куда повернешь?..»). Здесь четыре логаядических двустишия. Строка, по сути, делится цезурой на полустишия ДЗ и Амф2, но в четвертой строке цезура сдвинута на один слог (приходится на середину слова *встанут*), и потому сложный размер нарушен: «Глыбы гранита ли встанут – их обогни». Четные строки заканчиваются рифмами: *сродни–обогни–дни–они*. Есть созвучия также на цезуре внутри первой и пятой строк, но в первой рифмуются слова в конце полустишия и стиха (*потечешь–повернешь*), а в пятой – соседние слова: «Все это так, но пути найти не могу» (с. 10). Видимо, зарифмованы и полустишия шестой строки (*суждены – дни*). В первом полустишии второй строки рифмуются слова *темна* и *бедна*. Есть аллитерации. В оригинале столь исхищренного перевода – полустишия по 7 и 5 слогов. Текст оригинала «Ночные дождевые капли» приводим с подстрочником Л.В. Галкиной.

Одеро тора каря наый синсенын	Куда повернет моя жизнь?
Нѳ синсе кайѳпсѳдо мулгва катхара	Моя жизнь хоть и жалка, но подобна воде.
Хѳмгучжын санмакчимѳн торасѳкаго	Если непроходимые скалы [встанут на пути], я их обогну.
Мочжирын павимѳн нѳмчхѳхырыра	Если грозные утесы [встанут на пути], я просочусь сквозь них.

Кыро̀на кырихэдо хенал кир эпсо Так-то оно так. Но нет пути, где бы я мог выбраться,
Кайэпсын сэрым манын касым нуллора Поэтому, полная грусти, жалкая душа моя угнетена.

Кы ама кыдо качхи яый у-учжэ́к И все это словно ночные дождевые капли.
Кы качхи чихянь эпси хемэмира Вот так, словно мечутся они без цели

[Галкина, 1979: 172–173].

Перевод Г.Б. Ярославцева «Словно капли дождя»:

Жизнь моя, как потечешь, куда повернешь?
Ты и темна и бедна, ты водам сродни...

Камни путь преградят – сквозь них просочись,
Глыбы гранита ли встанут – их обогни.

Все это так, но пути найти не могу.
Жалкой душе суждены печальные дни.

Капли ночного дождя – подобье мое:
Мечутся, мчатся во тьме без цели они

(с. 10).

Сложная авторская строфика – в переводе «Срываю травинки». Он состоит из двух трехстиший и двух четверостиший, расположенных по принципу чередования. В трехстишиях зарифмованы первые стихи, а третий, как сначала кажется, незарифмованный, записан уступом, что подчеркивает цезуру:

На горе, что за домом у нас, зелено-зелено.
В ручейке, что в траве протекает, песчаное дно.
Всё искрится вода,
всё куда-то течет и течет.

Следующее четверостишие зарифмовано по схеме *ааbb*, однако в двустишиях рифмуются не только концы строк, но и слова внутри их, причем на разных местах; в обоих случаях так выделяются анафоры, протяженная и короткая:

Каждый день о тебе я тоскую, милый, поверь.
Каждый день о тебе я горюю – где ты теперь?
Вот срываю травинки и к ручейку подхожу,
Вот бросаю их в воду и долго за ними слежу.

В трех строчках анапест, с которого начиналось стихотворение, сменился дольник; в четвертой он восстанавливается.

В следующем трехстишии первые, рифмирующие, строки тоже анапестические, а в третьей вернулся дольник:

Навсегда, навсегда,
и ручей ее не вернет

(с. 15).

Этим второе трехстишие отличается от первого. Но тут выясняется, что благодаря третьим стихам они связаны друг с другом

отдаленными рифмами – «через голову» четверостишия и начала второго трехстишия, которые сами попарно зарифмованы. В трехстишиях зарифмованы между собой последние слова и стихов, и полустихий, которые, таким образом, не случайно выделены уступом: *течет–вернет, вода–навсегда*.

В заключительном четверостишии вновь восстанавливается анапест. Тут уже никаких анафоров и внутренних рифм.

Так что при метрических вольностях – отступлениях в дольник – здесь наблюдается строфическая изощренность, которая в данном случае несколько близка к оригиналу. Он состоит из 14 строк в основном размера 7.5. Специалист пишет: «Случайная внутренняя рифма у Солова нередко встречается одновременно с постоянной, например, в стихотворении “Пхул ттаги” (“Собирая траву”):

.....
 Кыриун ури нимын эди кесинго
 Каэпнын инэ согыл тул гот эпсэ со
 Налмада пхурыл ттасэ муре тэнчжиго
 Хыллэканын ипхина мам-е поаё

.....
 Любимый, по которому тоскую, где [ты] сейчас?
 Нет места неприкаянной моей душе.
 Поэтому каждый день я рву траву и бросаю в воду.
 Травинки хоть и уплывают, но я утешаюсь.

---а / ---а // -----б
 ---а / ---в // -----
 --- / ---в --- // -----б
 ---а / ----- // -----

В этом стихотворении наряду с постоянной полноценной рифмой, образованной за счет окончаний основного падежа (вторая стопа первой строки) на “-ын” и окончаний причастия на “-нын” / “-н” (первая строка – первая стопа, вторая строка – первая стопа, четвертая строка – первая стопа), имеется случайная “эмбриональная” внутренняя рифма, образованная за счет окончаний винительного падежа на “-ыл” (окончание второй стопы второй строки и второй слог во второй стопе третьей строки)» [Галкина, 1979: 46].

Написанные сочетанием безрифменного 4- и 3-стопного ямба «Душа, стремящаяся к встрече» (с. 12) и «Облако» (с. 13) различаются клаузулами: только женскими в первом случае и только мужскими во втором. Короткие строки выделены отступами. «Душа...» разделена на два безрифменных шестистишия, текст «Облака» сплошной.

Два перевода в 3-иктном дольнике также неодинаковы по форме. В обоих использован уступ, вторая строка начинается со строчной буквы, но звучит как самостоятельный стих, например в начале «Утраченной возможности» (с. 16):

Йонбунхонь чогири ппалгакхе пулбунын
Пхйонъянъедо ирым нопхын Чаньбйолли
Кымсил ынсири канын силбинын
Писыдами нэринэ шпурине.

Тхэртхэрхан пэаммуный яньсане
Нэринын канын силбинын
Уеря арэря нэринэ шпурине.

Хырынын Тэдонъгань ханбокпхане
Улмйэ тэлдэн полсэый ттемури
Танъсингва ибйэрхадэн ханбокпхане
Пинын свилтхым эпси нэринэ шпурине

[Галкина, 1979: 247].

Подстрочник Л.В. Галкиной с комментарием:

«[Там], где вспыхнули алым пламенем нежно-розовые чогири,
Славное имя Чанбёлли известно даже в Пхеньяне.
Золотые нити, серебряные нити, тонкие нити дождя.
Падает дождь лучами косыми, льются [нити дождя].

На зонтик в пестрых змеиных узорах
Падают тонкие нити дождя.
На [зонтик], под [зонтик] падают [нити], льются [нити дождя].

Над серединой текущего Тэдонгана
С криком кружилась стайка польсэ.
На середине [Тэдонгана], где мы расстались,
Падает дождь не переставая, льются [нити] дождя.

Чанбёлли – предполагается, что это название острова на Тэдонгане. Название переводится: «Место, где воин расстался [с любимой]».

Польсэ – птица семейства колибри. Имеет красноватое оперение» [там же: 245].

Перечислим с краткими комментариями размеры и их сочетания, встречающиеся в подборке Г.Б. Ярославцева по одному разу.

Ямбические. ЯЗ – «Снег идет» (с. 18), нерифмованное, все окончания мужские, на конце каждого второго стиха эпифора «снег идет» или «идет, идет». Запись этих стихов (нечетных) с отступами, со строчной буквы, если предыдущее предложение не закончено.

Я4 – «На пепелище» (с. 21–22), полурифмованные шестистишия *абббгб*, окончания всех строк мужские. По совершенно непонятной причине среди четных стихов четвертый и шестой записаны со строчной буквы и с отступом вправо от уровня нечетных стихов, словно это полустистишия, а такой же второй – с прописной буквы и на том же уровне. Переводчику нужно разнообразие; логика для него необязательна.

Я6 (5) – «Много дней спустя» (с. 20), см. выше. Нечетные строки и две последних четных строки – варьируемого рефрена – выдерживают Я6, рефрен в двух первых двустопных – Я5.

Хореические. Х3 и 3+3 – «Красота цветущего поля» (с. 15–16), пять строфоидов. Первый – трехстишие Х3 с рифмующими второй и третьей строками: «Полю края нет. // Всюду, там и тут, // В нем цветы цветут». Во втором и третьем четырехстишных строфоидах размер удваивается: «Сколько видит глаз – травы разрослись» и т. д., выдерживается парная рифмовка. В четвертом строфоиде четыре строки, но три стиха: «Радостью полна, // Вольно дышит грудь» – это не два стиха Х3 (хотя полустиишие «Вольно...» начинается с прописной буквы), так как заканчивает стихотворение играющая роль отдельного строфоида строка-стих Х3+3 «Ветер. Тишина. Продолжаю путь», где последнее слово рифмуется со словом *грудь* в предыдущем строфоиде. Правда, рифма есть не только с концом стиха, но и с концом полустиишия: *полна–Тишина*. Почему Г.Б. Ярославцев в одном случае обособил рифмующееся полустиишие в отдельную строку, а в другом, тут же рядом, – нет, осталось очередной его неразрешимой загадкой.

Х4 – «Море» (с. 12), безрифменные четверостишия с одними женскими окончаниями, конец каждого кроме пробела маркирует эпифора-рефрен «Где ты, море?» Четные строки записаны с отступами, со строчных букв.

Х5+3 (или Х8 с пропуском безударного слога на цезуре) – «Весенние холмы» (с. 14), см. выше. Окончания одни мужские.

Х8 и 12 – «Вечером» (с. 25), без рифм, окончания женские. Три строфоида. Первый:

Пусто в поле,
люди к ночи
возвращаются со стадом.
Все неистовой,
все громче
споры праздные лягушек.
Синева небес поблекла,
и темней в ущелье стало
на извилистой тропинке.
Выше кажутся деревья,
в уходящей к небу кроне
птицы шумные гнездятся.

Ясно, что эти 12 строк – не 12 стихов, а два стиха Х8 и два – Х12. Конечно, слово «неистовой» не означает наличия стиховой дактилической клаузулы и строка «все громче» – не ямбическая, а часть хореического стиха.

Во втором строфоиде – три 12-стопных стиха (по три строки), в третьем – один Х8 и один Х12, но оба трехстрочные. Значит, строфоиды построены по убывающей (вполне возможно, что не случайно):

от четырех стихов к двум. То же и по строкам (при неравенстве размеров стихов): 12 – 9 – 6. До таких конфигураций никакие корейцы не додумывались. Это чистая эквилибристика в версификации.

Дактилический. Д43 – «Целительный сон» (с. 25–26), без рифм, в длинных стихах окончания тоже длинные, дактилические, в коротких – кратчайшие, мужские. Запись коротких (нечетных) – с отступами, со строчными буквами.

Амфибрахический. Амф43 – «На разрушенной песчаной дамбе» (с. 20–21), четверостишия *АбВб*, чередующие женские и мужские окончания. Короткие строки – с отступами, со строчными буквами в началах.

Анапестические размеры. Ан4 – «Мой дом» (с. 13), 13 стихов с мужскими окончаниями без рифм, стихи 6–7 графически разделены надвое («Стану ждать я: // Когда-нибудь мимо пойдет // Этой самой дорогою // Тот человек...»), образовавшиеся неравные полустишия, в том числе с женским и дактилическим окончаниями, подведены под общий ранжир с неразделенными стихами.

Ан5 – «Красный прилив» (с. 23), разделен на неодинаковые полустишия (вторые записаны отступом, со строчной буквы): в них есть разные анакрузы и клаузулы, но вместе полустишия всегда дают Ан5 с мужским окончанием. Разделения на строфы нет. Два первых стиха с рифмой, затем три без рифмы, наконец два с рифмой-редифом (см. выше).

Ан53 – «Думаю о доме» (с. 10–11), четверостишия перекрестной рифмовки (*абаб*), рифмы только мужские. Все строки – с прописной буквы, почему-то без отступов, несмотря на значительную разницу в длине.

Ан23 – «Азалии» (с. 19), трехстишия с женскими окончаниями, первый и второй стихи в них – рифмующиеся Ан2, третий – холостой Ан3. В оригинале – свободный стих в трехстишиях, но заключительный стих каждого из них выдержан в размере 5.7 или 7.5. Оригинал и подстрочник Г.А. Амановой:

На погика йӳккйӳво	Надумаешь уйти оттого, что наскучил тебе,
Касыл ттӳеын	Отпущу
Марӳпси кои понӳ тыриурида	5 7 Безмолвно.
Йӳнӳбйӳне яксан	И сорвав охапку
Чиндаллӳ ккот	Прекраснейших в мире азалий,
Арым ттада касил кире ппуриурида	7 5 Разбросаю на твоём пути.
Касинын кӳрым кӳрым	На каждом шагу встречая
Ноин кы ккочхил	Эти цветы,
Сабуни чире папко касиопосоӳ	7 5 Уходи, легко ступая по их лепесткам.
На погика йӳккйӳво	Надумаешь уйти оттого, что наскучил тебе,
Касил ттӳеынын	Умру...

Чугадо ани нунмул хыллиурида 5 7 Но слезу удержу

«Чиндаллэ ккот»

[Ким Соволь, 1955: 50]

[Аманова, 2007: 17–18].

Ан654 – «Происходящее во сне» (с. 24), полурифмованное, поделено на полустихия. Первая из двух строф:

На рассвете весною шаги шелестят
по росистой траве
Сквозь зеленый, до кромки небес
протянувшийся лес...
И шуршанье шагов по багряной листве
там, где сырость и прель,
В напоенном дождями и ветрами
мокром лесу.

То, что короткие строки – не самостоятельные стихи, доказывают две последних из них, где появляются чуждые всему стихотворению дактилическая клаузула *вётрами* и дактилическая анакруза *мокром*. Вместе же эти две строки дают естественный в данном контексте Ан5 после двух стихов Анб и одного (второго) Ан5, все окончания остаются мужскими. Концевых рифм нет, но совсем не традиционно конец первого стиха рифмуется с первым полустихием третьего (*траве–листве*), а в пределах одного второго стиха рифмуются *небес* и *лес*. Во второй строфе стопность анапеста – 6545. Самый длинный стих холостой, 5-стопные рифмуют *сна–весна*, а в 4-стопном рифмуются полустихия: «Путь по радуге – мой, // шаткий мост – подо мной...» Так что две строфы непохожи как размерами, так и рифмовкой.

Логаэд – «Словно капли ночного дождя» («Жизнь моя, как потечешь, куда повернешь?..») (с. 10), см. выше.

Дольники (кроме Дк3, употребленного дважды). Дк4 – «Дурной сон» (с. 11), без рифм, окончания женские, амфибрахические и дактилические анакрузы перемешаны. Разделено на две части по 10 и 7 стихов. Пропуски ударений на иктах порождают неподходящие в переводах с корейского ритмические формы «Ах, надоедливые вороны, // Неугомонные вы сороки!» и «Как обезумевшая цикада».

Дк43 – «Тальмаджи – праздник встречи луны» (с. 16–17), первый и предпоследний стихи – тактовик, а не дольник, анакрузы и клаузулы всех трех основных видов, использование отступов и строчной буквы в начале строк, по сути, произвольное, пробелов между ними нет. Начало как будто упорядоченное, разные анакрузы и клаузулы, стихи разной длины чередуются:

В пятнадцатый день первой луны
праздник старинный Тальмаджи.
Пойдемте смотреть, как всходит луна
в праздничный вечер Тальмаджи.

Однако тут же появляются два 3-иктных стиха с дактилическими клаузулами и разными анакрузами, подведенные под один ранжир с 4-иктными: «Мы наденем одежды новые, // Но грусть в душе будет старая...» (на слове *будет* икта нет), а потом повторяется второе двустипшие стихотворения с эпифорой «Тальмаджи». Оно связано анафорой со следующим 4-иктным стихом – «Пойдемте, соседи, встречать луну». Еще два 4-иктных почему-то размещены на странице по-разному, уступом, хотя они скреплены появившейся здесь рифмой:

Она над вершинами гор взойдет,
повиснет над гладью спокойных вод.

Так же расположены на странице следующие два стиха, аналогичные, но без рифмы, а потом еще 4-иктный стих и повторение 4-иктного с 3-иктным, завершающимся эпифорой. Заканчивается стихотворение по виду таким же четверостишием, как начальное:

Где старый друг? Здесь бродил я с ним...
Теперь мы могилу его навестим.
В пятнадцатый день первой луны
радостный праздник Тальмаджи.

На самом деле здесь первый стих рифмуется со вторым, как и он, 4-иктным (совпадающим с Амф4), но записанным с отступом, а 3-иктным является лишь заключительный стих с эпифорой. Стих про покойного друга ритмически чрезмерно утяжелен сверхсхемными ударениями.

Разумеется, и эта неуклюжая конструкция непохожа на оригинал, написанный полустишиями в 2-4-3, 3-4-3 и 4-4 слога. Оригиналы и подстрочник Л.В. Галкиной:

Чэньвол тэпорым нал талмачжи	В пятнадцатый день первой луны праздник Тальмачжи.
Талмачжи талмачжуньыл качжаго.	Пойдемте на встречу луны в праздник Тальмачжи!
Сэра сэосын кара ипкодо, Касымен мугын сэрым кыдэро Талмачжи талмачжуньыл качжаго!	Оденем самые новые одежды, Но со старой грустью в душе Пойдемте на встречу луны в праздник Тальмачжи.
Талмачжуньыл качжаго иутчипдыл!	Соседи, пойдемте на встречу луны,
Сануе сумйэне тал сосыл ттэ	Когда над вершинами гор и над водной гладью взойдет луна!
Торадыл качжаго иутчипдыл! Мочжакпйол самсэньи ттэрэчжил ттэ	Соседи, вернемся домой, Когда три звезды Мочжакпёль исчезнут на небе!

Талмачжи талмачжуньыл качжаго!	Пойдемте на встречу луны в праздник Тальмачжи!
Танидэн йеттоньму мудомгае	У могилы старого друга, к которому я когда-то ходил,
Чоньвол тэпорым нал талмачжи!	В пятнадцатый день первой луны праздник Тальмачжи
«Тальмачжи»	[Галкина, 1979: 178–179].

Дк34 – «Снег вечером» (с. 19–20), два четверостишия, в каждом из которых 4-иктная только вторая строка, и отделенный от них пробелом заключительный 3-иктный стих одновременно с утяжелением и облегчением ритма: «Хлопья, падайте в тишине!..» Только в нем анакруза анапестическая, в остальных стихах смешаны дактилические и амфибрахические. Клаузулы мужские. Рифмовка *абвб//гдгд//д*.

*Полиметрические конструкции*⁴ тяготеют к дактилической основе (при непопулярности дактиля в русской поэзии XX в.) за одним исключением: Ан5Дк5 – «Срываю травинки» (с. 15), см. выше.

Дк3Д3+ТВА (трехсложник, варьирующий анакрузу) – «Ветер и весна» (с. 14–15). В первых шести стихах дольник с пропуском удара на икте чередуется с Д3, потом и он переходит в Д3; окончания МЖ; имеются аллитерация на [в] и звуковая анафора: «Ветреная весна... // Веющий ветер весенний. // Весело на ветру // Ветви деревьев трепещут. // Душу волнует порыв // Вольного, властного ветра». Аллитерации для корейского стиха характерны, но у Ярославцева они слишком нарочитые. Последние шесть строк оформлены совсем иначе. Это 1- и 2-стопные трехсложники всех трех видов: «Вы, о цветы, // И ты, // Чаша вина, // Вас воспою // И допью // Чашу до дна». Появилась рифма. Схема рифмовки – *аабввб*.

Д2Дк3 – «Как бумажные змеи» (с. 18), четыре двустишия с женскими окончаниями без рифм:

За полдень только
в переулк солнце явилось.

Второе двустишие такое же; в третьем и четвертом полустишиях дольник заменен чистым анапестом.

Д4Д3Дк4 – «Зов души» (с. 23–24), пять нетождественных строф. Первая с рифмовкой *АААА* (окончания женские) и рефренным добавлением «я называю»; эти слова добавляются только к третьей строфе *ААБА* (как в цзюэцзюй, см. выше); размер обеих строф – Д4. Вторая строфа начинается таким же двустишием, но второе двусти-

⁴ В широком смысле. В принципе полиметрическими конструкциями (ПМК) лучше называть объединения так или иначе вычлененных отрезков текста разных размеров. К смешению размеров в нерасчленном тексте больше подходит термин В.Е. Холшевникова *зыбкий метр* [<Холшевников>, 2005: 69].

шие в ней – ДЗ с дактилическим окончанием: «Милой оно предназначено, // Милой, чье имя утрачено». Первое двустишие четвертой строфы – повторяющийся стих Дк3 «Зовом, тоскою я обессилен», второе двустишие – вновь Д4: «Голос призывный мой слаб, хоть и вятен: // Слишком простор для него необъятен» (какая-то некрасовская интонация у корейца)⁵. Пятая строфа начинается двустишием Дк4 с пропуском ударения на одном икте («Так постепенно я онемею, // Стоя на месте, окаменею»), заканчивается лексически чуть измененным вторым двустишием второй строфы в ДЗ с дактилическим окончанием («Статуя – ей предназначена, // Милой, чье имя утрачено...»).

Тк4ТВА вольный – «Китайская стена» (с. 20), миниатюра из шести строк. Лишь первая из них («Каждую ночь, целую ночь») формально совпадает с тактовиком, но в принципе это произвол переводчика, которому вздумалось далее обособить в отдельную строчку «Долгую ночь» (двусловные сочетания звучат как три стиха Д2 с тавтологической рифмой); через три строки со смежными рифмами заключительный стих Амф1 рифмуется с первыми: «Как в древнем Китае, // Стену великую то воздвигаю, // То разрушаю... // Точь-в-точь».

Д2Дк4Амф2 – «Сеульская ночь» (с. 18–19), опыт приблизительной передачи свободного стиха. В отличие от А.Л. Жовтиса, который в своем переводе использовал рифму только в конце, Г.Б. Ярославцев не забывает о ней изначально: «Красный – зеленый, // Красный–зеленый. // Попеременно, // Неугомонны, // Гаснут и вспыхивают огни – // Мертвую ночь сторожат они». Д2 в рамках одного предложения переходит в Дк4 с атонированным иктом. Потом еще три стиха Дк4 и удвоенный рефрен Д2; рифмы тавтологическая и обычная: «Путь закрыт – зажигается красный, // Путь открыт – сверкает зеленый. // Без перерыва в ночи бессонной // Красный–зеленый, // Красный–зеленый!..» После единственного в этом переводе пробела преобладает Д2, но начинается тирада стихом Дк4, и четвертый стих такой же. Сохраняется и рефрен. Анакрузы в дольнике тоже дактилические. Но вдруг после короткой прямой речи возникает амфибрахическая и через два стиха (Дк4 и Д4) дважды повторяется; заканчивает стихотворение дактилический рефрен: «“Ночи в Сеуле!” – // Цинично вздыхали. // В сонме огней иду, утомленный, // И отмечает мой мозг воспаленный // То сумрак глубокий, // То свет одинокий – // Красный–зеленый, // Красный–зеленый!» Такой стих еще в меньшей степени может считаться свободным, чем в переводе Жовтиса. Это скорее ТВА с вкраплениями дольника и отдельными

⁵ Л.Р. Концевич подобный недочет «подловил» и в варианте одного из переводов А.Л. Жовтиса: «<...> “шумит листвою зеленой...” слишком русский образ, так и слышится “идет, гудет зеленый шум...”» [Концевич, 2008: 430].

незарифмованными строками. У Ярославцева – 30 стихов, у Жовтиса – 35, в оригинале – 23 (см. статью вторую, с. 90).

Как видим, существующие подходы к переводам корейских стихов, буквально на русском языке невоспроизводимых, весьма многообразны. Прделанный в трех статьях анализ приводит к следующим выводам.

Переводы А.А. Ахматовой при некоторых недостатках остаются образцовыми. Используя в основном русский классический стих, она ненавязчиво создает *ощущение* иноязычного, экзотического стиха. Это, конечно, художественная условность, но искусство вообще условно.

А.Л. Жовтис руководствовался не поэтической интуицией, как Ахматова, а стиховедческими знаниями и попытался, с одной стороны, сохранить классическую форму сиджо с помощью использования одного размера, наиболее распространенного в современном русском стихе, – 5-стопного ямба, с другой же стороны, передать меньшую «классичность» прочих форм прежде всего с помощью довольно широкого привлечения дольника, отчасти похожего на некоторые корейские стихи, но, в отличие от них, – стиха современного. Не всё получилось на этих путях удачно, однако удач было достаточно много.

Г.Б. Ярославцев, бывший, в отличие от Ахматовой и Жовтиса, востоковедом, предпочел путь наиболее многочисленных экспериментов, максимально усложнил стихотворную технику исходя из возможностей русского стиха, – и, руководствуясь его теорией, а также теорией разных восточных литератур, гораздо дальше своих предшественников-практиков отошел от специфики корейского стиха, фигурально выражаясь, как переводчик именно стихотворных текстов расшиб себе лоб от чрезмерного усердия.

Список литературы

- Аманова Г.А. Корейская поэзия 20-х – 40-х гг. XX в. М., 2007.
- Аманова Г.А. Становление современных форм корейской поэзии (конец XIX – первая четверть XX в.). М., 2011.
- Ахматова Анна. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1999.
- Ахматова Анна. Собр. соч. Т. 8 (дополнительный). М., 2005.
- Галкина Л.В. Жизнь и творчество Ким Чжонсика (Соволя): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- Галкина Л. Ким Соволь // Восточный альманах. Вып. 12. Песнь свободы. М., 1984.
- Жовтис Александр. Эхо. Стихотворные переводы. Алма-Ата, 1983.
- Ким Соволь. На родине и вдали. Стихи. Перевод с корейского Г. Ярославцева // Восточный альманах. Вып. 12. Песнь свободы. М., 1984.

- Китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. 3-е изд. М., 1959.
- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977 («Библиотека всемирной литературы»).
- Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975 («Библиотека всемирной литературы»).
- Концевич Л.Р.* Оригинал – подстрочник – художественный перевод и границы их адекватности (из опыта переводов корейской средневековой поэзии) // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / Сост. Н.И. Никулин. М., 2008.
- Лисевич И.С.* Китайская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
- Тэн А.Н.* Очерки корейской литературы. XX век (до 1945 г.) // Journal of Korean Studies. Vol. 5 (special issue). Central Association for Korean Studies, 2003. October.
- <*Холшевников В.Е.*> Что такое русский стих // Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха / Сост. В.Е. Холшевников. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2005.
- Ким Соволь.* Сборник стихов. Пхеньян, 1955. (김소월 시선집. 업호석. 조선 작가동맹출판사. 평양. 1955.)

Сведения об авторах: *Кормилов Сергей Иванович*, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: profkormilov@mail.ru; *Аманова Гулистан Абдиразаковна*, канд. филол. наук, преподаватель китайского и турецкого языков (Ташкент–Москва). E-mail: mangul9797@mail.ru

А.Г. Степанов

СТИХОТВОРЕНИЕ И ЕГО ПРОЗАИЧЕСКИЙ ПАРАФРАЗ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Статья посвящена семантическим различиям между стихом и прозой. Рассматривается история вопроса, приводятся и комментируются примеры трансформации стихов в прозаический парафраз и прозаического замысла в стихи. Цель исследования – выяснить, как изменяется поэтическая семантика, когда стихотворение преобразуется в его прозаический аналог или фрагмент прозы – в стихотворный текст.

Ключевые слова: поэтика, стих и проза, стихотворная форма, проблемы поэтической семантики.

The article deals with semantic differences between verse and prose. The history of the problem is analyzed; examples of verse being transformed into a prosaic paraphrase, as well as the manifestation of a prosaic idea in a verse form, are given and commented on. The purpose of the analysis is to show the way semantics changes in the process of verse transitioning into its prosaic variant, or the other way round, when a prosaic fragment is transformed into a poetic text.

Key words: poetics, verse and prose, verse form, the problems of semantics in poetry.

К.И. Чуковский вспоминал, как в школе их классу задали выучить наизусть балладу А.С. Пушкина «Утопленник»:

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца»...

Стихи запоминались легко, но, когда к доске вышел один из учеников, он продекламировал следующее:

Перепуганные дети прибежали
с реки в избу
И закричали папаше своему (а их
папаша был рыбаком):
«Иди посмотри: наши рыбацьи сети
притащили к нам на берег этого...
как его?.. утопленника».

Класс захохотал, но ученику, получившему единицу, было не до смеха: «За что?! Ведь я пересказал вам все стихотворение верно. Ведь у Пушкина так и написано»¹.

¹ Цит. по: *Лейбсон В.И.* Чему учат стихи? Детская поэзия и эстетическое воспитание. М., 1964. С. 45.

Этот трагикомический эпизод обращает нас к проблеме, суть которой решительно выразил О.Э. Мандельштам. «...Там, где обнаружена соизмеримость вещи с пересказом, – пишет он в «Разговоре о Данте», – там простыни не смяты, там поэзия, так сказать, не ночевала»². Иного мнения придерживался М.Л. Гаспаров: «Полагаю, что каждый поэтический текст имеет смысл, поддающийся пересказу»³. Две этих реплики передают сложность понимания данной проблемы.

Вначале два уточнения. Во-первых, речь пойдет о семантической трансформации одного типа речи в другой, а не о механическом вытягивании стиховых рядов в типографскую линию прозы. Одним из первых это проделал М.П. Штокмар, превратив белый 5-стопный ямб с переносами и свободно чередующимися мужскими и женскими окончаниями в прозу⁴:

...К товарищам тогда в недоуменьи обратившись, Гамба сказал: кровавый след привел нас прямо сюда; он верно здесь; но этот дом обыскивать не стану я; с Маттео Фальконе ссориться опасно. Гамба стоял нахмурившись и тыкал в сено своим штыком, не думая чтоб там Санпьеро спрятан был; а Фортунато, как будто без намеренья цепочкой часов его играя, неприметно его отвесь от места рокового старался. Гамба, вынув из кармана часы, сказал: я уж давно тебе подарок, Фортунато, приготовил. Ведь у тебя до сих пор нет часов? – «Отец сказал, что мне их даст, как скоро двенадцать лет мне будет». – А тебе теперь лишь только десять. Эта песня долга. Вот посмотри сюда, какие прекрасные часы. – И он на солнце вертел их, и они сверкали ярко...⁵

Разумеется, ямбическая каденция и необычный синтаксис заставляют подозревать в этом фрагменте «подвох». Между тем, не зная оригинального текста (поэма В.А. Жуковского «Маттео Фальконе»), очень трудно восстановить его стихотворный облик:

...К товарищам тогда
В недоуменьи обратившись, Гамба
Сказал: «Кровавый след привел нас прямо
Сюда; он, верно, здесь; но этот дом
Обыскивать не стану я; с Маттео
Фальконе ссориться опасно». Гамба
Стоял нахмурившись и тыкал в сено
Своим штыком, не думая, чтоб там
Санпьеро спрятан был; а Фортунато,
Как будто без намеренья цепочкой
Часов его играя, неприметно
Его отвесь от места рокового

² Мандельштам О. Разговор о Данте // Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2: Проза. Переводы. С. 214.

³ Гаспаров М.Л. От А до Я // Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 180.

⁴ Ср. с обратной процедурой в «Даре» В.В. Набокова – превращением в белый 5-стопный ямб фрагмента из сочинения К. Марка и Ф. Энгельса, «чтобы не было так скучно».

⁵ Штокмар М.П. Ритмическая проза в «Островитянах» Лескова // *Arts poetica*. М., 1928. Вып. 2: Стих и проза. С. 191–192.

Старался. Гамба, вынув из кармана
Часы, сказал: «Я уж давно тебе
Подарок, Фортунато, приготовил.
Ведь у тебя до сих пор нет часов?» –
«Отец сказал, что мне их даст, как скоро
Двенадцать лет мне будет». – «А тебе
Теперь лишь только десять. Эта песня
Долга. Вот посмотри сюда, какие
Прекрасные часы». И он на солнце
Вертел их, и они сверкали ярко⁶.

При отказе от графического членения на речевые ряды и под воздействием enjambements мы перестаем различать границы ритмических отрезков, воспринимая звучащую речь только как последовательность синтаксических единиц. Но даже в случае стилистического тождества стихотворный и прозаический тексты интонационно не совпадают: естественность разговорной интонации в стихе оттеняется ее нарочитостью в прозаическом фрагменте.

Опыт М.П. Штокмара продолжили С.М. Бонди⁷, М.М. Гиршман⁸, А.Л. Жовтис⁹ и др., причем А.Л. Жовтис показал, что между графической формой текста и тем, как мы его интерпретируем, существует прямая связь. «В любой прозе можно найти отрезки, которые могли бы войти в стих (“случайные ямбы” и пр.), но стихотворная интонация, базирующаяся на этом ритмообразующем “каркасе”, не возникает. И наоборот, такая интонация возникает, и в нее вовлекаются немотивированные звуковые, лексические и прочие повторы тогда, когда графически как стих представлена “чистая” проза»¹⁰.

Во-вторых, мы исключили из рассмотрения случаи транспонирования стиха в прозу, цель которых – указать на недостатки конкретных стихов:

Шли в Управленье разговоры:
Кайтанов – он такой-сякой,
Поспорит и дойдет до ссоры,
Не ценит собственный покой.
Набрался мудрости на войнах,
Разнес проект в один момент.
Им инженеры недовольны,
Обижен член-корреспондент.
Однако он работник дельный,
Имеет несколько наград...

⁶ Жуковский В.А. Маттео Фальконе: корсиканская повесть // Собр. соч.: В 4 т. Т. 2: Баллады, поэмы и повести. М.; Л., 1959. С. 432.

⁷ См.: Харлап М. О стихе. М., 1966. С. 88–89.

⁸ См.: Гиршман М.М. Анализ поэтических произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева. М., 1981. С. 30.

⁹ См.: Жовтис А.Л. К вопросу о границе между стихом и прозой // Филологические науки. 1985. № 3. С. 65–66.

¹⁰ Там же. С. 67.

Пускай на факультет туннельный
Учиться едет в Ленинград.
А как его семья? Теплому
Со стройки отпустить нельзя.
Но разлучаться им не ново,
Привычно, я б сказал, друзья.
Пускай они решают сами,
Но вуз ему необходим.
А Ленинград не за горами,
И все условия создадим.

Комментируя отрывок из романа в стихах Е.А. Долматовского «Добровольцы», критик отмечает, что «стиховая форма ничего не прибавила; более того, кое-что убавила, привнеся, например, в эти разговоры оттенки какой-то риторики...». Всё, что передано в этих стихах, можно выразить прозой, сохранив количество слов (81), но изменив их порядок:

В управлении шли разговоры. Кайтанов, такой-сякой, поспорит и до ссоры дойдет, собственный покой не ценит. Набрался на войнах мудрости, проект разнес в один момент, инженеры им недовольны, член-корреспондент обижен. Однако он имеет несколько наград, дельный работник... Пускай едет учиться в Ленинград, на туннельный факультет. А как его семья? Теплому нельзя отпустить со стройки. Но им не ново разлучаться, я бы, друзья, сказал – привычно. Пускай они сами решают, но ему необходим вуз. А Ленинград не за горами, и создадим все условия...

Далее следует вывод: «на всем протяжении “Добровольцев”, попробовав обратить стихи в прозу, видишь, что они ничего на этом не теряют (кроме размера и рифмы) и даже выигрывают в ясности»¹¹.

В отличие от приведенных примеров нас будут интересовать случаи не типографского или литературно-критического¹², а семантического различия между стихом и его прозаическим парафразом.

Литературоведческая традиция переложения стихов прозой, как и многое в русской науке о стихе, связана с именем А. Белого. В книге статей «Символизм» он так передает содержание стихотворения А.С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне...», устраняя все элементы поэтической формы:

¹¹ Назаренко В. Сопротивление стихотворной формы // Назаренко В. Язык искусства. О мастерстве поэта и прозаика. Л., 1961. С. 236.

¹² Ср. с прозаическим парафразом, призванным, по мнению его автора, продемонстрировать элементарность мысли в стихотворении К. Вагинова «Не человек: все отошло и ясно...»: «...Вагинов хочет сказать, что под влиянием какой-то “ся” (существа, может быть, одушевленного, а может быть – абстрактного) он утратил вкус ко всякой сложности. Мысль не сложная, не большая; и мне становится жаль времени, потраченного на расшифровку» (Ходасевич В. Парижский альбом // Дни. 1926. 13 июня. С. 3). Это стихотворение Вагинова вызвало серию прозаических переложений в интернете: <http://zelchenko.livejournal.com/19005.html>

... Красивая женщина напевает стихотворцу песни грузинского народа, которые пробуждают в нем известное настроение, а это настроение рождает в стихотворце воспоминание о прошлом времени и о каком-то далеком месте; напевы эти вызывают образ далекой девы, забытой под влиянием очарования красивой женщины; но когда эта женщина начинает петь, то стихотворец думает о забытой деве¹³.

Этот пересказ лишен того, что, по мысли А. Белого, пленяет нас в пушкинском стихотворении – «музыки», создаваемой интонацией¹⁴, размером, ритмической вариативностью, строфической организацией, рифмой, инструментовкой, фигурами речи¹⁵.

Опыт А. Белого был продолжен И.Б. Роднянской, которая сохранила в переложении не только все слова, но и большинство инверсий, преобразовав стихотворение Н.А. Заболоцкого «Приближался апрель к середине» в его прозаический аналог:

Апрель приближался к середине. Упадая с откоса, бил ручей. День и ночь на плотине грохотал деревянный лоток водосброса.

Здесь, под сенью дряхлеющих ветел, любая из которых – калека, я однажды, гуляя, заметил незнакомого человека. Он стоял и держал пред собою ковригу непечатого хлеба и перелистывал старую книгу свободной от груза рукою.

Лоб его бороздила забота, и тело не выдалось здоровьем, но упорная работа мысли владела глубиной его сердца.

Пробежав страницу за страницей, он вздымал удивленное око, наблюдая устремленную в пену потока вереницу ручьев.

В этот миг перед ним открывалось то, что доселе было незримо, и душа его поднималась в мир, как дитя из своей колыбели.

А грачи кричали так безумно и ветлы шумели так яростно, что, казалось, не хотели отнимать у него остаток печали¹⁶.

И.Б. Роднянская стремилась к тому, чтобы создать не «намеренно корявый “подстрочник”», а «как можно более естественную прозаическую речь»¹⁷. Однако ее экспериментальный текст, несмотря на стилистический буквализм, не лишен «изъянов». Во-первых, он содержит остаточные элементы ритма: случайные метр (анапест, реже – хорей) и рифму, а также регулярную строфику, выраженную средствами прозы.

¹³ *Белый А.* «Не пой, красавица, при мне...» А.С. Пушкина (Опыт описания) // Белый А. Символизм: Кн. статей. М., 1910. С. 427.

¹⁴ Простое и понятное определение интонации дал В.В. Кожин: «интонация какой-либо фразы, высказывания – это ее воспринимаемое на слух звучание, но только взятое в отвлечении от конкретных звуков и звуковых комплексов (слов), составляющих фразу» (*Кожин В.В.* Как пишут стихи. О законах поэтического творчества. М., 1970. С. 160).

¹⁵ Подобный опыт проделал Б.М. Эйхенбаум в своей первой публикации «Пушкин-поэт и бунт 1825 года» (1907), пересказав прозой содержание пушкинского «Пророка», а также В.М. Жирмунский в статье «Два направления современной лирики» (1920), передав в виде конспекта событий содержание стихотворения А. Блока «В ресторане».

¹⁶ *Роднянская И.Б.* Слово и «музыка» в лирическом стихотворении // Слово и образ: Сб. статей. М., 1964. С. 200.

¹⁷ Там же.

По сути, это стихоподобная проза, или версе, состоящее из примерно равных строф объемом не больше трех строк и «тенденцией большинства из них к совпадению с одним предложением»¹⁸. Во-вторых, данный прозаический перевод воспринимается как менее ясный, чем его стихотворный источник. Лишенный членения на короткие речевые отрезки, парафраз утрачивает способность порождать между ними ассоциативные связи, отчего логическое содержание становится недостаточно четким. Прозаический аналог кажется риторичным, стилистически избыточным («Лоб его бороздила забота, и тело не выдалось здоровьем, но упорная работа мысли владела глубиной его сердца»), в то время как то же высказывание в стихотворной форме не производит впечатление странного и нарочитого.

В 1970 г. вышли две научно-популярные книги о стихах, В.В. Кожина и Е.Г. Эткинда, в которых разговор о форме и содержании в поэзии иллюстрируется прозаическим изложением пушкинского стихотворения. В.В. Кожин пошел по пути И.Б. Роднянской. Он не изменил ни одного слова (только порядок):

Я вас любил: быть может, любовь еще не совсем угасла в моей душе; но пусть она больше не тревожит вас; я ничем не хочу вас печалить. Я любил вас безмолвно, безнадежно, томим то робостью, то ревностью; я любил вас так искренно, так нежно, как дай вам бог быть любимой другим¹⁹.

Этот парафраз очень близок пушкинскому тексту и отличается от него отсутствием двойной сегментации (она определяет расстановку пауз и стиховую интонацию), метра и рифмы. Такое «вычитание формы» превращает обобщенный образ чувства в любовное признание конкретного человека. По мнению О.Г. Ревзиной, смысл стихотворения отнесен к ситуации и человеку вообще, в то время как в прозе вербализуется конкретная ситуация с ее конкретными участниками²⁰.

¹⁸ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002. С. 181.

¹⁹ Кожин В.В. Как пишут стихи. С. 41. Одним из предшественников В.В. Кожина был В.В. Вейдле, который парафразом этого стихотворения Пушкина начал статью «О смысле стихов» (1964).

²⁰ Ревзина О.Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 421; см. также: Скулачева Т.В. Стих и проза: семантические различия // Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха. М., 2004. С. 172–173. На типизирующую роль стихотворной формы указывал А.А. Потехня, приводя в пример стихотворение А.А. Фета «Облаком волнистым...». В нем «только форма настраивает нас так, что мы видим здесь не изображение единичного случая, совершенно незначительного по своей обычности, а знак или символ неопределимого ряда подобных положений и связанных с ним чувств. Чтобы убедиться в этом, достаточно разоружить форму. С каким изумлением и сомнением в здравомыслии автора и редактора встретили бы мы на особой странице журнала следующее: “Вот что-то пылит на дороге и не разберешь, едет ли кто, или идет. А теперь видно... Хорошо бы, если бы заехал такой-то”» (Потехня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 333).

Стихотворная форма «как бы “поднимает” простое и чисто личное высказывание поэта в сфере искусства»²¹.

Е.Г. Эткинд в «Разговоре о стихах» пересказал XIII строфу («Зачем крутится ветер в овраге...») из неоконченной поэмы Пушкина «Езерский»:

Ветер, рассуждает Пушкин, нужен парусному судну, которое не может сдвинуться с места; между тем ветер производит неразумную работу: он крутится в овраге, поднимая клубы пыли и сухих листьев. Величавый орел, царь птиц, должен бы понимать, что ему по чину – сесть на вершину горы или на высокую крепостную башню, а он зачем-то садится на старый уродливый пенек. Красавице Дездемоне полюбить бы такого же, как она, аристократа, юного венецианца – она же отдает свою любовь мавру Отелло, безобразному «арапу». Таков и поэт: он творит свое искусство, не руководствуясь ни логикой, ни целесообразностью, и воспевает то, что подсказывает ему прихоть; поэтическое творчество не подчиняется «условиям», то есть разумным законам²².

Эксперимент Эткинда – это прозаический парафраз с элементами комментария. Его объем превышает размеры пушкинской строфы (103 слова против 66). Ученый «забраковал» пересказ, заметив, что в нем сопоставляемые образы ветра, орла, Дездемоны кажутся «выхваченными наудачу», и предложил другой вариант авторской мысли «вне стихов»:

И в природе, и в обществе многое происходит случайно: стихии, живые существа, да и люди не подчиняются законам логики. Любовь женщины подобна слепой, неразумной стихии, у нее свои, особые законы, которые нельзя перевести на язык рассудка. Творчество тоже стихийно: поэт воспевает вовсе не то, что принято считать величавым или прекрасным, а то, к чему его влечет вдохновение, не подчиняющееся расчету. Именно в этом ценность художественного творчества: «Гордись, – восклицает Пушкин, – таков и ты, поэт...» Значит, сопричастность неразумной природной стихии и делает человека поэтом²³.

Этот вариант еще дальше отстоит от оригинала и воспринимается как рассуждение на темы творчества, лишенное не только признаков стихотворной формы, но даже намек на поэтичность. Сказанное существует не «ради самого высказывания», где слово «стремится отличить себя от всякой прочей речи»²⁴, а для того, чтобы популяризировать содержание пушкинских строк. Но, как известно, «ни жрец, ни поэт, ни ученый никогда не пожертвуют точностью выражения во имя легкости восприятия»²⁵. Отсюда ощущение неинформативности прозаического пересказа, в котором всё правильно, но вне поэзии.

²¹ Кожин В.В. Как пишут стихи. С. 171.

²² Эткинд Е. Разговор о стихах. М., 1970. С. 14–15.

²³ Там же. С. 15.

²⁴ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. М., 1971. Т. 3. С. 357. Впоследствии Р. Якобсон назовет эту функцию языка поэтической.

²⁵ Шапир М.И. Поэзия в ряду языков духовной культуры // Шапир М.И. *Univsum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков.* М., 2000. Кн. 1. С. 11.

В частности, отсутствуют образы, составляющие основу поэтичности четырнадцатистишия: «стихия ветра, лунный свет, ночная мгла, царственный орел, горные хребты, любящая женщина...»²⁶ Спецификой литературы, а поэзии – в особенности, писал М.Л. Гаспаров, «является ее эстетическая действенность, т. е. обращенность к тому... чувству человека, которое заставляет его подходить к предмету с точки зрения “красиво или некрасиво”. Совокупность эстетически действенных элементов литературного произведения называется литературной формой»²⁷. Ее-то прозаический парафраз и лишен.

Другой пример – пересказ восьмистишия Пушкина «Всё в жертву памяти твоей...»:

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнания,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страдания²⁸.

Поглощенный воспоминаниями о тебе, я перестал творить (забыл «голос лиры вдохновенной»), пренебрег слезами влюбленной девушки, перестал ревновать, забыл о славе, не замечаю мрака изгнания, перестал восторгаться красотой светлых мыслей, забыл о мщении²⁹.

Здесь помимо отказа от первичного (членение на стихотворные строки) и вторичного (слоговой, ударный, звуковой и т. д.) ритма устранены фигуры (инверсия, синтаксический повтор, хиазм, анафорическое «и») и большинство тропов (метонимия, перифраза, эпитеты). Пушкинский стиль растворяется в безликой нормативности литературного языка, что влечет за собой утрату многозначности и искажение смысла. Только в память об умершей «всё» (поэтический дар, напрасные слезы другой «девы», блеск славы, «мрак изгнания», красота мыслей, не дающие покоя ревность и жажда мести) может приноситься в жертву³⁰. В прозаическом парафразе источником такой «жертвы» оказываются воспоминания, вызванные разлукой.

«Какой эффект получается, – задавался вопросом А.А. Потебня, – если мы какое-нибудь стихотворение (вообще поэтическую речь) превратим в прозу, изложим своими словами, речью немерною? <...>

²⁶ Эткин Е. Разговор о стихах. С. 16.

²⁷ Гаспаров М.Л. Работы Б.И. Ярхо по теории литературы // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969 [Вып. 4]. С. 505 (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та; Вып. 236).

²⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2: Стихотворения, 1820–1826. 4-е изд. Л., 1977. С. 252.

²⁹ Громбах С.М. «Всё в жертву памяти твоей» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Л., 1989. Вып. 23. С. 99.

³⁰ См.: Есенов В. «Всё в жертву памяти твоей...» // Новый мир. 2008. № 5. С. 168–175.

В этом случае (помимо порчи эстетического впечатления) получается либо изложение конкретного факта, либо общее положение, к которым мы должны уже применить общие приемы исследования и критики. Тут уже являются вопросы: да правда ли это? да действительно ли так?»³¹ «Поэзия, – писал Мандельштам, – есть сознание своей правоты»³². С семиотической точки зрения это ощущение «правоты» вызвано стиранием границ между означающим и означаемым, переходом плана выражения в план содержания и наоборот³³.

Интерес к структурным отношениям в поэтическом тексте стимулировал опыты по трансформации стихов в прозу. Разграничение Ф. де Соссюром значений и значимостей слов было перенесено на стихотворение, которое рассматривалось «как закрытый язык или замкнутая структура»³⁴. В нем, помимо «концептуального (логического) содержания» (план значений), выделялся второй – поэтический – смысл, определяемый внутрискруктурными отношениями элементов стихотворного текста (звуковые сочетания слов, грамматические категории, ритмическая организация и т. д.) (план значимостей). Первый – сохранялся при переводе стихотворения в прозу, второй – утрачивался:

Я прощаюсь с тобой, мой милый друг, не сказав тебе ни слова и не протянув руки. Если мы расстанемся сейчас, то это значит, что мы с тобой встретимся в будущем. Прошу тебя не грустить, так как моя смерть не будет представлять ничего нового, но, впрочем, и жизнь не такая уж новость³⁵.

Содержательно текст С.А. Есенина не изменился, но «поэзия исчезла». «Произошло это, – рассуждает исследователь, – от того, что при пересказе был исключен второй план, который создается из значимостей поэтического “языка”...»³⁶ В чем состоят эти значимости применительно к данному стихотворению, ученый не уточняет. Он лишь указывает на то, что прозаическое парафразирование, извлекая первый смысл, разрушает второй. Отсюда вывод: поэтический смысл «существует только в неразрывной связи с определенной формой», т. е. «он порождается определенной структурой со свойственными ей внутренними отношениями составляющих ее элементов, которые создают поэтические “значимости”, через посредство которых только и можно описать поэтическое содержание стихотворения или его второй смысл»³⁷.

³¹ *Потебня А.А.* Психология поэтического и прозаического мышления // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 231.

³² *Мандельштам О.* О собеседнике // Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 147.

³³ См.: *Лотман М.* К основаниям моделирующей поэтики // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. 2 (Новая сер.). Тарту, 1996. С. 36–50.

³⁴ *Звегинцев В.А.* О значениях и значимостях в поэзии // Замысел, труд, воплощение... М., 1977. С. 10.

³⁵ Там же. С. 12.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 18.

Прозаический парафраз, выполненный В.А. Звегинцевым, – это перевод с поэтического языка на стандартный литературный язык. В нем отсутствуют повтор «До свиданья, друг мой», особенно заметный на небольшом пространстве текста; метонимия «ты у меня в груди» и метафора «не печаль бровей» как явления литературной семиологии; афористичная концовка, в которой семантика безличности, представленная «инфинитивным письмом» («умереть–жить»), заменена субъектной формой («моя смерть»). И это не говоря о 5-стопном хорее, в семантическом ореоле которого мортальность – одна из смысловых линий (окрасок)³⁸.

Прозаический парафраз может значительно превосходить по объему стихи, превращаясь в их комментарий. Пример – пересказ-комментарий первой редакции стихотворения Б.Л. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!..» (1912):

Февраль побуждает поэта приняться за писание (достать чернил, писать) и одновременно приводит его в состояние максимального нервного напряжения (плакать, писать навзрыд). Окружающий поэта еще фактически зимний город представляется ему также охваченным ярко и звучно проявленными признаками приближающейся весны – слякоть на улицах города под колесами экипажей и копытами лошадей грохочет и горит. В этом горении грохочущей слякоти поэт видит проявление весны...

Писать о феврале для поэта необходимо, именно пока город охвачен этим видимым поэту весенним состоянием.

Февраль внушает поэту желание совершить, вероятно, загородную прогулку, *достать пролетку*, в которой его бы перевезли на расстояние, которое оплачивается *шестью гривнами*. Совершая это мысленное путешествие, поэт как будто бы торопит приближение весны, ему представляется, что там – за городом, весна уже куда более «зрелая» – идет весенний дождь (*ливень*), на ветках – стаи *грачей*. Чем больше весенних проявлений, тем больше, вероятно, и причин для весенней грусти, которую поэт продолжает напряженно улавливать *бессонными очами*. С помощью ливня, видимо, предполагается возможность проверить степень соответствия пишущегося поэтом с тем эмоциональным состоянием, в которое февраль погружает поэта, город и весь окружающий мир (*сличить чернила с горем слез*), иными словами за городом могут быть приведены в порядок мысли, эмоции и порожденные ими стихи (их чернильное выражение).

Затем снова возникает картина черного и шумного *города*, который *изрыт* весенними *криками*. *Крики чернеют водой* – то есть талая вода оказывается связана со звуками, соответственно и этим звукам приписывается то воздействие на окружающий мир, которое производится водой – изрыт, вероятно, лежащий в городе снег. И как в начале стихотворения было необходимо писать и плакать, пока город охвачен «февральским» состоянием, так здесь весеннее состояние города должно длиться до тех [пор], *доколе из чернил не возникнет (засинеет) песнь*³⁹.

³⁸ См.: *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999. С. 238–265.

³⁹ *Полыванов К.М.* Стихотворение Б.Л. Пастернака «Февраль». URL: http://sobolev.franklang.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=12:----lr&catid=26:--xx-&Itemid=10. Загл. с экрана.

Этот парафраз интересен как пример экспликации содержания, на передачу которого поэту потребовалось 69 слов (парафраз состоит из 266 слов). Цель пересказа – не теоретическая, как в предыдущих примерах, а практическая: объяснить, о чем стихотворение Пастернака⁴⁰. Для этого автору комментария понадобилось восстановить логические связи между ключевыми образами и структурными частями текста (строфами). (В стихе причинно-следственные связи часто опущены, но компенсированы аллитерацией, ассонансом, рифмой, лексическими и синтаксическими повторами.) Парадокс, однако, в том, что объяснительные возможности комментария, во-первых, не безграничны (отсюда модальность предположения – «вероятно», «как будто бы», «видимо»), а во-вторых, для понимания стихотворения не обязательны. Даже не владея в совершенстве иностранным языком, мы способны ощутить красоту созданной на нем поэзии, исходя более из звучания, чем из референциальных смыслов. То же касается стихов (особенно авангардистских) на родном языке: не понимая их полностью, «читатель домысливает все необходимые связи – ассоциативные и логические»⁴¹. Каким бы содержательным ни был комментарий, он не может заменить стихотворение, как сценарий не может заменить фильм, а словесное описание – картину.

Это же следует отнести к прозаическому замыслу стихов. Вот как представлял Вяч.И. Иванов содержание будущего стихотворения:

В остальном мы чужды. Ты живешь долее меня, и мой век, летучий и эфемерный, как гонимый осенним ветром листок, ты, конечно, переживешь. Зачем же я люблю тебя мгновенной любовью? Зачем ты приветствуешь меня участливым взором? Так мы проходим, уединенные, как ты, дети творения, друг мимо друга, готовые любить и <не> успевая любить. Только что мы любили, встреча кончается, мы простираем руки во след уходящих теней, и любовь наша охладевает в одиночестве, лишенная <?> пищи. И тогда любим, не можем любить вполне, не можем достигнуть предмета любимого, как бы близко он ни был, и утолить любви не можем. И потому наше краткое счастье омрачается грустью неудовлетворенности, но и оно не долго, и оно проходит, и наступает разлука. Любовь не утоляет, но обращается в отраву, мучительно разрушающую сердце. Покорность, покорность!⁴²

В стихотворении «Покорность» не только расширен образный ряд (что сказалось на длине текста – 175 слов вместо 126), добавлена

⁴⁰ Этой же целью при пересказе стихов Б.Л. Пастернака руководствовались М.Л. Гаспаров и И.Ю. Подгаецкая. См.: *Гаспаров М.Л., Подгаецкая И.Ю.* Пастернак в пересказе: сверка понимания // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 163–177; *Они же.* «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. М., 2008.

⁴¹ *Скулачева Т.В.* Стих и проза: семантические различия. С. 171.

⁴² Цит. по: *Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 32.

сюжетная ситуация, уточнены центральные образы – лирический субъект и звезда⁴³, но сам размер (александрийский стих) является источником поэтических смыслов. Пришедший из французского классицизма, он отсылает наши ассоциации к поэзии XVIII – начала XIX в., где область применения 6-стопного ямба – высокие жанры (эпопея, трагедия, дидактическое послание):

Иду в вечерней мгле под сводами деревьев.
Звезда, как перл слезы, на бледный лик небес
Явилась, и дрожит... Иду, как верный воин, –
Устал – и мужествен. Унылый дух спокоен...

Эоны долгие, светило, ты плывешь;
Ты мой летучий век, как день, переживешь;
Мы – братья чуждые: но мой привет печальный
Тебе сопутствует в твоей дороге дальней!

Светило братское, во мне загло ты вновь
Неутолимую, напрасную любовь!
Детей творения, нас, в разлученной доле,
Покорность единит единой вечной Воле.

<...>

Покорность! Нам испить три чаши суждено:
Дано нам умереть, как нам любить дано;
Гонясь за призраком – и близким и далеким, –
Дано нам быть в любви и в смерти одиноким⁴⁴.

Александрийский стих требует стилевой архаизации: поэтизмы («перл», «лик», «светило» и др.), перифраза («дети творения»), старославянизмы – от фонетических («древес») до синтаксических («эоны долгие», «братья чуждые», «светило братское»). Прозаический замысел стилистически менее маркирован, чем его поэтическое воплощение.

Одна и та же ситуация по-разному представлена в прозе и в стихах романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». После отъезда героини Юрий Андреевич возвращается в дом, где всё напоминает ему о Ларе:

Когда он вошел в комнату... в которой все наново было разворошено спешным отъездом, когда увидел разрытую и неоправленную постель и в беспорядке валявшиеся вещи, раскиданные на полу и на стульях, он, как маленький, опустился на колени перед постелью, всею грудью прижался к твердому краю кровати и, уронив лицо в свесившийся конец перины, заплакал по-детски легко и горько⁴⁵.

⁴³ См.: Павлова Л.В. Краеугольный камень композиции (на материале «Кормчих Звезд» Вячеслава Иванова) // Русская филология. Смоленск, 2010. Т. 13. С. 89 (Учен. зап. Смоленск. гос. ун-та / Каф. истор. и теор. лит.).

⁴⁴ Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 523–524.

⁴⁵ Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3: Доктор Живаго: Роман. М., 1990. С. 446–447.

Сентиментальность этой сцены совершенно не ощущается в стихах, где разлука из единичного события превращается в модель бытия. Она имеет отношение к любому человеку в определенных обстоятельствах:

С порога смотрит человек,
Не узнавая дома.
Ее отъезд был как побег,
Везде следы разгрома.

Повсюду в комнатах хаос.
Он меры разоренья
Не замечает из-за слез
И приступа мигрени.
<...>
И человек глядит кругом:
Она в момент ухода
Все выворотила вверх дном
Из ящиков комода.

Он бродит, и до темноты
Укладывает в ящик
Раскиданные лоскуты
И выкройки образчик.

И, наколовшись об шитье
С невынутой иглой,
Внезапно видит всю ее
И плачет втихомолку⁴⁶.

Дело не столько в том, что в прозаической части романа отсутствуют детали, о которых говорится в стихах (женское рукоделие, образ иглы), а в том, что стихотворная версия производит более сильное впечатление. Это достигается, в частности, взаимодействием упорядоченной неравностоппности (Я4–ЗаБаБ) и ритмической экспрессивности, которая содержится в строках со скоплением шести безударных слогов: «Все *выворотила вверх* дном», «*Раскиданные лоскуты*». Кроме того, стихотворный текст в сравнении с прозаическим воспринимается как более обобщенный, что нашло отражение в комментариях повествователя к стихам: «Эти вычеркивания... отвечали внушениям внутренней сдержанности, не позволявшей обнажать слишком откровенно лично испытанное и невымышленно бывшее, чтобы не ранить и не задевать непосредственных участников написанного и пережитого. Так кровное, дымящееся и неостывшее вытеснялось из стихотворений, и вместо кровоточащего и болезнетворного в них появлялась умиротворенная широта, подымавшая частный случай до общности всем знакомого»⁴⁷.

⁴⁶ Там же. С. 527–528.

⁴⁷ Там же. С. 447.

Возвышение частного случая до общности всем знакомого детского счастья можно наблюдать в стихотворении Д. Веденяпина. Оно соотносится с фрагментом его автобиографической прозы, где описывается приезд мамы на дачу:

Каждый пятничный вечер в июне-июле был особенный. Мы с бабой Аней шли к автобусной остановке встречать маму. <...> ...Мы переходили через дорогу и ждали у сосен. Кстати, именно в этом месте стояли сухие пни, в которых водились удивительные, сантиметров пять в длину, жуки с хваткими клешнями и мохнатыми лапками. Они умели летать, расправив полупрозрачные сиреневые крылья. Эти жуки – одно из самых сильных энтомологических впечатлений моего детства.

Автобус приходил в начале седьмого. Застыв, как писал Набоков, в «классической позе детства», то есть на коленях, а точнее, на четвереньках, я вглядывался в воздушный просвет между автобусным днищем и темно-серой полоской асфальта, где, как в перевернутом кукольном театре, начинали мелькать ноги сходящих пассажиров, и безошибочно узнавал мамыны – в белых босоножках. Бабушка, смотрящая со своей, более высокой, точки, еще ничего не знала, а я уже знал и кричал: «Мама приехала!» Когда автобус трогался, почти все, кто вышел, спиной к нам двигались по дорожке, ведущей в деревню, и только мама никуда не шла, а стояла и смотрела в нашу сторону. В этом мгновении было что-то бездонное⁴⁸.

А вот то же событие, воплотившееся в стихотворной форме:

В трухлявой Аркадии, в царстве прогрызенных пней,
В компании гусениц и сизокрылых громадин
Жуков, в лабиринте сосновых корней,
На шишках, присыпанных хвоей, нагретшейся за день,

Под стрекот кузнечиков, возле дороги, почти
У остановки, но с той стороны, у забора,
Ведущего к пляжу, мы ждали автобус, который
Приходит из города в пятницу после шести.

И он приходил, и, нагнувшись, я видел в просвете
Над черным асфальтом и пыльной дорожкой за ним
Ботинки, сандалии, кеды приехавшим этим
Вечерним автобусом солнечно полупустым.

Потом громыхало, стрижи рисовали грозу,
Но нас не давали в обиду бессмертные боги.
Мы были живыми на этой зеркальной дороге,
Бегущей вдоль сосен над речкой, блестящей вниз⁴⁹.

В стихах по сравнению с прозой изменяются характер и композиция образов. Сухие пни – место обитания жуков – получают метафорическое обозначение («трухлявая Аркадия»). А само ожидание автобуса происходит в окружении насекомых, чей вид интереснее вида людей, легко классифицируемых по типу обуви. Из стихотворения исчезают мама и бабушка как слишком личное («кровное,

⁴⁸ Веденяпин Д. Между шкафом и небом: Проза. Стихи. М., 2009. С. 40–41.

⁴⁹ Там же. С. 75.

дымящееся и неостывшее»), и появляются новые образы – приближающейся грозы, стрижей и богов. То, что в прозаическом фрагменте значилось как «бездонное», в стихах получает предметную и пространственную определенность. Абсолютному верху, где обитают «бессмертные боги», соответствует низ блестящей (т. е. отражающей небо) реки. В срединной зоне находятся лирический субъект и все, кто могут разделить с ним радость бытия. Обобщенное «мы» делает круг адресантов необозримым.

«Если меня спросят, – писал в 1971 г. В.В. Вейдле, – в чем содержание “Брожу ли я вдоль улиц шумных”, я буду озадачен. Начну вспоминать... и захочется мне прочесть все стихотворение до конца. Вот вам и содержание! Разве в том оно состоит, что поэт идет по улице, входит в церковь, сидит где-то среди молодых людей, которых называет почему-то безумными, мечтает, говорит о прошедших годах? Такой пересказ... не определяет содержания этих стихов, а его разрушает. Не то чтобы не было этого содержания, но рассказать его нельзя, и уж никак оно из конкретных улиц, церквей и безумных юношей не состоит»⁵⁰.

По-видимому, «конвертировать» стихи в прозу можно лишь до известной степени. Существуют аспекты семантики, которые «связаны напрямую с “разрешающей способностью” формы, позволяющей выразить в стихе то и, главное, так, что и как невозможно выразить средствами прозы»⁵¹. Стихи опровергают «ересь парафразы», согласно которой смысл художественного произведения воспроизводим путем передачи его содержания «своими словами». Парафразировать текст, используя не имманентные ему структуры, – значит рассеять художественное целое, заменить сущность произведения его поверхностной видимостью⁵².

Список литературы

- Белый А.* Символизм: Кн. статей. М., 1910.
Веденяпин Д. Между шкафом и небом: Проза. Стихи. М., 2009.
Вейдле В. Эмбриология поэзии: Ст. по поэтике и теории искусства. М., 2002.
Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2001.
Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999.

⁵⁰ *Вейдле В.* О поэтической речи // Вейдле В. Эмбриология поэзии: статьи по поэтике и теории искусства. М., 2002. С. 409.

⁵¹ *Шатир М.И.* «Versus» vs «prosa»: Пространство-время поэтического текста // Шапир М.И. *Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков.* С. 42.

⁵² См.: *Цурганова Е.А.* Ересь парафразы // *Западное литературоведение XX века: Энцикл.* М., 2004. С. 145.

- Гаспаров М.Л.* Работы Б.И. Ярхо по теории литературы // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969 [Вып. 4]. (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 236).
- Гаспаров М.Л., Подгаецкая И.Ю.* Пастернак в пересказе: сверка понимания // Новое литературное обозрение. 2000. № 46.
- Гаспаров М.Л., Подгаецкая И.Ю.* «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. М., 2008.
- Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. М., 1971. Т. 3.
- Гириман М.М.* Анализ поэтических произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева. М., 1981.
- Громбах С.М.* «Все в жертву памяти твоей» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Л., 1989. Вып. 23.
- Есинов В.* «Всё в жертву памяти твоей...» // Новый мир. 2008. № 5.
- Жовтис А.Л.* К вопросу о границе между стихом и прозой // Филологические науки. 1985. № 3.
- Жуковский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2: Баллады, поэмы и повести. М.; Л., 1959.
- Звегинцев В.А.* О значениях и значимостях в поэзии // Замысел, труд, воплощение... М., 1977.
- Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 1. Брюссель, 1971.
- Кожин В.В.* Как пишут стихи. О законах поэтического творчества. М., 1970.
- Лейбсон В.И.* Чему учат стихи? Детская поэзия и эстетическое воспитание. М., 1964.
- Лотман М.* К основаниям моделирующей поэтики // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. 2 (Новая сер.). Тарту, 1996.
- Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2: Проза. Переводы.
- Назаренко В.* Язык искусства. О мастерстве поэта и прозаика. Л., 1961.
- Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994.
- Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
- Павлова Л.В.* Краугольный камень композиции (на материале «Кормчих Звезд» Вячеслава Иванова) // Русская филология. Смоленск, 2010. Т. 13 (Учен. зап. Смоленск. гос. ун-та., кафедра истории и теории литературы).
- Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1990. Т. 3: Доктор Живаго: Роман.
- Поливанов К.М.* Стихотворение Б.Л. Пастернака «Февраль» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sobolev.franklang.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=12:----lr&catid=26:--xx-&Itemid=10. Загл. с экрана.
- Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989.
- Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М., 1990.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 2: Стихотворения, 1820–1826.
- Ревзина О.Г.* Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.

- Роднянская И.Б.* Слово и «музыка» в лирическом стихотворении // Слово и образ: сб. статей. М., 1964.
- Скулачева Т.В.* Стих и проза: семантические различия // Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха. М., 2004.
- Харлап М.* О стихе. М., 1966.
- Ходасевич В.* Парижский альбом // Дни. 1926. 13 июня.
- Цурганова Е.А.* Ересь парафразы // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М., 2004.
- Шатир М.И.* Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 1. М., 2000.
- Штокмар М.П.* Ритмическая проза в «Островитянах» Лескова // Ars poetica. М., 1928. Вып. 2: Стих и проза.
- Эткинд Е.* Разговор о стихах. М., 1970.

Сведения об авторе: *Степанов Александр Геннадьевич*, канд. филол. наук, доцент кафедры теории литературы филологического факультета Тверского государственного университета (ТвГУ); преподаватель русского языка и литературы Института иностранных языков и литературы Ланьчжоуского университета (Китай). E-mail: poetics@yandex.ru

О.А. Богданова

**РОМАН-ЭПОПЕЯ XX ВЕКА: «ВОССТАНИЕ МАСС»
В «ЖИЗНИ И СУДЬБЕ» В.С. ГРОССМАНА**

В статье рассматриваются особенности эпической жанра в «Жизни и судьбе» по сравнению с признанным претекстом – «Войной и миром» Толстого. Если в толстовской эпопее действуют монолитный русский народ и немногие отщепенцы-дворяне, то в гроссмановском произведении появляется новая историческая сила – мещанско-вождистская масса. Противостояние народа и массы в советской армии и тылу в месяцы Сталинградской битвы приводит к трансформации эпического замысла в сторону пессимизма и исторической неуверенности. Романное начало в «Жизни и судьбе» во многом продолжает традиции «Войны и мира»: нравственные искания главных героев в конце концов сливаются с народной (но не массовой) правдой. Однако важнейшей для автора XX в. становится проблема личностной и национальной идентичности в эпоху «восстания масс», которую он надеется решить путем обращения к невозвратимым ценностям прошлого: секулярно-гуманистической личности и «устойчивому душевному строю» народа.

Ключевые слова: Гроссман, Толстой, роман, эпопея, личность, народ, масса, «человек массы», мещанство, вождизм, гуманизм, христианство, «человечность», природа.

The article discusses specifics of the epic genre of “Life and Fate” in juxtaposition with its recognized textual forerunner “War and Peace”. Whereas in Tolstoy’s epic the Russian nation is represented as a monolithic unity with a few aristocratic renegades, in Grossman’s work a new historical force emerges – philistine ‘leaderistic’ masses. The opposition of the nation and the masses in the Soviet army and in the rear areas during the Stalingrad battle leads to a transformation of the war epic plot towards pessimism and historical uncertainty. The epic origins in “Life and Fate” in many ways follow in the footsteps of the “War and Peace” tradition: the main characters’ moral searching in the end merges with the national truth, but not that of the masses. However, the most important problem for the XX century author is personal and national identity in the epoch of “rebellion of the masses”, which he hopes to solve by turning to irrevocable values of the past: the secular humanistic personality and “the steadfast and unalterable collective soul” of the nation.

Key words: Grossman, Tolstoy, novel, epos, personality, nation, masses, “a man from the masses”, Philistinism, leaderism, humanism, Christianity, “humaneness”, nature.

По своему художественному методу «Жизнь и судьба» (1960) В.С. Гроссмана ближе всего к классическому реализму с его целост-

ной картиной мира, широким социально-историческим фоном, выделением главных закономерностей изображаемой эпохи, социально-психологическим детерминизмом, развитием характеров персонажей и авторской от них дистанцированностью. Вехи середины XX в. сказались в ряде экзистенциалистских мотивов, возникающих в связи с сюжетными линиями Нади Штрум и ее обреченного на скорую фронтную гибель возлюбленного – лейтенанта Ломова, Сережи Шапошникова и юной радистки Кати в окруженном немцами доме Грекова в Сталинграде и др. Это ценность человеческого существования как единственной данной человеку реальности, а также обретение «подлинности» и свободы на пороге «ничто», перед лицом близко стоящей смерти.

Сам автор неоднократно дает понять в своем произведении, что претекстом его романа является «Война и мир». Черты преемственности очевидны: это и основной творческий метод, и принципы изображения войны (решающая сила «духа войска», истинный победитель – народ, чуждость официальных властей народному духу), и принципы изображения человека (глубинный психологизм – «диалектика души» героев; внимание к простому русскому человеку: дом 6/1 в Сталинграде – батарея капитана Тушина в Шенграбенском сражении и батарея Пьера на Бородинском поле; актерство немецкого генерала в Сталинграде – актерство и фальшь Наполеона, и т. п.). Но, пожалуй, главная общая черта обоих произведений – принадлежность к жанру романа-эпопеи.

Черты эпопеи в гроссмановском произведении прямо-таки бросаются в глаза: широкий временной и пространственный охват событий, многогеройность, утверждение и прославление русского национального характера... Хотя действие происходит в течение четырех месяцев обороны Сталинграда советскими войсками и разгрома немецкой группировки под Сталинградом (октябрь 1942 – март 1943 гг.), воспоминания персонажей и рассуждения автора захватывают и другие временные пласты: 1920–1930-е годы в СССР и Германии. Основное место действия – городские кварталы Сталинграда, окрестности города, Заволжье, однако изображаемые события часто переносятся в фашистский (запад Германии) и советский (Дальний Восток) концлагеря, в советскую эвакуацию (города Поволжья: Казань, Саратов, Куйбышев-Самара), в Москву, в Уфу, на Урал, в калмыцкие степи, на оккупированную немцами Украину и т. д.

В центре романа история семьи Шапошниковых. Вдова погибшего героя Гражданской войны, семидесятилетняя Александра Владимировна Шапошникова – русская интеллигентка дореволюционной формации. У нее четверо детей: Людмила, Евгения, Мария, Дмитрий. Большинство персонажей романа группируются вокруг них. У каждого – мужья (жены), дети. У тех – друзья, любимые, коллеги,

соседи, знакомые и т. п. У тех в свою очередь сослуживцы, соседи, друзья, враги. Так разрастается система персонажей, построенная по принципу разветвляющегося дерева. Есть и несколько независимых от Шапошниковых сюжетных линий.

В произведении более сотни персонажей. Сюжетные линии романа переплетаются, образуя сложное единство и взаимообусловленность. Так создается эпопейный размах произведения. Социальный космос романа «Жизнь и судьба» носит поистине энциклопедический характер – от верхов до низов в СССР и Германии: показаны могущественные вожди Сталин и Гитлер, маршалы и генералы – на одном полюсе, на другом – бесправные заключенные в немецком и советском лагерях, между ними: военные всех чинов, рабочие, крестьяне, врачи и медсестры, государственные служащие, партийные функционеры, следователи и охранники, спекулянты, работники торговли, люди науки от лаборантов до академиков и т. п. Национальный космос романа «Жизнь и судьба» также имеет энциклопедический характер: русские, немцы, румыны, евреи, татары, калмыки, в немецком концлагере – люди 56 национальностей.

Романное начало в «Жизни и судьбе» – это истории нескольких вымышленных персонажей, данных крупным планом, с пристальной психологической интроспекцией (талантливого физика-ядерщика В.П. Штрума, военачальника И. Новикова, А.В. Шапошниковой и ее дочери Евгении, коммуниста Н.Г. Крымова и др.), чьи сюжетные линии пересекаются, образуя многоуровневую композицию, на которой, как на каркасе, наращивается плоть исторической эпохи. Именно с названными персонажами связана основная проблема романа: поиск путей сохранения «человечности», личностной идентичности в условиях тоталитарного режима. Однако автор недвусмысленно показывает, что само возникновение и бытование в XX в. таких режимов (в СССР и Германии) не случайно, а обусловлено более глубокими социально-историческими процессами.

Действительно, на протяжении всего XIX в. в Европе назревал цивилизационный сдвиг, явственно обозначившийся только на рубеже XIX–XX вв.: приход на арену истории нового героя – «человека массы» взамен прежней секулярно-гуманистической новоевропейской личности, имевшей христианское происхождение.

Что же такое человеческая личность? Античность не знала такого понятия. Только возникшее христианство, православная мысль предложила различать *природу, индивидуальность и личность*. В святоотеческом богословии, легшем в основу русской культуры, «человеческая природа» – это вообще все, что свойственно человеку <...> *Индивидуальность* – это те особенности, которыми отличаются друг от друга носители одной и той же природы <...> *Личность* —... это тот, кто владеет этими качествами, свойствами, энергиями <...>

Личность оказывается... *надприродным* бытийным стержнем...»¹. Человек, по христианскому вероучению, метафизическое, т. е. надприродное, существо. Личность, воспринятая от Богочеловека Христа, обладает свободой по отношению к своей конкретно-ограниченной природе, которую может переменить.

Фундаментальное различие в понимании личности, постепенно возникшее в западной и восточной церквях, во многом определило культурные особенности католических (а затем протестантских) и православных стран, а также породило ряд недоразумений в культурном диалоге между ними уже в Новое и Новейшее время. Коротко можно сказать, что восточное христианство полагало, что не природа проявляется в личности, но личность владеет природой. Западное же богословие допускало возможность возникновения личного бытия из бытия безличного².

В конце концов, именно последнее обстоятельство спровоцировало возрождение античного язычества в эпоху Ренессанса, возникновение гуманизма, который еще несколько веков сохранял высокое христианское понимание человеческой личности, хотя и терявшей со временем онтологическую укорененность (т. е. обусловленность Личностью Бога как Его образ и подобие), а в XIX–XX вв. – разлив языческо-мифологической архаики в массовом сознании. Либерально-гуманистическая личность, метафизически не подкрепленная в дехристианизированном мире, не смогла удержать своих позиций, из «образа и подобия Божия» постепенно превращаясь в «человекобога», «сверхчеловека», «человека-артиста», соблазняясь возможностью слияния с архаически-бессознательной природно-космической энергией масс. Сверхприродное достоинство улетучилось не сразу, замена личности индивидуальностью для многих оставалась незаметной. Однако сохранение самой индивидуальности стало проблематичным в культуре XIX–XX вв., в том числе в европеизированной России, а затем в СССР.

XX в. – это уже господство «человека массы», которого характеризуют посредственность, несамостоятельность суждений, примат эмоционального над рациональным, отсутствие высших духовных интересов и нравственных принципов, материально-телесный эгоизм, разрыв с гуманистической моралью, преданность не идее, а партии и вождю, надклассовость (т. е. принадлежность к различным социальным группам). Симптоматично, что «человек массы» атомизирован,

¹ Кураев А., *диакон*. Христианская мысль перед тайной личности // Кураев А., *диакон*. Христианская философия и пантеизм. М., 1997. URL: http://www.katehizis.ru/index.php?option=com_kfm&task=show&pid=54346&cid=381546&limitstart=0&limit=50

² См.: Кураев А., *диакон*. Указ. соч.; Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос. М., 2005.

у него разрушены естественные (семейно-родовые) и социокультурные связи с другими людьми, он чувствует себя одиноким, незащищенным, неуверенным, если не может идентифицировать себя с каким-либо кумиром, или вождем. Поэтому стремление к вождю заложено в «человеке массы» середины XX в.

Возникновение массы как особой социальной формы относят к буржуазной эре: развитию промышленности и росту городов. Еще в конце XIX в. большой резонанс вызвала книга французского психолога Г. Лебона «Психология народов и масс», где прослеживалась динамика перехода народа в массу. Последняя отождествлялась с толпой, ввергающей человека в состояние добровольного отказа от личности, от собственной воли. Народ, по Лебону, такая человеческая общность, которая сохраняет вековое «предание», общую систему ценностей, – другими словами, «устойчивый душевный строй»³. Драматизм истории XX в. – в постепенной трансформации исторических культурных народов (у Гроссмана – немцев и русских) в безликую стандартную массу, легко управляемую тоталитарными вождями.

В известной работе «Психология масс и анализ человеческого «Я»» З. Фрейд пришел к выводу о том, что утрата личности в человеческой массе, возвращение в доличностное состояние является актуализацией архаических пластов психики, свойственных всем людям⁴. Наряду с обезличиванием, масса становится носителем и выразителем бессознательно-архетипических устремлений, мифологического типа сознания, который, однако, несет в себе глубинную правду жизни, хаотически-природную, стихийную энергию. Ведь миф всегда означает целостное восприятие мира. Таким образом, человеческая масса XX в. становится силой, восстанавливающей целостность мира по сравнению с раздробленностью и разрозненностью индивидуалистической цивилизации XIX в. Энтузиазм и успех социалистического строительства в СССР 1920–1930-х годов – характерное проявление этой новой массовой культуры.

Однако в фокусе внимания Гроссмана другие, негативные, аспекты «восстания масс» (выражение Х. Ортеги-и-Гассета⁵): их «мещанство» и исследованная еще Фрейдом потребность поклонения вождю, отдачи своей воли в его полное распоряжение. Таким образом, «человек массы» уже не «стеснен» гуманистической моралью, для него хорошо и нравственно все то, что велит совершать вождь и его партия. Например, уничтожение огромных групп людей по социальному (как в СССР по воле Сталина) или по национальному

³ См.: Лебон Г. Психология народов и масс // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2005.

⁴ См.: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 2011.

⁵ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002.

(как в Третьем Рейхе по воле Гитлера) признаку, доносительство, предательство, ложь, разврат... Верность вождю и партийной линии компенсирует «человеку массы» утраченные внутринародные связи, позволяет чувствовать себя частью *нового* могучего целого.

В связи с этим закономерно в романе Гроссмана типологическое сходство «человека массы» в Германии и СССР (Гетманов, Неудобнов и Эйхман, Розе). При этом писатель выделяет две обозначившиеся к середине XX в. модификации «человека массы»: мещанина и вождиста-партийца. Мещанство – это как бы первая, социально атомизированная стадия существования «человека массы». Мещан много среди простых советских и немецких людей: например, украинские соседи матери Штрума, начавшие преследовать пожилую женщину за ее еврейство после оккупации их города немцами; хозяйва казанской квартиры, в которой А.В. Шапошникова снимала комнату после отъезда Штрумов в Москву, презиравшие ее за бедность и отсутствие связей, и т. д. Мещанство также характерная черта советской номенклатуры: вспомним ее озабоченность привилегиями (дачами, спецраспределителями, продуктовыми пайками), бытовую распущенность и развращенность (похотливость «образцового» семьянина Гетманова). Еще в 1906 г. Н.А. Бердяев писал о «надклассовости» мещанства: это не социал-демократия и не рабочий класс – но и они могут стать мещанами, если «примут религию самообоготворения грядущего человечества», атеизм. Пока русский народ верует, в нем мещанства меньше, чем во всех привилегированных классах⁶. По этой логике государственный атеизм в СССР ускорил омещанивание русского народа.

Мещане легко превращаются в вождистов-партийцев, что дает возможность этим заурядным, бесталанным людям городского большинства беспрепятственно осуществлять свои честолюбивые и материально-телесные притязания: вспомним жизненные истории немецкого офицера Эйхмана и советского комиссара Гетманова. Очевидна взаимообусловленность и взаимодополняемость мещанства и вождизма, которые благополучно совмещаются в таких героях, как Гетманов, Неудобнов, Шишаков и др. Сама атмосфера доносительства, страха, несвободы среди советских людей является прямым следствием разрушения между ними естественных и культурно-исторических связей и установления однотипной связи «человек массы» – вождь. Таким образом, изображенное в «Жизни и судьбе» население СССР неоднородно: только часть его сохраняет черты народа (это прежде всего деревенские жители, крестьяне, а также интеллигенты дореволюционной формации); подавляющее же число

⁶ См.: Бердяев Н.А. Демократия и мещанство // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. Опыт философии, социальные и литературные (1900–1906). СПб.: изд. М.В. Пирожкова, 1907. С. 412–418.

советских людей принадлежит к полумещанской-полувождистской массе; по крайней мере, глубоко заражено массовой ментальностью.

Возникает вопрос: годится ли жанр эпопеи для изображения не столько *народного* подвига (обусловленного общими для составляющих народ индивидов национально-историческими ценностями, выработанными веками), сколько энтузиастического порыва *массы*, окрыленной слепой любовью к вождю, Сталину? Ответ можно найти в самом произведении: Сталинградскую победу одержал все-таки русский *народ*, во многих представителях которого массовизация оказалась поверхностной, еще не разъевшей национального ядра: вспомним капитана Грекова и его бойцов, вдали от начальства сбросивших с себя всю «советскость» и бившихся с немцами как *русские* патриоты.

В романе отчетливо представлена диалектика народа и массы, в первую очередь применительно к русским в Великой Отечественной войне: чтобы остаться народом, русские должны сохранить свой «устойчивый душевный строй», т. е. «предание» (культуру, историю). Подчеркивается народный характер войны (сталинградский дом б/1, дивизия генерала Родимцева, блиндаж майора Березкина и др.), утверждается и прославляется русский национальный характер, русская культура с ее «всечеловечностью» (Достоевский), русская победа. Так, А.В. Шапошникова – носитель близких автору гуманистических ценностей – в то же время воплощает собой лучшие черты русского национального характера: честность, совесть, гуманность, скромность, самоотверженность, внутреннюю независимость и свободу, «всечеловечность» (отсутствие национальной исключительности, ограниченности). То же можно сказать о полковнике И. Новикове, командующем танковым корпусом в сталинградском наступлении, человеке из народной гущи, блестящем военном специалисте, хотя и гуманитарно малообразованном, но в огне войны думающем не о своей личной выгоде (званиях, наградах), а о сохранении жизней вверенных ему солдат и офицеров. Задержав, вопреки воле самого Сталина, танковый прорыв под Сталинградом на восемь минут ради завершения артиллерийской подготовки и обеспечения безопасного продвижения своих войск, Новиков совершает настоящий гражданский подвиг. Это подлинно русский человек, обладающий независимостью мышления, самостоятельностью действий, осознанной гуманностью, мужеством, способностью к глубоким чувствам. Тем временем его любимая Е.Н. Шапошникова как настоящая русская женщина считает своим нравственным долгом порвать с успешным Новиковым и разделить судьбу нелюбимого <, но опального> Крымова, попавшего в застенки НКВД. Автор прослеживает постепенное прорастание России в душах советских людей (разговоры Е.Н. Ша-

пошниковой и Шаргородского в Куйбышеве, сравнение лейтенантом Викторовым своей невесты Веры Спиридоновой с юной княгиней Долгорукой из XVIII в. и т. п.).

Сталинское вождистско-массовое государство в изображении Гроссмана враждебно не только русскому, но и другим народам СССР: калмыкам, татарам, евреям, украинцам, поволжским немцам. Сталинградская победа, одержанная пока еще не до конца уничтоженным русским *народом* (а не безликой массой), украдена у него, государство пользуется ею в своих целях (например, загодя готовя ядерную бомбу для установления мирового господства после окончательного поражения Германии); оно цинично пренебрегает народом и продолжает его истреблять. Вспомним, к примеру, поспешное, неподготовленное наступление, спровоцированное Гетмановым и Неудобновым ради того, чтобы со своей танковой дивизией первыми войти на территорию Украины и получить за это личное одобрение Сталина, а значит – награды, звания и новые привилегии. И всё это ценой сотен тысяч жизней советских солдат и офицеров. Ужасна судьба раненых героев фронта в тылу, в Москве: с семьей, с маленькими детьми, они вынуждены жить в затопленном холодном и тесном подвале, в то время как в этом же подъезде стоят пустыми резервные квартиры для эвакуированных партийцев. Возникновение и процветание номенклатуры показано как торжество безликой массы над народной самобытностью.

Актуальная для XX в. тема «восстания масс» придает эпопее Гроссмана несколько иной характер по сравнению с «Войной и миром» Толстого: в ней чувствуются пессимизм и неуверенность. Слияние героев с народным целым, их возвращение к народным ценностям сопряжено, как правило, с какой-либо невозвратимой утратой, сломом судьбы или смертью (как в случаях Евгении Шапошниковой, Новикова, Грекова, Викторова и др.). Эти герои вынуждены противостоять не только антинародной партийно-государственной верхушке, но и громадной толще зараженных массовизацией простых людей. Поредевший за годы коллективизации, репрессий, войн, измученный и замордованный, истощивший себя и в Сталинградской победе *народ* все дальше и дальше отступает перед напором *массы*, умаляясь в размерах, подобно шагреновой коже...

Параллельно в романе происходит философское исследование метаморфоз «человечности» в XX в., человеческой природы, которая имеет наднациональный характер: вспомним историю немецкого лейтенанта Петера Баха, эпизод с переживавшими бомбежку в одной воронке от снаряда русским и немецким солдатами в Сталинграде, «очеловечивание» немецких солдат и офицеров во время сталинградского разгрома. Суть «человечности» – в свободе и стремлении

к индивидуации. По Гроссману, «человечность» совпадает с основой русского национального характера (отмеченной Достоевским «все-человечностью»). Так писателю удается объединить в своем произведении гуманистический и национально-народный идеалы.

XX в., по мысли Гроссмана, искажил, деформировал «человечность». Главное тому свидетельство – судьба еврейского народа, организованно истребляемого в Третьем Рейхе и пока еще неявно гонимого в Советском Союзе. Это самое яркое проявление кризиса «человечности» в XX в., отхода от гуманистической традиции века XIX – уважения к человеческой индивидуальности. Действительно, в украинском гетто, в товарном вагоне, в газовой камере исчезают врачи, учителя, парикмахеры, библиотекари, сапожники, дети, люди с неповторимой психологией и судьбой, а появляются просто евреи, подлежащие «массовому забою» по этому единственному объединяющему их признаку.

Выраженный в прямом дискурсе (философских отступлениях, комментариях, характеристиках персонажей) авторский эстетический идеал – это новоевропейский гуманизм (XVII–XIX вв.) с его главной ценностью: отдельной человеческой индивидуальностью (личностью). Категория «человечности» для Гроссмана субстанциальна и неизменна в своих фундаментальных свойствах: свободе, доброте, честности, порядочности, верности, способности к индивидуальному творчеству. Итак, идеалом писателя является *самостояние* секулярно-гуманистической личности в условиях тоталитарных режимов XX в., эпохи «восстания масс».

Пути, возможности и способы такого самостояния исследуются в самой объемной сюжетной линии романа, связанной с Виктором Павловичем Штрумом. Именно свобода гуманистической личности становится единственным условием подлинного творчества: вольные разговоры в Казани на квартире Соколова дали импульс к эпохальному научному открытию Штрума. Герой переживает ситуацию остракизма из-за независимости своих научных исследований от партийной линии и неожиданное признание из-за стремления государства получить ядерное оружие. На этом фоне разыгрывается его человеческая драма: с одной стороны, стойкость в конфликте с партийным функционером Шишаковым; с другой – согласие подписать лживое письмо в американские газеты, вызванное страхом за свою жизнь и благополучие. Кто он, с точки зрения автора: победитель или побежденный? Слабый или сильный? Удастся ли ему сохранить личность, «человечность» и не слиться с массой, не имеющей собственной воли и во всем соглашающейся с вождем и его партией?

Эти вопросы остаются в романе без окончательного ответа. Религиозное обоснование устойчивости человеческой личности в

«Жизни и судьбе» не рассматривается. Очевидно, что вся надежда автора – на резервы человеческой природы как таковой. Более того, в духе секулярной новоевропейской натурфилософии человеческая жизнь и смерть включаются здесь в извечный круговорот природы, о чем свидетельствует концовка романа: изба в селе под Свердловском, деревенская старуха хозяйка, эвакуированная жилища, к которой приезжает из госпиталя раненный в Сталинграде муж, майор Березкин; ранним утром супруги идут вдвоем через лес за хлебом, вокруг них – пушистый чистый снег, величавые сосны, темно-зеленые ели, шустрые белки, шишки, снегири с красными грудками, удивительный мягкий свет. А в лесной тишине им слышится «воплъ об умерших и яростная радость жизни...». Пораженному картиной грандиозных страданий и сотен трагических смертей читателю автор предлагает в утешение мысль о неостановимости органической жизни и продолжении человеческого *рода*: «... пустой дом оживет, заполнится детским смехом и плачем, торопливо зазвучат милые женские шаги, пройдет по дому уверенный хозяин»⁷. «Человечность» понимается как часть природного мира, естественным образом возникающая на его вершине и воспроизводящаяся в каждом новом поколении.

Итак, в своем романе Гроссман утверждает ценности, выработанные всей новоевропейской культурой XVII–XIX вв. и русской классикой XIX столетия, а именно: либерально-гуманистическую секулярную индивидуальность-личность, с одной стороны, и «устойчивый душевный строй» народа – с другой. Ему удается объединить эти положительные в своем художественном мире ценности благодаря категории «всечеловечности» как основной черте русского национального характера, «русской идеи» (по Достоевскому и Вл.С. Соловьеву), однако отсеченной от своего религиозного истока. «Человека массы» и обусловленные его доминированием в истории XX в. социально-исторические явления писатель однозначно отрицает, находя в них только негативные черты и не предполагая за ними прочного будущего.

Однако начало XXI в. проходит под знаком необратимой глобализации, которой безуспешно сопротивляются национальные государства, и тотального господства «человека массы», раскрывающего не только свои деструктивные интенции, но и созидательно-творческий потенциал (замеченный еще современниками Гроссмана: Фрейдом и Ортегой-и-Гассетом). Очевидно, что господство массы – конституирующий факт не только индустриального общества двух первых третей XX в., но и современного постиндустриального (информаци-

⁷ Гроссман В.С. Жизнь и судьба: роман. М., 2011. С. 862.

онного) общества. Падение тоталитарных режимов отнюдь не влечет за собой ухода массы с исторической арены.

Важно, что Гроссман в своей монументальной эпопее поднял ключевую для современности проблему человеческой и национальной идентичности. Однако нельзя не признать, что для ее решения он обратился к ценностям, принадлежащим к невозвратимому прошлому.

Список литературы

Бердяев Н.А. Демократия и мещанство // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906)*. СПб.: изд. М.В. Пирожкова, 1907.

Гроссман В.С. Жизнь и судьба: роман. М., 2011.

Кураев А., диакон. Христианская мысль перед тайной личности // Кураев А., диакон. *Христианская философия и пантеизм*. М., 1997. URL: http://www.katehizis.ru/index.php?option=com_kfm&task=show&pid=54346&cid=381546&limitstart=0&limit=50

Лебон Г. Психология народов и масс // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2005.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002.

Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 2011.

Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос. М., 2005.

Сведения об авторе: *Богданова Ольга Алимовна*, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. E-mail: olgabogda@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А.Д. Ивинский

К ИСТОРИИ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II: ПОЧЕМУ НЕ БЫЛ ИЗДАН ШЕСТОЙ ТОМ

Статья посвящена истории подготовки к печати шестого тома собрания сочинений Екатерины II. Материал для него был собран Я.Л. Барсковым, издан не был и в настоящее время хранится в фонде ученого в РГБ. Шестой том должны были составить литературные, педагогические и филологические произведения императрицы. Основные трудности у Барскова возникли в процессе работы над лингвистическим наследием Екатерины II – многочисленными подготовительными материалами к «Сравнительным словарям всех языков и наречий, собранных десницею всевысочайшей особы». Что и как издавать – вот те вопросы, которые сформулировал Барсков и на которые так и не смог найти ответа. Связано это в первую очередь с тем, что в течение XIX в. сложилось искаженное представление о языковедческих трудах императрицы.

Ключевые слова: Екатерина II, Я.Л. Барсков, собрание сочинений, филологические труды императрицы.

The article is devoted to the history of how the publication of the sixth volume of Catherine II's collected works was being prepared. The material for it was compiled by Ya.L. Barskov, but left unpublished and is now kept in the scholar's fund at the RSL. The sixth volume should have consisted of literary, pedagogical and philological works of the Empress. The main difficulties arose while Barskov was working on the linguistic heritage of Catherine II (preparatory materials for the "Comparative Dictionary of Languages and Dialects"). Barskov didn't know what to publish and how. This is primarily due to the fact that in the XIX century a distorted view on Catherine the Great's linguistic works was formed.

Key words: Catherine II, Ya.L. Barskov, collected works, philological works of the Empress.

Шестой том Собрания сочинений Екатерины II, подготовленного Я.Л. Барсковым и А.Н. Пыпиным [Екатерина II, 1901–1907] и остающегося наиболее значительным (чтобы не сказать единственным) опытом научного издания ее трудов, в свет не вышел, издание осталось незавершенным, и до сих пор филологические труды императрицы остаются – за ничтожными исключениями – неопубликованными. Объяснений этого факта в научной литературе, крайне немногочисленной и в основном случайной, до сих пор не предложено; между

тем они не были бы излишними: источниковедческая и редакторская работа над изданием велась много лет, в распоряжении Барскова и Пыпина были все известные на тот момент рукописи императрицы, а задачи издания формулировались вполне амбициозно, и требование его полноты всегда оставалось на первом месте. В данной работе мы публикуем некоторые материалы, отчасти раскрывающие те трудности, с которыми столкнулся Барсков; более подробное изложение материала потребовало бы целого ряда специальных экскурсов и многократного увеличения объема нашей работы.

Материал для шестого тома был собран и в настоящее время хранится в фонде Я.Л. Барскова в РГБ [ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2]; вот краткая опись содержания данного источника¹:

1. Барсков Я.Л. Первоначальный план VI тома. 11 л.
2. Екатерина II. Черновой набросок для сравнительных словарей всех языков и наречий. 16 л. (Рукописная копия. Помета Барскова: «Автограф I, VI том, стр. 328–340»).
3. Екатерина II. Черновая работа для Сравнительных словарей всех языков и наречий. 72 л. (Рукописная копия. Помета Барскова: «Автограф II. а–б. а) VI т., стр. 341–400; б) стр. 401–416»).
4. Екатерина II. Черновая работа для Сравнительных словарей всех языков и наречий. 91 л. (Рукописная копия. Помета Барскова: «Автограф II. б. VI т. стр. 401–416 (набор)»).
5. Екатерина II. Черновая работа для Сравнительных словарей всех языков и наречий (Рукописная копия. Помета Барскова: «Автограф II. в. Не набрано»).
6. Екатерина II. Черновая работа для Сравнительных словарей всех языков и наречий. 11 л. (Рукописная копия. Помета Барскова: «Автограф II. г. Материалы для «Сравнительных словарей». Не набрано. Не печатать. Для примечаний»).
7. “Declaration de S. M. le Roi de Suède du 21 juillet 1788 avec des notes”. 42 л.
8. Екатерина II. Стихи на короля Шведского. На французском языке с пометами А.Н. Пыпина. 2 л.
9. Екатерина II. Questions et réponses. На французском языке. 16 л.
10. Екатерина II. Незнающим от незнающего. Рукописная копия с пометами Барскова. 39 л.

¹ Весьма разнородные тексты Барсков распределял по отдельным папкам, но, к сожалению, не всегда последовательно. Так, например, в этом собрании сохранились две папки под одним названием “Varia”. Кроме того, под одной обложкой могли оказаться лингвистические и художественные тексты. Тем не менее их первичную классификацию Барсков провел в основном удачно, поэтому в данной описи мы сохраняем ряд рабочих заглавий, присвоенных им материалам из архива Екатерины II.

11. Екатерина II. Опыт надписей к бюсту адмирала В.Я. Чичагова.

12. Барсков Я.Л., Пыпин А.Н. Примечания (в первую очередь, библиографические) к филологическим трудам Екатерины II. На французском, русском и немецком языках. 23 л.

13. Екатерина II. *Varia* (“Jeu nouveau”, “Sentences chinoises”, «Китайцы говорят»). На обложке рукой Барскова: «Печатать». На французском и русском языках. 17 л.

14. Екатерина II. *Varia* (Проекты надписи Екатерины II с памятного путешествия Ея по России 1787 г. 6 л.; Екатерина II. Отзывы о прочитанных книгах. 25 л.; Духовные стихи 7 л.; Екатерина II. Переписка с принцем де Линь. 10 л.; Екатерина II. Письма к Вольтеру, принцу де Линь. 14 л. На французском и русском языках. На обложке рукой Барскова: «Не печатать»).

15. Екатерина II. Заботы о просвещении («Собственноручные календарные выписки императрицы Екатерины II имен разных святых»; «Две французские пословицы, записанные Екатериною II»; «Китайские изречения. Из кабинетных бумаг императрицы Екатерины II»; «Собственноручная заметка императрицы Екатерины II о не предавании сожжению чрез палача книги, в которой частые упоминания о Боге»; «Собственноручная записка императрицы Екатерины II при письме полковника Сталя о библиотеке Галлера»; «Приказ о сожжении двух пасквилей»; «Повеление об усилении преподавания греческого языка в семинариях»; «Приказ об отобрании и истреблении зловредной книги»; «Собственноручное распоряжение императрицы Екатерины II о непродаже в России “Эмиля” Руссо и других иностранных книг»; «Собственноручное требование императрицы Екатерины II о доставлении Академиею наук сведений о лучших учебниках»; «Собственноручные вопросы императрицы Екатерины II к Академии наук об указании лучших учебников»; «Собственноручное повеление императрицы Екатерины II в Академию наук об определении широты и долготы городов в Петербургской и Выборгской губерниях»; «Собственноручная заметка Екатерины II о не назначении определенного числа академиков и о пользе от занятия ими должностей по другим ведомствам»; «Донесение генерала Ганнибала о проектах Петра Великого, хранящихся в Академии наук. С собственноручною заметкою Екатерины II. Из бумаг Теплова»; «Собственноручная записка императрицы Екатерины II о приглашении в Россию автора понравившейся ей книги»; «Собственноручное приказание императрицы Екатерины II о переводе и печатании неизвестного сочинения»; «Правила для дворян, отправленных в чужие края для обучения»). На русском и французском языках. 45 л.

Это был один из нескольких планов, оставшихся нереализованными. Барсков не торопился, Пыпин, не представляя объем работы,

недоумевал и время от времени напоминал своему сотруднику о его медлительности. Так, 2 января 1904 г. он писал к Барскову: «Многоуважаемый Яков Лазаревич, <...> думаю, что на праздниках Вы успеете выбрать вечер, чтобы навестить меня – нужно поговорить о VI томе <...>» [ОР РГБ. Ф. 16, к. 3, ед. хр. 103, л. 12]. 15 июня 1904 г. академик вновь интересуется положением дел: «Как поживает императрица Екатерина? Давно не имею никаких сведений» [ОР РГБ. Ф. 16, к. 3, ед. хр. 103, л. 15]².

В 1905 г. начали выходить первые корректуры предполагаемого тома («Инструкция князю Н.И. Салтыкову» и «Российская азбука для обучения юношества чтению, напечатанная для общественных школ по высочайшему повелению» [4, л. 1–24]. До лингвистического наследия императрицы дело дошло только через четыре года. Даты на почтовых отправлениях из Академии наук (корректурные листы отдельных слов «Сравнительного словаря всех языков»³) – 27 и 29 октября 1909 г. и 7 и 9 декабря 1910 г.

Все эти годы Барсков (сначала вместе с Пыпиным) готовил комментарии (в основном библиографические) к тому [Барсков Я.Л. Филологические заметки // ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2; Подготовительные материалы к VI т. Полного собрания сочинений Екатерины II. I. Паллас П.С. Предисловие к словарю европейских языков, составленному Екатериной II (выписка) и замечания Барскова Я.Л. (22 л.). II. Примечания (16 л.). III. Библиографические и др. заметки (50 л.) // ОР РГБ. Ф. 16, к. 12, ед. хр. 24; Подготовительные материалы к т. VI Полного собрания сочинений Екатерины II. I. Разные заметки и материалы (19 л.). II. «Заботы о просвещении» – рукопись на немецком языке под заглавием: “Bekanntmachung aus der Kaiserlichen Kommission zur Errichtung öffentlicher Schulen” (14 л.) // ОР РГБ. Ф. 16, к. 12, ед. хр. 25].

Последний XII том собрания сочинений императрицы вышел в 1907 г., а судьба шестого по-прежнему оставалась неясной. Барсков был вынужден оправдываться перед Академией наук: «<...> прошу Отделение не ставить мне в вину, что выход VI тома значительно запоздал – и теперь я не могу сказать, что собран весь материал для осуществления первоначального плана (курсив мой. – А.И.); более того – нашлись уже и находятся, но остаются мной не использованными, материалы, доселе неизвестные, для характеристики Екатери-

² См. также записку Пыпина к Барскову без даты: «Многоуважаемый Я.Л.! Как поживает императрица Екатерина V, VI, XI? <...>» [ОР РГБ. Ф. 16, к. 3, ед. хр. 103, л. 36]. Ее можно датировать только приблизительно – не позднее 1903 г., так как именно в этом году вышел V том Собрания, XI же – в 1906 г., уже после смерти Пыпина.

³ О «Сравнительных словарях всех языков и наречий, собранных десницею всевысочайшей особы» (1787–1789) см.: [Adelung, 1815; Извлечение, 1818; Воронов, 1858: 165–167; Соболевский, 1869: 940–942; Маракуев, 1877: 56; Круглый, 1879: 265–266; Кеппен, 1895: 48; Булич, 1904: 219–232; Вомперский, 1986: 72–73, 88].

ны II, ее забот о просвещении <...>. Буду очень счастлив, если эта работа найдет себе место в Сборнике или в Известиях II отделения. Но необходимо еще внимательно отнестись, например, к остаткам Эрмитажной Б-ки (в Зимнем дворце), чрезвычайно интересным, не говоря о рукописях Гос. Архива» [ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2, л. 196 об.].

По составу VI том должен был быть довольно сложным:

«Первоначальный план VI тома.

1. Педагогические сочинения.
2. Филологические занятия.
3. Заботы о просвещении.
4. Чтение и отзывы о книгах.
5. Вопросы и ответы Дидро.
6. Мелочи, например, духовные стихи, песни и проч.
7. Дополнения и поправки к остальным томам» [ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2, л. 192].

При этом в силу значительного объема назначенных к публикации материалов том предполагалось разделить на две части: «Если осуществить VI том по первоначальному плану, необходимо разбить VI том на 2 части – так много материалов, прямо относящихся к намеченным рубрикам, в особенности – к рубрикам 2, 3 и 4-й» [ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2, л. 192]. Планировалось также «сгруппировать данные для характеристики языка и стиля императрицы – гл. обр. на основании “вариантов” в приложениях и примечаниях» [ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2, л. 192].

Первую часть тома должны были составить педагогические сочинения Екатерины (к тому времени уже известные в печати). В бумагах Барскова сохранился ее план:

«Оглавление	Стран
Предисловие	
Педагогические сочинения	
— Инструкция князю Н.И. Салтыкову	1
— Российская азбука	41
— Гражданское начальное учение	67
— Раз-го-вор и рас-ска-зы	109
— Записки первой части	121
— Продолжение начального учения	153
— Выборные российские пословицы	165
— Сказка о царевиче Хлоре	173
— Сказка о царевиче Февее	187
— Приложения	203
— Примечания. 259» [Подготовительные материалы к VI т. Полного собрания сочинений Екатерины II. I. Паллас П.С. Предисловие к словарю европейских языков, составленному Екатериной II (вы-	

писка) и замечания Барскова Я.Л. (22 л). II. Примечания (16 л.). III. Библиографические и др. заметки (50 л) // ОР РГБ, Ф. 16, к. 12, ед. хр. 24, л. 83].

Основные трудности возникли со вторым разделом – филологическими занятиями императрицы. Поэтому Барсков предложил Академии наук новый «план для скорейшего окончания VI тома», который должен был спасти положение:

«Краткое предисловие.

Педагогические сочинения. Стр. 1–327.

Филологические занятия:

I. Автограф, содержащий, по-видимому, первую концепцию “Сравнительных словарей”. По этому наброску, под влиянием “Monde primitif” [Gebelin, 1773–1782], пошла, кажется, вся дальнейшая работа. Стр. 328–340.

II. Автограф, содержащий детальную разработку первых 54 слов (Бог – огонь). Из этого автографа взять для образца только 4 слова: Бог, отец, мать, дитя (чадо). Стр. 341–353 (первые строки). Отпечатанные листы 23, 24, 25 и набранный давно 26 лист уничтожить. Возможно также взять (вместо 4 слов) все отпечатанные листы и первые 2 страницы набранного 26-го, кончая страницей 402-й; лишь “келтически – галлен” придется перенести с 403 на 402, что вполне возможно в типографском отношении. Тогда из 54 слов, разработанных императрицей, будут взяты 24, именно Бог – соль (См. стр. 331–332). Хотелось бы оборвать печатание этого автографа на 4-м слове потому, что дальнейший текст производит удручающее впечатление. В примечаниях легко мотивировать, почему взяты первые 4 слова, но почему 24, а не 34, не 54?

III. Красивая копия на золотообрезной бумаге под заглавием: “Не знаю| приписано| незнающим| от| незнающего”. Если принять во внимание “Общества незнающих ежедневную записку» с относящимися к ней филологическими шутками императрицы (V т., стр. 189–268), а также сопоставить перечень слов в данной копии (стр. 32–38) с I автографом – начальным наброском “Сравнительных словарей”, и обратиться к языку, к стилю этой копии, то можно считать принадлежность текста Екатерине II вне всякого сомнения – эту копию следовало бы напечатать под рубрикой “Приложение”, если считать принадлежность ее императрице сомнительной; но у меня такого сомнения нет и я предлагаю напечатать ее вслед за 4 словами (Бог – дитя, стр. 341–353), начиная на 355-й стр. (<...> новая вещь печаталась непременно на правой странице. Но тут возникает вопрос эстетический: придется на 353 стран поместить слишком мало (из левой колонки). Не набрать ли поэтому и 5-е слово «Аз» (стр. 353–355).

Тогда текст II параграфа (5 слов, а не 4, да и не 24 или 54!) кончится на 355-й стр. в середине; оборот останется чистым, как это часто делалось раньше, а третий отдел (копия) начнется на 357-й странице.

IV. К предыдущим отделам необходимы примечания. Материал для них весь подготовлен и в кратчайший срок может быть сдан в типографию. Будут даны в начале библиографические справки о том, как принялась Екатерина за работу для словарей (краткие выписки из Аделунга, выдержки из писем и проч.); далее – о рукописях, с указанием важнейших вариантов или с кратким их изложением (иллюстрация примерами), наконец – перечень изданий и библиография данного вопроса. Вообще примечания построены по шаблону других томов и за передачей их в типографию дело не станет. Придать им желательную форму я не могу сейчас потому, что не знаю, в какую форму отольется основной текст» [ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2, л. 192–193].

Обращает на себя внимание тот факт, что Барсков сомневался в том, как именно опубликовать работу Екатерины над «Сравнительным словарем». Он предложил опубликовать «Черновой набросок» и только 4 (или 5) подготовленных ею слова (из 54), «потому, что дальнейший текст производит удручающее впечатление». Барсков оставил за Академией право решить те трудные вопросы, которые возникли у него в ходе подготовки тома:

«Так, по отделу “Филол. занятия” нужно решить:

1). Ограничиться ли на стр. 341–345 пятью словами (Бог – Аз)?

2). Печатать ли, начиная с 357 стр. копию “Не знаю...” в качестве приложения, или в качестве основного текста? (под рубрикой III, все равно напечатать эту рукопись нельзя, ибо это не “Сравнительные словари”, а в приложении поместить можно, руководясь примерами, прежде бывшем – см. V т., стр. 207–222).

3). Уничтожить ли 23, 24, 25 и 26 листы? Еще соображение: если ограничиться 4-мя, а не 5-ью словами в отделе II, то, во избежание некрасивого пробела (на стр. 353) можно в прямых скобках кратко изложить окончание автографа и привести мотивы, по которым это окончание не печатается. Редактор вводил иногда такие объяснения в прямых скобках – см., напр., V т. стр. 208 или 219» [ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2, л. 193].

В результате всех размышлений, колебаний и консультаций подготовленный для напечатания в шестом томе эксерпт (четыре слова из 54) из екатерининских словарных материалов приобрел следующий вид:

Черновая работа для «Сравнительных словарей всех языков и наречий»

<p>(Л. 231) По руски – Бог — немецки – <i>Gott</i>, готт — французски – <i>Dieu, Dieu</i> — латински – <i>deus</i>, деус — татарски – тангры, аллаг- — шведски – <i>Gud</i>, гуд — аглински – <i>God</i>, год — италиански – <i>Dio, gio</i> — чухонски – <i>Jumaler</i>, Юмала — вотски – инмарь — чувашски – таратар — черемиски – юму</p>	<p>— туруханские — — нга — тавгинские — — нгда — томские остияки — ном, нум — кетские — — ном — тимские — — ноб, нуб — карасимские — — ноб — таигинские — — нум — камасимские — — нум — камчадалские девяти наречие – кутшай, нутгааг, нутгания, камуи, куи куниаму, анган, энганг, анганг пелимские вогуличи – тором// эти- ам// шайтан</p>
<p>— китайски – тьянь, тинтей — манжурски – абка — полски – <i>Bog, Bog</i> — португалски – <i>Deos</i>, деос — померански – <i>God</i>, год — романски, валонски, келтически, туде- ски – <i>Deu, Dex, diu</i> деу, декс, диу — голандский – <i>Godt</i>, годт — лопарски – <i>Ibmel</i>, ибмел — старофранцузски – <i>Diog</i>, диор — братски – Бурхан — пустозерские самодеды – нум, хай, тьяу — абдорские — — нум, хай — юряки — — нуб — мангазанские — — нга</p>	<p>березовские – тором – остияки иргимские – тором – — — абдорские — — юганские – тором — — салимские – тором — — лумпокольские – то- ром — — вассуганские – тором пермски – иен эрянски – иен чуссовские вогуличи – таром, саи- ренг бурять – бурхан монголски – бурхан</p>
<p>(Л. 232) калмытски — бурхан лумпоколские татары у Кета — эчь инбатские — — у Енисея — эсь ассанские — — у тассева — оессь, оем котовские — — у Кана — эм аринские — в Красноярск — эсс коряки — — карагичи — — тигиличи — — тунгусцы Енисейские — буга — мангазейские — шевеоки — — нерчинские — бурхан — Баргузинские — буги — верхоангарские — бурхан — иакутские — шаваки — охотские — чеуки инкагири устьянские — коил ламуты — сеули башкири — тангре, аллах, тангри, ходаи кангагы — шутай татары турунские — тангри, тенгри — тоболские — тангри, шудаи — томские кутай — чацкие — шудай</p>	<p>татары якутские — тангара тунгузи баргузинские — быда — — олени буряты верхаленские — бурхан персидски — хадив, худовант, худоо турецки — тангри – гречески — еось ишпански — <i>Dios</i>, диось евреиски — егова, элоа, аил литовски — <i>Diewas</i>, диевась грузински — имерти – венгерски — <i>Ysten</i>, иштен датски — <i>Gud</i>, гуд армянски — Эн, астуац, аствац албански — перенди, зоть, ин иберно, келтически, ирландски — <i>Dia</i>, диа эстландски — <i>Yummal</i>, Юммал арабски — аллаг, аллаа фински – <i>Jumala</i>, юмала ассирийски — ала ассетински — хучав лесгински — бедмет тибетски — чьо дугорски — хуцау, хцау</p>

<p>— телеутские — кутай — кузнецкие — кутай — красноярские — шудаи бухарские — шуда, шудай, худо</p>	
<p>(Л. 233) чеченски – дяла ингушетски – дале кумыки — саал, бсаал андиски – тцо куряты – цалла кабардински – тха, тья абассинцы – анча кемкенцы – аньча мингрелски — горунти званеты — гербет славянки — бог сербски — бог цыгански — деве, девел, девол, девла индостански — кгода, алла малороссийски — бут, бих халдейских — элогу курулы — кана, камуи коптически — абнуди гренландски — торнгарсук мадагаскарски — жаагар – олонецки — юмал караибски — акамбу лифландски — девсь корелски — юмала малаиски — аллаталла ахински — алла баттаски — дейбатта лампунски — аллаталла</p>	
<p>(Л. 234) ниасски — лдуаланджи рейянски — улаталло явански — деда малагаски — дернакари монгерейски — макасарски — алаталла NB савулски — отагитски — итуа на островах дружества — итуя швейцарски — ди японски — фадоге нуткаски в проливе короля Георгия отунски островов сандвич – итуя ялофски в усть сенегала – игалла <нрзб> в Йемен в Кагире фулиски, у Сенегала – аллаг тевтонски – <u>Got</u>, Гот келтически —</p>	

<p>скотландокелтически – <u>Dia</u> диа; <u>Diuleath</u> диулеат; <u>Feathair</u> феатаир волошски – думнезеу галокелтически – дев <u>Dev</u> бретанокелтически – <u>Due</u> дуэ баско келтически – <u>Duw</u> дув венедски – буг курски побережный – <u>Diews</u>, диевс</p>	
<p>По руски – отец — немецкий — <u>Vater</u> фатер — французский — <u>Pere</u> пер — латинский — <u>Pater</u> Патер — татарский — атай</p>	<p>— шведский — <u>fader</u> фадер — Аглинский — <u>father</u> фадер — итальянский — <u>Padre</u> Падре — чухонский — Ибя — вотский — ага, атай</p>
<p>(Л. 235) — чувашский — аття — черемисский — атя — китайский — фу, эптя — манжурский — Ама — польский — <u>ociés</u> оснесь — португальский — <u>Pai</u> Пай — поморански — <u>Vader</u> фадер — романски, валонски, келтически, тудески — <u>Peire</u> Пейре — голандски — <u>Vader</u> вадер — лоперски — <u>Attja</u> аття — братски — бабай — пустозерские самоеды — нязя, несть — обдорски — незе, несть — юряски — ниссе — мангазански — эссия — турухански — эсее — тавгински — диебломма — Томские остяки — эбел — нариокские остяки — эгие — кетские остяки — эссем — тимские остяки — эссем — каразимские — гезеб — тайгинские — абидда — камаенинские — аба — камчадалские — апач — телимские вогуличи — ияд — березовские — иед, иедде — остяки на иртише — иид</p>	<p>— остяки на обдоре — ие — остяки Илоганские — иегем — остяки силимские — нингем — остяки васеугамские — иигганд пермски — ай зирянски — батиа, бать чусовские вогуличи — сазим Буряти — баа, бай, эссизи калмытски — этуеге монголски — этиге // аба лупоколски татары у реки Кета — аб шибатские — у реки Енисей — об ассаншские — у тасевы — ор Аринские — в Красноярск — бяпп каряки — пепе карагичи — папа Тигиличи — эпе тунгуски Енисейские — ами — мангазейские — амми — нерчинские — амин — баргуские — ами — верхо Ангарские — ами — якутские — ами — охотские — амми ламуты — ама татары верхотурские Кангаяские — бабак башкиры — ага, атай татары туринские — ага — тоболские — атай — чатские — ата — томские — атай, баба — телеутские — аба</p>
<p>(Л. 236) — кузнецкие — атай — красноярские — баба — бухарские — ату — якутские — ага</p>	<p>тушетски — дада кумытски — пу андиски — има курятски — туттем кабардински — ада, яда</p>

<p>тунгузы баргузинские — ами буряты верхоленские — баабай персидски — педар турецки — баба гречески — патир Ишпански — падре евреиски — ав литовски — <u>Yewas</u>, тевась грузински — мама венгерски — <u>Attya</u>, атбя датски — <u>forder</u>, фадер армянски — хаир, ааир албански — баб, ят иборо, келтически, ирлански — <u>Alair</u>, Алаир эстландски — <u>Yssa</u>, исса таать, <u>Yaat</u> арабски — эбу, аб фински — [нрзб] <u>исе</u> ассирийски — баба ассетински — ефид лесгински — деде, дади, обии тибето тангутски — па горски — фидде чеченски — да</p>	<p>абассински — урака кешкенски — иаба мингрелски — мума званетски — му сербски — отец, отац славянски — отец цыгански — даде, дади дид индостански — баб новгородцы — отиц похалдейски — аби москвичи — атец курилски — коптически — иод гренлански — атгата// ангута аравак в зюд Америки — итти иписки в норд Америки — нусса в норд Америки — ота мадагаскарски — бабаку олонецки — тато караибски — бабо лифлански — [нрзб] <u>тевсь</u> корелски — туатта малайски — бапа ахински — ба баттаски — амма лампунски — бапа пиасски — ама</p>
<p>(Л. 237) рейянски — бапа явански — паман малагаски — аппа монгерейски — бапа макасарски — амбо саввусски — отагитски — медуатеп на островах дружества — иготуа швейцарски — <u>Paгоц</u>, пару японски — тоду, оахи нутски в проливе короля Георгия — атуински, островов зандвич — модуя, танны ялофы — фулиски — тевтонски — Келтически — скотландо келтически — <u>achair</u>, ашаир, <u>gaid</u>, гаид// <u>gaideam</u>, гайдеам вологиской — тат// таикы галокелтически — ат бретонкелтически — аита венедиски — оугет, нан курски побережной — <u>Tes</u>, тесь</p>	

(Л. 238)

По руски — мать
— немецки *Mutter* мутер
— французски — *mere* мер
— латински *mater* матер
— татарски — нене, ана
— шведски — *moder* модер
— Аглински — *mother* модер
— италиански — *madre* madre
— чухонски — айти емя, энне
— вотски — муми
— чувашски — ання
— черемиски — абя
— китайски — му, нога
— манжурски — энг
— полски — матка
— португалски — *mai* май
— поморянски — *moder* модер
— романски, валонски, келтически, туде-ски — *meire* меире
— голански — *moeder* моедер
— доперски — *mor* мор, *edne* эдне
— братски — эбей
— пустозерские самоеды — небе, нивя
— абдорские — — небе
— юрякски — неван
— мангазейские — эвиа
— турухански — эо
— тавгински — ниемюма
— томские остияки — эвел

— наримские остияки — эвеб
— кетские остияки — эвем
— тимские остияки — эвеб, имма
— каразимские — гемед
— таингинские — эмме, имам
— камасинские — ианг
— камчадалски — аалчач, у них д.
наречие
— пелимские вогуличи — анк
— березовские — анга
— остиаки — иртишские — анке
— остияки обдорские — ассъ
— остиаки югинские — анке, эсс
— остиаке салимские — анке
— лумкополские — эссем
пермски — — мам
зирянски — — мамо, мам
чувовские вогуличи — анком
буряты — эке, эме
калмытски — эби, этзеге, зуеге
монголски — эке, идше
лумпоколские татары у Кета — ам
Инбатские — у Енисея — ам
ассанитские — у тассевы — ама
котовские — у Кана — ама
Аринские — в Красноярске — би-
миа
коряки — мемме
карагичи — элли
тигуличи — аинга
тугусцы Енисеиские — онни

(Л. 239)

— — мангазейские — онни
— нерчинские — онни
— баргузинские — ани
— верхоангарские — они
— якутские — ани
— охотские — энми
ламуты — аниа
татары верхотурские кангатские — ид-
шем
башкиры — инаи, анай, аней
татары туринские — ина
— тоболские — иния
— чатские — эния
— томские — инеи, этта
— телеутские — эния
— кузнецкие — иней
— красноярские — идше
— бухарские — уна, мадар
— якутские — тие
тунгузы баргузинские — ани
буряты верхоанские — эби

иберно, келтически, ирлански —
mal'air мал'аир
эстландски — *emma* — эмма
арабски — юмма, умму, валиде
фински — *emti* эити// <нрзб> эме
ассирски — имма
ассетински — емад
лесгински — энниу, эбел
тибетогангутски — ма
горски — маде
чеченски — мама
туметски — нана
кумыкски — нину
андиски — или
куряты — неш
кабардински — яна, ана
абассински — ян
кегикенски — ян, аншок
мингрелцы — дида
званетски — ди

<p>персидски — маадар турецки — ана, нине гречески — митир ишпански — мадре <u>madre</u> еврейски — эм литовски — <u>motina</u> мотина грузински — деда венгерски — <u>Апуа</u>, Анбя датски — <i>moder</i>, модер Армянски — майр Албански — мама, нанна</p>	<p>сербски — мати, манка славянки — мать, матка цыгански — дай, даю, даю индостански — ма нижненовгородцы — мац, мацка халдеиски — иму</p>
<p>(Л. 240) коптически — май мадагаскарски — ренику олонецки — мамо гренлански — агнаа, окоох араваки в зюд Америки — угъ чиписки в норд Америки — надовески в норд Америки караибски — биби лифлански — <i>magtn</i>, мате корелски — муамо малайски — мо ахински — мо баттаски — инаньч лампунски — ина ниасеки — ина реиянски — Индо явански — бианьч малагаски — неней монгереиски — мо макасарски — индо саввуские — отагитски — медуаген на островах дружества — швейцарски — <u>mare</u>, маре японски — фафа нуткаски в проливе короля Георгия атуиски островов сандвич — вячени ялофски — фулиски — тевтонски — келтически — ма</p>	<p>скотландокелтически — <u>mathair</u>, матаир, <u>brinneach</u>, бриннах, <u>naing</u>, наинг, <u>iog</u>, иог, <u>buime</u>, буиме вологиски — майка, майкы галокелтически — маитир, мам, ама бретонкелтически — мам баскокелтически — ама, маитир венедиски — мац, мати курски побережной — <u>mate</u> мате</p>
<p>(Л. 241) По руски — чадо, ребенок, дитя — немецки — <i>kind</i> кинд — французски — <i>enfant</i> анфан — латински — <i>infans</i> инфанс — татарски — бала — шведски — барн <i>birn</i> — аглински — <u>child</u> чайлд — италиански — <i>fanciullo</i> фанеулло, <i>bambino</i> бамбино</p>	<p>— вряки — олеко — мангазенски — нючу — турухански — лугочу — тавгиски — лапеака — Томские остияки — имать — наргимские остияки — имматн — кетские остияки — имать — тимские остияки — илмать — караелимские — илмать — тангимские — ити</p>

<p>— чухонски — <u>Lapsi</u> лапси — вотски — нуны — чувашски — адча — черемиски — аза — китайски — дзы — манжурски — дзюй — полски — Dziecie дзиесие — португалски — menino менино, menina менина — померански — goher гоер, kind кинд — старо французски — <u>Enfancon</u> — романски, валонски, келтически, тудески — enfanteau анфанто avelets, entfens, oiv — голански — kind кинд — лоперски — манаа, югло — братски — бицаган — пустозерские самоеды — ачики, ню — абдорские — атчики</p>	<p>— камасимские — уега, аиши — камчадалски — нгингич, нгмгелшан, чакула, гигич, кмачи, негуен, нгаизан, нгаван — пелимские вогуличи — гуичиар — березовские — няврен — остяки иртишские — няурем — остяки абдорские — няврем — остяки юганские — аинегрем — остяки Самимские — няврем — остяки лумпоколские — икум — остяки вассугамские — мукум пермски — кага зирянски — челяд, кага чуссовские вогуличи — айбу буряты — бишахан, базаган, бакаган монголски — кук калмытски — юрун, коекен</p>
<p>(Л. 242) лумпоколские тат. у Кета — хилунгла инбатские — у Енисея — дул ассанские — иали готовские — пуп аринские — алполит коряки — неняпил карагичи — икукумт тигиличи — немкача тунгусцы Енисеиские — кункакам —— мангазеиские — кунгъакам —— нерчинские — кунга —— баргазинские — куакан —— верхо Ангарские — алюкум// ишатка —— якутские — ашаткан —— охотские — ашаткан ламуты — ачаткан татары верхогурские Камчатские — бала башкири — оулан, бала татары туринские — оулан —— тоболские — була —— чатские — иаш, була —— томские — игак —— телеутские — була та: кузнецкие — улачак —— красноярские — Була татары бухарские — була, балат —— иакутские — нириай, аго</p>	<p>тунгузы баргузинские — куакаким буряты верхоленские — бишахан персидские — бечча турецки — годжук гречески — нипион ишпански — <u>muchacho</u> мучачо еврейски — иелед, ул литовски — вайку грузински — крма, кмацвили, гвили венгерски — удечтек, убермек датски — <u>barn</u>, барн армански — манус, ереха, четь албански — битъ иберно, келтически, ирлянской, — <u>Lianb</u>, лианб эстлански — <u>Lapsed</u> лапсед Арабски — тыфл, валид фински — <u>Lapsi</u> лапси ассириски — яля асетински — лапу лесгински — тимир, химир, таквауми тибето тангутски — горски — бидакау чеченски — биер тушетски — бадер</p>
<p>(Л. 243) келтически — баб скотландокелтически — <u>naoidh</u>, наоид, <u>naoidhan</u>, наоидган, <u>gailach</u>, галах волошски — копил</p>	<p>нуткаски в проливе короля Георгия — атуиски островов Сандвич — тевтонски — Chind, хинд алофски —</p>

галокелтически — <u>bab</u> , баб, <u>eissilling</u> , эис- силлинг, <u>heppil</u> , геппил венедински — дциесца, <u>Dziecza</u> курски побережной — <u>bers</u> , берсь	фулиски —
(Л. 244) кумыкски — эрча андски — мочи куряты — тиказьдурра кабардински — гиадега Абассински — екун кегикенски — мингрелски — боши званетски — бобш сербски — дитя, дете славянки — дитя цыгански — чово, чабо индостански — лиррка халдейски — елуду, ейинику нижнегородцы — дзица, дзицетко, робетко коптически — аналоун мадагаскарски — занакун курилски — араваки в зюд Америки — усса гренландски — киттогей чиписки в норд Америки — бобелошин надовески в норд Америки — уетшаксе олонецки — лати караибски — нуанкейли лифласки — [нрзб] бернь корелски — лапши на островах дружества — тямьдж// тя- гине швейцарски — <u>infan</u> , инфан японски — кодомо	

[ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2, л. 231–244].

Конечно, без специального лингвистического комментария такого рода материалы выглядели почти бесполезными – во всяком случае, в глазах читателя-нефилолога. Однако Барсков должен был не только «ограничиться 4-мя <...> словами», но и предельно сократить справочный аппарат: «Примечания к “Филол. занятиям” займут никак не более 2-х листов. Постараюсь всячески урезать цитаты. Все же обойтись без них нельзя, гл. обр. потому, что много подобного материала включено в XI и V тома. Все сопоставления мной сделаны и концы, как говорится, сведены с концами» [ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2, л. 193].

Скепсис Барскова и академиков объясним.

Во-первых, екатерининские материалы представляют собой различные редакции (более или менее пространные; составленные по различным принципам) списков слов, переведенных на максимально возможное число языков и записанных кириллицей. Эти тексты

могли бы и, с нашей точки зрения, должны составить содержание отдельного тома – филологического наследия императрицы⁴. Однако в планы Академии наук такое издание, очевидно, не входило. А по какому принципу производить выборочную публикацию, действительно, неочевидно.

Во-вторых, в XIX–XX вв. было принято с недоверием относиться к «псевдонаучным» исканиям галантного века⁵ – и труды Екатерины здесь, конечно, не могли стать исключением⁶.

⁴ В настоящее время мы работаем над публикацией филологического наследия Екатерины II.

⁵ См., например: «До начала XIX в. нельзя говорить о строго научных исследованиях в области романских языков. Романское языкознание как наука, основанная на объективных фактах, существует лишь столетие и несколько десятилетий» [Йордан, 1971: 13]. Ср.: «Обычно профессиональных лингвистов мало занимает тот вклад, который внесла в лингвистическую теорию европейская традиция более раннего времени; они увлечены совсем иной тематикой и работают в интеллектуальной атмосфере, невосприимчивой как к проблемам, стимулировавшим языковедческие исследования в прошлом, так и к добытым ранее результатам. Указанный вклад по большей части неизвестен современным лингвистам, а если они и знакомы с ним, то смотрят на него с нескрываемым презрением. Для многочисленных современных трудов по истории языкознания типична следующая позиция: “Все, что предшествует XIX в., еще не лингвистика и может быть описано в нескольких строках”» [Хомский, 2005: 18–19]. См. также [Пастернак, 2009: 7–8]. Огромный вклад в дело «реабилитации» лингвистики XVIII в. внесли Сильвен Ору и его единомышленники из лаборатории «Истории лингвистических теорий» в Париже [об этом см.: Бокадорова, 2000: 5–21].

⁶ В.М. Алпатов, например, говоря о «Сравнительном словаре всех языков», Екатерину даже не упоминает: «В 1786–1791 гг. в Петербурге вышел четырехтомный словарь русско-немецкого путешественника и естествоиспытателя П.С. Палласа, включавший материал 276 языков» [Алпатов, 2005: 52]. Ср.: «<...> у нас есть все основания полагать, что роль Екатерины II в возникновении вопросника не была столь значительной, как было принято считать до сих пор» [Фаловский, 2010: 22]. Другая точка зрения: «<...> поворотный пункт всего более раннего периода в истории нашей науки характеризуется возникновением больших многоязычных словарей, которые печатались в конце XVIII и начале XIX в. и целью которых было дать <...> всеохватывающую обработку и пополнение всего уже известного материала. Первый из этих словарей обязан своим изданием русской императрице Екатерине II, которая, будучи еще великой княжной, интересовалась составлением универсального глоссария. Она сама составляла списки слов, которые должны были переводиться на всевозможные языки и рассылала эти списки не только по России, но посылала их также и в другие страны русским посланникам и ученым других стран, чтобы перевести их на возможно большее число языков» [Томсен, 1938: 45–46]. Особо стоит отметить работу Mary Ritchie Key, которая высоко оценила вклад Екатерины в мировую науку и пришла к выводу о том, что “Catherine studied the comparisons of the word lists she had collected with an intent to reconstruct the past. She assembled the material with careful scrutiny as to similarities. The assemblage is remarkably accurate in comparison with classifications which were refined in the centuries following Catherine’s study. <...> Humboldt, who has often been quoted by Chomsky in the last decade, with regard to linguistic theory, consulted her <Екатерины II. – А.И.> collection in St. Petersburg. Humboldt’s important contributions to the development of linguistic theory in the 19th century were made possible because of his knowledge of non-Western languages. His ideas about linguistic universals were stimulated by his familiarity with American Indian

В-третьих, биографическая легенда подменила научный анализ. Из работы в работу кочует одно и то же утверждение, почерпнутое из переписки Екатерины с Циммерманом: императрица занялась «этимологией», чтобы утешиться, чтобы хоть чем-то занять себя после смерти фаворита А.Д. Ланского⁷. Биографы тем самым подчеркивают «мимолетный», «поверхностный» интерес Екатерины к этим проблемам. Обычно игнорируется тот факт, что лингвистические вопросы начали интересовать Екатерину еще в то время, когда она была Великой Княгиней [Грот, 1901: 291–292]. Так, в 1760-е годы она активно читала научную литературу. Об этом свидетельствует, например, ее «Заметка о книгах, которые следует перевести на русский язык». В этом тексте упомянуто около десяти лингвистических работ: “Dictionnaire de Boudot; Grand Dictionnaire latin d’Etiéne; Thesaurus Eruditionis scholastica de Haber; Grammaire de Clenard redigée par Vossius; <...> Grammaire de Port Royale; Grammaire d’Antisignanus; Dictionnaire de Scapala; Grand Dictionnaire grec d’Etiéne” [РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 427, л. 1]. Некоторые соображения о датировке «Заметки» можно высказать, опираясь на ее текст: в списке находится «Велизарий» Мармонтеля [РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 427, л. 4], переведенный императрицей и ее приближенными в 1767 году во время путешествия по Волге и напечатанный в 1768 г.: из этого следует, что заметка не могла быть написана позднее первой половины 1767 г. Кроме того, Екатерина предложила и совершенно иное объяснение того, почему она решила начать работу над «Сравнительным словарем всех языков». К этой идее Екатерина пришла в ходе своих занятий по изучению древнерусских рукописей: «Слово “Зеница”, найденное мною в стариной одной Азбуке, подало случаю ко многоязычному словарю, а вот как “Зеница – зрение” в начале имеет те же литеры, с которых начинается слово “зрение” на разных языках, из чего вышло испытание иных многих слов, имеющие одинакие литеры начальные, следовательно, начало одно, а как приложить к тому переход литеры

Languages. For example, his study on the verb makes constant reference to American Indian verbal systems» [Key, 1980: IX–X].

⁷ См., например: «Мысль о составлении общесравнительного словаря с особенною живостью возобновилась в уме императрицы в такую эпоху, когда глубокая печаль заставляла ее искать развлечения в каком-нибудь новом и постоянном занятии. Это было летом 1784 года, после смерти А.Д. Ланского. Она решилась сама приступить к собиранию материалов для подобного глоссария. Вот собственный ее рассказ о рождении самого предприятия – из письма ее к доктору Циммерману от 9 мая 1785 г.: “Ваше письмо извлекло меня из уединения, в котором я провела девять месяцев почти взаперти и из которого мне трудно было выйти. Вы никак не догадаетесь, чем я в это время занималась; для курьеза расскажу вам о том. Я составила список от двух до трех сот коренных русских слови дала их перевести на столько языков и наречий, сколько могла отыскать и число которых теперь переходит уже за вторую сотню <...>”» [Грот, 1901: 292].

однако класса, едва ли не найдется ли устройство всех языков, исходящих из единого начального, начальной же сей язык во всех языках» [Екатерина II Отрывки Всеобщего Словаря // РГАДА. Ф. 16, оп. 1, № 382, л. 3 об.].

Кроме того, екатерининская лингвистика не может быть понята вне контекста ее исторических и литературных трудов. Так, в неопубликованной части «Былей и небылиц» императрица обращается к проблеме культурного статуса русского языка. Она подчеркивает его богатство и древность, которые ничем не уступают любому европейскому языку: «Славяне, победа весь свет, не единожды разнесли язык свой повсюду. Удивительно лишь только то, что были времена такие, в кои нас уверяли и мы уверены были, что в богатейшем и пространнейшем в свете языке нашем не находится слов для написания письма и заимствовали непрестанно из иностранных языков, даже до мелочных званий разных вещей» [Пекарский, 1863: 50]. Размышления об историко-культурном значении русского и церковнославянского языков постоянно поддерживались ее занятиями «этимологией», сведения о которых находим, например, в ее письме Гримму от 24 декабря 1783 г. [Екатерина, 1901–1907, 11: 21–22]. Такого рода упражнениям Екатерина уделяла много времени, не уставая рассуждать о пользе сравнительного изучения языков и открывая все новые «соответствия» между «славянским» и языками романо-германской группы (см., например: [Екатерина, 1901–1907, 11: 412]. Екатерина пыталась опровергнуть распространенное тогда мнение о России как «отсталой», «варварской» стране, которой чужды ценности просвещенной Европы. Ей было важно не только опровергнуть построения критиков (в «Антидоте» и «Записках касательно российской истории»), но и предложить свою, принципиально иную, концепцию русской культуры. Поиск корней слов, сравнительный анализ языков – одно из направлений этой деятельности. Именно поэтому императрица утверждала, что славянский язык является «материнским языком» всех других европейских языков. Таким образом, филология у Екатерины фактически смыкалась с историей и политикой, причем образу истории, базировавшемуся на «этимологии», приписывалось важное общественное значение: он должен был служить двум взаимосвязанным целям — патриотическому воспитанию юношества и прославлению государства [Екатерина, 1901–1907, 11: 415, 417, 423–424; Сборник, 1878: 620, 636, 647; Ивинский, 2012: 5–6, 86–92].

В какой мере все это понимал Барсков? На данном этапе изучения темы этот вопрос оставляем открытым, ведь его комментарии к филологическим трудам Екатерины II до нас не дошли или вообще

не были написаны (то же, что нам известно, сводится к кратким археографическим легендам). Важнее другое: обширный материал, имеющий существенное историко-культурное значение, до сих пор не введен в научный оборот. Его систематизация, издание и комментирование остаются важнейшей задачей.

Список литературы

- Adelung F.* Catherinens der Grossen verdienste um die Vergleichende Sprachenkunde. St. Petersburg, 1815.
- Court de Gebelin A.* Le monde primitive. P. 1773–1782.
- Key M.R.* Catherine The Great's Linguistic Contribution. Edmonton, 1980.
- Алтамов В.М.* История лингвистических учений. М., 2005.
- Барсков Я.Л.* Филологические заметки // ОР РГБ. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2.
- Бокадорова Н.Ю.* Сильвен Ору и современная французская школа истории и эпистемологии наук о языке // Ору С. История. Эпистемология. Язык. М., 2000.
- Булич С.К.* Очерк истории языкознания в России. Т. 1. СПб., 1904.
- Вомперский В.П.* Словари XVIII века. М., 1986.
- Воронов А.* Федор Иванович Янкович де-Мириево или народные училища в России при императрице Екатерине II. СПб., 1858.
- Грот Я.К.* Сотрудничество Екатерины II в «Собеседнике» кн. Дашковой // Грот Я.К. Труды. Т. 4. СПб., 1901.
- Екатерина II.* Сочинения, на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А.Н. Пыпина. Т. 1–5, 7–12. СПб., 1901–1907.
- Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей русского слова». М., 2012.
- Извлечение из сочинения: Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachekunde, von F. Adelung. St. Petersburg, 1815. 4. XIV. 210. (Заслуги ЕКАТЕРИНЫ Великой в сравнительном языкознании) <...> // Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1818. №2.
- Йордан Й.* Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы. М., 1971.
- Кеппен Ф.П.* Ученые труды П.С. Палласа. СПб., 1895.
- Круглый А.* Еще о филологических занятиях Екатерины Великой // Русский архив. М., 1879.
- Маракуев В.* Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877.
- Пастернак Е.Л.* Формирование основных направлений французской лингвистической мысли XVIII века. М., 2009.
- Пекарский П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II // Записки императорской Академии наук. Т. 3. СПб., 1863.
- Сборник императорского русского исторического общества. Т. 23. СПб., 1878.
- Соболевский С.* Филологические занятия Екатерины II // Русский архив. М., 1869. Вып. 12.

Томсен В. История языковедения до конца XIX в. (Краткий обзор основных моментов). М., 1938.

Фаловски А. Славянские материалы в многоязычных европейских лексиконах XVIII века // Е.Р. Дашкова и XVIII век. От Российской империи к современной цивилизации. М., 2010.

Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005.

Сведения об авторе: *Ивинский Александр Дмитриевич*, канд. филол. наук, мл. науч. сотруд. филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: ivinskij@gmail.com

А.С. Федотов

**А.Н. ОСТРОВСКИЙ И ПЕТЕРБУРГСКИЙ
КНИГОИЗДАТЕЛЬ Д.Е. КОЖАНЧИКОВ:
ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ВТОРОГО
ПРИЖИЗНЕННОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
ДРАМАТУРГА**

В статье рассматривается история издания второго прижизненного собрания сочинений драматурга А.Н. Островского. В качестве источника для реконструкции этой истории используются ранее не публиковавшиеся деловые бумаги и письма петербургского книгоиздателя Д.Е. Кожанчикова.

Ключевые слова: А.Н. Островский, Д.Е. Кожанчиков, собрание сочинений, издательское дело, финансовые документы, история издания.

The article deals with the history of publishing the second edition of the collected works of A.N. Ostrovsky, the dramatist. Commercial papers and letters of a St. Petersburg publisher D.E. Kozhanchikov never published before are used as a basis for this research.

Key words: A.N. Ostrovsky, D.E. Kozhanchikov, collected works, publishing, commercial papers, publishing history.

История взаимоотношений Островского с книгоиздателями по существу не описана и не стала предметом специального изучения. Если связь драматурга с издателем первого двухтомного собрания 1859 г. меценатом А.Г. Кушелевым-Безбородко более или менее осмыслена как факт биографии Островского, то дальнейшая судьба полного отдельного издания его сочинений почти игнорируется. Причины этого отчасти понятны.

Во-первых, в отличие от Кушелева-Безбородко, последующие издатели не были заметными фигурами на идеологической карте эпохи. Ни Д.Е. Кожанчикова, переиздавшего двухтомник и продолжившего его третьим, четвертым (1867) и пятым (1870) томами, ни С.В. Звонарева, взявшегося за издание нового собрания в семи томах, но разорившегося и отказавшегося от этого предприятия незадолго до смерти, несмотря на их достаточно интересную судьбу, ни современники, ни исследователи не признавали представителями какой-либо из противоборствовавших литературно-общественных групп. Более того, известны по преимуществу не вполне, как нам представляется, справедливые высказывания об этих издателях как о беспринципных

дельцах. Сотрудничество с Кожанчиковым и Звонаревым как будто не добавляет ни одного нового штриха к существующему представлению об Островском. Что же касается соглашения драматурга с Некрасовым и Краевским, взявшими на себя издание после разорения Звонарева, то этот факт, кажется, воспринимался как сам собой разумеющийся, ведь связи Островского и Некрасова были давними.

Во-вторых, в отличие от контрактов с Кожанчиковым и Звонаревым, соглашение с Кушелевым-Безбородко¹ рассматривалось в связи с попытками привлечь Островского к сотрудничеству в журнале «Русское слово»².

Наконец, сказалось настороженное отношение отечественных ученых к финансово-юридической стороне деятельности русского писателя³. Чрезвычайно характерно освещение в целом неплохо документированных отношений драматурга с Некрасовым, когда вскользь говорится об обширной деловой переписке, на первый план выдвигается известное «утешение» Островского, в котором автор называет себя и адресата единственными «настоящими народными поэтами» [Островский, 1973–1980, XI: 315], а конфликт, связанный с материальной оценкой «Снегурочки», подается как недоразумение⁴. Приводимые ниже архивные документы позволяют не только более объективно посмотреть на финансовые обстоятельства взаимоотношений Островского с издателями, но и пошатнуть «презумпцию виновности» издателя перед русским писателем, присутствующую в русском культурном сознании. Как мы постараемся показать, издатель, берущий на себя финансовые риски, оказывается едва ли не более «страдательной» фигурой, чем сам писатель. При этом коммерческую мотивацию издателя мы не будем считать компрометирующей.

1

Необходимость нового собрания сочинений Островского возникает примерно в середине 1860-х годов. Сам Островский думал о

¹ Сам текст соглашения не сохранился. Возможно, ввиду больших финансовых возможностей издателя документа и не существовало, и дело обошлось устной договоренностью. Ср. *post scriptum* письма Кушелева-Безбородко к Островскому от 1858 г.: «Если бы вам встретилась когда-нибудь надобность в деньгах [*нрзб*] прошу вас написать мне два слова, и я готов всегда вам дать» [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 1072].

² Об этих попытках, кстати, свидетельствуют неопубликованные письма Кушелева-Безбородко к Островскому 1858–1859 гг. [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 1072, 1073].

³ Беглый обзор попыток беспристрастного обращения к вопросу о взаимодействии экономики и литературы в отечественном литературоведении, а также указание на ключевые тексты так называемой новой экономической критики, см.: [Макеев, 2009: 6–8].

⁴ См., например: [Вильчинский, 1978]. Удачный вариант интерпретации письма Островского см.: [Журавлева, 2008]. Напряженность финансовых отношений Некрасова и Островского осталась за пределами интересов автора и в этом случае.

нем гораздо раньше, но первое собрание оставалось нераспроданным. В нарушение договора Кушелев-Безбородко издал на две тысячи экземпляров больше, чем предполагалось. Глухие сведения об этом содержатся в отрывке из письма Островского С.В. Максиму от 4 октября 1861 г., включенного последним в мемуары [Максимов, 1897] (автограф не сохранился):

[...] Я мог тогда же остановить печатание лишних экземпляров, но не сделал этого из деликатности, во избежание скандала. Граф предлагал мне запечатать своей печатью лишние книги, я и этого не сделал, желая показать ему полное доверие. Что же вышло? Если б я тогда уничтожил экземпляры, я бы через два года имел право продать второе издание и был бы с деньгами, а теперь ни денег, ни возможности даже получить какие-либо сведения о своем добре. Если даже первое издание еще не продано, то чем же я виноват! При небрежности продажу можно растянуть на 10 лет. Мои дела теперь плохи. Не сыщется ли кто желающий издать третий том, я взял бы теперь дешево. На третий том наберется произведений и без «Минина» («Минин» разойдется отдельным изданием). Тому, кто купил бы у меня третий том за 2 тыс., я уступил бы издание «Минина» даром [Островский, 1973–1980, XI: 134].

Насколько можно судить по сохранившемуся отрывку из письма Островского Максиму (1865 г.?), именно запрет на продажу прав на издание нового собрания до полной распродажи предыдущего впоследствии казался драматургу наименее приемлемым пунктом условий с издателями. По его мнению, гораздо лучше было бы обозначать точные сроки, по истечении которых он мог бы передать право на издание другому лицу [Островский, 1973–1980, XI: 220]. Тем не менее, как покажут приводимые ниже документы, запрет на осуществление нового издания до реализации старого продолжал оставаться обязательным условием любой сделки.

Когда драматург познакомился с Дмитрием Ефимовичем Кожанчиковым, неизвестно, но, очевидно, это могло произойти при посредничестве Некрасова⁵ или, что вероятнее, С.В. Максимова⁶ – друга Островского и приятеля самого Кожанчикова, который незадолго до договоренности с драматургом издал несколько сочинений

⁵ Кожанчиков упоминается в письме Некрасова Островскому от 6 нояб. 1864 г. Островский, очевидно, беспокоился, что появившееся отдельное издание «Минина» помешает продажам двухтомника. Сожалея о недоразумении, Некрасов сообщил, что «книгопр<одавцам> Кожанчикову и Саласву» проданы «остаточные экземпляры «Современника» 1862 года», а те их расшили и «продают из них то, что может иметь сбыт». Некрасов выражал уверенность, что «серьезного подрыва такая безделица» изданию Островского сделать не сможет [Некрасов, XV(1), 20–21]. Отдельные оттиски пьесы доступны в РГБ, РНБ, библиотеке СПГУ, ГПИБ и НБ МГУ (Козьма Захарьич Минин Сухорук. Драм. хроника. (1611–1612). В 5 д., с эпилогом, в стихах. Соч. А.Н. Островского. СПб., 1862. С. 7–116. Отг. из журн. «Современник». 1862. № 1).

⁶ См. об этом: [Островский в воспоминаниях, 1966: 123–125].

Максимова⁷. Возможно, Островский знал о Кожанчикове и раньше: до переезда в Петербург (1853), Кожанчиков был кассиром в дирекции московских театров⁸.

Перебравшись в столицу, Кожанчиков принял управление конторой изданий А.А. Краевского. Через пять лет, в 1858 г., он открыл собственный книжный магазин на Невском проспекте напротив Публичной библиотеки. Был одним из завсегдатаев «Балабаевки» – трактира на Садовой, своего рода неформального клуба литераторов, историков, этнографов и книгопродавцев. В 1862 г. допрошен по «делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» («Процесс 32-х»), подозревался в связях с Кельсиевым, но полностью оправдан определением Сената от 10 декабря 1864 [Лемке, 1908].

В 1860-е годы издал несколько ключевых текстов по старообрядчеству⁹. Считается, что именно это невыгодное в финансовом смысле увлечение привело в конечном итоге к разорению [Баренбаум, 2003: 245–248]. Вероятно, прозвища «старец», «старик» или «келарь» (см. переписку Островского и С.В. Максимова) связаны с раскольничьими пристрастиями Кожанчикова.

Когда было заключено соглашение об издании нового собрания сочинений (т. е. переиздании двух «кушелевских» томов и выпуске двух новых) и каковы были финансовые условия, точно неизвестно. Однако очевидно, что договоренность была достигнута после 6 ноября 1864 г., когда Некрасов в письме к Островскому упоминал Кожанчикова как, скорее всего, незнакомого драматургу книготорговца, и до 16 декабря 1865 г., т. е. до письма Максимова Островскому, где Кожанчиков фигурирует уже как издатель собрания. Говоря о надежности Кожанчикова¹⁰, Максимов выразил опасения, что начало печатания отложится до конца января или начала февраля [Неизданные письма к Островскому, 1932: 207–208].

Возможно, договоренность была достигнута и раньше, но нельзя утверждать наверняка, что в письме от 26 апреля 1865 г. к жене из

⁷ Год на Севере: В 2 т. СПб.: Кожанчиков, 1859; Рассказы из истории старообрядства по раскольничьим рукописям. СПб.: Кожанчиков, 1861.

⁸ Памятные книжные даты. М., 1983. С. 245–248.

⁹ Повесть о новгородском белом клобуке и Сказание о хранительном билии, мерзком зелии, еже есть табаце. Два старинных произведения раскольничьей литературы. СПб.: Кожанчиков, 1861; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. СПб.: Кожанчиков, 1861; *Есупов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия: В 2 т. СПб.: Кожанчиков, 1861–1863; *Щанов А.П.* Земство и раскол. СПб.: Кожанчиков, 1862; *Филитов И.Ф.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Кожанчиков, 1862; *Бровкович А.И. (Никанор)*. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб.: Кожанчиков, 1861; Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. Три памятника из первоначальной истории старообрядства. СПб.: Кожанчиков, 1862.

¹⁰ Впоследствии это отношение поменяется на противоположное.

Петербурга, говоря, что «дело о продаже сочинений идет на лад» [Островский, 1973–1980, XI: 204], Островский имел в виду именно продажу прав на издание Кожанчикову.

Ни в январе, ни в феврале 1866 г. выпуск собрания сочинений не начался. В первом из сохранившихся писем Кожанчикова Островскому (26 сентября), издатель извиняется за задержку и объясняет ее тем, что только в марте получил от И.Ф. Горбунова первую часть «оригиналов» (вероятно, вычитанных рукописей или корректур).

26 сентября 1866 года

Милостивый государь Александр Николаевич!

Получивши Ваше письмо, спешу Вам разъяснить наши обстоятельства. Не буду Вам объяснять подробно причин, почему я Ваши сочинения не мог не только, что напечатать к сроку, но даже приступить к изданию; их много, начиная с того, что я до сих пор не мог получить всех оригиналов, хотя я о них просил не раз даже Вашего брата. Только в марте месяце И.Ф. Горбунов мне доставил три или четыре оригинала вместо десяти. Конечно, это далеко не отговорка, но мог ли я думать об издании чего-либо, когда с февраля еще месяца ходил по городу слух, что торговлю мою книгами на основании новых узаконений о книжной торговле мне не разрешат. А это равнялось конечно моему разорению, и я принужден бы был с семьею думать только о насущном хлебе в буквальном смысле этого слова. По этому самому мною было подано форменное прошение еще 28 февраля, но ни ответа, ни привета не последовало. Потом мною подано было вторичное прошение, а только 24 сентября 1866 года я получил надлежащее свидетельство на продолжение моей книжной торговли, и, конечно, только теперь я вполне успокоился и в состоянии думать о чем-либо. Все эти обстоятельства принесли мне большой вред еще косвенно, относительно кредита и доверия к моим делам; так что я вынужден был большую часть товара покупать за наличные деньги; долги мне платили туго, а я сам принужден был уплачивать долгов до 10 т. руб. Конечно, чувствую и тут себя виновным, что не сообщил Вам обо всем вовремя, в чем прошу у Вас извинения. Все это время я был просто без головы.

В условии нашем было сказано, что вторую тысячу я обязан заплатить через 4-е месяца по выходе 3 и 4 томов. Из этого пункта ясно, что я в четыре месяца рассчитывал что-либо выручить из продажи Ваших сочинений и из своего капитала добавить что-либо [немного].

Относительно несоблюдения условия я Вас в затруднительное положение [не поставлю] и потому прилагаю [уже], так сказать, официальное письмо, которым я вполне нарушаю заключенное нами с Вами условие. Купеческий быт Вы знаете лучше моего, а потому все это, кажется, не будет для Вас странным. В коммерции всякое бывает!

Если бы я теперь уплатил Вам еще 1000 руб. и 1 февраля еще по условию 1000 р., да на издание затратил бы 3000 руб., итого вышло бы, что я должен отдать вперед 6000 руб., не получая ничего от Ваших сочинений. Уплатить 6000 руб. сразу значило бы подорвать себя окончательно.

Юридически Вы правы, нарушил условие первый я, а потому я поспешил хоть юридически тоже оправдаться перед Вами и посылаю Вам официальное письмо. Однако ж вместе с тем решаюсь Вам сделать одно предложение, конечно, если Вы признаете мои доводы хотя за небольшое мое нравственное оправдание. Дела мои все-таки не так дурны, чтобы я не мог выполнить нашего условия; бумага уже заказана и на днях будет готова; часть денег за нее уже отдана. Впрочем, в случае несогласия с Вашей стороны, бумага у меня уйдет на другое дело, и я убытка здесь не потерплю, а потому предлагаю Вам [вновь] 1-е) начать печатание 3 и 4 томов Ваших сочинений я обязуюсь сейчас же и кончу к Рождеству 1866 года. Уплата остальных Ваших денег должна само собою измениться так: тысяча руб. уплачена; вторую тысячу обязуюсь уплатить первого мая 1867 года; третью первого февраля 1868 года, а четвертую тысячу обязуюсь уплатить по условию. Вас покорнейше прошу со мною не церемониться и действовать во всем, как Вам угодно. В случае согласия на новые мои условия покорнейше Вас прошу написать мне также официальное письмо, что Вы в дополнение нашего условия согласны, чтобы я 2 и 3 томы¹¹ Ваших сочинений выпустил не позднее 1 января 1867 года и уплату второй тысячи согласны отсрочить до 1 мая 1867 года, а 3-ю тысячу до 1 февраля 1868 года и что в остальных пунктах наше условие остается во всей его силе; тогда я приступлю сейчас же к печати. Если продажа Ваших сочинений пойдет успешно, то я даю Вам истинное и благородное слово, это для меня важнее контракта, уплату производить скорее, как только возможно. В случае несогласия, еще раз предоставляю Вам полное право действовать по официальному моему письму. Теперь же платить Вам 1000 руб. или передвигать сроки [платежей] на более короткие сроки я не в силах. Видно, уже так мне на роду написано.

Искренно уважающий Вас и готовый навсегда к услугам Вашим
Д. Кожанчиков [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 870].

Слухи о возможном закрытии дела и связанное с этим падение кредита прямо ставят под сомнение продолжение успешной книготорговли, а ведь речь идет о состоявшемся издателе. Необходимость расплачиваться собственными деньгами – сильный удар для торговца книгами, а покрытие долга в 10 тыс. руб.¹² фактически парализует дело, если, конечно, доверять аргументам Кожанчикова, высказанным в письме к лицу, перед которым выгоднее преуменьшать собственное состояние. Ясен и расчет на то, что вторую часть финансовых обязательств перед автором можно будет выполнить уже после продажи первых отпечатанных томов. Как это следует из письма и как, вероятно, предполагалось контрактом, издание предполагалось начать с новых томов, очевидно, позволявших быстрее отбить часть расходов (первые два тома все еще были на прилавках в «кушелевском» из-

¹¹ Очевидно, ошибка. До этого речь шла о том, чтобы начать новое собрание с новых томов – третьего и четвертого.

¹² Для сравнения: менее половины суммы расходов на следующее несостоявшееся «звонаревское» издание в семи томах.

дании). Новые тома могли приобрести и те, кто уже купил первый и второй тома в первом издании.

Новые условия, которые предлагал Кожанчиков Островскому, заключались по существу лишь в изменении сроков предыдущего договора, как в части выпуска томов, так и в части выплат гонорара. Единственное неясное место – четвертая (и, очевидно, последняя) тысяча, которую должен был получить Островский «по условию». В чем заключалось «условие», неизвестно; возможно, речь шла о деньгах, которые Островский получил бы после распродажи значительной части тиража. На наш взгляд, этот пункт договора заменил ранее предполагавшуюся выплату 1000 руб. через четыре месяца после реализации третьего и четвертого томов. Потом (в конце зимы – начале весны 1869 г.) именно эта сумма стала причиной некоторого конфликта между издателем и драматургом.

Писем Островского к Кожанчикову не сохранилось, но предложение было принято, как следует из ответа издателя, с которым он посылал 300 руб., вероятно, потребованных драматургом вперед (т. е. до мая 1867 г.), и новый договор на подпись¹³.

14 октября 1866 года

Милостивый государь Александр Николаевич!

Извините меня, что я на три дня задержал Вас ответом. Вот уже год, как меня судьба так или иначе шелкает по носу. Вчера схоронил сына; хотя с небольшим года, но признаюсь Вам, это сильно подействовало на мои слабые нервы.

Письмо Ваше получил, за Ваш поступок относительно меня приношу Вам самую искреннюю мою благодарность. Впрочем, зная Вас хотя более чрез других, я другого почти не ожидал. За всем тем еще раз благодарю Вас и постараюсь вполне оправдать Ваше доверие.

Соч. Ваши я вчера уже отдал в набор и вполне уверен, что 3 и 4 томы пушу в продажу к Рождеству.

Посылаю Вам при сем письме перевод на магазин Юнкера в 300 руб. Деньги по этому переводу Вы получите тотчас же. Адрес магазина, вероятно, Вам известен, на Кузнецком мосту. Если сами не пожелаете заехать, то Вы можете доверить получение денег кому Вам угодно. Стоит только написать Вам, что Вы 300 р. доверяете получить такому-то. Удостоверения, что действительно подписали Вы, не требуется, а также и в Вашей личности.

Также посылаю Вам при этом письме новое условие, подписанное мною, и копию, которую покорно прошу Вас подписать и возвратить мне, а также и прежнее наше условие для уничтожения, копию с него также посылаю.

Еще прошу Вас уведомить меня, кому Вы желаете поручить здесь последнюю корректуру. Желающих двое — И.Ф. Горбунов (боюсь, будет

¹³ Ни новое, ни старое «условие» не сохранилось. Однако приводимые письма, кажется, позволяют восстановить их смысл достаточно полно.

задерживать) и С.В. Максимов. Конечно, Вы имеете полное право поручать и другим.

За тем еще раз приношу Вам мою благодарность и жму Вам дружески руку.

Остаюсь готовый всегда к услугам Вашим
Д. Кожанчиков [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 871].

Писем Кожанчикова за 1867 г. не сохранилось. Однако издание было успешно осуществлено¹⁴, а выплаты гонорара производились в означенные сроки. Заключение комментаторов ПСС о том, что «Кожанчиков задерживал свои расчеты по III и IV томам Собрания сочинений Островского», основанное на письме драматурга жене (предположительно от конца марта 1867 г.), где, в частности, говорилось: «Кожанчиков упирается; но я думаю, если не сейчас, то все-таки зимой получу», крайне сомнительно [Островский, 1973–1980, XI: 253]. Во-первых, согласно обозначенным Кожанчиковым условиям, срок первой выплаты – 1 мая, и требовать денег ранее этого срока Островский не имел оснований. Во-вторых, сама датировка письма представляется нам неправильной. Странно, что после 20 марта Островский выражает уверенность в том, что «все-таки зимой получит» деньги. Вероятнее всего, письмо следует передатировать январем 1868 г., когда, находясь в Петербурге, Островский пытался воспользоваться случаем и получить оставшиеся по контракту деньги ранее 1 февраля. Об этом же говорит и сохранившаяся записка самого Кожанчикова к Островскому от [13] января 1868 г.:

[13] января 1868 года

Милостивый государь Александр Николаевич!

Ваше письмо застигло меня врасплох; на днях я жду денег из Варшавы и, если получу, уплачу Вам всю 1000 руб. с удовольствием. Я сейчас нарочно посмотрел наше условие; там сказано, что третью тысячу обязан я заплатить Вам 1 февраля 1868 года, так я и рассчитывал прежде и, соображаясь с этим временем, полагал быть сам в Москве на Маслянице и вручить Вам лично следующее с меня. Я [нрзб] не слышал, что Вы здесь; еще два дня назад у меня было в запасе около 1500 руб., но бес соблазна заставил меня купить одно довольно выгодное издание. Конечно, дело для меня не в сроке, и постараюсь собрать на днях же хотя половину и вручить Вам лично; положительно же обещать не могу даже до воскресенья, но постараюсь.

Остаюсь искренно уважающий Вас и готовый навсегда к услугам Вашим

Д. Кожанчиков [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 872].

Такое изменение датировки позволяет, кроме прочего, предположить, что пьеса, за которую должен получить деньги Островский («За

¹⁴ Третий и четвертый тома выпущены в 1867 г., первый и второй тома вышли вторым изданием в 1868 г.

пиэсу дадут в Москве)), – «Василиса Мелентьева», за постановкой которой следил в Петербурге драматург. Что же касается расчетов по изданию четырех томов собрания сочинений, то здесь Кожанчикова упрекнуть не в чем, по крайней мере, для заключения о том, что Кожанчиков просрочил платежи, нет данных. Поэтому в письме Максимова Островскому от 20 апреля 1868 г., написанном в шуточной манере, скорее всего речь идет уже не о долгах по этим томам, а о возможном продолжении издания следующим, пятым томом.

[...] Вчера же, утренним временем, восходил я из смиренные келии моя в синедрион обители оскудевшего благочестием балабаевского согласия нашего, и в тихих разговорах вопрошал отца казначея Димитрия о положении вверенной попечению казны его. Богомудрый и неленостный на подвиги благочестия и благотворения старец ответственвал мне, что ускудела сокровищница его до дела¹⁵ от бездождия и безхлебия вся земли. В воздыханиях же усмотрел я великую тугу и печаль его сердца о предлагаемом¹⁶. Позван был и еще один от рачителей книжного писания, казначей малого образа и пострижения, от мирских людей, Звонарев некто, и с ним совет сотворили, но обрели токмо тугу единую о нестроении света сего и о оскудении сокровищ земных. Звонарев изрек некоторую сумму динариев, но в толико-малом числе, что я токмо по смирению сана моего не изрек хулы моя и не отдал его под запрещение [Неизданные письма к Островскому, 1932: 209].

Просьба Островского «схлопотать дело с Кожанчиковым», обращенная к Ф.А. Бурдину и содержащаяся в письме начала сентября 1868 г., конечно, тоже подразумевает не выплату старых долгов, как полагают комментаторы ПСС Островского, а вопрос об издании пятого тома [Островский, 1973–1980, XI: 287]. Ответ Бурдина, советовавшего «на Кожанчикова не рассчитывать» [Письма Бурдина, 77], не имел бы смысла, если бы речь шла не о предлагаемом Островским предприятии, а о взыскании существовавшего долга. Бурдин также передавал и полученные от Максимова сведения о том, что «Кожанчиков теперь <...> в стесненных обстоятельствах» [Письма Бурдина, 1923: 77]. Сам Максимов уже 12 сентября, то есть через три дня после письма Бурдина, подтверждал эту информацию.

[...] Разговор с келарем наедине тоже не повел меня далеко, да и время-то настоящее не совсем удобное; платежи задерживаются и торговля еще не шевелится. Надо будет попытаться в начале зимы: надеюсь тогда уладить и с меньшею с Вашей стороны уступкою¹⁷. Настоящая настолько соблазнитель-

¹⁵ Вероятно, ошибка издателей. Следует: «до дна».

¹⁶ Вероятно, о предлагаемом продолжении собрания сочинений Островского пятым томом.

¹⁷ Насколько действительно была велика предлагавшаяся Островским «уступка», неизвестно. По заключенному 1 ноября 1869 г. за пятый том Кожанчиков должен был заплатить 1500 руб.: см. ниже.

на для обоих, что только действительное безденежье может препятствовать их согласию [Неизданные письма к Островскому, 1932: 210–211].

Сославшись на Максимова, в конце сентября Островский с уверенностью сообщал Бурдину, что в начале зимы получит с Кожанчикова деньги. Неправильно истолковав слова посредника, Островский писал, что Кожанчиков прямо «обещает заплатить в начале зимы» [Островский, 1973–1980, XI: 289], хотя Максимов, как это видно из его письма, только предположил, что зимой переговоры могли бы быть для драматурга выгоднее.

В двух февральских письмах 1869 г. к Бурдину Островский просит приятеля повидать Максимова и узнать о ходе переговоров с Кожанчиковым [Островский, 1973–1980, XI: 299–300]. Только 22 марта Бурдин сообщил, что, по сведениям Максимова, Кожанчиков не платит Островскому денег, потому что «положенное в условии число экземпляров не продано» [Письма Бурдина, 1923: 93]. Видимо, речь шла о последней, четвертой тысяче (см. выше письмо Кожанчикова от 26 сентября 1866 г.), для которой не был назначен срок платежа. Ее предполагалось выплатить «по условию»: видимо, окончательный расчет с автором должен был быть произведен после распродажи всего тиража или его значительной части. Таким образом, и здесь юридическая правота оказывается на стороне издателя, если, конечно, он не обманывал Островского относительно количества проданных экземпляров. Типовой для своего времени договор не давал писателю контролировать ход продаж. И хотя в письме от 24–25 марта 1869 г. Островский и допустил возможность проверки¹⁸, но все же выразил готовность пойти на уступку 20 % взамен на немедленную выплату:

[...] Я тебе говорил о Кожанчикове, что он скажет, что не продал условленного числа экземпляров, и всегда так будет говорить, рассчитывая на мою деликатность, что я не приступлю к проверке.

Поэтому я прошу тебя (я и сам так делал) дать делу тот вид, что я желаю получить деньги до срока, т. е. дисконтировать обязательство. Положим, он продаст экземпляры через год, тогда я должен получить 1000 р., чтобы получить годом ранее, я прошу только 800 р. 20 % в год учет хороший. Так и действуй! [Островский, 1973–1980, XI: 302–303].

Сам Островский осознал юридическую правоту издателя: несмотря на выраженное в письме недоверие к Кожанчикову, драматург не изменил намерения продать право на издание пятого тома именно ему.

¹⁸ Таковую проверку Островскому в письме от 7 апреля 1869 г. пообещал провести Бурдин: «Уплатить по условию 1000 руб. за 3-й и 4-й томы [Кожанчиков. – А. Ф.] не может, ибо продано всего две тысячи экземпляров и в четверг я отправляюсь к нему в магазин делать проверку и о результате тебе сообщу» [Письма Бурдина, 1923: 96].

[...] Теперь о 5-м томе; в него войдут: «Пучина», «На бойком месте», «Самозванец», «Тушино» (у меня есть оттиски, я их пришло с Горбуновым), «Василиса» (в «Вестнике Европы»), «На всякого мудреца» (в «Современнике»). «Горячее сердце» можно оставить до 6-го тома. Условия следующие: 2000 руб. в разные сроки: 500 рублей к 1-му мая и 500 руб. к первому сентября 1869 г., 500 руб. к 1-му мая 1870 г., и 500 руб. к 1-му мая 1871 г. Сделай милость, похлопочи! Деньги мне нужны непременно, чтобы выдержать то положение, которое я принял [Островский, 1973–1980, XI: 303].

В письме Максиму (вторая половина марта?) Островский повторил свое желание не включать «Горячее сердце» в пятый том, между прочим, и потому, что «том будет несоразмерно велик против прочих» [Островский, 1973–1980, XI: 304]. Однако и без «Горячего сердца» (включено в седьмой том следующего собрания) пятый том оказался значительно объемнее предыдущих¹⁹. Именно поэтому в последующих собраниях начиная с издания А.А. Краевского пьесы, вошедшие в этот том, занимали два тома: пятый («Пучина», «На бойком месте», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский») и шестой («Тушино», «Василиса Мелентьева», «На всякого мудреца довольно простоты»).

О ходе переговоров Бурдина с Кожанчиковым относительно выпуска пятого тома и выплаты оставшейся суммы по первым четырем томам свидетельствует письмо Бурдина Островскому от 7 апреля и ответ драматурга от 11 апреля:

[...] Сейчас кончил переговоры с Кожанчиковым: он соглашается печатать 5-й том не более как в числе трех тысяч экземпляров, находя невыгодным для себя, по его соображениям, печатать большее количество, а вследствие этого и предлагает тебе только полторы тысячи руб. – уплата в следующие сроки: 500 р. от 1-го до 12 мая, 500 р. 1-го октября и остальные 500 р. 1-го февраля 1870 г. Если согласен немедленно напиши условие и выйди [Письма Бурдина, 1923: 95].

Любезнейший друг Федор Алексеевич, благодарю тебя за хлопоты обо мне. На продажу 5-го тома за 1500 руб. я должен согласиться, нельзя ли только, чтобы деньги 500 р. не к 12 мая, а 1-му. Чтобы выручить деньги с Кожанчикова, уступи ему еще 100 руб., пусть заплатит только 700 руб. – деньги мне очень нужны. [...] Если можно с Кожанчикова получить за 1000 р. 800, то ты меня обяжешь крайне [Островский, 1973–1980, XI: 305].

Островский последовательно уступал и в цене на пятый том, и по последней выплате за три-четыре тома в обмен на ускорение выплат. Как можно судить по письму Островского Бурдину от 26–27 апреля 1869 г., он ожидал присылки денег и нового «условия», на этот раз – об издании пятого тома [Островский, 1973–1980, XI: 306]. Однако в

¹⁹ В пятом томе собрания Кожанчикова 806 с., для сравнения: 1 т. – 390 с.; 2 – 432 с.; 3 – 476 с.; 4 т. – 537 с.

мае 1869 г. сделка, судя по всему, не состоялась, хотя принципиально условия договора не изменились и в ноябре 1869 г.: пятый том был продан Кожанчикову за 1500 руб.²⁰ Что касается расчета по третьему и четвертому томам, то похоже, что на предложенных драматургом условиях в 1869 г. его не произошло. Об этом свидетельствует приводимое ниже письмо Кожанчикова Островскому, относящееся к апрелю 1871 г., когда, вероятно, и произошел окончательный расчет.

Утверждать наверняка, что в письме к жене из Щелькова от 18 мая 1869 г. Островский обещает прислать именно копию с условия с Кожанчиковым [Островский, 1973–1980, XI: 310], на наш взгляд, нельзя. Впрочем, может, издатель и составил договор еще в апреле-мае, но, как это уже было несколько лет назад, не приступил к его выполнению в срок, и осенью его пришлось составить заново. Возможно и то, что договор действительно был написан весной, но его вступление в силу изначально предполагалось не ранее ноября. Так или иначе, документ, который мы приводим полностью, датирован 1 ноября.

1869 года ноября 1-го дня мы нижеподписавшиеся губернский секретарь Александр Николаевич Островский и с.-петербургский временный 2-й гильдии купец Дмитрий Ефимович Кожанчиков заключили между собою сие домашнее условие в следующем. 1-е) Я, Островский, продал ему, Кожанчикову, право на издание моих сочинений: «Пучина». – «На бойком месте». – «Самозванец». – «Тушино». – «Василиса Мелентьева» и «На всякого мудреца – много простоты» в числе трех тысяч экземпляров. 2-е) Я, Кожанчиков, обязуюсь напечатать их сейчас же и выпустить в продажу не позднее конца декабря 1869 года, с обязанностию продавать их не дороже двух рублей серебром за экземпляр. 3-е) За право издания пятого тома я, Кожанчиков, обязуюсь уплатить ему, г. Островскому, одну тысячу пятьсот рублей. 4-е) По напечатании мною, Кожанчиковым, пятого тома сочинений г. Островского, автор уже не имеет права продавать издание этих сочинений другим лицам, а равно и печатать сам, как отдельно пьесами, так равно и полным собранием его сочинений до тех пор пока останется у меня, Кожанчикова, непроданными сто экземпляров, в противном же случае г. Островский обязан уплатить мне, Кожанчикову, наличными деньгами за все остающиеся непроданными экземпляры по продажной их цене за уступкою двадцати процентов, то есть по одному рублю шестидесяти копеек за экземпляр. 5-е) Следующие г. Островскому одну тысячу пятьсот рублей я, Кожанчиков, обязуюсь уплатить в следующие сроки: пятьсот рублей мною же уплачены г. Островскому в виде задатка при заключении сего условия; пятьсот рублей обязуюсь уплатить я, Кожанчиков, первого февраля тысяча восемьсот семидесятого года и остальные пятьсот рублей первого июля

²⁰ Это, для сравнения, немного менее обычной стоимости впервые публикуемой пьесы Островского: например, «Комик XVII столетия» был продан Некрасову за 1700 руб., а «Снегурочка» – Стасюлевичу за 1800. По подсчетам Рейтблата, «гоноары за книжные издания были очень низкими, примерно в 10 раз меньше, чем за журнальные публикации» [Рейтблат, 2009: 96].

тысяча восемьсот семидесятого года. 6-е) Если я, Кожанчиков, следующих денег г. Островскому по какому-либо случаю в вышеозначенные сроки не заплачу, то г. Островский имеет право все напечатанные мною экземпляры отобрать у меня, Кожанчикова, в свою пользу и искать законным путем убытки, а контракт этот считать тогда уничтоженным. 7-е) Условие сие обязуемся с обеих сторон хранить свято и ненарушимо, и в случае смерти кого-либо из нас все права и обязанности по сему условию переходят на наследников наших. 8-е) Подписанное условие должно быть у г. Островского, а у меня, Кожанчикова, копия за нашими обоими подписями. К сему условию с.-петербургский временный 2-й гильдии купец Дмитрий Ефимов Кожанчиков руку приложил.

Губернский секретарь Александр Николаев Островский руку приложил.

По сему условию все деньги в означенные сроки получил сполна.
А. Островский [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 3500].

В числе основных условий соглашения есть и пункт, запрещающий Островскому продажу прав на новое издание до распродажи предыдущего. Именно это послужит впоследствии причиной конфликта между Кожанчиковым и Островским в 1874 г.

Полный расчет по пятому тому должен был наступить в июле 1870 г. В том, что принципиальная договоренность была достигнута ранее ноября, а письменный договор лишь зафиксировал состоявшуюся сделку, убеждает записка Кожанчикова к М.Н. Островскому²¹, составленную вскоре после вступления договора в силу. О том же, что между реальной датой составления «условия» и этой запиской прошло более двух дней, позволяет судить и странное несоответствие между содержащимися в них данными относительно даты последнего платежа: согласно договору это 1 июля, а по записке – 15 июля.

3 ноября 1869 года

Милостивый государь Михаил Николаевич!

Прежде всего, извиняюсь перед Вами и Вашим братом в моей неисправности; причин на это миллион, начиная с пожара Мстинского моста, а оправдание одно – не давши задатка, я дело считал еще не конченным и, по нашим понятиям, считал возможным покончить это при свободе в деньгах. Однако же за всем тем считаю обязанностью еще раз извиниться перед Вами. Деньги 500 руб. и равно и [нрзб] расписк[у], которую ждалось бы иметь мне, при сем посылаю. Вчера только смог собрать все нужные пьесы для 5-го тома; завтра отдаю в типографию и в начале декабря надеюсь выпустить в продажу. Остальные деньги будут непременно уплачены согласно условиям в сроки: 500 руб. 1-го февраля 1870 и остальные 500 руб. 15-го июля 1870 г. Считаю теперь это дело вполне окончательным, вместе с тем считаю обязанностью заявить, что все это будет выполнено свято в назначенные числа и никак не позже. По условиям у меня до сих пор отсрочек не было никогда. При первой возможности принесу Вам свои извинения лично.

²¹ Брату драматурга и его поверенному в Петербурге.

Остаюсь готовый навсегда к услугам Вашим
Д. Кожанчиков [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 873].

Два июльских письма Кожанчикова – к М.Н. и А.Н. Островским – показывают, что и на этот раз расчет произошел вовремя (если считать сроком 15 июля) или лишь с незначительной задержкой (если считать сроком 1 июля), извиняемой тем обстоятельством, что Кожанчиков не знал адреса драматурга.

7 июля 1870 года

Милостивый государь Михаил Николаевич!

Деньги Вашему брату 500 руб. следуют и не высланы, потому что не знаю, куда посылать. Мне говорили, что его в Москве нет. А потому покорнейше Вас прошу сообщить мне [полный] его адрес, и деньги будут высланы чрез два или три дня непременно. Или не пожелаете ли Вы получить их от нас, тогда мы бы их прислали к Вам на этих днях и никак не позднее субботы, 11 июля, и, вероятнее всего, скорее.

Остаюсь искренно уважающий Вас и готовый навсегда к услугам Вашим

Д. Кожанчиков [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 874].

10 июля 1870 года

Милостивый государь Александр Николаевич!

Согласно распоряжению Михаила Николаевича посылаю Вам 450 руб., а 50 руб. он просил передать ему. А потому покорнейше Вас прошу по получении этих денег, выслать мне записку, что Вы по условию за право издания 5-го тома Ваших сочинений остальные пятьсот рублей с меня получили, чем премного обяжете готового навсегда к услугам Вашим

Д. Кожанчикова [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 875].

Мнение комментаторов ПСС о том, что в письмах Островского жене из Петербурга от 18 января 1871 г. [Островский, 1973–1980, XI: 339], Максимову (конец марта – начало апреля 1871 г.) [Островский, 1973–1980, XI: 347] и Бурдину от 10 апреля 1871 г. [Островский, 1973–1980, XI: 347–348] речь идет о задолженности Кожанчикова по пятому тому, представляется нам неверной. Разумеется, в это время драматург мог требовать «от старца Димитрия» [Островский, 1973–1980, XI: 340] лишь оставшейся части денег по старому контракту.

Остальные пункты договора по пятому тому Кожанчиков выполнил, и хотя в конце декабря 1869 г. книга в продажу и не вышла, но она была выпущена в 1870 г., и это, насколько известно, не вызвало нареканий драматурга.

Что же касается пресловутой последней тысячи, которую Островский, видимо, должен был получить после распродажи значительной части экземпляров третьего и четвертого томов, то она, судя по всему, была выплачена весной 1871 г.

14 [апреля] 1871 года

Милостивый государь! Александр Николаевич!

Я кругом виноват перед Вами; к [Празднику] не мог выслать просто всего [нрзб], в чем еще раз извиняюсь пред Вами. Вам всего с меня следовало в окончательном расчете 1000 руб., в уплату этого выдано Вам лично на 1-й неделе поста 150 руб., при сем присылаю Вам перевод на [банкирскую] контору Юнкера в Москве 500 руб., которые можете получать сейчас же, предъявивши перевод; остальные за тем 350 руб. вышлю Вам непременно и с моею душевною благодарностию в первых числах мая месяца 1871 года²²; о получении 500 р. покорнейше прошу выслать мне квитанцию или почтить уведомлением в Вашем письме.

Душевно Вам преданный и искренно уважающий Вас и готовый навсегда к услугам Вашим

Д. Кожанчиков [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 876].

Окончательный расчет по третьему и четвертому томам не снимал с Островского запрета на выпуск нового собрания до тех пор, пока у Кожанчикова оставалось нераспроданным его издание. То, что даже в 1874 г. у Кожанчикова оставалось около 200 экз. третьего и четвертого томов, скорее всего, говорит о том, что последняя тысяча рублей по несохранившемуся условию должна была быть выплачена после продажи некоторой доли всего тиража, а не после его полной реализации. Так или иначе, финансовая сторона отношений Кожанчикова и Островского весной 1871 г. была полностью закрыта к обоюдному удовлетворению. Кожанчиков проявил исключительную точность в исполнении обязательств и имел право писать о себе: «По условиям у меня до сих пор отсрочек не было никогда». Сам Островский, очевидно, в честности издателя не сомневался, так как вполне серьезно рассматривал в конце 1871 г. возможность продолжения сотрудничества с ним и выпуска следующего, шестого тома.

2

Собрание сочинений Островского в восьми томах, выпущенное Некрасовым и Краевским²³, было наименее проблемным: все тома вышли в 1874 г. (к концу октября второй–пятый тома), деньги автору выплачивались регулярно [Некрасов, 1981–2000, XV (2): 129].

Однако оказалось, что у Кожанчикова, книготорговое дело которого в это время терпело бедствие, остались нераспроданными экземпляры третьего–пятого томов. Таким образом, заключив соглашение с Некрасовым, Островский нарушил условия договора с

²² 3 мая 1871 г. Островский писал Бурдину: «Сделай милость, зайди к Кожанчикову и попроси его, если он еще не послал мне денег, не посылать их, они меня не застанут в Москве, а отдать их тебе (около 340 руб.), для доставления мне, и привезти их в деревню» [Островский, 1973–1980, XI: 355].

²³ Собр. соч. А.Н. Островского. Т. 1–8. СПб.: тип. А.А. Краевского, 1874.

Кожанчиковым и обязан был уплатить «Кожанчикову наличными деньгами за все остающиеся непроданными экземпляры по продажной их цене за уступкою двадцати процентов, то есть по одному рублю шестидесяти копеек за экземпляр».

В архиве ГЦТМ есть два письма, которые с промежутком в два дня Кожанчиков отправил Некрасову и Островскому. Письмо Некрасову опубликовано [Неизданные письма к Некрасову, 1998: 197–198]. Текст писем практически совпадает, за исключением весьма любопытных нюансов.

30 октября 1874 года

Милостивый государь Николай Алексеевич!

К удивлению моему я прочел в Правительственном Вестнике, что Вами изданы соч. Островского томы II. III. IV и V-й.

В условию моею с А.Н. Островским сказано, что, продавши право издания мне, Г. Островский уже не имеет права печатать этих сочинений сам или продавать это право другим лицам даже в общем собрании его сочинений или отдельно до тех пор, пока я не распродал всех напечатанных мною экземпляров.

В настоящее время у меня еще не продано и есть налицо соч. Островского тома 3 и 4-го около 200 экз., что по цене составляет около 700 руб., а тома 5-го не продано слишком 500 экз. по 2 р. на 1000 р. слишком. Потеря 1700 руб. для меня будет чувствительна, и я ее без разбирательства судом оставить не могу.

С другой же стороны, из моего глубокого уважения к Вам лично разбирательство судом и для меня составляет большую неприятность, а потому я решаюсь предложить Вам, не найдете ли Вы возможным оставшиеся экземпляры соч. Островского от меня взять и на эту сумму, сколько будет, выдать мне новым изданием рубль за рубль.

Или, во всяком случае, не позволите ли мне объясниться с Вами по этому делу лично.

С истинным почтением и уважением имею честь быть готовый навсегда к услугам Вашим

Кожанчиков [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 877].

1 ноября 1874 года

Милостивый государь Александр Николаевич!

Вчера к удивлению моему я прочел в Правительственном Вестнике, что Н.А. Некрасов издал Ваши сочинения том II. III. IV и V-й.

Я сейчас же написал Н.А. Некрасову, что у меня не продано Ваших сочинений III и IV томов 220 экз. по 3 р. 50 к. составляет 770 р., а тома V-го еще не продано 650 экз. по 2 р. на 1300 р., или всего на 2000 р., и просил его во избежание процесса эти экземпляры от меня взять, а мне взамен их выдать новым изданием на 2000 р. по объявленной цене, находя это дело с моей стороны не [нрзб].

Далее я объяснил Н.А. Некрасову, что по условию моему с Вами сказано, что Вы, продавши мне право на издание III. IV и V томов, уже не имеете права издавать Ваши сочинения как отдельно, так и в полном собрании

Ваших сочинений сами, а равно и продавать это право другим лицам до тех пор, пока я не распродал всех напечатанных мною экземпляров.

На это я получил сейчас ответ от Н.А. Некрасова, что этот вопрос до них не касается и чтобы я сообщил все это Вам и начинал процесс с Вами.

Конечно, такой ответ меня удивил еще более, потому что я еще летом все это сообщал на словах Н.А. Некрасову.

Теперь я поневоле обращаюсь к Вам как благородному человеку, будучи вполне уверен, что Вы меня до процесса не доведете и самое дело устроите мирным образом.

Мое предложение, говоря по совести, не будет обременительно ни для Вас, ни для Некрасова; наша прибыль от издания Ваших сочинений Вам известна; у меня пятеро детей, и дела мои далеко не в цветущем состоянии, и бросать 2000 р. я не в силах и не могу.

Начавши процесс и по условию, и по совести Вы проиграете; но уже самое слово процесс для меня очень неприятно, и я вполне убежден, что Вы это дело уладите без процесса и скандала!

Надеюсь вполне, что Вы удостоите меня ответом, который буду ожидать с нетерпением до 8 ноября.

Душевно Вас уважающий и готовый навсегда к услугам Вашим
Кожанчиков [ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 878].

Разница в количестве нераспроданных томов и их суммарной стоимости в письмах к Некрасову и Островскому, конечно, может быть связана с проведенной в промежутке между 30 октября и 1 ноября проверкой. Однако, во-первых, как нам кажется, Кожанчиков не взялся бы угрожать Некрасову судебным процессом до точного выяснения объема финансовых претензий. Во-вторых, к моменту составления письма Островскому Кожанчиков уже убедился, как он сам об этом пишет, в полном устранении Некрасова от этого дела. Поэтому можно предположить, что сумма издателем специально завышена в расчете на неопытность драматурга в делах такого рода. Обращает на себя внимание и тот факт, что только в письме к Островскому Кожанчиков позволил себе говорить о состоянии дел и детях; в диалоге с опытным дельцом Некрасовым аргументы такого рода были неуместны. Допустить, что Кожанчиков блефовал, позволяет и развитие событий, ведь в итоге он согласился на 700 руб. отступных.

С юридической правотой издателя согласился Некрасов, утверждавший при этом, что Кожанчиков при переговорах о несостоявшемся издании Звонарева, которое по замыслу должно было выйти вскоре после «кожанчиковского», заранее отказывался от всех претензий [Некрасов, 1981–2000, XV(2): 97]. Некрасов не учел статус Звонарева как друга и партнера Кожанчикова: то, что последний позволил бы (возможно, с выгодой для себя) Звонареву, он не собирался позволять Некрасову с Краевским. Присоединяясь к мнению Краевского, Некрасов писал Островскому, что, если дело дойдет до суда, платить

придется, и советовал попробовать уговорить Кожанчикова на меньшую сумму отступных [там же].

В письме от 5 ноября 1874 г. к Островскому Некрасов обвинял Кожанчикова в плутовстве:

[...] Само собою разумеется, что я не мог писать Кожанчикову, чтоб он начинал с Вами процесс (и не писал этого)²⁴.

Относительно разрешения Кожанчикова я знаю, что у Вас есть слово его, и полагал, что Вы имеете основание полагаться на это слово. Это предположение превратилось у меня в уверенность, когда я получил от Вас впоследствии письмо²⁵ с упреком, что Звонарев, которому я посоветовал, как продать Ваши сочинения, медлит исполнением, и, таким образом, Вы уже потеряли два года. Вообще об этой стороне дела мне не приходилось много думать.

Кожанчиков тут нечист. Он пробовал напугать меня (я послал Вам его письмо) и Вас, как вижу. А вчера пришел ко мне с Вашим письмом и просил быть посредником между Вами и им, говоря, что не желал бы начинать процесса. Я спросил его, чего он хочет. И постепенно мы договорились до следующего: по его первому ко мне письму у него товару остается на 1700 р<уб>. (а вчера он объявил, что, посчитав до точности экземпляры, высчитал, что их осталось на 2100 р<уб>.). Отправляясь от первой цифры 1700 р<уб>.²⁶, он, наконец, сказал, что согласен удовольствоваться половиною ее, т. е. 850 р<уб>. (с тем, чтобы и недопроданные экземпляры остались у него). Я сказал, что спишусь с Вами, что сим и исполняю.

Отвечайте мне или ему, желаете ли пойти на эту любовную сделку. Если не хотите процесса, то предложите ему вместо 850 р<уб>. рублей 600; может, он и этим удовольствуется; тогда я дам ему на эту сумму экземпляров (взяв, разумеется, от него расписку обстоятельную, что претензий дальше не имеет), а с Вами сочтемся в январе. Чтob Вам было легче, деньги эти можем вычесть у Вас в два срока, т. е. 300 в 1875 и 300 – в 1876 году.

Ладно ли так? не знаю; только думаю, что и процесс трудно будет выиграть [Некрасов, 1981–2000, XV(2): 97–98].

Некрасов предлагает заплатить Кожанчикову экземплярами нового собрания, а деньги вычесть из гонорара Островского в два этапа²⁷. О том, что Некрасову удалось сторговаться с Кожанчиковым на 700 руб., сам Некрасов сообщил Островскому в письме от 10 ноября 1874 г., с которым посылал расписку Кожанчикова в получении

²⁴ Вероятно, Островский сообщил Некрасову содержание письма Кожанчикова, в котором тот прямо утверждал, что Некрасов посоветовал ему начинать судебный процесс.

²⁵ Очевидно, Некрасов имеет в виду письмо Островского, сохранившийся черновой отрывок которого предположительно датируется 7–8 марта 1873 г. [Островский, 1973–1980, XI, 419].

²⁶ Не доказывает ли это действительного обмана со стороны Кожанчикова в письме к Островскому?

²⁷ Так и произошло. В 1875 г. из гонорара Островского было удержано 300 руб., а в 1876–400 [Некрасов, XV(2), 129], или наоборот [Некрасов, XV(2), 130].

денег и отказе от претензий [Неизданные письма к Некрасову, 1998: 198; см. также: Некрасов, 1981–2000, XV(2): 226]. Вопрос был, таким образом, закрыт.

* * *

Рассмотренная история взаимоотношений автора и издателя показательна в нескольких отношениях. Очевидно, что для распутывания сложных взаиморасчетов участников книгоиздательского дела никуда не годится «презумпция вины» финансово заинтересованного книгопродавца перед незащитным писателем. Продуктивным может быть только пристальное изучение источников при условии признания изначально равных в этическом отношении позиций автора и издателя. Понимание возможностей, предоставляемых сторонам типовыми, как правило, договорами, должно модифицировать наше понимание об «эксплуатации» автора издателем.

Мы надеемся, что нам удалось показать, как в некоторых случаях погружение в специфическую сферу, игнорировавшуюся то ли из-за ее непрямого отношения к собственно литературному творчеству, то ли просто в силу известной брезгливости, может способствовать объяснению не связанных с ней прямо фактов биографии писателей и исправлению ранее допущенных текстологических ошибок и неточностей в комментариях.

Список литературы

- Баренбаум И.Е.* Книжный Петербург. Три века Истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003.
- Вильчинский В.П.* Некрасов и А.Н. Островский в их переписке // Некрасовский сборник. Вып. VI. Л., 1978. С. 52–59.
- ГЦТМ – Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина. Отдел рукописей.
- Журавлева А.И.* Островский и Некрасов: художественная продуктивность органической народности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2008. № 3. С. 46–53.
- Лемке М.К.* Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». М., 1908.
- Макеев М.С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель: Очерки о взаимодействии литературы и экономики. М., 2009.
- Максимов С.В.* А.Н. Островский по моим воспоминаниям // Русская мысль. 1897. № 1, 3, 5; 1898. № 1, 4.
- Неизданные письма к Островскому* – Неизданные письма. Из архива А.Н. Островского. М.; Л., 1932.
- Неизданные письма к Некрасову* – Неизданные письма к Некрасову. Публикация О.Б. Алексеевой и И.Б. Павловой // Некрасовский сборник. Вып. XI–XII. СПб., 1998. С. 194–204.
- Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Л.; СПб., 1981–2000.

- Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1973–1980.
- Островский в воспоминаниях* – А.Н. Островский в воспоминаниях современников. Подготовка, вступительная статья и примечания А.И. Ревякина. М., 1966.
- Письма Бурдина* – А.Н. Островский и Ф.А. Бурдин. Неизданная переписка. М.; Пг., 1923.
- Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.

Сведения об авторе: *Федотов Андрей Сергеевич*, канд. филол. наук, докторант кафедры русской литературы Тартуского университета (Эстония). E-mail: anfed86@gmail.com

А.Н. Першкина

АНОНИМНЫЕ ТЕКСТЫ В ЖУРНАЛЕ «ВРЕМЯ»: ОПЫТ АТРИБУЦИИ

Обсуждаются 26 текстов, многие атрибутируются впервые, в том числе ведущим сотрудникам «Времени»: Достоевскому и Н.Н. Страхову; основным источником данных для построения гипотез является приходно-расходный журнал.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, А.Н. Майков, М.И. Владиславлев, Н.П. Барсов, А.Е. Разин, А.У. Порецкий, М.М. Достоевский, М.В. Авдеев, Н.Г. Чернышевский, П.Д. Юркевич, П.А. Кусков, журнал «Время», приходно-расходный журнал, атрибуция, анонимный текст, 1861 г., 1862 г.

26 texts anonymously published in “Vremya” are discussed, and many of them are attributed for the first time, some to leading authors, F.M. Dostoevsky and N.N. Strakhov; the main data source is the “Vremya” cash-book.

Key words: F.M. Dostoyevsky, M.M. Dostoyevsky, N.N. Strakhov, A.N. Maykov, M.I. Vladislavlev, N.P. Barsov, A.E. Razin, A.U. Poretsky, M.V. Avdeyev, N.G. Chernyshevsky, P.D. Urkevich, P.A. Kuskov, “Vremya”, cash-book, accountancy, ascription, anonymous text, 1861, 1862.

Над атрибуцией публикаций в журнале «Время» работали многие ученые: Л.П. Гроссман, занимавшийся подготовкой Собрания сочинений Достоевского в 23 томах (Пб., 1918), О. фон Шульц в книге “Ein Dostojewskij-Fund” (Хельсинки, 1924), редакторы и комментаторы собраний сочинений Достоевского¹. Есть стилеметрические работы Г. Хетсо и ученых из Петрозаводска.

Обычно во «Времени» искали Достоевского, упоминая о других сотрудниках только тогда, когда атрибуция оказывалась спорной. Всеми авторами журнала занималась только В.С. Нечаева.

Белых пятен осталось много, а некоторые высказанные гипотезы представляются сомнительными. Недостаточно использованы данные приходно-расходного журнала².

¹ Б.В. Томашевский (1926–1930), В.А. Туниманов, И.Д. Якубович, А.И. Батюто, Н.А. Хмелевская, Г.М. Фридендер, М.А. Турьян, Г.В. Степанова (в 30 т. под ред. В.Г. Базанова); см. также: Собр. соч.: В 15 т. / Под ред. Г.М. Фридендера (1988–1996).

² ОР РГБ. Ф. 93/1. К. 3. Ед. хр. 21 и 22. Приходно-расходный журнал «Времени» состоит из двух книг. Первую заполнял Михаил (а после его смерти, во время работы над «Эпохой», – Федор), на левой странице каждого разворота отмечая приход (поступление денежных средств от подписчиков, из книжных магазинов и т.п.),

Часть предлагаемых ниже атрибуций основана на данных приходно-расходного журнала. Финансовые дела журнала фиксировались там, правда, не полностью: учитывались гонорары не всех сотрудников, например нет имени Достоевского. По возможности гипотезы, основанные на данных приходно-расходного журнала, подкрепляются сведениями из писем, мемуаров и известных статей предполагаемого автора. Но «денежный аргумент» если и не является решающим, то все равно может вывести на верный путь³.

1. *«Заключение и чудесное бегство Казановы из венецианских темниц (пломб) (эпизод из его мемуаров)»* (1861. № 1. С. 93–184).

Автором этого перевода мог быть А.Н. Майков. В первый номер «Времени» вошли работы людей, дружных с редакторами, тех, с кем проще всего было быстро договориться.

Из всех участников первого номера только про Майкова доподлинно известно, что он знал итальянский язык (еще в юности проповедовал переводить итальянских драматургов)⁴.

4 января 1861 г. Майков получил 300 р. гонорара. В № 1 «Времени» был и его подписанный текст: «Легенда об испанской инквизиции. Поэма. Часть первая. Исповедь королевы», занимавший 14 страниц; Майкову платили по стандартной ставке 50 руб. за лист, значит, за поэму причиталось 43 руб. Остальных 256 руб., учитывая, что переводы во «Времени» оплачивались чуть дешевле оригинальных текстов, могло хватить, чтобы покрыть 92 страницы из дневника Казановы.

Предисловие к переводу составителями и комментаторами ПСС в 30 т. было приписано Достоевскому. Заметим, что практически все предисловия (как и редакционные примечания) маленькие и стилистически нейтральные, писать их мог и М.М. Достоевский.

2. *«Подводный камень. Роман М. Авдеева. «Современник», 1860, № X и № XI»* (Критическое обозрение. 1861. № 1. С. 35–45).

Автор – Страхов. Согласно второй конторской книге, 7 января 1861 г. Страхов получил 206 руб. 25 коп. за 4 листа и 2 стр., т. е. за 66 страниц. 8 января поступил в продажу № 1. За № 2, вышедший 11 февраля, Страхов расписывался в феврале же. Единственный текст,

а на правой – расход (гонорары авторам, плату за бумагу, услуги почтовой службы и т. д.). Во второй книге расписывались авторы после получения денег, проставляя дату. В первую книгу информацию о выплатах авторам иногда вносили задним числом, помещая несколько выплат под одной и той же датой (хотя согласно второй книжке, деньги были выданы в разные дни), иногда путая дни (в целом расхождения несерьезные, не больше трех дней).

³ Так, две статьи («Подводный камень» и «Физиология обиденной жизни») были изначально приписаны нами Страхову на основании гонорарных расчетов, а позже в письмах нашлись прямые указания на его авторство.

⁴ См.: *Седельникова О.* Размышления об итальянской драматургии в путевом дневнике А.Н. Майкова 1842–43 гг. // *Europa orientalis.* 2010. № 29.

который в № 1 подписан Страховым, – «Жители планет» – занимает всего 56 страниц. Значит, в первом номере должна была быть еще как минимум одна статья Страхова на 10 страниц. В январской книжке есть две неподписанные статьи такого объема: одна из них, «Письмо постороннего критика в редакцию нашего журнала по поводу книг г. Панаева и “Нового поэта”», помещена Г.М. Фридендером в раздел *Dubia* 27 тома ПСС Достоевского; вторая – рецензия на роман М. Авдеева «Подводный камень».

Б.В. Томашевский первым предположил, что именно Страхов мог быть автором рецензии на Авдеева, причем основным аргументом был именно приходно-расходный журнал⁵. В.С. Нечаева версию Б.В. Томашевского категорически отвергла⁶, также сославшись на гонорар, полученный Страховым за № 1 (якобы это была именно та сумма, которая и полагалась за 56 страниц, но при этом точных расчетов предоставлено не было), и предположила, что автором был М.П. Погодин, так как в библиографическом указателе «История русской литературы XIX века»⁷ статья приписана именно ему, причем без аргументов.

Но ни Томашевский, ни Нечаева не упоминают про письмо Страхова брату, П.Н. Страхову, от 22–23 июня 1861 г., которое помогает легко разрешить данный вопрос. Страхов пишет:

«Участвую я, главным образом, во «Времени», журнале молодом, но весьма недурном, подающем большие надежды <...> Я под забралом вел и веду полемику с господами Авдеевым, Веселовским, Панаевым, Вейнбергом, Чернышевским, Писаревым»⁸.

К этому времени вышли шесть книжек журнала, и М. Авдеев упоминается только в двух статьях: «Подводный камень...» и «Оппозиции застоя» Ап. Григорьева. Таким образом, «вести полемику» с «господином Авдеевым» Страхов мог только в рецензии на «Подводный камень».

Против К.С. Веселовского⁹ Страхов высказывался в «Отчете о четвертом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1860» (1861. № 2); статья П.И. Вейнберга (псевдоним Камень-Виногородов) «Русские диковинки» вызвала несколько резких замечаний «Времени», в числе

⁵ Полное собрание художественных произведений: В 13 т. Т. 13. М.; Л., 1930. С. 609.

⁶ Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975. С. 261.

⁷ История русской литературы XIX века: Библиографический указатель / Под ред. К.Д. Муратовой. Л., 1962. № 2134.

⁸ Страхов Н.Н. Письмо к П.Н. Страхову // Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 379.

⁹ Константин Степанович Веселовский (1819–1901) – экономист, с 1857 г. редактор «Журнала Министерства государственных имуществ», был известен своими работами по экономике и статистике.

которых была статья Страхова «Один поступок и несколько мнений г. Камня-Виногорова в № 8 газеты “Век”» (1861. № 3); о «Литературных воспоминаниях» Панаева Страхов написал две статьи (первая в мартовской книжке), а Чернышевскому и Писареву досталось в статье «Еще о петербургской литературе. Письмо к редактору “Времени” по поводу двух современных статей» (1861. № 6).

3. «*Гаваньские чиновники в их домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года (Пейзаж и жанр)*” Ивана Генслера. “Библиотека для чтения”. Ноябрь и декабрь 1860» (Критическое обозрение. 1861. № 2. С. 139–150).

Предполагают, что автором мог быть Достоевский или Ап.А. Григорьев. Авторство Достоевского мы можем дополнительно аргументировать.

В статье обсуждается роман В. Крестовского «В ожидании лучшего». Редакция «Времени» очень хотела получить критику на этот роман, М.М. Достоевский в письме от 24 февр. 1861 г. к М.Ф. де Пуле настоятельно просил его написать о романе, причем с «некоторой долей полемики», потому что

«честная, беспристрастная и непридирчивая к пустякам полемика необходима в настоящее время критического застоя»¹⁰.

В начале статьи есть благодушный отзыв о рецензии А.П. Милюкова на «Обломова» – с Милюковым были хорошо знакомы и Достоевский, и Григорьев, но положительно отреагировать на что-либо связанное с Гончаровым Григорьев вряд ли мог.

4. «*Разные разности*» (Фельетон. 1861. № 2. С. 23–35). Редакция надеялась сделать раздел «Фельетон» одним из самых ярких в журнале. На это указывают количество и качество первых фельетонов и даже некоторые конфликтные ситуации в редакции во время работы над разделом¹¹. Редакция стремилась создать особую литературную маску, своего «Нового поэта». Если допустить, что все тексты написаны разными авторами, то необходимо предположить, что кто-то тщательно занимался, связывая тексты между собой, и следил за соблюдением единообразия. Мы считаем, что таким человеком был Достоевский.

В.С. Нечаева предположила, что «Разные разности» писал Ап. Григорьев или А.Е. Разин.

¹⁰ Фомин А.Г. К истории журнала «Время»: Неизданные письма М.М. Достоевского к М.Ф. де Пуле и Н.С. Милошевичу // Достоевский. Статьи и материалы. Пг., 1922. С. 510.

¹¹ Об этом свидетельствует, в частности, поведение Достоевского, который, например, взялся очень быстро переписать не понравившийся ему фельетон для январской книжки 1861 г., сначала написанный Д.Д. Минаевым (см. воспоминания Страхов). Из отвергнутого фельетона Минаева в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» (1861. № 1) остались стихи.

Про Григорьева заставил вспомнить содержащийся в фельетоне отрицательный отзыв о комедии Н. Потехина «Дока на доку нашел». Но Григорьев, насколько известно, не был склонен писать фельетоны. Кроме того, в «Разных разностях» были отсылки к «Петербургским сновидениям в стихах и прозе», а такие отсылки к другим авторам для Григорьева тоже не характерны. Наконец, автор «Разных разностей» представляет себя как члена редакции, а Григорьев таковым не был.

Против весьма вероятного, по нашему мнению, авторства Достоевского говорит только одно – запись во второй книге приходно-расходного журнала от 14 февр. 1861 г., где анонимный автор засвидетельствовал получение гонорара: «За фельетон в № 2 Врем.». Собственно подписи нет.

Почерк этой записи, по мнению В.С. Нечаевой, похож на почерк А.Е. Разина; к тому же в приходно-расходном журнале рядом, 15 февраля, А.Е. Разин расписывался за политические обозрения в №№ 1 и 2. Почерк и правда похож, однако Разин всегда, получая гонорар, писал в приходно-расходном журнале свою фамилию.

Мы считаем, что «Разные разности» был написаны неизвестным автором при участии Достоевского.

5. *Письмо с Васильевского острова в редакцию «Времени»*. Подп.: Л.К. (1861. №4. С.149—152). Согласно конторским книжкам за апрель 1861 г., Страхов получил 37 руб. 50 коп., а значит, дал в № 4 около 12 страниц. Письмо Косицы «Нечто о петербургской литературе» занимает 8 страниц, а «Письмо с Васильевского острова» – 3,5. Так что есть основания атрибутировать «Письмо с Васильевского острова» Страхову.

6. *Вместо фельетона* (1861. № 5. С. 1–14). В № 5 появилась статья «Вместо фельетона»: самостоятельного раздела уже не было, но редакции было нужно, видимо, указать на внутреннее родство этого текста с предыдущими фельетонами. Интересны подробности, в частности биографические, которые фельетонист якобы ненароком нам сообщает: он говорит, что в юности успевал учиться не только обязательным предметам, но и разным разностям (напомним, именно так назывался фельетон из № 2); дважды сообщает, что у него «татарское сердце». Но главное, как бы невзначай, бросает:

«И со всяким из нас ежеминутно повторяется история разбойника, рассказанная мной в прошлом месяце. Откровенность есть сила, сила всеокрушающая».

Это отсылка к фельетону «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов» из № 4 за 1861 г., написанному П.А. Кусковым при участии Достоевского. А упомянутый в процитированном фрагменте «разбойник» – это каторжник, которого во время следственного про-

цесса заставили указать, где захоронены убитые им люди, и который «упал без чувств», увидев первый труп. Следователи не поняли того, что почувствовал убийца в тот момент, стали задавать ему вопросы и потребовали указать, где закопано еще одно тело. Отношения между следователями и «разбойником» описаны следующим образом:

«Им всё хотелось благодушно снизить до его грубого понимания, и он постоянно оказывался выше них, и вместо того, чтобы им завладеть его душою, он все больше и больше приобретал над ними власти, и они поминутно чувствовали себя перед ним школьниками. Его грубая откровенность поминутно уничтожала их, потому что в ней всё больше и больше, всё страшнее и неотразимее восставал его человеческий образ, тогда как у них всё пугливее и пугливее, всё мельче и всё ничтожнее пряталась их душа под грудю страниц, вырванных из разных когда-то прочитанных книг, под грудю правил, пестрящих наши прописи и азбуки»¹².

Автор говорит, что «знал» этого разбойника и даже, будучи в момент знакомства еще юношей, «поддался обаятельному впечатлению этого человека».

Можно предположить, что автор у фельетонов в № 4 и 5 один. Однако что касается Кускова, то в приходно-расходной книге нет никаких подтверждений тому, что он писал «Вместо фельетона» (тому, что Кусков писал «Некоторые размышления», такие подтверждения есть).

Заметим, что в обсуждаемом тексте говорится про «Читальник» Н.Ф. Щербины, которому, как и самой идее создания книги для народа, посвящена статья Достоевского «Книжность и грамотность» (в которой высказывались те же идеи).

Итак, по совокупности косвенных указаний можно предположить, что к тексту был причастен Достоевский.

7. *Энциклопедический словарь, изд. русскими учеными и литераторами. Т. I. СПб., 1861* (Критическое обозрение. 1861. № 6. С. 155–184). В.С. Нечаева утверждает, что в № 6 были опубликованы две рецензии М.И. Владиславлева: на первый том «Энциклопедического словаря, изд. русскими учеными и литераторами»¹³ и на «Учитель. Журнал для наставников, родителей и всех, желающих заниматься воспитанием и обучением детей». Возможно, однако, что статья о журнале «Учитель» как полемическая вряд ли могла быть доверена новому сотруднику. В приходно-расходном журнале 26 июня 1861 г. оставлена запись о том, что за критику в № 6 Владиславлев получил 70 руб. По мнению В.С. Нечаевой, эта сумма могла покрыть как раз два текста, однако рецензия на словарь занимала 29 с., статья о жур-

¹² Там же. С. 136.

¹³ «Энциклопедический словарь, изд. русскими учеными и литераторами» издавался в Петербурге в типографии И.И. Глазунова. С 1861 по 1863 г. вышло пять томов, охвативших буквы с А до Е.

нале «Учитель» 15 (вместе 44–45 с.): если 70 руб. были заплачены именно за этот объем, то получается, что за одну страницу Владиславлеву причиталось всего 1 руб. 60 коп., а это слишком мало даже для молодого автора, особенно в 1861 г., когда финансовые дела редакции еще шли в гору и она делала все, чтобы привлечь новых авторов.

Если же предположить, что Владиславлев написал только про «Энциклопедический словарь» (29 с.), то получится, что ему заплатили около 2 руб. 35 коп. за страницу, что вполне соответствует обычной ставке.

Если мы проделаем ту же операцию для статьи об «Учителе» и поделим 70 гонорарных руб. на 15 страниц, то получится около 4 руб. 65 коп. за страницу, а это неправдоподобно высокая для молодых сотрудников плата.

Рецензия на словарь похожа на многие будущие тексты Владиславлева: необходимость написать отзыв на конкретную книгу становится поводом для рассуждения на более общую тему.

8. *Учитель. Журнал для наставников, родителей и всех, желающих заниматься воспитанием и обучением детей* (1861. № 6. С. 185–200). Как мы уже сказали ранее, автором этой статьи не мог быть М.И. Владиславлев в первую очередь потому, что не она не укладывается в выплаченные ему гонорары.

Для Владиславлева не характерен и стиль: рецензия бойкая, почти фельетонного характера вещь, написанная легко, без излишних повторов; тут много личных воспоминаний, психологических и игровых пассажей.

«Мне стало жаль бедную женщину; и я уверяю вас, я никогда не открыл бы никому ее грустной тайны, если бы раньше меня не угодно было самой судьбе начертить карикатуру этой доброй, трепещущей души в журнале... “Учитель”» (с. 189).

«Жаль остановить эту выписку. Я выписываю, а передо мной мелькают картины: я слышу скрип той знакомой нам, русским, двери, которая выходила в сени и издавала странный, дребезжащий и стонущий звук, в котором, вслушиваясь в него, очень ясно наконец слышалось: «Батюшки, я зябну!»» (с. 192)

Кроме того, есть указания на некоторые факты биографии автора, не соответствующие тому, что происходило в жизни самого Владиславлева. Автор сообщает, что 10 лет назад он вращался в образованном обществе, потом был отрезан от него, а недавно вернулся. Владиславлев, родившийся в 1840 г., не мог про себя такого сказать. Говорится, что автор посещал воскресную школу и почти самостоятельно учил французский язык. В статье часто упоминается Гоголь; есть несколько речевых ошибок, вроде «убеждюсь». Но что особенно важно, автор свободно употребляет редакционное «мы»:

«Мы от журнала “Учитель” именно и ожидали этого» (с. 199).

Такое прямое выражение отношения редакции «Времени» к другим журналам можно встретить преимущественно в текстах ведущих сотрудников либо в статьях, в которые редакторы вносили исправления. Взгляд на проблемы образования, выраженный в рецензии на «Учителя», вполне соответствует известной позиции редакции: это, в частности, требование «не давить на ребенка», и главное – особенное внимание к народному образованию. «Учитель» утверждал, что с мужиком надо говорить только о том, что входит в ограниченную сферу его повседневного опыта. Автор «Времени», напротив, призывает пробуждать фантазию человека из народа. Это очень похоже на то, что позднее будет говорить Достоевский в статье «Книжность и грамотность», разбирая «Читальник» Н.Ф. Щербины.

Сведения приходно-расходного журнала не помогают установить авторство: все выплаты закрыты другими публикациями. Возможно, что автор не расписывался в журнале: так, например, поступал Достоевский. Не настаивая на его авторстве, мы позволяем себе высказать это как гипотезу.

9. *Литературные антикварианты и большой вопрос в маленьких ручках* (Смесь. 1861. № 6. С. 67–72). В июне 1861 г. впервые в истории постоянной рубрики «Наши домашние дела» (уже не отдела, а именно рубрики), позже переименованной во «Внутренние новости», стали происходить структурные изменения: раньше рубрика представляла собой единый текст, без какого-либо внутреннего разделения, а в июне превратилась в ряд небольших заметок, каждая со своим сюжетом. Ведший рубрику до того А.У. Порецкий тоже обсуждал в каждом номере несколько разных сюжетов, однако обходился при этом без внешнего членения текста; поэтому можно предположить, что с июня у Порецкого появились соавторы, каждый из которых взялся за свой сюжет. Здесь у нас нет практически никаких оснований для конкретных атрибуций, мы можем только предположить, что заметку под названием «Литературные антикварианты» мог написать и Достоевский: в ней чувствуется яркий и опытный полемист.

10. *Самоновейший отрицатель* (Смесь. 1861. № 6. С. 72–75). Следующая из небольших заметок в составе «Наших домашних дел» из № 6. По тону и манере – продолжение предыдущего текста. Достоевский?

11. *Брошюра г. Шилля* (Смесь. 1861. № 6. С. 75–85). Еще одна заметка в составе «Наших домашних дел» в № 6. От остальных отличается стилистически: она заметно суше и четче, чем «Литературные антикварианты» и «Самоновейший отрицатель»; рекламирует одного из сотрудников журнала – И.Н. Шилля, который уже напечатал во «Времени» статью «Куда девались паши деньги?» (1861. № 2). В № 7 должен был появиться «Один из проектов чудесного обогащения России», и, возможно, редакция в преддверии этой публикации решила

обратить внимание читателей на достоинства Шилля как автора: простоту и доступность изложения сложных вопросов. Возможные авторы заметки – постоянный автор «Наших домашних дел» А.У. Полецкий, не исключаем и Страхова.

12. *Мелочи* (Смесь. 1861. № 6. С. 85–90). Последняя заметка из «Наших домашних дел» № 6 за 1861 г. Мы допускаем, что эта заметка могла быть написана Достоевским или он как редактор имел к ней отношение.

Заметка выглядит как ряд нежестко связанных между собой высказываний по поводу разных сообщений в газетах, и особенно важны для автора две новости: о создании в Киеве дома для «кающихся грешниц» и о том, что в Орловской губернии появилась идея создать «общество покровительства животным».

«Жестокое обращение простого народа с животными замечается не только часто, но чуть не на каждом шагу; это, однако, не от особого свойства жестокости, злости, а так, потому, может быть, что самому ему <простому народу. – А.П.> было до сих пор Бог знает как не сладко. <...> Сверх того, при бедности хозяина и кляча его становилась все хуже и хуже, получала разные норовы и, конечно, только выводила из терпения и без того не веселого хозяина» (с. 88).

Это напоминает расправу мужика Миколки над своею лошадью в первом сне Раскольниковова. Похожие картины есть и в «Дневнике писателя» за январь 1876 г., в третьей главе (кстати, в этой же главе Достоевский откликнулся на 10-летие Российского общества покровительства животным, всячески одобряя существование подобных организаций).

Во всяком случае, если «Мелочи» и не были написаны именно Достоевским, то их темы и смысл ему были явно близки.

13. *Рассказы о темных предметах: о волшебстве... ведьмах и т. п.* Изд. М.С. Хотинским. СПб., 1861 (Критическое обозрение. 1861. № 8. С. 53–76). Автором мог быть А.Н. Майков, уже однажды выступивший во «Времени» с похожей рецензией на «Гадательные книжки и снотолкователи» (1861. № 2; подробнее см. выше).

Вполне возможно, что гонорар за эту статью был включен в сумму, полученную Майковым 13 ноября 1861 г.: 200 рублей. Стихотворения, предоставленные им для публикации в журнале за пять месяцев с момента выплаты предыдущего гонорара, не смогли бы закрыть столь крупную выплату.

14. *Противоречия и увлечения «Времени»* (Смесь. 1861. № 8. С. 135–142). Обычно этот программный текст приписывают, хотя и предположительно, М.М. Достоевскому как редактору журнала, однако его мог написать и Ф.М. Достоевский: этому не противоречит и роль Достоевского как идеолога журнала, и сам полемический и фельетонный тон.

15. *Один из важнейших педагогических вопросов* (Смесь. 1861. № 9. с. 17–29). Судя по гонорару, полученному А.Е. Разиным за сентябрь 1861 г. (172 руб. 50 коп.), для № 9 «Времени» им, кроме «Политического обозрения» (33 с.), был написан еще один текст: либо «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и России. Сочинение А. Корсака», либо «Один из важнейших педагогических вопросов». Оба соответствуют сфере интересов Разина. Что касается педагогики, то Разин, помимо журналистики, зарабатывал преподаванием русского языка и словесности в Павловском кадетском корпусе. По объему под гонорар больше подходит именно «Один из важнейших...»: здесь 13 с., общий объем текстов Разина в № 9 составляет, включая этот текст, 46 с., и общий гонорар соответствует стандартной ставке для Разина.

16. *Описание некоторых сочинений... в пользу раскола. Записки Александра Б. СПб., 1861* (Критическое обозрение. 1861. № 10. С. 80–100). В.С. Нечаева приписывает текст Владиславлеву. М.М. Достоевский в письмах к Владиславлеву обсуждал некую статью последнего про сочинения о расколе; 25 декабря 1861 г. редактор «Времени» писал своему сотруднику:

«О Расколе есть у меня статья¹⁴ и хотя я уверен, что Вы напишете лучше, но и эту жаль отдать назад, тем более что я всегда нуждаюсь в критиках»¹⁵.

Возможно, конечно, что в декабре молодой критик хотел представить уже второй текст о расколе, который М.М. Достоевский в итоге не принял. Что касается гонорара, то, по мнению В.С. Нечаевой, 50 руб., выплаченных Владиславлеву 18 янв. 1862 г., было достаточно, чтобы покрыть 22 с. статьи о расколе. Но не стыкуются ни время выхода номера с обсуждаемой анонимной статьей и дата письма, ни гонорарные сведения.

Мы предполагаем, что автором «Описания...» был А.Е. Разин. За октябрь 1861 г. он получил 189 руб. 30 коп. Его обозрение в № 10 занимало 33 с.; если прибавить 22 с. текста о расколе, то тогда гонорар получается соразмерным количеству страниц. Владиславлев же, получивший свои 50 руб. за октябрь, мог быть автором либо статьи «Мормонизм и Соединенные штаты», или «Легенд сербов» (обе в № 10).

17. *Физиология обыденной жизни. Соч. Г.Г. Льюиса. Перев. С.А. Рачинского и Я.А. Борзенкова, т. I, 1861* (1861. № 11. Критическое обозрение. С. 50–63). Не было предложено ни одной гипотезы об авторстве этого текста; в новой росписи журналов братьев Досто-

¹⁴ Имеется в виду статья Н.Я. Аристова «По поводу новых изданий о расколе» (1862. № 1).

¹⁵ Письма М.М. Достоевского к М.И. Владиславлеву. С. 132.

евских, которую готовит Петрозаводский университет¹⁶, атрибуции тоже нет; внимания этому тексту уделялось крайне мало (один абзац в книге В.С. Нечаевой).

Мы предполагаем, что автором мог быть Страхов. Ему, с его естественнонаучным образованием, была близка тематика рецензируемой книги.

Подтверждение страховского авторства можно найти в приходно-расходном журнале: во второй книге 4 июля 1862 г. рукой Страхова оставлена запись о том, что за ноябрьский номер 1861 г. он получил 87 руб. 50 коп.; обычная ставка Страхова тогда составляла 50 руб. за лист. Получается, что для ноябрьского номера Страхов дал около 28 страниц. В номере есть одно из писем Н. Косицы «Литературные законодатели», в нем 14 с.; значит, в номере надо искать еще 13–14 страниц Страхова, а «Физиология обыденной жизни» как раз столько и занимает.

Кроме того, в рецензии на «Физиологию» можно предположить текстуальную связь с заведомо принадлежащими Страхову статьями. Про значение и качественное отличие естественных наук от всех остальных в рецензии сказано:

«Если естественные науки часто выставляются ныне за образец наук, то именно вследствие общедоступности метода, по которому они действуют; всякий может поверить то, что наблюдал и что нашел натуралист. Не требуется никакой веры в чужое вдохновение, в усилия чужого ума, потому что проверка должна стоять рядом с каждым добытым результатом; пути и приемы исследования должны быть очевидны, осязательны. Естественные науки потому привлекают к себе общую любовь, что в них нет никакого аристократизма, никакой исключительности; все наблюдатели, все исследователи имеют совершенно одинаковые права в науке, и каждый натуралист признает себя ответственным, обязанным дать отчет всякому того желающему» (с. 53).

Через год в статье «Дурные признаки» (1862. № 11) Страхов будет говорить про естественные же науки:

«Естественные науки действительно имеют явное преимущество перед всеми другими. Предмет их так очевидно ясен, методы так просты и элементарны, что твердость приобретаемых познаний не может казаться подлежать никакому сомнению. Нужно быть по-видимому или крайне-тупым, или крайне легкомысленным для того, чтобы значительно отступить от истины в исследовании по предмету естественных наук» (с. 160).

Рецензия начинается со сравнения Москвы и Петербурга с точки зрения того, какие там книги впускаются книги по естественным наукам: для Москвы характерны строгость и добросовестность, тяга к фундаментальным, хоть и узким исследованиям, в Петербурге же

¹⁶ Роспись не завершена, результаты работы см. на сайте Петрозаводского университета. URL: <http://philolog.petsu.ru/filolog/vremtext.htm>

издается очень много самых разных книг, иной раз не самых лучших по содержанию, но их много, они разные и потому дают лучшее представление о состоянии науки в целом. Ср. у Страхова-Косицы в статье «Нечто о петербургской литературе» (1861. № 4):

«в науках москвичи до сих пор довольствуются частными исследованиями; самое видное место у них занимают даже просто их толстейшие диссертации на ученые степени» (с. 124).

В Петербурге же делается ставка на работы совершенно другого формата, например, энциклопедии.

Рецензия на «Физиологию...» очень основательна и подробна, однако книга Льюиса – не единственный и, возможно, даже и не главный ее объект. Эта рецензия – эпизод в известном споре, который начали Чернышевский и П.Д. Юркевич, а потом к спору присоединились «Русский вестник» и «Отечественные записки»¹⁷.

18. *Полемический случай с «Основой» и «Сионом»* (Смесь. 1861. № 12. С. 114–116) и *Дворянин, желающий быть крестьянином* (Смесь. 1861. № 12. С. 117–123). Как и в случае с рассмотренными выше «Литературными антиквариями», «Самоновейшим отрицателем», «Брошурой г. Шиля» и «Мелочами», эти две небольшие заметки были включены в состав «Наших домашних дел», но, скорее всего, были написаны не их постоянным автором А.У. Порецким, а кем-то другим. Б.В. Томашевский предполагал, что это был Достоевский. Мы не можем привести новых сильных доказательств, но эта гипотеза нам кажется правдоподобной. Не исключено, что, потеряв отдел «Фельетон», Достоевский стал помогать вести внутреннее обозрение.

19. *Микроскопические наблюдения*. Подп.: К.Н. (Критическое обозрение. 1862. № 2. С. 135–142). В № 2 «Времени» за 1862 г. нет ничего подписанного именем Страхова, или такого, что Страхов бы назвал своим впоследствии. Но в конторской книжке есть запись о том, что Страхов получил за этот номер 65 руб. 75 коп. Учитывая обычный гонорар Страхова, можно заключить, что должен был дать в № 2 примерно 21 с. Если признать принадлежащими Страхову «Микроскопические наблюдения» (7 с.), то надо искать где-то еще 14 с. Кстати, они могут быть в «Наших домашних делах»: этот раздел в февральской книжке занимает 29 с., но постоянный автор раздела Порецкий, судя опять-таки по его обычному гонорару (за страницу около 3 руб. 30 коп.) написал только 16 (получил за номер 54 руб. 33 коп.). К сожалению, судить о том, что именно из «Наших домашних дел» могло принадлежать Страхову, у нас нет оснований – на

¹⁷ Подробнее см.: *Перикина А.Н.* Неизвестная рецензия Н.Н. Страхова на «Физиологию обыденной жизни» Г. Льюиса // *Русская филология: Сб. научных работ молодых филологов*. Вып. 24. Тарту, 2013. С. 51–58.

этот раз «Наши домашние дела» не были разделены на несколько маленьких статей.

Но даже если допустить, что именно Страхов был автором «Микроскопических наблюдений» и подписал этот текст криптонимом «К.Н.», то важно отметить, что Страхов предпочитал не смешивать свои литературные маски. Его «Н.К.» или «Н. Косица» должен был заниматься только молодой радикальной петербургской журналистикой¹⁸. А «Микроскопические наблюдения» были посвящены Писемскому, тому, как Писемский ругается с оппонентами и жалуется в различные инстанции, если вдруг с их стороны следует какой-нибудь болезненный упрек. Естественно, что среди оппонентов Писемского особенно ярко выделяются представители леворадикального лагеря, в частности, газета «Искра». Но, во-первых, не «Искра» здесь главная мишень автора «Времени», а во-вторых, Косица в феврале 1862 г. еще не интересовался «Искрой». Еще не были приостановлены «Современник» и «Русское слово» (журналы не будут выходить с июня по декабрь 1862 г.), а значит, для Косицы не было никакого интереса искать себе нового соперника, будь то Писемский или вся «Искра». А вот Страхову вне маски Косицы было интересно поговорить о Писемском (см. статью Страхова «Несколько слов о г. Писемском» в № 7 за 1861 г.).

20. *Девятнадцатый номер «Дня»* (Критическое обозрение. 1862. № 2. С. 164–168). В.С. Нечаева приписала статью Владиславлению, сославшись на письмо М.М. Достоевского от 17 янв. 1862 г.:

«Вот бы разобрать газету День. Хорошо было. Напишите – пришлю»¹⁹.

Одно это указание на первый взгляд кажется недостаточным: против авторства Владиславления может говорить сам стиль текста, с характерным редакционным «мы», текста, прямо выражающего отношение редакции «Времени» к коллегам-журналистам. Здесь затрагивается важная для «Времени» тема славянофильства и того, во что оно вырождается. В частности, журналу Достоевских не нравится анонимная статья из № 19 «Дня», где неодобрительно обсуждается новый закон, разрешающий евреям с научными степенями поступать на службу «по всем ведомствам по всей России»: «День» забил тревогу и даже утверждал, что первым делом еврей сможет возглавить Синод. «Времени» этот испуг кажется надуманным и необоснованным:

«Двадцать раз повторяя слова: враждебно, противоположно, он <«День» – А.П.> до того легкомыслен, что не дает себе труда вникнуть хоть

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Першкина А.Н.* Н.Косица как полемическая литературная маска Н.Н.Страхова // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. Сб. статей. М., 2012.

¹⁹ *Першкина А.Н.* Письма М.М. Достоевского к М.И. Владиславлению // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 4. С. 132.

сколько-нибудь в сущность дела и позволяет себе оглушить доверчивых читателей одною шумихою слов. Враждебно! Противоположно! Но в чем враждебно? В чем противоположно? Разве тот, кто имел бы действительный интерес в деле и видел бы его в опасности, мог бы ограничиться таким бессодержательным голословием? Так говорят только люди, мечтающие о деле, а не те, кто действительно дорожит делом».

Однако согласно приходно-расходному журналу Владиславлев действительно мог быть автором статьи о «Дне». 28 марта 1862 г. ему было выслано 20 руб., при его ставке достаточных за 5 страниц. А сама просьба написать про «День» могла стать своеобразным испытанием для молодого автора, после которого его окончательно приняли в редакции как своего. Редакционное «мы» и определенная живость языка могли быть результатом редактуры.

21. *Откуда взять сельских учителей?* (1862. № 3. С. 201–212). В.С. Нечаева предположительно атрибутировала Владиславлеву. Нам эта атрибуция представляется бесспорной: в гонорары Владиславлева этот текст вписывается, более того, тема статьи ему близка (стиль тоже похож на владиславлевский).

«Время» восстает против предложения обязать семинаристов идти служить учителями в сельские школы: учителем должно становиться по призванию, а не по принуждению; семинаристов не хватит для того, чтобы закрыть учительские вакансии:

«В новгородской семинарии, как нам известно, кончат курс около девяноста человек. За вычетом поступающих в петербургскую духовную академию и слабых здоровьем, остается кончивших курс и способных к учительству семьдесят человек. Жителей в той губернии считается 975,201. Вычитая отсюда городских жителей, более 70 000, остается еще 905 000, между которыми должны быть учителями семьдесят человек. Средним числом тут на каждого семинариста приходится почти по 13 000 жителей, а за вычетом духовенства и всех тех людей, которые могут получать образование помимо сельских школ – приходится по 12 000» (с. 207).

Проблема сельских школ, учителей и семинаристов могла быть близка многим сотрудицам «Времени», провинциалам и выпускникам семинарий, но только один человек мог свободно рассуждать о том, как обстоят дела именно в Новгородской губернии, и приводить соответствующие статистические данные – Владиславлев, родившийся в Новгороде и учившийся в местной семинарии.

22. *Дворянство и земство (По поводу журнальных толков)* (1862. № 3. С. 1–29). В.С. Нечаева предполагала, что автором мог быть А.У. Порецкий²⁰ или А.Е. Разин²¹. Порецкий получил за «две статьи»

²⁰ *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975. С. 266.

²¹ *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972. С. 84–87.

в мартовскую книжку 1862 г. 81 руб.; В.С. Нечаева считает, что этого было достаточно, чтобы покрыть 27 с. «Наших домашних дел» и еще 30 с. «Дворянства и земства». Но Порецкий получал в среднем 3 руб. 30 коп. за страницу, т.е. 81 рубля едва хватило бы, чтобы оплатить политический обзор. Вторая статья Порецкого в мартовском номере, на поиски которой вдохновляет запись в приходно-расходном журнале, – это, скорее всего, небольшая заметка «Чехи в Диканьке», помещенная сразу после «Наших домашних дел» и занимающая всего три страницы.

Если обсуждать кандидатуру А.Е. Разина, то тут тоже возникают несоответствия: за март 1862 г. он получил 176 руб. 25 коп., и если считать, что эта сумма причиталась ему за 50 с. «Политического обозрения», то получается, что за одну страницу ему было заплачено примерно 3 руб. 50 коп.; если же представить, что это была выплата за два текста, общим объемом 79 с. (т.е. за «Политическое обозрение» вместе с «Дворянством и земством»), то такса выходит слишком маленькой для Разина – всего 2 руб. 25 коп., между тем его гонорар никогда не падал ниже трех рублей за страницу.

Содержание «Дворянства и земства» позволяет предположить, что автором «Дворянства и земства» был один из идеологов почвенничества: либо Достоевский, либо Григорьев, склонные к идеализации русского «земства» и общины (ср. высказанное здесь мнение, что московское боярство не составляло политической или общественной силы, сословия как такого не было, как и общих интересов и стремлений, с произволом царя боролись только отдельно взятые личности, с подобной мыслью в рецензии Ап. Григорьева на «Князя Серебряного» (1862. № 12)).

23. *История новой философии Куно Фишера. Т. I. Перевод Н. Страхова. СПб., 1862* (Критическое обозрение. 1862. № 3. С. 55–64). В.С. Нечаева атрибутирует текст Владиславлеву на основании полученного им крупного гонорара (120 руб.). Правда, с марта деньги Владиславлеву выплачивались, хоть и большие, но без определенных указаний, за что именно.

Статья посвящена не столько самой книге Фишера, сколько рецензии Антоновича на нее в «Современнике». Антонович утверждал, что

«Фишер пишет для Запада, для Германии, и конечно, имеет в виду какие-нибудь специальные цели, удовлетворение каким-нибудь особенным потребностям немецкой почвы. А г. Страхов пересаживает Фишера на русскую почву, которая имеет другие потребности, чем немецкая, и для которой цели и стремления Фишера совершенно чужды, а потому неуместны и напрасны» (Современник. 1862. № 3. С. 282).

Антонович пытается обвинить Страхова в том, что тот противоречит основным принципам почвенничества. «Время» не могло оставить без внимания этот выпад.

Атрибуция Владиславлеву представляется правдоподобной: за март 1862 г. он получил 120 руб. 38 коп., что соответствует примерно 32 с. (а в начале 1862 г. Владиславлеву подняли гонорар до 3 руб. 75 коп.). Три статьи из № 3 («Откуда взять сельских учителей?», «Сочинения К.С. Аксакова», «История... философии Куно Фишера») этот объем покрывают. На этом основании мы пока приписываем все три текста Владиславлеву, статьи про учителей и про Аксакова без сомнений, а рецензию на К. Фишера с некоторыми оговорками.

Велик соблазн приписать эту рецензию Страхову, который мог бы сам за себя заступиться и ответить Антоновичу, с которым как раз тогда под маской Н. Косицы уже завязал полемику. Только вот с этической точки зрения трудно допустить, что Страхов мог написать рецензию практически на свое собственное произведение.

24. *Чехи в Диканьке (Из № 19 «Дня»)* (Смесь. 1862. № 3. С. 54–56). Автором этой статьи, как мы уже писали выше, мог быть А.У. Порецкий.

25. *Неудавшийся антагонизм. Литературная собственность. (Современник. 1862. № 3)* (Критическое обозрение. 1862. № 5. С. 10–44). Статья, занимающая 35 с., атрибутирована В.С. Нечаевой Владиславлеву условно, со ссылкой на гонорар в 84 руб., полученный им 15 июня. В эту же сумму, по мнению В.С. Нечаевой, уложились еще 10 с. «Письма в редакцию “Времени” по поводу цветочной выставки». На наш взгляд, это аргументация спорная. Даже если предположить, что Владиславлев по-прежнему получал по 2 руб. 50 коп. за страницу, этой суммы как платы за названные публикации будет недостаточно. Мы считаем, что этот гонорар причитался Владиславлеву за статью «Карамзин. Неизданные сочинения и переписка» (№ 8) вместе с выданными ему 8 июля 47 руб. В сумме выплаты покрывают все 34 с. «Карамзина...». За «Неудавшийся антагонизм», по нашему мнению, Владиславлев получил деньги еще в мае: 20 числа 125 руб., 27-го еще 14.

26. *Заметка на одну газетную статью (По поводу польско-русинского вопроса)*. Подп.: Русин (1862. № 9. Современное обозрение. С. 42–54). Мы предполагаем, что автором был или Страхов, или Н.П. Барсов. Ранее такого допущения никто не делал, скорее всего, из-за заграничного путешествия Страхова (с июня по октябрь 1862 г.).

Между тем стоит обсудить гонорар, полученный Страховым за октябрь 1862 г.: 103 руб. 12 коп. В № 10 за 1862 г. помещена всего одна известная статья Страхова, «Тяжелое время», на 22 с. Если учесть обычную гонорарную ставку Страхова, то получается, что помимо «Тяжелого времени» Страхов должен был дать для этого или ближайшего номера еще одну статью объемом 11–12 с. «Заметка на одну газетную статью» занимает именно 12 с. Других текстов, которые можно считать за страховские, в № 9, 10 и 11 нет.

Помимо бед, которые русины претерпели от поляков (и именно поэтому не хотят теперь налаживать мирные отношения с ними, бояться), одной из основных тем «Заметки» является статья Чернышевского «Национальная бестактность» (Современник. 1861. № 7) и многочисленные тексты, в которых развивались заявленные Чернышевским идеи. Это очень похоже на то, как Страхов критиковал Чернышевского, скрываясь под маской Н. Косицы: он выступал не столько против самого публициста, сколько против дурного влияния, которое Чернышевский оказывает на других журналистов, особенно молодых. По тематике статья похожа на будущий страховский «Роковой вопрос» (1863. № 4). Если «Заметка...» действительно написана Страховым, то она оказывается своеобразной подготовкой.

Подписана «Заметка» «Русин», а «Роковой вопрос» Страхов подписал «Русский».

Однако есть свидетельства, что писать для «Времени» о русинах тогда же (см. письмо Достоевскому в марте 1862 г.) собирался и Барсов. Если автором «Заметки...» был, что вполне возможно, Барсов, то искомый текст Страхова – видимо, «Заметка по поводу народного здоровья», подписанная «И.Ч.» (1862. № 9. С. 55–61).

На наш взгляд, новые данные позволяют составить обновленный указатель содержания «Времени». К сожалению, все белые пятна закрыть до сих пор не удастся.

Список литературы

- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. худож. произв.: В 13 т. Т. 13. М.; Л., 1930.
- Захаров В.Н., Rogov A.A., Сидоров Ю.В.* Проблема грамматического инварианта Достоевского и атрибуция анонимных и псевдонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха» (1861–1865) // Труды и материалы Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность» (13–16 марта 2001 г.). М., 2001.
- История русской литературы XIX века. Библиографический указатель / Под ред. К.Д. Муратовой. Л., 1962.
- Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972.
- Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975.
- Перикина А.Н.* Письма М.М. Достоевского к М.И. Владиславлеву // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 4.
- Перикина А.Н.* Н. Косица как полемическая литературная маска Н.Н. Страхова // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. М., 2012.
- Перикина А.Н.* Неизвестная статья Н.Н. Страхова // Русская филология: Сб. науч. работ молодых филологов. Вып. 23. Тарту, 2012.
- Перикина А.Н.* Неизвестная рецензия Н.Н. Страхова на «Физиологию обыденной жизни» Г. Льюиса // Русская филология: Сб. науч. работ молодых филологов. Вып. 24. Тарту, 2013.

Приходно-расходный журнал по изданию журналов «Время» и «Эпоха» // ОР РГБ. Ф. 93/1. К. 3. Ед. хр. 21 и 22.

Седельникова О. Размышления об итальянской драматургии в путевом дневнике А.Н. Майкова 1842–43 гг. // *Europa orientalis*. 2010. № 29.

Страхов Н.Н. Письмо к П.Н. Страхову // *Литературное наследство*. Т. 86. М., 1973.

Фомин А.Г. К истории журнала «Время»: Неизданные письма М.М. Достоевского к М.Ф. де Пуле и Н.С. Милошевичу // *Достоевский*. Статьи и материалы. Пг., 1922.

Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому: К вопросу об атрибуции Ф.М. Достоевскому анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха». Oslo, 1986.

Сведения об авторе: *Перишкина Анастасия Николаевна*, аспирант кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: dostoevsk@mail.ru

К.В. Касаткина

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПСИХОЛОГИИ
«ПОДПОЛЬЯ» В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

В статье рассматриваются такие характерные особенности личности Подпольного человека, как гордость, самоуничижение, стыд, одиночество, взаимоотношения с обществом и самим собой. В данной работе предпринята попытка обозначить предпосылки формирования «подпольного» характера в «Записках из подполья» и указать на взаимосвязь отдельных аспектов психологии героя.

Ключевые слова: «Записки из подполья», Достоевский, Подпольный человек, Парадоксалист, подполье, гордость, стыд, самоуничижение, одиночество.

The article is focused on typical features of the underground man's personality: pride, self-humiliation, shame, loneliness, relationship with society and himself. In this research the author makes an attempt to show the reasons for the formation of "underground" traits of character in 'Notes from the Underground' and to reveal correlations between some aspects of the main character's psychology.

Key words: 'Notes from the Underground', Dostoyevsky, the underground man, a paradoxalist, the underground, pride, shame, self-humiliation, loneliness.

Открытие Достоевским «подпольного» характера стало важной вехой литературного процесса XIX в. Как известно, Подпольный парадоксалист был принят современниками писателя крайне неоднозначно, вызвав в основном критику и насмешки. Несмотря на неугающийся интерес исследователей к данному герою, исчерпывающего истолкования «подпольного» характера не существует и по сей день: настолько противоречив и парадоксален образ, представленный на страницах повести «Записки из подполья» и получивший дальнейшее развитие в романах «Пятикнижие» и в публицистике Достоевского.

В данной работе предпринята попытка осветить те аспекты личности Подпольного человека, которые не были затронуты исследователями или о которых говорилось лишь вскользь, а также указать на взаимосвязь между отдельными психологическими и поведенческими особенностями героя повести Достоевского.

Одиночество в «подполье»

Прежде всего, нас интересовала проблема психологических предпосылок «подполья». Что именно «загоняет» героя туда? Что заставляет его делать сознательный выбор в пользу одиночества?

Отношения с людьми у Подпольного человека складываются крайне тяжело и болезненно, так как, желая того или нет, он постоянно нарушает неписанные законы коммуникации, делая последнюю невозможной. Неумение (или нежелание) Подпольного человека следовать этим законам отмечает А.Б. Криницын: герой «пытается преодолеть пропасть, которую ощущают между собой и другими, одним головокружительным прыжком – полным откровением (...) Таким образом, “чужость” преодолевается незаконным путем – через “ломание стены” между собою и “другим» [Криницын, 2001: 137–138].

Кроме того, невозможность полноценного общения у Подпольного человека может быть связана с болезненным опытом детства и ранней юности. Нам мало что известно о детстве Парадоксалиста, но и того, что мы знаем, уже достаточно, чтобы понять, что налицо все факторы, которые в будущем сформируют человека недоверчивого, подозрительного, закрытого. Вот что герой пишет о своем детстве: «Меня сунули в эту школу мои дальние родственники, от которых я зависел и о которых с тех пор не имел никакого понятия, – сунули сиротливого, уже забитого их попреками, уже задумывающегося, молчаливого и дико на все озиравшегося» [Достоевский, 1972: 139]. Этих нескольких штрихов уже достаточно, чтобы составить себе представление о дошкольных годах нашего героя. Во-первых, то обстоятельство, что он, «сиротливый», был отдан в школу «дальними родственниками» и упоминание о попреках наводят читателя на мысль, что Парадоксалист рано лишился родительской заботы. Во-вторых, мальчик был «забит попреками», и, видимо, вследствие этого уже тогда был «молчаливым» и «дико на все озирающимся». Всего одно слово – «сунули» в школу – рождает образ никому не нужного ребенка, от которого хотят поскорее избавиться и делают это при первой же возможности.

Разумеется, одноклассники героя не могут и не желают понять трагедию его детства. Перед ними «забитый», «молчаливый» и «дико на все озирающийся» сверстник. Их реакция вполне предсказуема: «Товарищи встретили меня злобными и безжалостными насмешками за то, что я ни на кого из них не был похож. Но я не мог насмешек переносить; я не мог так дешево уживаться, как они уживались друг с другом. Я возненавидел их тотчас и заключился от всех в пугливую, уязвленную и непомерную гордость» [там же: 139].

Будучи еще юным, Подпольный человек не отказывается от общества окончательно (как произойдет в более зрелом возрасте), пока еще только формирующееся «подполье» имеет связи с внешним миром. Герой предпринимает попытки сблизиться с окружающими, так как чувствует сильную потребность в общении, но подобная дружба никогда не выдерживает проверку временем.

Интересно, что одиночество Подпольного человека, при всей его мизантропии, несколько иного рода, чем байроническая отчужденность Раскольникова или Ставрогина: последних действительно не слишком волнует, что подумают о них люди, это искреннее и абсолютно сознательное отстранение от общества. Парадоксалист же в своем одиночестве беспрестанно оглядывается на людей. Его настолько беспокоит возможное осуждение общества, что это порой превращается в навязчивую идею: герою чудится, будто все взгляды обращены на него, что люди только и думают о его промахах и осечках, словно сотни глаз начинают неотступно следить за ним, стоит ему лишь высунуться из своего «подполья»: «В должности, в канцелярии, я даже старался не глядеть ни на кого, и я очень хорошо замечал, что сослуживцы мои не только считали меня чудачком, но – все казалось мне и это – будто бы смотрели на меня с каким-то омерзением» [там же: 124].

Довольно сложно представить себе, например, Раскольникова (при всей его склонности к самокопанию), фантазирующего на подобную тему, ведь цель «пробы» Раскольникова – доказать свое превосходство *себе самому*, в то время как Парадоксалист жаждет признания своей исключительности *со стороны общества*. В этом ключ к пониманию разницы «одиночеств» этих двух героев: внутренний конфликт Раскольникова никак не связан с изолированностью героя от общества, а, следовательно, одиночество не доставляет герою особенных страданий; внутренний конфликт Парадоксалиста же напрямую зависит от отношений с другими людьми, а значит, вынужденный выбор в пользу одиночества для Подпольного человека болезнен и мучителен.

Положение Парадоксалиста осложняется «усиленным сознанием»: героя до иступления мучает вопрос о том, почему же он так нуждается в людях, которых до такой степени ненавидит и презирает. В этом и коренится основной психологический парадокс Парадоксалиста: он одновременно любит и ненавидит людей, стремится к ним и их же отталкивает, восхищается и презирает, страдает от одиночества, но, пребывая в обществе, страдает еще сильнее. Внутренне Парадоксалист понимает, что невозможно получить желаемую любовь, не изменив самому себе и не предав собственных убеждений, однако продолжает попытки «завоевания мира», заранее обреченные на провал.

Необходимо отметить, что к моменту написания своих записок герой оставляет попытки социализации, окончательно замыкаясь в «подполье». Однако стоит ли рассматривать его исповедь как очередную (возможно, последнюю) попытку найти контакт с обществом, или Парадоксалист сближается с Раскольниковым, меняя адресата

своих рассуждений с внешнего на внутреннего, тем самым замыкая круг общения на самом себе?

Отгородившись от общества окончательно, укоренившись в «подполье», герой продолжает нуждаться в собеседнике. Его записки восполняют недостаток общения, служат мостиком во внешний мир, отсюда и диалогизм, и полемичность слова Подпольного человека, отмечавшиеся М.М. Бахтиным. Присутствие *другого*, его влияние на текст, порождаемый героем, очень ощутимо: при разрыве физического контакта с людьми, *другой*, продолжая существовать в сознании Подпольного человека, остается психологически значимым для него.

Таким образом, Подпольный человек, отгородившись от мира, продолжает находиться в зависимости от *другого*, сокрытого внутри себя самого. Герой сам сначала заявляет, что не собирается публиковать свои записки и создает их для себя, однако все его сочинение представляет собой либо бесконечные оправдания, либо яростные возражения мнимым собеседникам. Но эти собеседники (поскольку записки создаются для самого себя) находятся внутри Подпольного человека. Они – его судьи, и судьи не благожелательные, и даже не беспристрастные, а насмешливые, презирующие Парадоксалиста (личности внутри человека презирают самого человека и насмеются над ним) и даже не имеющие, как полагает герой, достаточно свободного времени, чтобы выслушивать его болтовню. То есть если судьи извне не находится, Подпольный человек сам берет на себя эту роль, и поэтому *никогда не может остаться один*, наедине со своими мыслями и чувствами, и мнимое одиночество оборачивается навязчивым присутствием *другого*. Таким образом, трагедия существования Подпольного человека заключена не столько во *внешнем конфликте с миром*, сколько во *внутреннем конфликте с собой*, воплощающим этот мир.

Гордость и самоуничижение в «подпольном» характере

Остановимся подробнее на вопросе о том, как в Подпольном человеке могут ужиться с одной стороны его непомерная гордыня, жажда власти и признания, а с другой стороны, – стремление самоуничижаться, умалять свои достоинства и преувеличивать недостатки.

Подпольный человек необычайно горд, заносчив и самолюбив, и в то же время, как уже отмечалось, склонен к болезненной рефлексии («усиленному сознанию»). Признаваясь в том, что «усиленное сознание» – это болезнь, герой, конечно, лукавит. Да, он действительно может считать, что болен «усиленным сознанием», однако ни за что не променяет его на простое обывательское благополучие, в чем позже и признается: «А между тем я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не

откажется. Страдание – да ведь это единственная причина сознания» [там же: 119].

О взаимосвязи страдания и гордости в характере Подпольного человека очень точно писал А.П. Скафтымов: «Страдающий герой находит в страдании повод к какой-то особой выделенности, как бы внутреннее право на особое внимание и признание, и в этом смысле любит боль. Все это в совокупности называется “наслаждением обидой”» [Скафтымов, 2007: 197–198]. Чтобы постоянно наслаждаться своим отчаянием, иметь возможность с упоением «грызть» самого себя, герой специально создает себе условия жизни по принципу «чем хуже – тем лучше»: живет в скверной комнате на краю города, держит глупую и злую служанку, терпит губительный для его здоровья петербургский климат и т. д.

Характерной особенностью Подпольного человека является «книжность» его сознания, то есть на его образ мыслей и восприятие действительности сильное влияние оказали литература и философия. Как видно из текста, герой знаком с философскими концепциями Канта, Штирнера, Шопенгауэра, он читает Чернышевского, Некрасова, Гоголя, Гончарова, Пушкина, Байрона, Гейне и пытается рассуждать о прочитанном в применении к современной действительности. Подпольный человек часто не хочет или не может различить реальную действительность и литературу. Жизнь настолько не соответствует его внутренним идеалам, что он предпочитает «перекраивать» ее по литературному образцу, часто сознательно закрывая глаза на явные несоответствия и нестыковки. Ярким примером подобного восприятия действительности может послужить «литературное», сентиментальное письмо офицеру-обидчику, сочиненное, но не отправленное Подпольным человеком.

Чем обусловлено такое стремление Подпольного человека действовать по литературным канонам? Как ни странно, этот желчный человек в душе своей настоящий романтик, истинный литературный герой: тут и пресловутое романтическое двоемирие, и бушующие страсти, и страдания, доводящие нашего героя до истерических припадков и лихорадок, и щемящее одиночество, и вселенская тоска. Но парадокс заключается в том, что все эти черты воплощаются в личности мелкого канцелярского чиновника, мнительного, дурно сложенного, с невыразительной внешностью. В образе Парадоксалиста перед нами предстает «маленький человек» с наполеоновскими амбициями и байроническим самомнением. Но Парадоксалист, в отличие от других героев Достоевского, не хочет силой захватывать первенство – он жаждет, чтобы люди сами признали его превосходство. Болезненно не желая быть посредственностью, герой готов пойти на все, чтобы доказать самому себе и окружающим свою неординарность и исключительность.

Таким образом, внутри сознания героя сталкиваются два противоположных чувства: с одной стороны, желание любыми средствами удовлетворить свое болезненное самолюбие в сочетании с тягой к эпатажу, а с другой, – крайне критический взгляд на собственную личность, порой доходящий до презрения и даже ненависти к самому себе. Так как же совместить в одном образе два противоположно направленных вектора? Парадоксалист сам описывает неудачные попытки предстать в образе благородного рыцаря, иронически повествуя о своих фантазиях о возможном «спасении» Лизы и последующей женитьбе на ней. Амплуа презрительного и высокомерного резонера, которое он примеряет на встрече со Зверковым, тоже не подходит ему, как не получается до конца выдержать роль циничного злодея в жестоком поступке с Лизой. И тогда Подпольный человек решает превзойти всех своим цинизмом и парадоксальностью: не ставши ни ангелом, ни демоном, он избирает для себя роль желчного, злобного и болтливового шута. Шута, которому, по законам жанра, дозволено говорить правду. Он стремится поразить читателя тем, что не обошел в своей исповеди таких моментов своей жизни, о которых другие предпочли бы вовсе не вспоминать. Парадоксалист вспоминает все самые гадкие, самые порочащие его случаи, начиная с мелочей, которые он упоминает просто для сравнения (например, «Когда к столу, у которого я сидел, подходили, бывало, просители за справками, – я зубами на них скрежетал и чувствовал неумолимое наслаждение, когда удавалось кого-нибудь огорчить» [Достоевский, 1972: 100]), и заканчивая центральным эпизодом с Лизой, где не избегает самых интимных и порочащих его подробностей. Более того, Подпольный человек стремится разными средствами *преувеличить* свою подлость, представить ее в самом неприглядном виде. Он беспрестанно провоцирует читателя своими парадоксальными высказываниями (например, «Дальше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живет дольше сорока лет, – отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут» [там же: 100]). Сам тон выражений Парадоксалиста призван оскорбить вкус читателя, его определения и сравнения экспрессивно окрашены и стилистически снижены и рассчитаны, опять же, на то, чтобы поддержать в читателе впечатление неблагообразности и юродства героя.

Однако своеобразное хвастовство своими пороками все время оборачивается оправданиями. Логично было бы предположить, что если чувствуешь стыд – то лучше наоборот постараться скрыть от других постыдные моменты и не вспоминать о них. Зачем же герой постоянно оправдывается?

Стремление покаяться – одна из наиболее характерных черт многих героев Ф.М. Достоевского – тесно связано с христианскими представлениями о покаянии и признании своей ничтожности. В вос-

приятии ряда героев Достоевского (например, Мармеладова), если человек находит в себе силы признаться в грехе «перед всем честным народом», публично покаяться, то за это бремя проступка как бы снимается с него. А если избавиться от греха так просто – нужно всего лишь признать в себе врожденную подлость – то возникает соблазн позволить себе грешить опять, чтобы потом вновь покаяться перед людьми. Этой «мармеладовской заповеди» (грешить – каяться – и снова грешить) следует и герой «Записок из подполья». Признаваясь окружающим в своем дурном качестве, в какой-то постыдной слабости, Парадоксалист словно индальгирует ее себе, наслаждаясь сознанием собственной смелости, а заодно радуясь возможности «отпущения грехов». Однако такое покаяние нельзя назвать искренним. Все дело в том, что Подпольный человек не способен ни к глубокому раскаянию, ни к настоящему прощению.

«Подпольный» стыд

Глубинной психологической причиной того, что Подпольный человек выбирает для удовлетворения своей гордыни наиболее окольный из возможных путей – самоуничужение, является чувство стыда, которое постоянно испытывает герой. Вся исповедь Подпольного парадоксалиста, обе ее части *проникнуты* чувством стыда: воспоминанием о *прожитом* стыде, стыдом перед читателем за свои *поступки*, стыдом за то, что он это рассказывает. Парадоксалист стыдится постоянно: «*постыдно* сознавал, что я не злой человек», «буду несколько месяцев от *стыда* страдать бессонницей», «*постыдно* проскользнуть в свою щелочку», «*постыднейшие* подробности», «*стыд*, доходивший до проклятия», «мне было *стыдно*, все время как я писал эту повесть» – и это далеко не полный список выражений из текста «Записок», где упоминается чувство стыда. А в скольких случаях оно остается неназванным: подразумевается, возникает подспудно, обыгрывается ситуацией в целом?

Проявления «подпольного» стыда чрезвычайно многообразны и реализуются в следующих вариациях:

- 1) стыд за какой-либо совершенный поступок: «стыд постфактум» (например, стыд за «развратик»);
- 2) стыд за то, чему еще только предстоит произойти: «предвосхищающий стыд», когда герой стыдится, заранее предчувствуя свое поражение (например, стыд, сопровождающий ожидание прихода Лизы);
- 3) «стыд за стыд» – своеобразная рефлексия по поводу стыда, сопровождающая воспоминания о стыде, пережитом в прошлом.

Можно представить, что творится в душе героя, когда все три чувства соединяются вместе. Он, во-первых, стыдится того, что *уже*

свершилось, во-вторых, того, чему еще *предстоит* свершиться, и, в-третьих, стыдится за весь этот свой стыд *целиком* (разумеется, получая от этого стыда сладострастное «подпольное» удовольствие, в чем сам неоднократно и, опять же, с удовольствием сознается читателю: «Вот от этих-то кровавых обид, вот от этих-то насмешек, неизвестно чьих, и начинается наконец наслаждение, доходящее иногда до высшего сладострастия» [там же: 106]). Отдельно стоит отметить, что Парадоксалист также стыдится перед читателем и за свою исповедь, хотя еще в самом начале записок герой оговаривает, что вряд ли когда-нибудь кто-либо, кроме него самого, будет читать их.

Любопытно, что Парадоксалист испытывает именно стыд за самого себя и почти никогда не ощущает своей вины. Например, мы не найдем у него искреннего раскаянья за действительно дурной и малодушный поступок с Лизой, он сожалеет не о том, что издевался над девушкой, а лишь о том, что *выглядел* во время этого глупо и смешно. Это важный факт характеристики героя. Можно ошибочно принять за раскаянье то, что он ругает себя последними словами (Парадоксалист – Лизе: «Ну, а я вот знаю, что я мерзавец, подлец, себялюбец, лентяй» [там же: 174]), но это как раз не раскаянье, а скорее своеобразное *оправдание* своего поведения («я так поступил из принципа, потому что я подлец»). Ведь, следуя «подпольной» логике, «настоящий», «принципиальный» подлец не должен чувствовать вины за свой подлый поступок, иначе он превратится в обычного неудачника и глупца, не сумевшего справиться с собственными переживаниями.

Список литературы

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 2002. 799 с.
Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Л., 1972.
Кривицын А.Б. Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф.М. Достоевского. М., 2001. 372 с.
Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М., 2007. 536 с.

Сведения об авторе: Касаткина Ксения Вадимовна, аспирант кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kasatkak@mail.ru

Ю.Н. Лебедева

**ОТ ЛЮБЕКСКОГО ПАТРИЦИЯ К «ОДНОМУ
ПРОСТОМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ»
(Бюргерский герой и взгляд повествователя в
«Будденброках» и «Волшебной горе» Томаса Манна)**

В статье рассматриваются сходства и различия в изображении бюргерского мира, общей «отчизны» семьи Будденброк и протагониста «Волшебной горы», а также прослеживается динамика в отношении повествователя к повествуемому миру.

Ключевые слова: Томас Манн, «Будденброки», «Волшебная гора», повествование, бюргерство.

The article examines common traits and disparities in representation of the world of “Bürgertum”, the shared “fatherland” of the Buddenbrook family and the protagonist of “Zauberberg”, retracing the dynamic relationship of the narrator to the narrated world.

Key words: Thomas Mann, “Zauberberg”, narrative, “Bürgerlichkeit”.

Юношеский роман Т. Манна редко сравнивают с «Волшебной горой», между тем Будденброков и Ганса Касторпа объединяет общее происхождение, в эстетической трактовке которого вполне прослеживается и сходство, и различие.

Согласно изначальному плану «давосская новелла» должна была начинаться семейной историей героя – иными словами, второй главой «Будденброков»¹. Изменение порядка глав привело к тому, что история семьи в обоих случаях композиционно следует за появлением персонажей и их первыми характеристиками. Повторяется не только сама тема бюргерского семейства, но и ее композиционное решение в тексте, пусть и на уровне одной главы, причем в «Волшебной горе» эта логика художественной организации произведения приобретает силу по мере написания романа, словно бы проявляясь как единственно точное воплощение задуманного.

В обоих романах повод для описания рода – символическая деталь, семейная реликвия: книга, открытая консулом по случаю

¹ Об истории написания романа см.: *Reed T.J.* Thomas Mann. The Uses of Tradition. Oxford, 1976. P. 227–229; *Trummer B.* Thomas Manns Selbstkommentare zum “Zauberberg”. Konstanz, 1992. S. 12–18; *Neumann M.* Entstehungsgeschichte // Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Bd. V. 2. Frankfurt/Main., 2004.

рождения дочери, и наследная купель². Отношение к умершим предкам освящено моментом рождения ребенка, отрицающим необратимость индивидуальной смерти. Повествование следует ритму смены поколений; в «Будденброках» это качество во многом определяет композицию (роман можно поделить на части по поколениям). В «Волшебной горе» этот ритм намечен только во второй главе и отчасти в рассказах Сеттембрини, «верхний мир» живет скорее согласно природным ритмам смены времен года; человеческая смерть, образующая будни санатория, остается чем-то чрезвычайным, не вписывающимся в существующий порядок, как трупы, спускаемые на салазках с горы.

В соответствии с организацией повествования, сосредоточенного на одной семье, из которой в свою очередь выбраны центральные персонажи, выстраивается и пространство: в «Будденброках» и в описании предыстории Ганса Касторпа во второй главе романа действие сосредоточено в доме, который детально описан и предстает неким закрытым домашним универсумом. Этот центр, на котором сходится романский мир, совмещает в себе домашние и общественные ценности и благодаря своей универсальности определяет организацию романного пространства.

Центральное место в этом мире в согласии с патриархальным устройством жизни занимает фигура деда, имеющая, что не столь предсказуемо, значимую связь с детьми: юношеский роман начинается с шутового диалога Тони и старого Будденброка; Ганс Лоренц Касторп и вовсе описан с точки зрения маленького внука. По мере того, как точка зрения маленького Ганса становится определяющей, тон повествования неожиданно приобретает элегичность, звучавшую в романе о «гибели одного семейства»; ирония повествователя при этом ослабевает. Смерть деда, равносильная исчезновению старого мира, идеализируемого элегическим тоном повествования, оставляет не заполняемую пустоту, значимое отсутствие.

Кроме того, в обоих случаях фигура деда обладает собственным, отличающимся от других языком, обогащающим ткань повествования. Особенно заметна эта составляющая в «Будденброках»,

² Обе детали обладают прототипом среди семейных реликвий семьи Манн (Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Bd. V. 2. Frankfurt/Main, 2004. S. 120); точность и достоверность детали – отличительная черта поэтики Т. Манна; выбор реалий, изображенных в текстах при этом ограничен: они ценны исключительно в рамках замкнутой художественной системы произведения. Это предположение подтверждает позиция самого писателя, состоявшая, прежде всего, в защите принципиальной свободы творческого голоса: «Абсолютный писатель исходит из жизни, пережитого, обычая и преображает их в идеи, дух, как говорит Ницше, “превращает все в свет и пламя”» // Die gesellschaftliche Stellung des Schriftstellers in Deutschland (07.03.1910 als Antwort auf eine Rundfrage) // Essays Bd. 1. Hrsg. von Hermann Kurzke. Frankfurt/Main, 1993. S. 121 [пер. мой. – Ю. Л.].

начинающихся с виртуозного смещения нижненемецкого с французским. Помимо создания характеристики и придания повествованию комичности, речь старого Будденброка апеллирует к целому пласту немецкой истории – к восприятию Просвещения и дворянской культуры ганзейским бюргерством, во многом определявшим облик северонемецких земель³. В «Волшебной горе» слово Касторпа-старшего оказывается достаточно весомым, чтобы прозвучать наравне с пронизанным иронией голосом повествователя и не дать теме отцовского, рода потерять свою значимость⁴. Нижненемецкий же вводится крайне осторожно. Причина тому, во-первых, принадлежность фигуры деда скорее Средневековью, а дяди Касторпа, консула Тинапеля, – уже поколению конца XIX в. Во-вторых, в маркированности стилистического приема: ни в одном произведении писателя он не будет обладать таким весом, как в «Будденброках». И тем ни менее писатель прибегает к нему в «Волшебной горе»: прибывших с равнины Касторпа, а потом и его дядю, объединяет диалектное произношение «selbstvers-tändlich» (в переводе Станкевича «бес-спорно»); странное произношение Касторпа упомянуто лишь однажды, консула же эта комичная деталь сопровождает на протяжении всей главы.

В «Волшебной горе» образ деда изначально принадлежит прошлому, его смерть возвращает ему мифический облик патриция старых времен⁵. Ее физическая сторона «неприлична» [Манн, 1959, III: 35] подобно смерти Томаса Будденброка на улице. Параллель между обеими смертями выстраивается благодаря одной детали: смещению «неприличного» запаха смерти и пытающегося побороть его резкого аромата тубероз, воздействующего в обоих романах на чуткое обоняние маленьких Ганно Будденброка и Ганса Касторпа. Во втором романе повторяется не только деталь, аромат тубероз у постели умершего, но и лежащая в основе композиции эпизода перспектива: детское восприятие со свойственными ему наивностью и остротой образует удачную перспективу для изображения подобного

³ Buddenbrooks-Handbuch. Hrsg. von Ken Moulden, Gero von Wilpert. Stuttgart, 1988; Eckhard Heftrich und Stephan Stachorski. Kommentar // Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Bd. I.2. Frankfurt/Main, 2001.

⁴ Воспользоваться точкой зрения персонажа, чтобы выразить почтение отцу или роду, значит не только поставить под вопрос категорию рода и призванное повествовать о ней слово, но в какой-то мере также выразить свое признание ее значимости. По словам Г. Курцке, размышляющего о религиозном в произведениях Манна, «подобная бессловесность не печальное умолкание, но пространство для вести» (*Kurzke H. Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. München, 2005. S. 595. Пер. мой. – Ю. Л.*).

⁵ Помимо Ганса Лоренца Касторпа, мифическое начало в романе воплощает только один персонаж – Мингер Пеперкорн. Как и дед, он становится этапом в становлении Ганса Касторпа; фигуры этих «воспитателей» могут быть противопоставлены педагогам Сеттембрини и Нафте, лишенным подчеркнутой телесности и связанной с ней мифической глубины.

эпизода. В «Волшебной горе» эта деталь – смерть, воздействующая через обоняние – также обыграна в сцене визита дяди Касторпа, консула Тинапеля (казус в вечер приезда и бегство из «верхнего мира» после рассказа хохрата о прорывающих живот покойника газах). Повторение приема в обоих романах не случайно, оно возможно благодаря глубинному сходству персонажей в их зачарованности смертью. В случае с Ганно – это принадлежность миру искусства и предрешенное убывание жизненных сил, тоска по смерти (*Todessehnsucht*), линия, унаследованная Манном от романтиков. Ганс Касторп, казалось бы, связан со смертью механически, только потому, что в краткий срок потерял мать, отца и деда. Тем не менее «потребность его [Ганса Касторпа] духа серьезно воспринимать и уважать страдание и смерть» [Mann, III: S. 412. Пер. мой. – Ю. Л.] ставит его наравне с Ганно по ту сторону жизни. Посредственность Касторпа позволяет ему стать сторонним наблюдателем, приближающимся к жизни и смерти путем размышления над ними⁶, в то время как талант Ганно лишает его защиты против воплотившегося в музыке сплетения эротизма и смерти.

Повтор как прием изображения «равнинного мира» актуален не только в контексте всего творчества писателя, но и в рамках самого романа. Сцена приезда консула в расположенной примерно в середине романа главе «Отбитая атака», выстроена параллельно сцене приезда Касторпа и описанию его биографии (за описанием окончания дня следует история происхождения, повторяются детали, даже отдельные выражения). При этом она гораздо менее драматична – это как бы экстракт начала романа, который в свою очередь напоминает краткое изложение истории Будденброков, «распад [еще] одной семьи». В данном случае, однако, речь идет не о межтекстовых переключках, а об обращении в рамках одного текста к уже реализованному решению схожей эстетической задачи (появление и представление персонажа). Объектом изображения, таким образом, становится само повествование, обуславливающее повторение и понятное в его отношении с предшествующим эпизодом.

Основное различие между миром Будденброков и Ганса Касторпа заключено в дистанции, с которой повествователь смотрит на этот мир. В первом романе он является частью создаваемого им универсума: его взгляд, оттененный легкой иронией, практически на протяжении всего повествования совмещен с точкой зрения пер-

⁶ Тем же механическим отношением продиктован подчеркнuto познавательный интерес Ганса Касторпа к смерти в первое время его пребывания в санатории и постепенное воспитание в себе способности восприятия страдания и смерти. Об изменении протагониста «Волшебной горы» см.: Marx F. "Ich aber sage Ihnen..." Christusfigurationen und Passionsbilder im Werk Thomas Manns. Frankfurt/Main, 2002. S. 116–122.

сонажа (в основном Томаса, Тони и Ганно); очевидна его симпатия бюргерскому миру, обреченному на «распад» (заявленный уже в названии романа). В «Волшебной горе» дистанция создается уже во вступлении и всячески подчеркивается посредством аукториального «мы». Заявлена несамостоятельность протагониста, и еще до собственного начала действия проводится рубеж между актуальным моментом и описываемой историей: она «произошла много времени назад», чем предопределена форма «давно прошедшего» [Манн, 1956, III: 5] в рассказе о ней (яркий пример заданной уже самим Т. Манном интерпретации, «прибавляющей» роману актуальности). Причина разрыва кроется в событии, расколовшем время на две части: «перед большой войной» [там же] и после нее.

Логике разделения времен следует оттянутое представление Ганса Касторпа. «Будденброки» также не начинаются непосредственно представлением персонажей. Тем не менее этот пробел практически сразу, словно мимоходом, восполняется повествователем по всем правилам бюргерского поведения (первенство остается за главой семьи, затем следуют дамы, при этом упомянуто происхождение обеих, и в последнюю очередь консул; подчеркнута социальное положение семьи). Ганс Касторп в начале романа также является частью бюргерского мира и разделяет его формы поведения, но повествователь не следует им – в отличие от своего юношеского романа, а обращается с персонажем подчеркнуто вольно. Он не представлен, сразу же назван «баловнем семьи и неженкой» [там же: 8], а в следующем авторском отступлении даже опосредованно назван педантом и обывателем. Той же характеристике удостоится консул Тинапель в сцене приезда в Бергхоф.

Как в «Будденброках» подзаголовок относится не к повествуемой истории, а скорее оценивает ее с чуждой персонажам точки зрения, также и в «Волшебной горе» разделение времен и миров производится на уровне повествующей инстанции. Оно представлено как объективная, свершившаяся данность, и при этом никак не обосновано. Почему «большая война» расколола историю, и почему Ганс Касторп достоин лишь иронически-снисходительного обращения? Необоснованность и прямолинейность таких оценок, высказанных напрямую посредством всеведущего «мы», не только обнажают авторскую волю как основу повествования, но и делают ее предметом размышления. Выявленность повествующего начала, таким образом, свидетельствует не о его абсолютности, а, напротив, об относительности и проблемности. Отсюда и невозможность окончательного вывода, и отказ изобразить судьбу протагониста в конце романа.

Следствием этого осмысления авторской свободы можно считать тот факт, что сам Ганс Касторп в описании его детства и юношества не получает слова; не описан ни один эпизод из его жизни, который каким-либо образом свидетельствовал бы о неоднозначности его на-

туры (история с Хиппе, к примеру). Ганс Касторп с его «светловолосой корректностью» [Mann, 1956, III: 50. Пер. мой. – Ю. Л.] оказывается в одном ряду со светловолосыми и голубоглазыми, сильными в своей ницшеански поднятой на пьедестал жизненности бюргерами «Тонио Крегера». Несколько противоречит этой родственности готовность, с которой Касторп принимает позицию наблюдателя, свойственную самому Тонио Крегеру, но без его мучений и творческой сублимации разрыва между ним самим и миром, располагающимся за мерцающим стеклом, символом границы между жизнью и искусством.

В «Волшебной горе» сглажено столь болезненное для раннего Т. Манна противопоставление бюргера и художника⁷. Данное воплощение дихотомии жизни и духа больше не образует идейной канвы повествования, но все-таки присутствует в тексте благодаря повествователю, постоянно подчеркивающему отсутствие художественного инстинкта у Касторпа и его органичность «корректного блондина» [Ibid., 37. Пер. мой. – Ю. Л.] в мире отцов. Пассаж об удавшемся рисунке маленького Касторпа с изображением шхуны, ставшим началом пути кораблестроителя, а не художника, во многом является данью писательскому прошлому Т. Манна: таким образом исключается уже прозвучавшая однажды интерпретация темы бюргерского происхождения.

Изысканная утонченность Томаса Будденброка, свойственное ему «врожденное высокомерие» [Mann, 1956, I: 37. Пер. мой. – Ю. Л.], интеллектуальное честолюбие, заставляющее воспринимать собственную судьбу как свободное творческое служение «абстрактной ценности старинного купеческого герба» [Mann, 1959, I: 276] – все оборачивается плоским стремлением к удобной жизни немецкого Ганса. Ставка на индивидуальность, идеализированная творческая свобода которой не была до конца реализована Томасом Будденброком, но которую в нем уважал повествователь, изначально отсутствует у протагониста «Волшебной горы». Ницшеанский идеал исключи-

⁷ Взаимоотторжение и одновременная взаимозависимость бюргерского начала и художника – одна из констант исследований, посвященных Т. Манну, в особенности до начала 1980-х годов (1979 – год снятия печатей с дневников Т. Манна). Большинство интерпретаций шло по пути противопоставления одного начала другому. Примером исследований, трактующих раннего Манна в подобном ключе, могут служить первая крупная работа по теме бюргерства М. Целлера «Бюргер или буржуа» (*Zeller M. Bürger oder Bourgeois? Stuttgart, 1976*) и ставшая референтной «Томас Манн: эпоха – творчество – влияние» Г. Курцке (*Kurzke H. Epoche – Werk – Wirkung. München, 1985*). Ср. более позднюю трактовку «Будденброков», исходя из противопоставления традиции и индивидуального начала в духе поиска самоидентификации, характерных для современных исследований творчества Т. Манна, в книге Р. Меринга «Томас Манн. Художник и философ» (*Mehring R. Thomas Mann. Künstler und Philosoph. München, 2001. S. 71–83*). Однако в полной мере сложные метаморфозы манновских представлений о бюргерском, в том числе и как сложившихся повествовательных схем, на данный момент не освещены.

тельности, красоты и силы, в том числе преображающей силы артиста, сменяется пародией, релятивирующей не только сам идеал, но и выросшую из него влюбленность в бюргерскую посредственность как норму. Свободой действия обладает лишь повествователь в заранее очерченных им фикциональных рамках романа, он бросает Ганса Касторпа в пекло Первой мировой и оставляет его в гуще большой движущейся массы. Более того, сам герой, освободившийся от обесценившего бюргерского мира отцов, вдохнувший разреженного воздуха Волшебной горы, теряет приобретенную было исключительность, обретенный дар речи: после всех словопрений с ним остается лишь простая песенка с граммофонной пластинки, которую он бормочет, в оцепенении и без мыслей продвигаясь вперед⁸.

От симпатии к бюргерскому в перспективе повествования, от уважения к индивидуальности героя Т. Манн приходит к отстранению от бюргерства и к пародии собственного принципа его изображения. При этом в центре романа снова возникает тип любекского бюргера, которому суждено претерпеть произвол повествователя, стоящего, как и его герой, перед лицом ломающегося времени.

Жест отстранения повествователя от бюргерского мира, уже заранее принадлежащего качественно другой, исчезнувшей эпохе, а также вместе с ним и особый способ временной организации романа (разделение времени повествователя и повествуемой истории, ретроспекция) намечен уже в «Будденброках» в подзаголовке романа, но там он воплощен исключительно на уровне лейтмотивов, предвещающих упадок рода. В «Волшебной горе» мысль о крахе отцовского мира положена в основу хронотопа. Знаковый момент, однако, состоит в том, что как в раннем, так и в более позднем романе повествование обрывается изображением краха повествуемого мира (смерть Ганно и прощание с Гердой, Ганс Касторп на полях Первой мировой). Подготавливаемое событие, наконец, свершилось, достигнута художественная целостность, но вопрос «и что теперь?» из «Крови Вельзунгов» остался без ответа – напряжение, создавшее повествование, разрешается лишь на уровне формы и сохранит свою силу в следующем тексте.

⁸ Последняя сцена «Волшебной горы» трактуется в том числе и как обещание духовного возрождения после приобщения Ганса Касторпа к смерти и страданию. Противоречит подобной интерпретации тот факт, что Ганс Касторп идет на войну все же не добровольно, хотя и не бежит ее. В романе нет осознанного принятия страдания как пути спасения, как в случае с героем «Доктора Фаустуса» Густавом Леверкюном. О возможности прочтения последней главы как преодоление смерти, рождение из нее мечты о любви, в том числе на основе песни о «Липовом дереве» Шуберта, которую поет Касторп, а также близости фигуре Ницше, как ее понимал Т. Манн, см.: *Wißkirchen H. Nietzsche-Imitatio. Zu Thomas Manns politischem Denken in der Weimarer Republik // Thomas Mann Jahrbuch. 1988. 1. S. 46–62; Marx F. Ein wahrer Kreuztod? // "Ich aber sage Ihnen..." Christusfigurationen und Passionsbilder im Werk Thomas Manns. Frankfurt/Main, 2002. S. 122–126.*

Преемственность такого рода типична для Т. Манна; в какой-то мере в этом подчеркнутом разрыве времен, образующем центр боли, и отказе от разрешения этого конфликта заключена возможность поэтического возвращения к уже затронутому сюжету. «Волшебная гора», таким образом, не ставит точку в размышлениях Т. Манна о бюргерском начале, объединяющем протагонистов обоих романов, в том числе и на уровне повествования, но реализует заложенный в этой теме потенциал. Коллизия наследия бюргерского мира разрешается не как однозначное решение и снятие вопроса, а как своеобразное «вечное возвращение», заключающееся в эстетической реализации возможных сценариев-последствий⁹. Вариации на тему бюргерского происхождения персонажей, встречающиеся в большинстве произведений писателя, таким образом, не свидетельство скудности поэтического мира писателя или неудачные попытки разрешения изначальной коллизии, но естественное проявление цельности и органичности творческого усилия¹⁰.

Список литературы

- Mann T.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1959.
Mann Th. Gesammelte Werke in 13 Bd. Berlin, 1956.
Mann Th. Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Frankfurt/Main, 2002ff.
Mann Th. Essays. Bd. 1. Hrsg. von Kurzke H. Frankfurt/Main, 1993.
Buddenbrooks-Handbuch. Hrsg. von Moulden K., von Wilpert G. Stuttgart, 1988.
Trummer B. Thomas Manns Selbstkommentare zum “Zauberberg”. Konstanz, 1992.
Kurzke H. Epoche – Werk – Wirkung. München, 1985.
Kurzke H. Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. München, 2005.
Marx F. “Ich aber sage Ihnen...” Christusfigurationen und Passionsbilder im Werk Thomas Manns. Frankfurt/Main, 2002. S. 122–126.
Mehring R. Thomas Mann. Künstler und Philosoph. München, 2001.
Terence J.R. Thomas Mann. The Uses of Tradition. Oxford, 1976.
Wißkirchen H. Nietzsche-Imitatio. Zu Thomas Manns politischem Denken in der Weimarer Republik // Thomas Mann Jahrbuch. Bd. 1. Frankfurt/Main, 1988. S. 46–62.
Zeller M. Bürger oder Bourgeois? Stuttgart, 1976.

Сведения об авторе: *Лебедева Юлия Николаевна*, аспирант кафедры истории зарубежной литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: julia.leb@gmail.com

⁹ Ср., к примеру, рассказчика в «Докторе Фаустусе», принадлежащего к образованному бюргерству (Bildungsbürgertum), и в «Приключениях авантюриста Феликса Круля», где в основе повествования лежит крах бюргерского семейства, или особое внимание к бюргерским привычкам Гете в «Лотте в Веймаре».

¹⁰ Тесная связь между произведениями Т. Манна – настолько характерная составляющая его темперамента как художника, что дает достаточные основания Г. Курцке говорить о «жизни как произведении искусства», концепции, воплотившейся в последней написанной исследователем биографии писателя: *Kurzke H.* Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. München, 2005.

Лю Инь (КНР)

**ДИОНИСИЙСКОЕ И АПОЛЛОНИЧЕСКОЕ
НАЧАЛА В РОМАНЕ Е.А. НАГРОДСКОЙ
«ГНЕВ ДИОНИСА»**

Статья посвящена исследованию проблемы соотношения дионисийского и аполлонического начал в романе Е.А. Нагордской «Гнев Диониса», для чего сделан обзор произведений подобной тематики в русской литературе конца XIX – начала XX в. и важнейших отзывов о произведении. Новаторство статьи заключается в анализе выявленных тенденций любовной коллизии. Также охарактеризованы различные типы героев с опорой на теорию О. Вейнингера, на которую ориентировалась писательница.

Ключевые слова: дионисийское, аполлоническое, О. Вейninger, античность, эротика, любовный треугольник, герой-резонер, типология героев.

This article is devoted to the study of relationship between Dionysian and Apollonian substances in E.A. Nagrodskaya's novel "Dionysus's Anger". First of all it gives an overview of research works on similar subjects at the end of the XIX – the beginning of the XX century. Important critical reviews of the novel are in the center of our attention. Analysis of love conflicts between the novel's characters provides a new original outlook at the given problem. According to O. Weininger's theory, on which the writer focused, the different types of characters are substantially analyzed in the article.

Key words: Dionysian, Apollonian, O. Weininger, antiquity, erotic, love triangle, a philosophizing hero, the typology of heroes.

Русская писательница Серебряного века Е.А. Нагордская (1866–1930) в своем романе «Гнев Диониса» (1910) в доступной широкому кругу читателей форме интерпретировала популярные в начале XX в. философские учения Ф. Ницше и О. Вейнингера, представив в том числе существенную и актуальную для тех лет проблему дионисийского и аполлонического начал в различных любовных коллизиях и вариантах.

«Вопросы пола», взаимоотношения и переживания эротического характера – неотъемлемая часть историко-культурного процесса России рубежа веков. Так, например, Вяч. Иванов, опираясь на трактовку Ницше «дионисийского начала», исследовал образ Диониса в древнегреческой культуре («Эллинская религия страдающего бога»). Изучение им культа Диониса стимулировало и углубляло изначальное

увлечение символистов античностью, неслучайно А. Блок называл Вяч. Иванова «пророком Диониса»¹. Вопреки общепринятой оппозиции телесного и духовного, Иванов концентрирует внимание на вопросе гармонии дионисийского и аполлонического начал; мотивы дионисийского начала и Эроса занимали важное место в его творчестве 1903–1910 гг. В сборнике Иванова «Прозрачность» Аполлон предстает как дневное солнце, а Дионис – солнце ночное. В книге «Эрос» писатель затрагивает историю зарождения культа Диониса и связанные с ним вопросы эротизма и гомосексуализма. Подобные мотивы видны и в других работах Вяч. Иванова – «Ницше и Дионис», «Символика эстетических начал» и др.

З.Н. Гиппиус в книгах «Новые люди» и «Зеркала» утверждала «истинность интуитивного начала жизни, красоты во всех ее, даже в самых противоречивых проявлениях»². Герои ее произведений вечно испытывают страдания от мысли, что их дух и тело необходимо сверхчувственным образом соединить в другом пространстве. В период эмиграции в романе «Мемуары Мартынова» и повести «Перламутровая трость» З.Н. Гиппиус выразила свои представления о сущности человека, любви и т. п. Она обращала большое внимание на теорию «бисексуальности» и утверждала, что «каждый человек уже носит в себе, в своей личности таинственный узел, соединяющий два начала – мужское и женское»³.

М.А. Кузмин также рассматривал проблему соотношения противоположных полов как философскую и ориентировался при этом преимущественно на «Диалоги» Платона. В повести «Крылья» он затронул вопрос взаимодействия людей различных типов в плане их эротических склонностей и пристрастий. Эротика и гомоэротика, гомосексуализм предстают в повести как существенный аспект литературы и изобразительного искусства. «Картонный домик» Кузмина считается продолжением повести «Крылья»; по мнению одного из исследователей, в нем «чуть не документальная достоверность делала особенно ощутимым свойство страсти моментально вспыхивать и тут же бесследно угасать»⁴. «Острота диалогов, пластичность описаний, резкие сюжетные переломы, афористичные реплики героев создавали дополнительное обаяние этой ветви его прозы, которая продолжалась и позже – в “Высоком искусстве”, “Нежном Иосифе”,

¹ Глухова Е.В. Вяч. И. Иванов // История русской литературы конца XIX – начала XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.А. Келдыша: В 2 т. Т. 2. М., 2009. С. 200.

² Соколов А.Г. История русской литературы конца XIX – начала XX века. М., 1999. С. 249.

³ Гиппиус З.Н. О любви // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 229.

⁴ Богомолов Н.А. Михаил Кузмин // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / Отв. ред. В.А. Келдыш. Кн. 2. М., 2001. С. 400.

“Покойнице в доме”, “Плавающих путешественных” и пр.»⁵. Надо при этом заметить, что стилистика Кузмина оказала существенное влияние на Наградскую, которая также была склонна прибегать к авантюристической фабуле, использовать неожиданные сюжетные ходы, насыщенно диалогическую форму для выявления характеров персонажей.

Беллетристика М. Арцыбашева и А. Вербицкой, как и творчество Наградской, тоже связана с пропагандой идеи самоосуществления «нового человека», проявляющейся в том числе и в его различной сексуальной ориентации. В романе Арцыбашева «Санин» главный герой руководствуется только своим инстинктом. Создавая образ Санина, писатель выразил точку зрения на такое социокультурное явление начала XX в., как «естественный человек». В других произведениях Арцыбашева, например «Счастье», «Роман маленькой женщины», очевидна неонатуралистическая тенденция, проявляется склонность к нарушению старых идейных догм и традиционных форм повествования. Произведения Вербицкой можно рассматривать как «женский вариант» прославления «нового человека». Ее героини стремятся освободиться «от “старых” норм в любви»⁶, что особенно заметно в наиболее знаменитом романе «Ключи счастья», где автор обращается к проблеме взгляда «новой женщины» на жизнь и счастье, любовь и семью. Ее новаторство в этой области явилось, по мнению современного исследователя, «грозным знаком грядущего изменения самих норм морали, вкуса, представлений словесности»⁷.

Приступая к анализу соответствующей проблематики в творчестве Е.А. Наградской, следует в первую очередь указать на идейно-художественное новаторство данного произведения. Взаимоотношения противоположных полов, осознание человеческого долга, проявления творческого потенциала женщины здесь рассматривались в ином непривычном ракурсе. Стоит упомянуть и о его художественных достоинствах: он отличается «естественностью, непредсказуемой запутанностью и неупорядоченной сложностью»⁸ сюжетных перипетий, что и помогает раскрытию затронутых проблем. Умение писательницы «завязывать сюжетные узлы и также удачно их распутывать, проводя своих героев через жизненные

⁵ Там же.

⁶ Грачева А.М. Русская беллетристика 1900–1910-х гг.: идеи и жанровые формы // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века / Под ред. В.А. Келдыша, В.В. Полонского. М., 2009. С. 557.

⁷ Дьякова Е.А. Беллетристы 1900–1910-х гг.: Михаил Арцыбашев, Анатолий Каменский, Анастасия Вербицкая и др. // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / Отв. ред. В.А. Келдыш. Кн. 1. М., 2001. С. 671.

⁸ Михайлова М.В. О счастливой женщине // Наградская Е. Гнев Диониса. М., 1994. С. 282.

лабиринты»⁹, приковывает внимание читателя к болевым точкам неоднозначно решаемых проблем и одновременно демонстрирует позитивную программу автора, предлагающего выход из создавшихся острейших ситуаций. Воспринимая творчество Е.А. Нагродской как своеобразное жизненное пособие, автор статьи «Счастливая женщина» М.В. Михайлова подчеркивает, что, в отличие от австрийского ученого Вейнингера, рассуждавшего о «женственных мужчинах» и «мужественных женщинах» и утверждавшего превосходство мужской индивидуальности перед женской аморфностью, Е.А. Нагродская признает наличие таланта в женщине наравне с мужчиной. Это убеждение Е.А. Нагродской действительно отличало ее саму и ее героинь от общепринятых норм патриархального мышления. Она, по сути, опровергает мнение А. Коллонтай¹⁰, которая полагала, что писательнице не удалось создать образ истинно новой женщины, наделенной творческим даром, а также талантом жить и любить. Но героиня «Гнева Диониса» Тата как раз и обладает всеми этими талантами и совершает нелегкий выбор в пользу таланта любви и самоотверженности.

Взаимосвязь дионисийского и аполлонического начал в сфере любовных взаимоотношений литературных персонажей нашла воплощение в статье Т. Осипович «Поиски “третьего” пола в литературном дискурсе Серебряного века». Как она отметила, «вопросы поиска новой сексуальности»¹¹ нашли достойное воплощение в романе, писательница глубоко и убедительно исследовала личности героев в качестве «новых людей», уважая и поддерживая свободу их выбора в любви и жизни.

Действительно, в романе «Гнев Диониса» любовная история главных героев выстроена не по шаблонной схеме традиционного «треугольника», но развивается по мере открытия сущности человеческой природы. Отношения между героями подтверждают суть ницшеанской трактовки дионисийского начала как «первобытного хаоса и ужаса, вакхического восторга, трепета опьянения и экстаза» и аполлонического – как «чувства меры, самоограничения, свободы от диких порывов», как «мудрого покоя бога – творца образов»¹².

Для понимания естественного, извечного присутствия дионисийского и аполлонического начал в любви рассмотрим два различных

⁹ Там же. С. 284.

¹⁰ См.: Коллонтай А. Новая женщина // Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай / Сост. и общ. ред. В.И. Успенская. Тверь, 2003. С. 154–191 (впервые напеч.: Современный мир. 1913. № 9).

¹¹ Осипович Т. Поиски «третьего» пола в литературном дискурсе Серебряного века // Эрос и логос: феномен сексуальности в современной культуре. М., 2003. С. 234.

¹² Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 54.

типа отношений между главными героями романа, трактовку которых предлагает нам автор. Любовь Тани к Старку вполне соответствует «дионисизму». Она испытывает к нему страсть и не в состоянии контролировать свои чувства: *«Спокойствие – нет, не спокойствие: во мне все сразу загорелось и задрожало, едва я услышала его голос, но какая-то сила является во мне»*¹³. Эмоции героини относительно Старка выявляют дионисийскую природу скрываемых в глубине сердца безудержных чувств. Однако источник безумной страсти Тани к Старку заключается не только в инстинкте любви, эротическом влечении, но и в присущем ей как художнице тонком эстетическом чутье: *«Художница берет верх над любовницей. Я уже ищу, чем и на чем зарисовать эту позу, это лицо, – признается Таня. – Женственность движений, это грациозное кокетство, эта небрежная томная лень и рядом с этим – детская живость и веселость. Как художница, я в восторге от его тела»*¹⁴. Таня любит Старком как чудным произведением искусства; в нем она нашла не только модель для своей картины «Гнев Диониса», но и воплощение идеальной красоты. В чувстве Тани к Старку раскрывается двуединая – эротическая и эстетическая природа «дионисийского иступления», восторга любовной страсти.

Если любовь художницы Тани к Старку обусловлена дионисийским началом, то любовь и симпатия Старка к Тане – проявление одновременно и дионисийского, и аполлонического начал. *«Моя страсть сильна, но моя любовь еще сильнее. Любовь моя нежная, преданная, верная»*¹⁵, – говорит он. Безусловно, Старк какое-то время тоже страдал от своей страсти к героине, но постепенно аполлоническое начало взяло в нем верх над началом дионисийским, и в итоге его поступки определила глубокая привязанность к Тане, которая и знаменует собой подлинную любовь. Бесконечная забота Старка о Тане обусловлена аполлоническим началом в любви. Ради любви он согласился позировать Тане, пожертвовать собой ради ее творчества, но искреннее чувство к героине не позволяет ему оставаться только натурщиком. Он ждет от Тани настоящей любви: *«Тата, я не хочу, чтобы ты целовала меня только потому, что я похож на какого-то натурщика Боттичелли...»*¹⁶ Несмотря на то что он прекрасно понимает, что чувство Тани к нему относится лишь к категории физической любви и эстетического наслаждения, он все-таки стремится к душевной близости с ней. Другими словами, мечта Старка – ницшеанский идеал «прекрасного равновесия» – синтез аполлонического и дионисийского начал.

¹³ Нагродская Е.А. Гнев Диониса: романы, рассказы. СПб., 1994. С. 65.

¹⁴ Там же. С. 98.

¹⁵ Там же. С. 79.

¹⁶ Там же. С. 109.

В романе есть еще один герой – Илья. Если Таню со Старком связывает дионисийское начало, то есть полное основание полагать, что Таню и Илью объединяет начало аполлоническое.

Мы видим, как безудержно отдается Таня нахлынувшему на нее чувству – страсти к Старку. Но свою настоящую любовь и искреннее чувство она полностью отдает Илье: *«Я теперь вижу, что не могу расстаться с Ильей, что жизнь моя без него невысказима. Можно прожить без цветов и фейерверка, но без пищи и тепла не проживешь...»*¹⁷. Нагородская удачно пользуется метафорой, подчеркивая самое существенное в отношениях между возлюбленными: «цветы», «фейерверк» – явления преходящие. Здесь они воспринимаются героиней как чувственное влечение к Старку, как краткий миг любования и наслаждения. А «пища» и «тепло» – жизненно необходимые потребности человека. Соответственно, только истинно гуманные, гармоничные отношения с Ильей дают Тане возможность чувствовать себя по-настоящему счастливым человеком и испытывать беспредельную любовь к жизни. Казалось бы, по замыслу Нагородской, в героине читатель должен был увидеть пример «новой», «эмансипированной» женщины, соответствующей представлению Ницше о том, что человек не должен угнетать, обуздывать в себе дионисийское начало. Таня наделена характером свободной женщины, феминистки, отказавшейся от стереотипного поведения, ортодоксальных идей и догм, но вместе с тем она – человек, несомненно, нравственный. Например, при всех «дионисийских» порывах страсти к Старку она упрекает себя в неверности Илье, в ней говорит совесть, которая и заставляет ее задуматься над своим поведением. После смерти Ильи Таня будет жить вместе со Старком, возьмет на себя ответственность за их общего сына. Дионисийское начало ее любви трансформируется в чувство долга, заботу о любимых. *«Я люблю теперь тебя, как отца моего ребенка...»*¹⁸, – говорит Таня Старку. В развязке романа она предстает перед читателем женщиной не столько абсолютно свободной в своих «дионисийских» порывах, сколько истинно нравственной и благородной.

Аполлоническое начало превалирует и в любви Ильи к Тане. Его бескорыстная любовь проявляется в великодушии и понимании. Илья становится для Тани верной опорой и в искусстве, и в жизни. В отличие от Старка, часто ревновавшего Таню к творчеству, Илья не требует от нее постоянного присутствия. Не являясь знатоком искусства, он не может давать ей полезные советы, но он духовно поддерживает Таню, считая, что она должна заниматься любимым делом. Эту любовь можно назвать любовью-уважением, причем Таня поначалу не может понять и оценить благородства Ильи. *«Я не*

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ Там же. С. 197.

нужна, не нужна ему, он не зовет меня разделить с ним горе, пережить тяжелое время вместе»¹⁹, – огорчается она. На самом деле Илья оберегает Таню от жизненных неурядиц и суеты. Он сам тянет жизненную лямку и предоставляет Тане возможность сосредоточенно заниматься искусством. В романе есть еще очень важный момент. Когда Илья узнал о тайных отношениях Тани и Старка, о ее беременности, то вместо истерической реакции, скандала он мирно реагирует на все: «– *Что же делать, – после минутного молчания говорит он, – в своих чувствах мы не властны, детка. Такая уж видно судьба – он встает и делает несколько шагов по комнате*»²⁰. Илья скрывает свое душевное страдание, не желая причинить боль любимой. Ради Тани он спокойно принял все, из-за этой любви он решил выстоять во всех жизненных испытаниях и вытерпеть все несправедливости, выпавшие на его долю. Перед глазами читателя предстает прекрасный образ уравновешенного, разумного, доброго человека. Он является реализацией философской идеи Ницше – идеи аполлонического начала бытия.

Для того чтобы осмыслить взаимосвязь аполлонического и дионисийского как основу существа и существования человека, конкретную причину любви героини к двум мужчинам совершенно разного типа, Нагородская включила в роман еще один образ, резонерство которого «отражает» теоретические воззрения автора. Писательница прибегла к использованию «архаического художественного приема – введению в сюжет фигуры резонера»²¹. Таким становится меценат Лачинов. Он необходим, чтобы «прояснить» героине причину ее терзаний. Тата долго была не в состоянии разобраться в своей любви к двум мужчинам и обдумать свои дальнейшие действия. Как Рахметов помогает Вере Павловне выйти из затруднительного положения, так резонер Лачинов помог ей понять самую себя, изначальную неоднозначность ее женской природы: «*Нет, Татьяна Александровна, – вы мужчина. Что ж в том, что вы имеете тело женщины*». И добавляет: «*Старк был именно тем между мужчинами, чем вы между женщинами. Сильный, смелый, он имел женскую натуру – даже больше, чем вы*»²². По мнению Лачинова, Таня – женщина с мужской страстью и натурой, а Старк – мужчина с женской природой. Поэтому натура и судьба свели их друг с другом. Этот важный психолого-философский аспект установок Вейнингера получает отражение в романе, причем привлекаемое для разъяснений «резонерство» не только дает истолкование любовным перипетиям героини, но и проясняет сложность, противоречивость природы человека – женщины и мужчины.

¹⁹ Там же. С. 135.

²⁰ Там же. С. 143.

²¹ Грачева А.М. Указ. соч. С. 564.

²² Нагородская Е.А. Указ. соч. С. 200.

Как видим, образы Тани и Старка во многом иллюстрируют идеи австрийского философа О. Вейнингера, который в своем знаменитом труде «Пол и характер» заметил, что «существуют бесчисленные переходные ступени между мужчиной и женщиной, так называемые “промежуточные формы пола”...»²³. С этой точки зрения Таня и Старк относятся к одному типу – «промежуточному» или «среднему» полу. И, по справедливому мнению современного исследователя, в романе представлен не только тип «новой женщины», но и «нового мужчины» – Старка, мужчины с женской натурой: «По логике романа, подобная метаморфоза предвещает будущую гомоэротическую ориентацию героя, так как, согласно Нагродской, гомосексуалист – это “мужчина” лишь в своей телесной сущности, но “женщина” в своем душевном настрое и в мыслях»²⁴. Именно «женственная» природа Старка обуславливает его влечение к «мужественной» Тане. «“Мужественные” мужчины, например, тянутся к “женственным” женщинам; гомосексуалисты со значительной долей “женственности” найдут хорошего партнера не только в “мужественном” мужчине, но и в “мужественной” женщине, которая, вероятнее всего, окажется лесбиянкой или “новой” эмансипированной женщиной»²⁵, – полагает Т. Осипович. Очевидно, что, в отличие от персонажей «промежуточного пола», Илья показан Нагродской как «ортодоксальный» мужчина, инстинктивно придерживающийся традиционного представления о поле, т. е. процесс подмены пола в нем не происходит, и лучшие мужские качества реализуются именно в нем.

Если типичное, нормальное сознание человека воспринимает «новую женщину» и мужчину-гомосексуалиста как «противоестественное, порочное, опасное для общества искажение природы, бросающее вызов институту брака и семьи, переступающее порог дозволенного в сексуальных отношениях и пропагандирующее бездетный образ жизни»²⁶, то Нагродская считает все эти суждения предрассудком. Она стремилась помочь человеку не бояться самого себя, своей потаенной сущности, своих самых «неправильных» интимных переживаний и устремлений, безусловно признавая их право на существование.

Таким образом, роман «Гнев Диониса» не только эпатировал сознание читателей, художественно преломив нравственные и философские идеи Ницше, но объективно соответствовал сверхзадаче классического искусства, сформулированной Львом Толстым:

²³ Вейнингер О. Пол и характер. М., 1992. С. 17.

²⁴ Осипович Т. Указ. соч. С. 234.

²⁵ Там же. С. 227.

²⁶ Там же. С. 226.

«Главная цель искусства, если есть искусство и есть у него цель, та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека...»²⁷

Список литературы

- Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин // Русская литература рубежа веков (1890-е – начала 1920-х годов) / Отв. ред. В.А. Келдыш. Кн. 2. М., 2001.
- Вейнингер О.* Пол и характер. М., 2012.
- Гиттиус З.Н.* О любви // Русский эрос, или Философия любви в России. М., 1991.
- Глухова Е.В.* Вяч. И. Иванов // История русской литературы конца XIX – начала XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.А. Келдыша: В 2 т. Т. 2. М., 2009.
- Грачева А. М.* Русская беллетристика 1900–1910-х гг.: идеи и жанровые формы // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века / Под ред. В.А. Келдыша, В.В. Полонского. М., 2009.
- Дьякова Е.А.* Беллетристы 1900–1910-х гг.: Михаил Арцыбашев, Анатолий Каменский, Анастасия Вербицкая и др. // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) / Отв. ред. В.А. Келдыш. Кн. 1. М., 2001.
- Коллонтай А.* Новая женщина // Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай / Сост. и общ. ред. В.И. Успенская. Тверь, 2003.
- Михайлова М.* О счастливой женщине // Наградская Е. Гнев Диониса. М., 1994.
- Наградская Е.А.* Гнев Диониса: романы, рассказы. СПб., 1994.
- Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
- Осипович Т.* Поиски «третьего» пола в литературном дискурсе Серебряного века // Эрос и логос: феномен сексуальности в современной культуре. М., 2003.
- Соколов А.Г.* История русской литературы конца XIX – начала XX века. М., 1999.
- Толстой Л.Н.* Что такое искусство? М., 2012.

Сведения об авторе: *Лю Инь*, аспирант кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: liuyin610@mail.ru

²⁷ Толстой Л.Н. Что такое искусство? М., 2012. С. 7.

Е.О. Козюра

ВВЕДЕНСКИЙ И СЕМЕН БОБРОВ¹

Рассматриваются текстуальные переключки стихотворения А.И. Введенского «Суд ушел» с поэмой С.С. Боброва «Херсонида», сравниваются натурфилософские концепции двух поэтов.

Ключевые слова: А.И. Введенский, С.С. Бобров, натурфилософия, интертекстуальность.

The article deals with the textual relations of A.Vvedensky's poem "The Tribunal left" and S. Bobrov's descriptive poem "Khersonida". The analysis focuses on the comparison of natural-philosophical concepts of the two writers.

Key words: Alexander Vvedensky, Semyon Bobrov, natural philosophy, intertextuality.

На первый взгляд, имена двух поэтов могут быть соединены лишь в рамках типологического сопоставления², основанием которого стали бы, к примеру, общие черты их поэтических идиолектов: С.С. Бобров, в поэзии которого сопрягаются «несоединимые культурные концепции», «не только различные смысловые системы, но и элементы несоединимых стилистических пластов» [Лотман, 1971: 49, 50] вполне годится на роль исторического предшественника А.И. Введенского, основанием своей поэтики сделавшего «семантическую несочетаемость соединяемых элементов» [Мейлах, 1974: 272]. Философские основания их поэтических миров также обнаруживают явственное сходство: три темы, интересовавшие Введенского, *время, смерть, Бог*, столь же значимы и в «ночной» поэзии Боброва. Однако в их поэтических текстах отыскиваются крайне любопытные текстуальные пересечения, которые позволяют поставить вопрос о возможности непосредственного знакомства поэта-обэриута с творчеством *русского Томсона*³.

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФНФ, проект № 12-04-00041 «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII – начало XX вв.)».

² Ср. примеры сопоставления творчества обэриутов с хронологически более или менее далекими от них литературными феноменами: [Serpan, 1981; Кобринский, 1994; Кацис, Одесский, 2002; Венцлова, 2012].

³ Стоит отметить, что поэзия Боброва, которая с начала XX в. стала выходить из почти полного забвения, в конце 1920-х годов была предметом исследовательского внимания Л.В. Пумпянского, дружившего (до поры до времени) с коллегой Введенского по ОБЭРИУ К.К. Вагиновым, а также входила в научные планы Ю.Н. Тыня-

В стихотворении Введенского «Суд ушел» (1930) возникает следующий образ: «а за домом был пустырь / вот тут-то в бочке и солился богатырь / но ему надоело сидеть в бочке / **из червяков плести веночки**/ и думать что они цветочки»⁴. Практически дословная параллель выделенной фразе имеется в восьмой песни ключевого произведения Боброва, поэмы «Херсонида» (1798, 1804): «Здесь видишь челюсть *Сибарита*, / Там топчешь ребра великанов / И черепа полу-богов. – / Ах! – где корона с митрой были, / **Там из червей венец плетется**» (280)⁵. Соответствие *цветочкам* обнаруживается во фрагменте, непосредственно предшествующем цитированному и представляющем собой насыщенное флористической образностью описание судьбы *некоей Астарты*: «Тогда – любезна дочь весны / На тонком стебельке прямом / Головку нежну поднимала, / И всех пленяла, и манила <...> Но лишь могуща кисть природы / Толико прелестей в цветочке, / Толико света перемен / Преобратила в темную смесь» (280). Отмеченный нами образ, вероятно, проникший в «Херсониду» из барочной словесности⁶, для русской стихотворной традиции, похоже, является раритетным: в текстах других русских поэтов XVIII – начала XX в. обнаружить его нам не удалось⁷, а у самого Боброва он выделяется на фоне более частого уподобления червей волосам: «И червовласья завывли бледны тени» («Размышления о создании мира», III, 8); «Там зрю узлы червей, где кудри завивались» («Полночь», III, 12)⁸.

Еще одна параллель отыскивается ближе к концу стихотворения Введенского: «как сказал убийца / как вы отгадали / и фанагорийцы / мигом зарыдали / дальше я как полагалось / лёг на печку и ревел / всё живущее шаталось / револьвер в меня смотрел» (125). Здесь воспроизведен фрагмент четвертой песни «Херсониды»: «Он им пред-

нова (Бобров упомянут в числе фигурантов задуманной им книги «Отверженные. Хрестоматия и исследования» [Тынянов, 1977: 431]), одного из предполагаемых участников неосуществившегося совместного сборника обэриутов и формалистов «Ванна Архимеда» [Блюмбаум, Морев, 1991].

⁴ *Введенский А.И.* Полн. собр. произв.: В 2 т. М., 1993. Т. I. С. 124. Далее текст этого стихотворения цитируется по этому изданию, с указанием страницы в тексте, прочие же произведения – с указанием тома и страницы.

⁵ Все цитаты из произведений Боброва приводятся по изданию: *Бобров С.* Рассвет полночи. Ч. I–IV. СПб., 1804. «Херсонида» (Ч. IV) цитируется с указанием страницы в тексте, прочие – с указанием тома и страницы.

⁶ Ср., к примеру, в «Пентатеугуме» (1690-е) Андрея Белобочко: «Щепочка – на шыи ужи, змей под горлом ожерелье» (Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII веков. Л., 1970. С. 233).

⁷ В чем-то схожий образ есть в «Кассандре» (1822–1823) В.К. Кюхельбекера (ценившего поэзию Боброва): «Покрытый одеждою червей и змей, / Из гроба восстал нечестивый Атрей!» (*Кюхельбекер В.К.* Избр. произв.: В 2 т. Л., 1967. Т. I. С. 343).

⁸ Любопытно, что подобная метафора обнаруживается у Д.И. Хармса: рефрен *волос кружились / кружатся червяки* трижды повторяется в его стихотворении «Жизнь человека на ветру» (1927).

ставил живо в песни, / Как там – на *острове Туманов* / Пылал огнем надутый холм, / Отколе стопленные камни / Высоко с дымом возматаясь, / Фанагорийцов устрашили» (136): в пародийной транскрипции Введенского вулкан становится печкой, а его жерло, извергающее «огонь, как слитых молний сноп», превращается в дуло *револьвера*. Примечание Боброва, что *остров Туманов* это *Тьму таракань*, в свою очередь, отзовется в строчках Введенского «обстановка этой ткани / создалась в Тьму-Таракани» (124).

В стихотворении Введенского откликнулись картины природного метаморфизма⁹, постоянно сопрягающиеся у Боброва с образами природных катастроф:

«Для Боброва это те моменты в жизни природы, когда ее скрытые творческие силы пробуждаются и выходят наружу, природа оживает – и тогда метаморфоза совершается на глазах» [Зайонц, 2007: 97].

Непрерывная трансформация природной материи одновременно означает у Боброва и ее непрерывный распад, стихия которого царит в художественной реальности Введенского: *сгнивший механизм* мира в «Херсониде» вполне созвучен разлагающемуся *труп*у мира в драматической поэме «Кругом возможно Бог» (1931).

Особым вариантом природной метаморфозы в «Херсониде» предстает человеческое бытие.

«Человеческая природа двойственна: она принадлежит двум мирам – бренному и вечному, союз которых распадается в момент смерти. Смерть открывает человеку путь к вечности. Бессмертие же означает для Боброва «вечную жизнь» обеих субстанций: и материальной, и духовной»¹⁰ [Зайонц, 2004: 84].

Две ипостаси человеческой природы воплощаются у Боброва в персонажах вставной аллегорической повести, возвращающихся из паломничеств старце и юноше, а также обозначаются формулами *сын неба* и *сын плоти*.

Указанием на принадлежность человека к двум мирам открывается и стихотворение Введенского: «шёл по небу человек / быстро шёл шатался / был как статуя одет / шёл и вдруг остался» (123). Тематизированная в этих строках невозможность окончательного перемещения на *небо* станет главным предметом обсуждения в тексте стихотворения: вслед за *небом* в нем возникает его антитеза,

⁹ О соответствующих мотивах у обэриутов (восходящих к футуристической традиции) см.: [Кобринский, 2000: 116–122].

¹⁰ Любопытные аналогии такой картине мира обнаруживаются в творчестве «антипода» Введенского Н.А. Заболоцкого, у которого «существуют два типа бессмертия. Один можно назвать метаморфическим – он проявляется в *природе*, в нескончаемых жизненных процессах и взаимопревращениях ее многочисленных форм. Второй тип бессмертия является неметаморфическим (или сверхметаморфическим), и Заболоцкий называет его *вечностью*» [Ужаревич, 2004: 304].

автономно существующая природная реальность («ночь бежала ручейком / говорили птички / что погода ни о ком»), в которой *год спустя* появляется *дитя* (аналог *сына плоти*), чей путь начинается вызывающим *тоску* осознанием своей двойственной природы (*черен я и величав*).

Для разрешения этого антропологического парадокса в тексте осуществляется своеобразный анализ его компонентов, которые Введенский извлекает, в первую очередь, из различных литературных претекстов. Так, фраза ребенка *будто Бог моя одежда*, получающая вполне бессмысленное, на первый взгляд, продолжение «в балалайку побренчав / мы кричим умри надежда / николаевна мартынова» (123), травестирует упомянутый в поэме Боброва образ Веры в *ризе бого-тканной*¹¹, единственной *спутницы* человека «в ту дверь безвестной бездны, / Котору сильна смерть отворит» (183). Превращение *веры* в очеловеченную и отвергаемую *надежду* фиксирует главную причину принадлежности человека физическому миру – сексуальность, заключающую его в круговорот природной материи, что подчеркивается продолжением монолога тоскующего *ребенка*: «а твой муж иван степан / в темноте ночей тюльпан» (123). (Совмещение у супруги *ивана степана* отчества жены Пушкина и фамилии убийцы Лермонтова также связывает воедино сексуальность и смертность как два основополагающих закона физического мира.)

В дальнейшем двойственность человеческой природы становится у Введенского предметом судебного разбирательства, причем сам этот сюжет, занимавший писателя на всем протяжении его творческого пути, в рассматриваемом стихотворении не в последнюю очередь восходит, опять-таки, к «Херсониде». Примечателен сам возглас, знаменующий шествие суда: «но чу! слышно музыка гремит» (123). Он отсылает к началу шестой песни поэмы Боброва, где фраза «Чу! – там гремит! – гремит протяжно!» (202) возвещает приближающуюся грозу (увертюрой которой служит *органний некий тихий звук*), в дальнейшем представляющую явлением *Судии небес*, *пред лицом* которого человек ощущает свою немощность и беспомощность. Репликой этого эпизода у Введенского становится появление *зеркала*, в котором герой видит *окружной сосуд*: термин *окружной суд* в этой формуле совмещен с образом *сосуда скудельного*, брэнного человеческого тела. Брэнность выступает в стихотворении в роли общего семантического множителя двух конструирующих феноменов, научного исследования и биологической репродукции: «лампа бедствие стремится / человек находит части / он качается от

¹¹ В первоначальном варианте поэмы речь шла даже об «одежде бого-тканной» [Бобров, 1798: 154], но поскольку в этой редакции не упомянута *Тьму таракань*, мы склонны предполагать знакомство Введенского именно с окончательной версией текста.

счастья» (123) – ср.: «всё равно жива наука / я хрипя проговорю / и себе на смену внука / в виде лампы сотворю» (I, 99). Рациональное познание законов природы должно освободить человека от их власти, подобно тому, как продолжение рода должно помочь ему преодолеть свою ограниченность во времени.

Мнимый характер такой концепции бессмертия выявляет и ее проекция на другую интертекстуальную плоскость. Восклицание *чу*¹² сигнализирует также о присутствии в стихотворении «следов» поэтики В.А. Жуковского [Фаустов, 2007]: далее в тексте возникает восходящий к его балладной реальности образ ночного *гостя на коне*: «кругом был дикий мрак / быстро ехал на минуте / как уж сказано дурак / у него был хвост волос» (123). Последняя фраза, по-видимому, совмещает метонимические обозначения коня и увозимой мертвым женихом невесты, а весь фрагмент в целом фиксирует тщетность попыток преодоления человеческой брэнности: мертвый всадник пытается вести себя как живой (приезжает за невестой), но не в силах отменить ход времени (поскольку *едет на минуте*).

Последующее преображение всадника в *убийцу* осуществляется новой сменой интертекста: вслед за «балладой Жуковского» возникает пародийный экстракт «Евгения Онегина», в котором пушкинский скучающий герой делается неотличимым от своего *кума*, медведя из сна Татьяны: «был одет в роскошну шкуру/ был подобен он амуру/ вот как он рыдал/ сон стоял по праву руку/ и держал под мышку скуку/ эту новую науку/ вот как он страдал» (124). Но титулование героя *убийцей* находит также соответствие в одном из важнейших эпизодов «Херсониды», опять-таки, трактующем о двух ипостасях человеческой природы. Это входящая в пятую песнь поэмы вставная история о пустынноике, в отчаянии жаждущем *быть ничем* и решившем прыгнуть в пропасть. В поэме он назван *души убийца*, что пародийно откликнется в строках Введенского: «он стоял открывши душу / он гремел обнявши тушу» (124). Самоубийцу в «Херсониде» останавливает *светозарный Ангел*: «Конечно; – должно все истлеть <...> Истлеть в гниющей персти тела, / Где дом тебе – земля сырая <...> Где брат твой – неусыпный червь <...> Но ты, – ты мыслящий теперь, / Духовный человек, – сын неба <...> Кому бессмертна мать – вечность, / Кому и брат и друг – есть Ангел» (175). В человеческой природе соединяются полюса цепи тварного мира, «которая ведет от червя / До пламеннаго Серафима» (211). Так и у Введенского *один судья* (сравниваемый с *проворной бадьей*, переиначивающей возникающий у Боброва образ *чаши спущенных от небес весов*) говорит убийце: «ты престол и кровопийца» (124), подчеркивая сосуществование в нем высшего ангельского чина и подчеркнуто

¹² Об этом элементе русского поэтического языка см. специальное исследование: [Seemann, 1995].

плотского начала [Ронен, 2000: 198–199]. Эту «смысловую кривую» продолжает и резюме «первого слушания»: «обстановка этой ткани / создалась в Тьму-Таракани», в котором отзовется один из самых примечательных в «Херсониде» примеров природных метаморфоз (происходящих именно в Тмутаракани), неоднократно упоминаемый шелковичный *червь*: символизирующий как путь плоти, так и путь духа, он, «испуская нежный шелк, / Между трудами умирает», а затем, «шелковый расторгши гроб, / На юных крыльях воскресает; / Там, – там уже я зрю его / Секуща тонку жидкость света / Над гробом тканью обвитом!» (105).

Суд словно пытается объяснить *убийце* истинную природу его бессмертия, а тот приводит «контраргументы», не выходящие за рамки круговорота материи. Одно из таких возражений разворачивается в культурно-историческом аспекте: «в квартире пошлого скворцова / стоял диван по имени сундук / в окно виднелся день дворцовый / а дальше замок виадук» (124). *Сундук*, обладающий у Введенского не раз отмечавшейся исследователями эротической семантикой¹³, рифмуясь с *виадуком*, каламбурно предвосхищающим эксплицированную в дальнейшем «римскую» тему (которая есть и в «Херсониде»), порождает новую тематическую констелляцию. Альтернативой биологическому продолжению рода становится культура, возрождающая прошлое в настоящем; это видно, например, в пародии на оду XVIII в.: уже упоминавшийся *богатырь в бочке*¹⁴ «вдруг затосковал о точке / он вдруг закуковал о Риме / и поглядите стал он зримей / и очутился и возник / он был мечом он стал родник» (124).

Ответный аргумент суда, на примере *римлянина спартака* вновь напоминающий об истории отчаявшегося *пустынника*, утверждает невозможность культурной «сублимации» трагизма индивидуального существования: «но в теченьи дней иных / на морской смотря залив / видя ласточек стальных / стал бы сей спартак соплив / стал бы он соплив от горя / прыгать в бездну прыгать в море» (124–125). Поэтому вердикт остается прежним: «ведь вы не невменяемый / ведь вы я вижу серафим» (125). Однако вслед за этим сразу же возникает картина катастрофы, вызывающая рыдания *фанагорийцев* и *рев* протагониста. Преображающее испытание огнем человеку оказывается не по силам, и мир вновь заключается в метаморфический круговорот: «ну-с пишит иван степан / мы закончим этот день / я опять в ночи тюльпан / я давно себя нашёл / суд ушёл» (125).

Тяжба земли и неба оканчивается ничем, и такой итог выявляет главное расхождение Введенского с натурфилософией Боброва. В «Херсониде» земля и небо связаны отношениями зеркальности,

¹³ Ср.: «поэтому любитесь на сундуках, / и человек и женщина в штанах» (I, 141).

¹⁴ Кстати, не анаграмма ли это фамилии *Бобров*?

поэтому «конец одной жизни становится началом (или продолжением) другой» [Зайонц, 1992: 93]. У Введенского изоморфизм двух миров, напротив, делает человека вечным пленником материи, с чем связан постоянный у него мотив «неокончательной» смерти, после которой человек всё равно продолжает подчиняться законам физической реальности: *тот* свет оказывается практически не отличимым от *этого*. Так происходит, к примеру, в стихотворении «человек веселый Франц...» (1929 или 1930), герой которого хотя «и умер и погиб / как двустволка и полип» (I, 97)¹⁵ и лежит «в полной тишине / на небесной высоте», мертвым не является, а словно получает новую «реинкарнацию»: «смерть сказала ты цветок / и сбежала на восток» (I, 99). Масштабная картина подобного загробного существования представлена в поэме «Кругом возможно Бог».

В «Херсониде» тайны бытия человеку открывает *золотой натуре свиток*: «Пусть всяк читает буквы там! / Друзья! – вот самая та книга, / Где буквы не черты, но вещи <...> Закрой все книги, все писанья! / Читай природу! узришь Бога!» (240)¹⁶. Аллюзия на эти строки возникает в финальном фрагменте стихотворения Введенского (состоящий из слов, набранных сплошь прописными буквами, он пародирует характерную для поэзии XVIII века манеру выделять таким образом особо значимую лексику): «БОГ БОГ ГДЕ ЖЕ ТЫ / БОГ БОГ Я ОДИН / МЕЖДУ СЛОВ ДРОЖАТ КУСТЫ / ХОДЯТ ВЕНЧИКИ КАРТИН» (125). Попытки обнаружить в тварном мире знаки иного бытия у Введенского обречены на провал: лишь в момент их *посещения* Богом, *накаляющим мир* (как это происходит в финале поэмы «Кругом возможно Бог»), *предметы* обретают *речь* [ср: Ронен, 2007: 127–129]; для ее понимания герою нужно пересечь *особый рубикон*, «однако это хуже чем сама смерть» (I, 151). Мир приобретает знаковый характер в момент своего полного пресуществления, когда его уже некому воспринимать, и человек сам становится знаком осуществившейся божественной воли: «*вбегаем мертвый господин и молча удаляет время*» (I, 152)¹⁷.

Список литературы

- Блумбаум А.Б., Морев Г.А. «Ванна Архимеда»: к истории несостоявшегося издания // Wiener Slavistischer Almanach. 1991. Bd. 28.
Бобров С. Таврида. Николаев, 1798.
Бобров С. Рассвет полночи. Ч. I–IV. СПб., 1804.
Введенский А.И. Полн. собр. произведений: В 2 т. М., 1993.

¹⁵ Возможно, эти строки намекают на еще один вариант «цепи существ» в «Херсониде»: «Но днесь все здесь отверстый гроб <...> Начав с последняго Полипа / До человека мертво все» (114).

¹⁶ Подробнее о «семиотической» концепции Боброва см.: [Зайонц, 2009].

¹⁷ Обзор различных интерпретаций этого образа см.: [Кукуй, 2009].

- Венцлова Т. О Чехове как представителе «реального искусства» // Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М., 2012.
- Зайонц Л.О. К символической интерпретации поэмы С. Боброва «Таврида» // Труды по знаковым системам. Вып. XXIV. Тарту, 1992.
- Зайонц Л.О. Пространственная вертикаль тело – душа – дух в ландшафтных моделях Семена Боброва // Wiener Slawistischer Almanach. 2004. Bd. 54.
- Зайонц Л.О. Natura naturans: К поэтике антропоморфного пейзажа у Семена Боброва // «На меже меж Голосом и Эхом...»: Сб. научных статей в честь Т.В. Цивьян. М., 2007.
- Зайонц Л.О. Семен Бобров об универсальном языке: в поисках утраченного // Универсалии русской литературы. Воронеж, 2009.
- Кацис Л.Ф., Одесский М.П. Барокко и авангард («Кругом возможно Бог» А. Введенского и школьная драма «Ужасная измена сластолюбивого жития») // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2002. Т. 61. № 5.
- Кобринский А.А. «Вольный каменщик бессмыслицы», или Был ли граф Д.И. Хвостов предтечей обэриутов? // Литературное обозрение. 1994. № 9–10;
- Кобринский А.А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда: В 2 т. Т. I. М., 2000.
- Кужуй И. Кто молча удаляет время? Заметки об одном персонаже А. Введенского // Russica Romana. 2009. Vol. XV.
- Лотман Ю.М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971.
- Мейлах М.Б. Семантический эксперимент в поэтической речи // Russian Linguistics. 1974. Vol. 1. № 3–4.
- Ронен О. Персонажи-насекомые у Олейникова и обэриутов // Звезда. 2000. № 8.
- Ронен О. Иносказания // Ронен О. Шрам. Вторая книга из города Энн. СПб., 2007.
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Ужаревич Й. Мир над миром. Проблема «двоемирия» в лирике Николая Заболоцкого // Russian Literature. 2004. Vol. 56. № 1–3.
- Фаустов А.А. След В.А. Жуковского в творчестве А.И. Введенского: несколько наблюдений // Жуковский и время. Томск, 2007.
- Seemann K.D. Zur Wortgeschichte von *Ču!* aus literaturwissenschaftlicher Sicht // Das Russische in seiner Geschichte, Gegenwart und Literatur. Festschrift für Erika Günther. München, 1995.
- Serman I.Z. Стихи капитана Лебядкина и поэзия XX века // Revue des études slaves. 1981. Т. 53. Fasc. 4.

Сведения об авторе: *Козюра Евгений Олегович*, канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы филол. ф-та Воронежского государственного университета. E-mail: ekozura@gmail.com

А.Ф. Колясева

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ: ТЕРМИНОЛОГИЯ И НОМЕНКЛАТУРА

В статье рассматривается функционирование слов *терминология* и *номенклатура* в реальном речевом употреблении носителей специального знания в сопоставлении с точками зрения лингвистов-терминологов на проблему разграничения указанных понятий. Подобное сопоставление проводится в рамках более широкой задачи изучения взаимодействия профессионального и обыденного метаязыкового сознания.

Ключевые слова: терминоведение, терминология, номенклатура, классификация.

The article examines the functioning of the words *terminology* and *nomenclature* in the actual professional discourse; in this connection professional terminologists' view on the given concepts is analyzed. The comparative study is conducted as a part of a more general task aiming at investigating the interaction of ordinary and professional metalinguistic awareness.

Key words: terminology studies, terminology, nomenclature, classification.

Ввиду стремительного расширения объемов человеческого знания терминоведение становится особенно актуальной областью исследования, поскольку в число его задач входит формирование оптимальных терминосистем, призванных обеспечить успешность коммуникаций внутри профессиональных сообществ. Однако анализ текстов, относящихся к профессиональному дискурсу, показывает, что в современной науке (в широком смысле) не только существуют терминологические проблемы, связанные с неразработанностью или неупорядоченностью отдельных узкопрофессиональных терминологий, например экономической или компьютерной (что может происходить по различным, в том числе экстралингвистическим, причинам), но и неоднозначно используются такие общенаучные термины, как *терминология*, *номенклатура* и *классификация*. В текстах научно-профессионального дискурса указанные термины нередко образуют линейную последовательность, при этом не всегда ясно, различают ли авторы эти понятия или же в их языковом сознании рассматриваемые единицы представляют собой неразрывный континуум; в некоторых проанализированных текстах эти термины оказываются очевидно взаимозаменяемыми. Приведем некоторые примеры употребления указанных терминов:

«Гемоглобинопатия: **классификация, терминология и номенклатура**» (название статьи, humbio.ru);

«Все вышеизложенное целиком и полностью относится к проблемам **терминологии, номенклатуры и классификации острой ревматической лихорадки (ОРЛ)**» (В.А. Насонова, Н.Н. Кузьмина, Б.С. Белов, статья «Классификация и номенклатура ревматической лихорадки», www.r-factor.ru);

«Из многих проблем и задач в области систематики микроорганизмов мы останавливаемся на **терминологии (номенклатуре)** преимущественно медицински значимых микроорганизмов и вызываемых ими заболеваний в рамках Международного Кода ботанической номенклатуры» (Н.П. Елинов, статья «Микологическая терминология, ее использование на практике», www.rusmedserv.com);

«В настоящее время упорядочение и стандартизация медицинской **терминологии**, совершенствование классификационных систем медицины проводятся с учетом **общей теории классификации, терминологии и номенклатуры**. Поэтому для последующего обсуждения рассматриваемой нами проблемы сформулируем некоторые положения современного учения о **классификации, терминологии и номенклатуре**» (статья «Номенклатура и классификация стрептококков», bezdna.eu);

«Унификацию **терминологии**, касающейся определения **номенклатуры и классификации** болезней, нельзя установить простым декретированием» (Статья о классификации психических нарушений, www.insai.ru/slovar/klassifikatsiya-psikhicheskikh-narushenii);

«Анатомическая **номенклатура (Nominaanatomica)** – **совокупность** анатомических **терминов**. Римляне заимствовали ряд анатомических **терминов** у персов и египтян, положив в основу **номенклатуры** греческую **терминологию**. В средние века получила широкое распространение латинская **терминология**, так как латинский язык в течение многих столетий служил единственным средством научного общения. В период расцвета арабской культуры и в эпоху Возрождения анатомическая **номенклатура** пополнялась новыми **терминами** в связи с развитием анатомических исследований. Количество анатомических **терминов** все увеличивалось еще и оттого, что отдельные исследователи, описывая новую деталь, подчас давали ей каждый свое особое обозначение» (статья «Анатомическая номенклатура», Медицинская энциклопедия, www.medical-enc.ru).

Как следует из подобных примеров, лексемы **номенклатура** и **терминология** в дискурсе носителей профессионального знания часто используются как синонимы, совпадая в своем реальном употреблении. Мы задались целью выяснить, на какой основе разграничивают эти понятия профессиональные терминологи-лингвисты.

Необходимо отметить, что вопрос о типологии специальной лексики относится к проблемным областям теоретического терминоведения. Очевидно, с одной стороны, что как полноценное средство общения специалистов конкретной отрасли знания профессиональный язык включает разнородные элементы. Эти элементы лингвисты-терминологи стремятся определить, классифицировать и охарактеризовать как разные лингвистические единицы (например, в научной литературе выделяются *собственно термины, номены, терминоиды, предтермины, прототермины, квазитермины, профессионализмы* и т. д.). С другой стороны, оказывается, что на практике критерии подобного разграничения не всегда ясны, а сама классификация не имеет общего основания: термин в большинстве работ признается основной единицей терминоведения, а статус остальных специальных единиц определяется именно в их соотношении с термином – и чаще всего они оказываются своеобразными «недо-терминами», т. е. терминами, не обладающими классическим набором признаков, признанных конститутивными для терминов в полном смысле.

В свете расплывчатости самого понятия *термин* и дискуссионности вопроса о критериях терминологичности (напомним, в последнее время исследователи склоняются к точке зрения, что упомянутые критерии не являются неотъемлемо присущими свойствами термина) рассматриваемая нами проблема становится еще более сложной. Встает вопрос о целесообразности строгого разграничения терминологических единиц, если того не требуют цели и метод специального исследования, и прежде всего здесь имеется в виду нерешенная в науке проблема разграничения *терминов* и единиц номенклатуры – *номенов*. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой термины и номены являются единицами разного порядка, поскольку **термин** – это номинативное слово или словосочетание, принимаемое в конкретной области знания для наименования общих понятий, в то время как **номены** – это наименования единичных понятий, а также конкретной массовой продукции, воспроизводимой по одному и тому же образцу заданное число раз» [Канделаки, 1970: 20]. С другой стороны, эти единицы имеют ряд общих свойств: принадлежность к специальной области знания, независимость от контекста, принадлежность к нейтральному слою лексики, целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в речи (см.: [Гринев-Гриневиц, 2008: 41]), поэтому правомерность и обоснованность разграничения данных единиц признается не всеми терминологами. Как замечает С.В. Гринев-Гриневиц, термин *номенклатура* используется и в значении «упорядоченная терминология с правилами создания новых терминов» [там же: 43].

Теоретическую неясность этого вопроса демонстрирует и определение номенклатуры, данное О.С. Ахмановой: номенклатура,

согласно «Словарю лингвистических терминов», «это совокупность специальных терминов-названий, употребляющихся в данной научной области; названия типичных объектов данной науки (в отличие от терминологии, включающей обозначения отвлеченных понятий и категорий)» [Ахманова, 1966]. Из этого определения вполне отчетливо следует, что номен является разновидностью термина (относится к специальным терминам-названиям), в то же время в рамках этой словарной статьи постулируется жесткое разграничение данных единиц.

В дискуссиях о целесообразности выделения номенов как отдельного класса единиц ученые указывали различные причины: от системно-языковых до практических. Например, Р.Е. Березникова объясняет необходимость разграничения терминов и номенов с типологической точки зрения: это «позволяет более точно определить место каждого типа специальных наименований в лексической системе». В частности, именно характер номенов, их «абсолютная номинативная значимость», являющаяся следствием специфики обозначаемых ими объектов, признается бесспорной характеристикой номенклатуры, в отличие от терминов, для которых свойственно лишь стремление к субстантивности [Березникова, 1978: 141]. В практических целях, а именно в лексикографической практике, предлагает различать эти единицы С.В. Гринев-Гриневиц: «Такое разграничение необходимо прежде всего потому, что по сравнению с терминами число номенклатурных единиц крайне велико и продолжает быстро увеличиваться во всех областях человеческого знания, как, например, в случае открываемых химических соединений, регистрируемых новых звезд или производимых товаров и изделий. Поэтому, если не проводить границу между терминами и номенклатурой, мы не сможем удержаться в разумных пределах при составлении специальных словарей для многих наук» [Гринев-Гриневиц, 2008: 37–38].

Значимо, что, хотя вопрос о номенах был поставлен в отечественной лингвистике еще в 1930-е годы, в работе 2008 г. С.В. Гринев-Гриневиц констатирует, что о номенах как таковых известно немного, они практически не подвергаются специальному исследованию и обсуждаются в терминологических статьях исключительно в связи с проблемой разграничения терминов и номенов [Гринев-Гриневиц, 2008: 40]. Действительно, в большинстве случаев номенклатура, как и другие единицы специальной лексики, рассматривается в сопоставлении с собственно терминами, отталкиваясь от свойств которых, терминологи и определяют номены.

В ходе дискуссий о номенах им давались разные дефиниции. Согласно А.В. Суперанской, номен – это «лексическая единица, с помощью которой мы именуем видимый и воспринимаемый предмет без реализации его точного места в системе классификаций и без соотно-

шения с другими предметами» [Суперанская, 1976: 138]. Интересно, что под это определение не подходит биологическая номенклатура: как одна из самых детально разработанных, бинаминальная биологическая номенклатура однозначно определяет иерархию видов и родов и их соотношение в построенной теоретической системе. Тем не менее аналогично характеризует номены Р.Е. Березникова – как «наименования конкретных предметов данной области науки или производства» в противоположность терминам – «наименованиям понятий, отражающим наиболее важные, существенные в системе данной науки свойства классов предметов, процессов или явлений объективной действительности» [Березникова, 1978: 141]. Решительно сужая сферу функционирования номенов, Т.Л. Канделаки определяет их как исключительно наименования конкретной массовой продукции народного хозяйства, воспроизводимой по одному и тому же образцу заданное число раз, а также наименования единичных понятий, таких как, например, *Меркурий*, *Урал*, *Днепрогэс* [Канделаки, 1973]. В.М. Лейчик рассматривает номенклатуру как промежуточное звено между терминами и собственными именами и не относит к номенам наименования единичных понятий [Лейчик, 1974]. С.В. Гринев-Гриневиц, напротив, полагает, что в качестве номенов, отражающих единичные понятия, можно рассматривать уникальные объекты исследования и произведения искусства, например: *Орион*, *Полярная звезда*, *Волга*, *Апассионата*, *Война и мир*, *Ночной дозор*, *БАМ*, *КАМАЗ*, *Китай-город*; в качестве примеров технических номенов приводятся наименования марок материалов и изделий, машин, механизмов и оборудования, индустриальных серийных типов зданий и сооружений, например, *СБ-5-24* (вид строительно-бетонного блока) [Гринев-Гриневиц, 2008: 43].

В общем и целом основания, по которым терминологи проводят разграничение терминологии и номенклатуры, можно свести к следующим.

1) Номены относятся к категории *лексис*, у них ослаблена связь с понятиями, они «оказываются лишь потенциальными *логот*, т.е. они представляют собой лишь инструменты или средства, которые, попадая в понятийную систему, могут быть по-разному использованы при формировании настоящих *логот* сообщения» [Суперанская, 1976: 138]. Что касается терминов, то еще А.А. Реформатским была выдвинута идея о том, что термин является единицей двух разных систем: *логоса* (системы научных знаний) и *лексиса* (лексической системы языка) [Реформатский, 1959].

2) Согласно [Мельников, 1991: 14], номен отличается от термина тем, что «лексис» номена непосредственно соотнесен с уровнем «онтоса» (предметами и объектами реальности), а не с единицами уровня «логоса» (теоретическими единицами – понятиями об этих

предметах). Даже если допускать, что на уровне номена функционирует единица логоса (см. п. 1), обычно считается, что номен лишь именуется эту единицу, но не реализует функцию раскрытия понятия, которая присуща прежде всего термину.

Иными словами, если понятийность – важнейшая характеристика термина, то для семантики номена основным качеством является вещественность (или предметность и даже осязаемость). По определению философа Г.Г. Шпета, «*номен* есть эмпирическая, чувственно воспринимаемая вещь, а также знак, связанный с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления» [Шпет, 1923: 32]. Номену также присуща некоторая понятийность, но его понятийность условна: «Безусловно, каждый предмет, обозначаемый с помощью номена, может претендовать на свою исчерпывающую дефиницию, но на практике нередко бывает удобнее нарисовать или показать отличие однотипных деталей (например, различного вида шайб) друг от друга, чем давать их исчерпывающее словесное описание» [Суперанская, 1976: 138]. Впрочем, касаясь вопроса о дефиниции номенов, С.В. Гринев-Гриневиц проводит различие по сферам их функционирования: «Номенам науки и искусства дефиниция, как правило, не нужна. В технике же, если дефиниция термина чаще всего содержит указания на ближайший род и отличительные видовые признаки, то дефиниция номена должна содержать указание на термин, к которому она относится, и индивидуальные признаки обозначаемого ею объекта» [Гринев-Гриневиц, 2008: 41].

3) Терминология каждой отдельной области науки исчислима, так как отражает систему ее понятий. Номенклатура неисчислима, так как она соотносится с предметами и объектами изучения, ограничить число которых невозможно.

4) Термин функционирует строго внутри терминологического поля, вне его он перестает быть таковым. На это свойство термина особое внимание обращал К.Я. Авербух, настаивая, в свою очередь, на первичности терминосистемы по отношению к термину и в связи с этим считая некорректными некоторые определения: «Несмотря на господствующее ныне мнение об относительности существования термина, о первичности системы терминов и вторичности ее элементов (термин существует лишь постольку, поскольку является элементом этой системы), практически все предпринимавшиеся до сих пор попытки определения основных понятий терминоведения вначале адресуются к термину и только потом на основе его дефиниции к терминосистеме (терминологии). А это методологически некорректно» [Авербух, 1986: 103].

В отличие от терминов номены, согласно А.В. Суперанской, легко употребляются вне контекста: «... если номен обозначает название химического вещества или деталь машины, практически безразлич-

но, находят ли эти предметы применение в быту или в какой-либо научной лаборатории. Химические свойства вещества (серной кислоты, окиси магния) или физические свойства детали (гвоздя, винта, шайбы) от этого не изменятся. Тесная связь номенов с именуемыми предметами выводит их из специального поля науки и делает возможным их включение в любой контекст» [Суперанская, 1976: 139]. Р.Е. Березникова в этом отношении не так категорична, хотя в целом согласна с точкой зрения А.В. Суперанской: «... Тесная связь номена с предметом, конкретность обозначаемого номеном предмета приводит к тому, что, выходя за пределы языка науки, номен не так резко меняет свое значение, сохраняя большую степень соответствия именуемому предмету, тогда как термин сохраняет свою точность только в рамках определенной терминологии» [Березникова, 1978: 143–145].

5) Как следствие, в случае номенов выше вероятность их включения в общий словарь, они достаточно легко могут переходить в бытовые слова (например, *зеленка* вместо *раствор бриллиантовой зелени*). У термина вероятность подобного включения в общепотребительную лексику намного ниже, он принадлежит специальному словарю [Суперанская, 1976: 140].

6) Для некоторых областей, особенно для технических, характерны особенности в языковом выражении номенов, в чем проявляется «стремление к размещению возможно большего объема значения при минимальной форме» [Гринев-Гриневиц, 2008: 40]. Такие номены часто представляют собой сложные слова с графемной и цифровой частью. Графемная часть нередко представляет собой компрессию родового для данной единицы термина, в то время как цифровая указывает на основные характеристики объекта, его видовые отличия (*ВАЗ-210*, *Ил-28*, *БП-1-2*; *Север-5*, *цемент-200*) [там же].

Несмотря на выявленные отличия, сам вопрос о необходимости разграничения терминов и номенклатуры по-прежнему остается дискуссионным. Следует отметить, что в зарубежной лингвистике нет традиции четкого противопоставления терминологии и номенклатуры (хотя сама идея о необходимости этого впервые была высказана английским логиком У. Хьюэллом еще в конце XIX в.) и номенклатурные единицы рассматриваются главным образом как термины низшей ступени классификации. В отечественном терминоведении ряд исследователей также считает, что подобное деление излишне и не оправдано ни с теоретической, ни с практической точки зрения [Веселов, 1965: 31; Моисеев, 1970: 132–133].

Г.П. Мельников, разграничивая понятия термина и номена, упоминает в своей монографии концепции У. Хьюэлла – Д.С. Лотте, в соответствии с которыми как термины, так и номены могут иметь дефиницию или же просто быть называющими индексами. Отличие же состоит в том, что содержанием номенов являются понятия самых

низких, конкретных уровней, поэтому **номенклатура оказывается не столько противопоставленной, сколько включенной в терминологию как ее содержательно наиболее конкретный уровень** [Мельников, 1991: 14].

В своих рассуждениях по этому вопросу Г.П. Мельников приходит к компромиссу: номен – это **частная разновидность терминов в широком смысле**. Признавая в целом, что процесс разработки терминосистемы отличается от процесса разработки номенклатуры (в первом случае выявляют системные свойства и отношения, характеризующие сущность, а во втором учитывают свойства, значимые лишь прагматически для внешних систем), исследователь говорит о том, что деятельность по разработке терминосистемы, и номенклатур для определенной онтологической системы оказывается практически однотипной и в этом отношении **разграничение терминов и номенов излишне, особенно если речь идет о лингвистической части этой работы**. Вообще создание номенклатур вторично по отношению к созданию терминосистемы: оно может быть результативным только после того, как обнаружены внутрисущностные свойства системы. При таком подходе собственно терминологическая деятельность «единственна», а работа по построению номенклатуры «надстроечна». Число таких надстроек может быть велико, но они являются лишь проекциями первичной терминосистемы, что позволяет считать работу по созданию номенклатур лишь частью общей терминоведческой деятельности и дает право говорить о терминоведческой работе и в смысле создания любых номенклатур для конкретной терминосистемы [Мельников, 1991: 49–51].

Таким образом, синонимическое употребление, взаимозаменяемость слов «терминология» и «номенклатура» в нелингвистическом профессиональном дискурсе соответствует противоречивому отношению лингвистов-терминологов к разграничению терминов и номенов. В свете всего вышесказанного нам представляется рациональным разграничивать номенклатуру и терминологию исключительно в тех случаях, когда того требуют конкретные задачи лингвистического исследования или практической работы. Это может быть типологическое исследование, направленное на выявление специфических свойств разновидностей специальной лексики, или лексикографическая работа, когда необходимо ограничить материал и свести его к наиболее существенным понятиям-терминам. В этих случаях разграничение терминов, номенов и других единиц становится ключевым. Если же рассматриваются общие особенности терминологической деятельности без акцента на конкретные средства терминообразования (приставки, суффиксы, компрессия и т. п.), целесообразно не заниматься разграничением терминов и номенов, а считать номены разновидностью термина в широком смысле (основываясь на по-

ложениях Г.П. Мельникова и некоторых других терминологов о «единственности» терминологической деятельности), а различия между термином и номеном признать несущественными для решения конкретных задач. Поскольку создание номенклатуры было признано вторичным по отношению к собственно терминотворчеству, следует допустить, что принципы создания терминологий и номенклатур однотипны, и работа по их разграничению может только затруднить ход специального исследования.

Список литературы

- Авербух К.Я.* Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты (1986) // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. М., 1994.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Березникова Р.Е.* Место номенов в лексической системе языка // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. М., 1994.
- Веселов П.В.* Номенклатурное название и научно-технический термин // Стандартизация, 1965. № 12.
- Гринева-Гринева С.В.* Терминоведение. М., 2008.
- Канделаки Т.Л.* К вопросу о номенклатурных переименованиях // Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973. С. 60–70.
- Лейчик В.М.* Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1974.
- Мельников Г.П.* Основы терминоведения. М., 1991.
- Моисеев А.И.* О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
- Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология. М., 1959.
- Суперанская А.В.* Терминология и номенклатура // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
- Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты. Пг., 1923. Вып. 2.

Сведения об авторе: *Колясева Алена Федоровна*, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alyona.kolyaseva@gmail.com

В.В. Тимофеев

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СОГЛАСНЫХ НА КОНЦЕ РУССКИХ ПРИСТАВОК В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается действие позиционных закономерностей, регулирующих поведение согласных фонем в позиции конца приставки в современном русском литературном языке. Описано влияние различных произносительных факторов (таких как длина речевой цепи от приставки до ударного слога, степень употребительности слова, степень плотности стыка приставки и корня) на распределение согласных на конце приставки по твердости-мягкости, месту и способу образования.

Ключевые слова: приставка, позиционное чередование согласных, орфоэпический многофакторный позиционный анализ.

The article examines the effect of positional patterns regulating consonant phonemes in the position at the end of a prefix in the contemporary Russian literary language. It describes the influence of different pronunciation factors (such as the length of the stretch of speech from a prefix to the stressed syllable, the word's frequency of use, the closeness of the juncture between the prefix and the root) on the distribution of consonants concerning hardness or softness (palatalization – non-palatalization), place and manner of production.

Key words: prefix, positional consonant alternation, orthoepic multiple-factor positional analysis.

1. Постановка проблемы. М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткина, рассматривая позиционные закономерности, регулирующие поведение согласных в современном русском литературном языке, пришли к выводу, что «в русском языке начался системный процесс разрушения позиционных чередований согласных звуков» [Каленчук, Касаткина, 2007: 173]. По их мнению, «новая закономерность должна сначала проявляться на стыках морфем агглютинирующего типа и лишь затем на фузионных стыках и только после этого проникать в позицию середины морфемы». Важнейшим агглютинативным стыком русского языка А.А. Реформатский называл морфемный шов приставки и корня [Реформатский, 1967: 272].

В данной статье представлена попытка рассмотреть особенности поведения согласных фонем в позиции на конце приставки.

Наиболее изученным процессом разрушения позиционного чередования является процесс изживания мягкости согласного перед следующим мягким, подробнее об этом см. [Касаткин, 1993]. Разрушение позиционного чередования по мягкости, на взгляд М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткиной, можно рассматривать как модель осуществления других подобных процессов [Каленчук, Касаткина, 2007: 173].

В данной работе отдельно рассматривается распределение согласных на конце приставки по твердости-мягкости, месту и способу образования. Наблюдать поведение фонем в диахронии позволил анализ речи информантов разных поколений (в ходе эксперимента дикторы-москвичи были разделены на три возрастные группы: 17–25 лет, 26–50 лет и 51 год и старше). Информанты читали на диктофон специально составленные фразы, содержащие слова с исследуемыми приставками. Каждое из слов, взятых для эксперимента, было помещено в два контекста, в одном из которых оно стояло в семантически выделенной позиции, т. е. был «теневого контекст» (см.: [Николаева, 1982]), а именно условия для возникновения просодического выделения (далее – ПВ), в другом было лишено семантического подчеркивания, например:

А сейчас такое задание: мамы должны быстро забинтовать кукле руку, а дети – *разбинтовать* (семантически выделенная позиция).

После окончания процедуры надо *разбинтовать* повязку и одним движением снять примочку (семантически нейтральная позиция).

Как показали исследования последних лет, орфоэпический материал так же, как и фонетический поддается позиционному описанию, см.: [Касаткин, 2003; Скачедубова, 2008] и др. Полученный в настоящей работе фактический материал был описан с применением многофакторного позиционного анализа, который позволяет вероятно предсказывать реализацию фонемы по целому ряду факторов.

2. Распределение согласных по твердости-мягкости на конце приставки. Еще в начале XX в. для сочетаний «зубной+зубной», «зубной+губной», «губной+губной», «губной+задненебный» действовал закон, согласно которому перед следующим мягким согласный смягчался. Однако в современном русском литературном языке в этой позиции фиксируется наличие произносительных вариантов. Так, М.Л. Каленчук отмечает в речи представителей младшей возрастной группы большое число случаев произнесения на стыке приставки и корня твердого перед следующим мягким [Каленчук, 1986: 91–100].

Распределение согласных по твердости-мягкости на конце приставки исследовалось экспериментальным методом на примере приставки *раз-(рас-)*, при этом учитывался класс следующего за приставкой согласного: отдельно исследовалось поведение согласной фонемы перед [д']/[т'], [н'], губным, [j'] и [л'] корня.

Информанты произносили приставку как с мягким (54 %), так и с твердым (46 %) согласным на конце. Ниже описано влияние различных произносительных факторов на распределение согласных на конце приставок [на примере приставки *раз-(рас-)*] по твердости-мягкости.

2.1. Длина безударной речевой цепи от приставки до слога с основным ударением. В ряде работ отмечалось, что существует оптимальное расстояние между двумя ударениями во фразе [Бондарко, 1977: 159; Иванова-Лукьянова, 1971: 175], обусловленное неосознанным стремлением говорящего к благозвучию, эвфонии.

При исследовании влияния этого фактора на поведение согласной на конце приставки были взяты пары слов: *растечься* и *растиражироваться*, *разлить* и *разлиновать*, *разбить* и *разбередить*, *разнежить* и *разнемогаться*, *разъезд* и *разъединитель* с длиной речевой цепи между приставкой и ударным слогом в 0 и 2 слога соответственно. Как показал эксперимент, количество произнесений твердых согласных на конце приставки возрастает при удлинении безударной речевой цепи. Эта закономерность прослеживается вне зависимости от класса последующего согласного.

Таблица 1

Количество случаев произнесения приставки с твердым на конце в зависимости от длины речевой цепи от приставки до ударного слога, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
растечься	5	5	30
растиражироваться	20	40	40
разлить	40	60	45
разлиновать	65	85	70
разъезд	45	60	65
разъединитель	80	65	100

2.2. Длина слова. В большинстве случаев чем короче слово с исследуемой приставкой, тем выше вероятность произнесения на конце приставки твердого согласного.

Таблица 2

Количество случаев произнесения приставки с твердым на конце в зависимости от длины слова, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
разнежить	30	30	45
разнежничаться	30	15	20
разъединенный	80	60	90
разъединительный	60	60	65

2.3. Артикуляционный класс следующего за приставкой согласного. Из данных, приведенных в табл. 3, можно увидеть, что процент произнесения твердых согласных на конце приставки заметно варьируется в зависимости от артикуляционного класса согласного, следующего за приставкой.

Таблица 3

Количество случаев произнесения приставки с твердым на конце в зависимости от артикуляционного класса следующего за приставкой согласного, в %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
перед [д'], [т'] (растечься)	11	17	18
перед [н'] (разнежиться)	27	16	25
перед губным (разбить)	50	70	78
перед [й'] (разъезд)	54	61	76
перед [л'] (разлить)	57	70	74

2.4. Семантическое подчеркивание. Семантически выделенные приставки чаще произносятся с твердым на конце, чем приставки в семантически нейтральной позиции.

Таблица 4

Количество случаев произнесения приставки с твердым на конце в зависимости от позиции во фразе, %

	Старшая группа		Средняя группа		Младшая группа	
	семантически выделенная позиция	семантически нейтральная позиция	семантически выделенная позиция	семантически нейтральная позиция	семантически выделенная позиция	семантически нейтральная позиция
перед [д'], [т'] (разделительный)	15	6	23	12	23	14
перед [н'] (разнежиться)	23	30	17	16	28	24
перед губным (расписывание)	50	50	76	64	82	74
перед [й'] (разъединительный)	64	43	68	53	85	67
перед [л'] (различительный)	59	55	76	64	80	68

2.5. Просодическое выделение (ПВ). В ходе серии экспериментов в речи представителей различных возрастных групп в семантически выделенной позиции было отмечено пять случаев ПВ на приставках. Во всех случаях приставка была произнесена с твердым согласным. Складывается впечатление, что наличие ПВ на приставке способствует реализации согласной фонемы на ее конце в твердом варианте, однако для подтверждения этой мысли эксперимент дает мало данных.

2.6. Частотность употребления слова. Влияние этого фактора неоднократно проверялось на разном орфоэпическом материале [Голанова, 1971: 240].

Степень употребительности слова, безусловно, влияет на произношение согласного на конце приставки, что отчетливо прослеживается в проанализированных данных: чем более употребительно слово, тем реже приставка произносится с твердым согласным.

Таблица 5

Количество случаев произнесения приставки с твердым на конце в зависимости от степени употребительности слова, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
растиражи́ровать	25	55	45
растереби́ть	5	15	10
разнеду́житься	40	40	40
разнима́ть	20	5	10

2.7. Словообразовательная актуальность приставки. В ходе проведенного эксперимента выявить влияние словообразовательной актуальности приставки на распределение согласных на конце приставки по твердости-мягкости не удалось.

2.8. Степень плотности морфемного стыка. Стык приставки и корня неплотен. Многие лингвисты (например, М.Я. Гловинская, М.Л. Каленчук, М.В. Панов и др.) отмечали, что неплотный характер морфемного стыка – один из факторов, способных влиять на звуковое оформление слов.

По данным нашего эксперимента чем менее плотен морфемный стык между приставкой и корнем, тем, как правило, выше процент произнесения приставки с твердым согласным на конце.

Таблица 6

Количество случаев произнесения приставки с твердым на конце в зависимости от плотности морфемного стыка, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
распи́вать	90	100	100
распира́ть	75	75	80
разья́снить	70	85	95
разьяри́ть	55	55	90

2.9. Возможность самостоятельного употребления слова без приставки. Судя по данным эксперимента, процент случаев произнесения приставки с твердым на конце выше, если слово может самостоятельно употребляться без приставки.

Таблица 7

Количество случаев произнесения приставки с твердым на конце в зависимости от способности слова самостоятельно употребляться без приставки, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
разделить	20	20	30
раздевать	0	5	0
разнести	35	20	20
разнимать	20	5	10

2.10. Возрастные различия. Речь людей разных поколений неоднократно становилась предметом исследования в связи с той или иной орфоэпической проблемой [см., например: Каленчук, 1998; Каленчук, Касаткина, 2007].

По экспериментальным данным, процент случаев произнесения твердых согласных на конце приставки *раз-(рас-)* (например, *ра[с]теребить*) увеличивается в направлении от старшей к младшей возрастной группе. Это утверждение верно для всех рассмотренных случаев, исключая случай, когда приставка находится перед [н'] (например, *ра[з]нести*).

Таблица 8

Количество случаев произнесения приставки с твердым на конце в зависимости от возраста информантов, %¹

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
перед [д'], [т'] (<i>растеребить</i>)	22	37	41
перед [н'] (<i>разнимать</i>)	37	24	38
перед губным (<i>разбередить</i>)	25	35	40
перед [й'] (<i>разъехаться</i>)	27	32	40
перед [л'] (<i>разлентиться</i>)	28	34	37

3. Распределение согласных по способу образования на конце приставки

В русском языке перед щелевым взрывной того же места образования заменяется аффрикатой (например, *о[ц]садить*). Некоторые лингвисты, однако, замечают, что «на стыке приставки и корня в этом

¹ За 100 % было принято число всех случаев произнесения в данной возрастной группе приставки с твердым согласным на конце.

сочетании рядом с [ц:] в зависимости от стиля может появляться и [тс]» [Гольдин, 1972: 39].

Эксперимент, в ходе которого исследовалось поведение конечной согласной приставки *от-*, показал, что перед [с], [с'] согласная фонема приставки может получать реализацию как в аффрикате (99 %), так и во взрывном звуке (1 %).

В силу ограниченности, статистической незначимости полученных данных в рамках нашего исследования не предпринималась попытка анализа влияния всех названных выше произносительных факторов на распределение согласных на конце приставки по способу образования.

3.1. Семантическое подчеркивание. Есть основания говорить о влиянии семантического подчеркивания приставки на поведение согласной фонемы на ее конце. В ходе анализа экспериментальных данных удалось установить, что при семантическом подчеркивании чаще отсутствует замена взрывного аффрикатой. Перед [с] приставку *от-* в семантически выделенной позиции с [т] на конце (например, *в эксперименте наконечники проводов нужно было соединить, а датчик – о[т]соединить*) произнесли 3 % информантов старшей группы (ст.) и по 1 % информантов средней (ср.) и младшей (мл.) групп, тогда как в семантически нейтральной (например, *мы о[т]соединили провода, пока тебя ждали*) – 0 % ст., 0 % ср., 0 % мл. Перед [с'] произношение с [т] на конце зафиксировано в семантически выделенной позиции (например, *каждый год осенью одних соседей к нам подсадили, других – о[т]селяли*) в 3 % ст., 3 % ср., 0 % мл., в семантически нейтральной (например, *собственников жилья о[т]селить не так просто*) – в 0 % ст., 1 % ср., 0 % мл.

3.2. Просодическое выделение. В ходе эксперимента в речи представителей различных возрастных групп в семантически выделенной позиции было отмечено 12 случаев ПВ на приставках, в каждом из которых приставка была произнесена с аффрикатой. Экспериментальные данные, таким образом, не позволяют говорить о влиянии ПВ приставки на распределение согласных по способу образования на конце этой приставки.

4. Распределение согласных по месту образования на конце приставки

В русском языке действует закономерность, согласно которой перед переднеязычным шумный зубной заменяется переднеязычным. До недавнего времени большинство лингвистов признавало, что данная позиционная закономерность действует абсолютно во всех случаях, включая все возможные позиции стыка, однако некоторые лингвисты признавали возможность произнесения в данной позиции зубного [Кошутич, 1919: 68; Матусевич, 1976: 212; Борунова, 1966].

Для того чтобы определить сферу действия этой закономерности на стыке приставки и корня, был проведен эксперимент, в ходе которого информанты читали на диктофон фразы, содержащие слова с приставкой *раз-*(*рас-*). Отдельно исследовалось поведение согласной фонемы на конце приставки перед [ч'] и перед [ж], [ш].

Согласно данным, полученным в ходе эксперимента, на конце приставки перед [ч'] может произноситься как переднеязычный (81 %), так и зубной (19 %) (например, *ра[ш']чесать* и *ра[с']чесать*). Перед [ж], [ш] также зафиксированы случаи произнесения как переднеязычного (80 %), так и зубного (20 %) (например, *ра[ж]жевать* и *ра[з]жевать*).

4.1. Длина безударной речевой цепи от приставки до слога с основным ударением. Согласно экспериментальным данным, количество произнесений зубных согласных на конце приставки возрастает при удлинении безударной речевой цепи. Эта закономерность распространяется как на реализацию согласной фонемы перед [ч'], так и перед [ш].

Таблица 9

Количество случаев произнесения приставки с зубным на конце в зависимости от длины речевой цепи от приставки до ударного слога, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
расч ^и стить	15	15	20
расчес ^а ть	20	30	35
расши ^р ить	5	20	30
расшев ^е лить	15	35	45

4.2. Наличие скопления согласных. Чаще зубной произносится на конце приставки в случае, если на стыке приставки и корня отсутствует скопление согласных.

Таблица 10

Количество случаев произнесения приставки с зубным на конце в зависимости от наличия скопления согласных, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
расчл ^е нить	0	5	10
расчехл ^и ть	15	15	20
расштор ^и ть	5	5	15
расши ^р ить	15	15	30

4.3. Длина слова. Данные эксперимента говорят о том, что чем короче слово с исследуемой приставкой, тем выше вероятность произнесения на конце приставки зубного.

Таблица 11

Количество случаев произнесения приставки с зубным на конце в зависимости от длины слова, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
расшифр ^о вывание	5	5	10
расшифр ^о вка	20	25	25

4.4. Артикуляционный класс следующего за приставкой согласного. Статистически значимых различий, которые бы свидетельствовали о наличии влияния артикуляционного класса следующего за приставкой согласного на распределение согласных на конце приставки по месту образования в ходе эксперимента выявить не удалось.

Таблица 12

Количество случаев произнесения приставки с зубным на конце в зависимости от артикуляционного класса, следующего за приставкой согласного, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
перед [ж], [ш] (<i>разжева́ть</i>)	11	20	25
перед [ч'] (<i>расчеса́ть</i>)	11	16	21

4.5. Семантическое подчеркивание. При наличии семантического подчеркивания приставки выше процент произнесения ее с зубным (например, *все шатали-шатали стол – вот и ра[с]шата́ли*), по сравнению с семантически нейтральной позицией (например, *если чувство засело глубоко, может понадобится время на то, чтобы ра[с]шата́ть его*).

Таблица 13

Количество случаев произнесения приставки с зубным на конце в зависимости от наличия семантического подчеркивания приставки, %

	Старшая группа		Средняя группа		Младшая группа	
	семантически выделенная позиция	семантически нейтральная позиция	семантически выделенная позиция	семантически нейтральная позиция	семантически выделенная позиция	семантически нейтральная позиция
перед [ж], [ш]	13	8	26	13	33	15
перед [ч']	14	8	23	9	29	13

4.6. Просодическое выделение. В ходе серии экспериментов в речи представителей старшей и младшей возрастных групп в семантически выделенной позиции было отмечено 10 случаев ПВ на приставках (семь из них – в речи представителей младшей возрастной группы). С зубным приставку произнесли 100 % ст., 40 % мл. Эти данные свидетельствуют в пользу мнения о том, что наличие ПВ на приставке способствует отсутствию перехода шумного зубного перед переднеязычным в переднеязычный.

4.7. Частотность употребления слова. Отчетливо прослеживается следующая закономерность: чем более употребительно слово, тем реже приставка произносится с зубным на конце.

Таблица 14

Количество случаев произнесения приставки с зубным на конце в зависимости от степени употребительности слова, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
расшири́каться	15	15	30
расшиха́ться	0	5	5
разжижа́ть	20	25	25
разжева́ть	5	10	10

4.8. Словообразовательная актуальность приставки. Проведенный эксперимент показал, что чаще приставка произносится с зубным вместо переднеязычного на конце в том случае, если она является непосредственным дериватом, т. е. при помощи нее образовано данное слово.

Таблица 15

Количество случаев произнесения приставки с зубным на конце в зависимости от словообразовательной актуальности приставки, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
расчи́стить	15	15	20
расчищенны́й	5	0	10
разжа́ть	10	25	25
разжа́тый	10	5	10

4.9. Степень плотности морфемного стыка. Чем менее плотен морфемный стык между приставкой и корнем, тем выше, как правило, процент произнесения приставки с зубным согласным на конце.

Таблица 16

**Количество случаев произнесения приставки с зубным на конце
в зависимости от степени плотности морфемного стыка, %**

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
расчѐсанный	15	25	40
расчѐтный	0	5	5

4.10. Возможность самостоятельного употребления слова без приставки. Судя по данным эксперимента, процент случаев произнесения приставки с зубным на конце выше в случае, если слово может самостоятельно употребляться без приставки.

Таблица 17

Количество случаев произнесения приставки с зубным на конце в зависимости от способности слова употребляться без приставки, %

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
расчеса́ть	20	30	35
расчехли́ть	15	15	20
расшатáть	15	40	50
расширя́ть	0	20	25

4.11. Возрастные различия. Анализ особенностей реализации согласных фонем в речи представителей разных поколений позволил выявить следующую закономерность: процент случаев произнесения зубных на конце приставки *раз-*(*рас-*) увеличивается в направлении от старшей к младшей возрастной группе.

Таблица 18

Количество случаев произнесения приставки с зубным на конце в зависимости от возраста информантов, %²

	Старшая группа	Средняя группа	Младшая группа
перед [ч'] (<i>расчехли́ть</i>)	24	32	43
перед [ж], [ш] (<i>раситóрить</i>)	20	35	45

Подведем итоги нашего исследования. Поскольку стык приставки и корня неплотен и заметен носителям языка, в позиции конца приставки вслед за разрушением позиционного чередования по

² За 100 % принято число всех случаев произнесения в данной возрастной группе приставки с зубным на конце.

твердости-мягкости наметилось разрушения чередования по месту образования. Полученные нами данные согласуются с выводами М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткиной о том, что «в русском литературном языке вслед за разрушением позиционных закономерностей по мягкости началось массивное разрушение и других позиционных чередований согласных. Причем этот процесс начался не сегодня и происходит не только в речи носителей “младшей” нормы» [Каленчук, Касаткина, 2007: 178]. В области чередований по твердости-мягкости релевантным является артикуляционный класс следующего за приставкой согласного: эксперимент показал, что разные сочетания (с/з и [н’], [б’], [т’], [л’], [j’]) находятся в разной степени разрушения позиционного чередования по твердости-мягкости. Согласно экспериментальным данным перед [с’], [т’], [д’] закономерная смена твердого на мягкий перед мягким еще во многом удерживается в речи всех трех поколений; перед губными [л’], [j] – скорее разрушена.

При этом складывается впечатление, что действие различных произносительных факторов становится более (или менее) выраженным в зависимости от наличия семантического подчеркивания приставки.

Разрушение чередования по способу образования (замена перед щелевым взрывного того же места образования на аффрикату) по данным эксперимента пока или не происходит, или происходит с меньшей степенью очевидности, чем в вышеназванных случаях.

Список литературы

- Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
- Борунова С.Н. Сочетания [ш’ч’] и [ш’:] на границах морфем // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.
- Голанова Е.И. О фонетической характеристике приставки со- // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М., 1971.
- Гольдин В.Н. Из наблюдений над разграничительными сигналами в русском языке // Современные проблемы русского языка и методики его преподавания в вузе и школе. Саратов, 1972.
- Иванова-Лукиянова Г.Н. Об ударности динамически неустойчивых слов // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М., 1971.
- Каленчук М.Л. Особенности реализации согласных фонем на стыках морфем в современном русском литературном языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Каленчук М.Л. Фонетические «отцы» и «дети» конца XX века // Русский язык в его функционировании. Тезисы докладов международной конференции. Третьи Шмелевские чтения. М., 1998.

- Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф.* О процессе разрушения позиционных чередований согласных в современном русском литературном языке // Проблемы фонетики. Вып. V. М., 2007.
- Касаткин Л.Л.* Развитие в современном русском языке корреляции согласных по твердости-мягкости // Проблемы фонетики. Вып. I. М., 1993.
- Кошутич Р.* Грамматика руског језика. Ч. 1: Гласови. Пг., 1919.
- Матусевич М.И.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
- Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М., 1967.
- Скачедубова Е.С.* Особенности произношения сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Сведения об авторе: *Тимофеев Виктор Владимирович*, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: v_v_tim@mail.ru

Ван Хуа (КНР)

СОПОСТАВЛЕНИЕ НАЗВАНИЙ УЛИЦ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (на материале названий по именам исторических лиц)¹

Наделение улицы уникальным именем не только отмечает конкретное место в определенном районе, но и отражает специфические черты культуры данного народа. Названия улиц по имени исторических лиц тесно связаны с социально-культурной историей народа и базируются на богатейшей исторической и лингвистической информации, которая содержит важные культурные коннотации. Научная новизна настоящей работы заключается в исследовании культурных коннотаций китайских и русских названий улиц, анализе их языковых особенностей.

Ключевые слова: топонимика, картина мира, наименование городского топонима по имени исторического лица.

A unique street name not only marks a particular place in a certain area, but it also reflects some specific characteristics of the nation's culture. Streets named after historical figures are closely related to the social history and culture of the nation. The academic novelty of this paper consists in the investigation of connotations characteristic of Chinese and Russian street names and analysis of their special aspects. The article provides new insights into the contrastive studies on Chinese and Russian translation and cross-cultural communication.

Key words: toponymy, the picture of the world, streets named after historical figures.

1. Топонимика как предмет лингвокультурологического исследования

Еще в XIX в. русский географ Н.И. Надеждин писал о том, что Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре. Он отмечал далее, что все местные названия – не пустые, лишённые значения звуки; они – отражение прошлого [Надеждин, 1837].

Топонимика является интегральной научной дисциплиной, которая тесно связана с историей, географией и этнографией, и включает

¹ Хочу выразить искреннюю благодарность моему научному руководителю Ларисе Алексеевне Чижовой за помощь в работе над статьей.

в себя богатейшую информацию, помогает узнать об истории города и его культурных традициях. Она играет важную роль в жизни как отдельных групп людей (туристов, историков, простых жителей), так и целых народов.

Формирование топонимов – длительный и многоступенчатый процесс. На разных этапах эволюции топоним характеризуется соответствием социальной культуре своего времени.

Невозможно изучение топонимики без привлечения термина языковая картина мира. Это система ментальных представлений (концептов), закрепленных в семантике языковых единиц, которая представляет собой многомерное образование. Языковая картина мира не копирует действительность, а создает ее знакомый образ, ее интерпретацию, т. е. это фиксация отражения действительности. И, разумеется, языковая картина мира в разных языках отличается национальным своеобразием, что определяется специфичностью условий жизни и деятельности того или иного народа. Специфическая классификация концептов объясняется культурными доминантами поведения, исторически закрепленными ценностными ориентирами, принятыми в соответствующей лингвокультуре. Как известно, Кремль является центром Москвы не только географически, но там находятся главные символы исторической памяти народа – Церковь Ризоположения, которая названа в честь византийского праздника Ризы Богоматери, спасшей Константинополь от нашествия врагов, и Успенский собор, старейшее здание Москвы, – собор, в котором проходила коронация царей. Историческое предназначение кремля состоит не только в том, что раскрывается в словарном значении слова: «название городских укреплений в древней Руси, город, окруженный крепостной стеной с бойницами и башнями»; в исторической памяти народа кремль – это прежде всего символ защиты Бога, защита от врагов.

С кремля издавна город начинает развиваться. Как лучи на плане города, разбегаются улицы от центра столицы к ее окраинам. Если дорога идет к какому-то городу, то она носит название этого города. Кроме того, для столицы России частотны топонимы, образованные от имен собственных (Ленинский проспект, Пушкинская улица).

Аналогична центростремительная структура Пекина. Если обратиться к истории Китая, то следует заметить, что в качестве центра столицы Поднебесной выступает императорский дворец Гугун. Однако в Древнем Китае имена императоров было запрещено упоминать, поэтому нет названий улиц в честь императоров.

Именно выявление сходств и различий между русской и китайской картинами мира способствует улучшению понимания при межкультурном общении.

2. Названия улиц как ключ к пониманию истории города

Улицы – пространство для передвижения, по обе стороны которого располагаются ряды зданий. Помимо улиц можно выделить множество типов дорог: аллея, бульвар, вал, заезд, въезд, дорога, кольцо, линия, магистраль, набережная, переулок, перспектива, площадь, проезд, проспект, проулок, разъезд, спуск, съезд, тракт, тупик, улица, шоссе, мост, просека.

В лексико-семантическом поле, объединяющем слова с обозначением пространства для проезда в населенных пунктах, слова «улица» и «проспект» являются наиболее частотными, поэтому в нашей работе именно эти лексемы с атрибутивным расширением типа «улица Лебедева» или «Ломоносовский проспект» являются основным объектом изучения.

Название улиц часто зависит от обычаев, географических и исторических особенностей данной местности. Таким образом, люди могут интерпретировать историю города, опираясь на названия улиц, узнать психологию местных жителей, познакомиться с уникальной местной народной традицией. Можно сказать, что названия улиц являются не только необходимыми координатами в городе, но и проявлением городской культуры.

Происхождение, развитие названий и переименование российских и китайских улиц отражают национально-культурную специфику китайского и русского народов. Названия улиц и в Китае, и в России представляют собой код, рассказывающий об истории и местоположении города, о его героях и жителях, об идеологии общества и культуре, о развитии и изменении города. Таким образом, в целях углубленного понимания истории города следует изучать названия его улиц.

Изучение современных названий улиц городов двух стран позволяет выделить в их составе следующие лексико-семантические группы.

Во-первых, улицы носят имена других городов и провинций этой страны. Например, в Шанхае есть 北京街 (*улица Пекин*), 南京路 (*проспект Наньцзин*) 江苏路 (*проспект Цзянсу*) [Шанхайский географический справочник]. В Москве есть *улицы Владимирская, Нижегородская, Минская* и др.

Во-вторых, в названиях улиц присутствуют имена деятелей искусства, ученых, героев войны, политиков и т. д. – *Гоголевский*

бульвар, проспект Вернадского, улица Удальцова, площадь Индиры Ганди и др. В китайской культуре прижились топонимы, образованные от собственных имен – 曼街 (улица Имань – по имени героини антияпонской войны), 鲁迅路 (улица Лу Синь – по имени писателя), 毕昇路 (улица Би Шэн – по имени изобретателя, впервые в истории человечества применившего для печатания подвижной шрифт), 黄兴路 (улица Хуан Син – по имени революционера и политика).

В-третьих, улицы могут быть названы по именам природных объектов – достопримечательностей данной страны (黄河路 проспект Хуанхэ, 泰山路 проспект Гора Тайшань). Наименования, соотнесенные с географическими объектами, частотны и в русской традиции, например Окская улица, Кавказский бульвар.

Название улиц может отражать особенности ландшафта, географического положения, указывать на юбилейные даты, связанные с историческими фактами, а также отмечать значимые для жителей города явления, профессии людей, даты и проч. По данным автора статьи, в России самой распространенной лексико-семантической группой являются наименования в честь деятелей страны настоящего и прошлого, например, Ленинский проспект; а в Китае первое место занимают названия улиц по именам других городов и провинций. Типичным примером названий улиц могут служить улицы в Шанхае, например, 南京路 (проспект Наньцзин) 西藏路 (проспект Тибет).

С непрерывным развитием современного мира площадь городов расширяется, при этом требования к названиям улиц становятся более строгими, должны соответствовать общему принципу. Так, например: в Шанхае улицы, именуемые по географическим названиям, а также названиям региона, должны находиться в районе города, соответствующем этому региону. Например, в районе Янпу, который находится на северо-востоке Шанхая, улицы названы 松花江路 (проспект река Сун Хуацзан), 鞍山路 (проспект гора Ан Шан); эти река и гора находятся в провинции Цзилинь и Ляонин (на северо-востоке Китая). В районе Чаннин, который находится на юго-западе Шанхая, появились названия улиц 遵义路 (проспект Чзуньйи), 茅台路 (проспект Маотай), 安顺路 (проспект Анишунь), названные по городам в провинции Гуйчжоу (на юго-западе Китая).

Стоит отметить, что в Шанхае, в отличие от центростремительной системы русских городов, принято именование дорог по направлению с востока на запад и с юга на север, причем в первом случае традиционны названия по городам (北京路 проспект Пекин, 天津路 проспект Тяньцзинь), а во втором – по провинциям (四川路 проспект Сычуань, 山东路 проспект Шаньдон).

3. Наименования улиц в честь знаменитых людей в Китае и России в разные периоды

3.1. Названия улиц в честь знаменитых людей в китайской культуре

Прежде чем приступить к анализу названий улиц, в которых присутствуют личные имена, необходимо отметить, что система наименования китайцев отличается от системы наименования, принятой на Западе, тем, что в китайском полном имени сначала пишется фамилия, и только после нее – личное имя.

Имя китайцев в подавляющем большинстве случаев состоит из одного или двух иероглифов, которые пишутся после фамилии. Тем не менее в середине 1990-х годов имена многих новорожденных стали состоять из трех слогов.

До новой эпохи в Китае взрослые получали официальное имя (名 «мин»), а также особое второе имя (字 – «цзы»); некоторые также брали псевдоним (号 «хао»). Под вторым именем имеется в виду имя, полученное при достижении совершеннолетия, которое впоследствии используется в течение всей жизни.

Для нас важно прояснить систему именования человека в истории Китая, так как существуют названия улиц по официальному имени, например, 中正路 (*проспект Чунчэн*, Чунчэн – это официальное имя Чана Кайши, военного и политического деятеля Китая); а также именования по второму имени, например, 太白路 (*проспект Тай-бай*, Тай-бай – это второе имя Ли Бая, китайского поэта времен династии Тан). Встречаются названия по псевдониму: например, 阳明路 (*проспект Янмин*, Янмин – это псевдоним философа Вана Шоужэнь).

Рассматривая с исторической точки зрения ход и развитие китайской топонимики, можно выделить два этапа: до конца династии Цин и с начала республики. Издавна существовала традиционная топонимика, а после Синьхайской революции произошло становление современной топонимики. Таким образом, по характеру развития современную топонимику можно разделить на три этапа: а) период до Синьхайской революции; б) период после Синьхайской революции; в) период после образования КНР.

А) Период до Синьхайской революции.

Можно сказать, что история городских топонимов в Китае сохранена прежде всего в именах хутунов (хутун – переулок), особенно в столице. Многие из них, получившие название в начале династии Юань, имеют его и по сей день. Названия этих хутунов как большая энциклопедия, которая отражает не только историческое развитие этого города, но и социальные обычаи. Например, 文丞相胡

同 (*переулок премьер-министра Вэнь*, в честь национального героя Вэнь Тяньсян).

В Пекине некоторые хутуны назывались в честь знаменитых людей, которые когда-то здесь жили. Например, *永康侯胡同* (*Хутун Юнканхоу*), названный в честь принца Сюйчжуна.

Метонимическая связь топонима и имени исторического лица может быть основана на историческом событии: так, в городе Тяньцзинь есть *聂公桥* (*Мост Негун*), расположенный в районе Нанькай, где скончался военный начальник провинции Чжили Не Шичэн в ходе боя против агрессии восьми держав в 1900 г.

Таким образом, в Китае существует традиция именованя улиц в честь некогда там проживавших людей, позднее добившихся успеха и поэтому обладающих высоким социальным статусом.

Б) Период после Синьхайской революции.

Влияние вышеуказанного великого исторического события на названия улиц было очевидно. После Синьхайской революции под влиянием Запада широкое распространение получают наименования улиц в честь исторических деятелей того периода.

Особенно популярны названия в честь основателя партии Гоминьдан *Сунь Ятсена* (другой вариант номинации *Сунь Чжуншань*). В апреле 1925 г. уездный город Сяншань в провинции Гуандун был переименован в Чжуншань. С тех пор названия улиц и парков в честь лидера Сунь Чжуншань появлялись одно за другим в разных городах Китая.

Топонимы, возникшие после Синьхайской революции, связаны не только с именем Сунь Ятсена. В городе Ухань находится *黄兴路* (*проспект Хуан Син*), названный в честь революционера *Хуан Сина*, основателя революционного общества Хуасинхой. *蔡锷路* (*Проспект Цай Э*) также был назван в память о герое Синьхайской революции *Цай Э*.

Изредка появлялись топонимы, связанные с именами зарубежных деятелей. В концессионном районе Шанхая в 1920–1930-е годы существовал *林肯路* (*проспект Линкольна*), названный в честь президента США Авраама Линкольна.

В 1938 г. во время оккупации Китая японцы переименовали названия улиц района Цзян Уань в честь японских военных и политических деятелей, например: *проспект Най Му тон* (*乃木通* – проспект Най Му – по имени *乃木キスケ* японского генерала).

Когда советская армия освободила северо-восточные города Китая, появились такие названия, как *площадь Сталина*.

Таким образом, топонимы, связанные с именами известных людей, сложившиеся до Синьхайской революции, отражают стрем-

ление людей к высокому социальному статусу и достатку, в то время как топонимы постреволюционные отражают исторические реалии, связаны в основном с именами политических и военных деятелей.

В) Период после образования КНР.

20 января 1949 г. после мирного освобождения Пекина в Сибайпо состоялось второе пленарное заседание седьмого съезда Коммунистической партии Китая, на котором было принято предложение предотвратить развитие культа личности. С этого времени после въезда в Пекин запрещено было использовать имена центральных лидеров при наименовании улиц.

Для предотвращения культа личности Мао Цзэдун запретил называть улицы в честь правителя, поэтому в Китае нет топонимов, связанных с именем «великого кормчего». И по сей день в КНР не может появиться топонима, связанного с именем правителя, ни в коем случае невозможна номинация типа «улица Си Цзиньпина». Отметим, что такого рода этический запрет не действует в России: в городе Грозном есть проспект Путина, ныне действующего президента РФ.

Период Культурной революции (ноябрь 1965 – октябрь 1976 г.), отличавшийся крайней политизацией всех областей городской жизни, вызвал волну переименования городов и улиц. К примеру, в этот период улицы, названные в честь военных, служивших предшественникам Мао Цзэдуна или его сподвижникам, были переименованы. 佟麟阁路 (улица Тонлиньге) была переименована в 四新路 (улица Сысиньлу), 赵登禹路 (улица Чжаодэньюй) – в 中华路 (улицу Чжонхуа), 张自忠路 (улица Чжанцзичжон) – в 工农兵东大街 (улица Гун-нунбин дондацзе). После Культурной революции, как только был восстановлен прежний порядок, муниципальные власти Пекина в октябре 1984 г. решили вернуть улицам их первоначальные названия.

3.2. Названия улиц в российской исторической культуре

А) Период до 1917 г.

Следует отметить, что большое количество топонимов в Москве, по старинной русской географической традиции, получало свое название по именованию конечного пункта: *Владимирская, Ярославское шоссе*.

Важнейший класс именованья улиц составляли топонимы, отражавшие направление к церкви: *Ильинка* (вела к церкви Ильи Пророка).

Современная *улица Маркса и Энгельса* получилась из двух переулков, один из которых звался с 1446 г. *Ваганьковским* по скоморохам, которые «ваганили» (потешали) царя, с начала XVII в. он получил

название Шуйский переулок – по дому боярина Шуйского, в конце XVII–XVIII вв. – *Благовещенский переулок* по церкви Благовещения [Суперанская, 2011: 79].

Б) Период после 1917 г.

После 1917 г. происходило массовое изменение названий улиц России, когда началась борьба с церковными названиями, с названиями, данными по владельцам домов и усадеб, названиями, увековечивающими имена чуждых новой власти деятелей. Исчезли Благовещенские, Воскресенские, Никольские, Преображенские, Троицкие и многие другие улицы.

Переименовывались города, области и, конечно, улицы.

Улицы получали названия, знаменующие события или реалии новой жизни, в первую очередь, увековечивающие имена деятелей и героев революции – как русского, так и других народов. В результате сложился некий «обязательный набор» для населенных пунктов СССР. Это *улица Ленина* и улицы в честь «памятных дат»: *проспект 60 лет СССР, улица Первомайская, Октябрьский проспект, улица 60 лет Комсомола* в Клину, *улицы 8 Марта* в Москве и городах Московской области, *улицы 9 Мая* во многих городах России и странах ближнего зарубежья.

Распространеннейшим вариантом номинации было введение имени партийного лидера в топоним, налагающий «груз ответственности» на проживающих там людей (вспомним, как в романе М.А. Шолохова герой Давыдов говорил, что колхоз имени Сталина «ответственное название, и опозорить его невозможно» [Шолохов, 1986]).

Центральная площадь – тоже, как правило, Ленина (обычно с памятником в центре). В каждом городе были (а во многих есть и сейчас) переименованные в первые годы советской власти *улицы Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Урицкого, Маркса, Энгельса*, иногда *Маркса-Энгельса*.

В) Период после 1991 года.

Период 1990-е годы характеризуется процессом «переименования»: иногда восстановление старых названий, иногда введение новых. Оба процесса – и переименования, и «переименования» – несут значительную культурно-идеологическую нагрузку и, несомненно, создают определенный культурно-идеологический мир, определенную систему ценностей для тех поколений, которые приходят в этот мир без груза прошлых названий и, соответственно, прошлых миров и систем.

Наибольшее количество переименований произошло в Москве в период с 1991 по 1993 г., когда более 150 улиц и площадей сменили свое название. Именно тогда начался процесс активного избавления

от названий времен Советского Союза, и активный процесс возвращения улицам, переулкам и другим объектам старых (до 1917 г.) наименований. Например, *Ульяновская – Николо-Ямская улица* (до 1919 г.), *Калининский проспект – улица Новый Арбат* (до 1978 г.), *Улица 50-летия Октября* стала *Манежной площадью*, *Безбожный переулок* стал *Протопоповским*, *улица Богдана Хмельницкого – Маросейкой*, *улица Герцена – Никитской*, *площадь Ильича – площадью Рогожской Заставы*, *площадь Маяковского – Триумфальной*; *улица Кирова* – это снова *Мясницкая*, *улица Воровского – Поварская*, *улица Луначарского – Глазовский переулок*, *переулок Аксакова – Филипповский переулок*.

Переименованиями это можно назвать только формально. По сути, это было возвращением старых исторически сложившихся названий улиц, потому что русские считали, что названия улиц составляют важную часть повседневной жизни, названия, имеющие корни в родном языке, обращаются к глубинам памяти народа. Именно поэтому старые названия улиц, которые были уничтожены после 1917 г., должны быть возвращены.

3.3. Процесс переименования улиц в современной России

С социолингвистической точки зрения переименование улиц можно разделить на три типа:

1) переименования из-за переоценки деятельности исторических лиц. С 1924 по 1953 г. в честь И.В. Сталина были названы многие географические объекты, в основном в СССР и странах народной демократии. Большинству из этих объектов было возвращено прежнее название вскоре после прошедшего в 1956 г. XX съезда КПСС с осуждением культа личности Сталина или же в рамках начавшейся в 1961 г. десталинизации. Некоторые объекты были переименованы значительно позже, в 1980–1990-х годах;

2) оценка изменилась, но название осталось: *Ленинский проспект*;

3) оценка не изменилась, но переименование произошло: например, станция метро «Лермонтовская» получила новое название «Красные ворота».

Очень сложным представляется явление переименования города Волгограда в Сталинград. Раз в году на несколько дней город на юге России снова становится Сталинградом, но не в честь вождя, а в память об исторической битве, переломном моменте Второй мировой войны. Русские люди все также чтят память погибших в войну, поэтому стало возможным подобное двойное переименование.

	В России	В Китае
В честь деятелей культуры	писатели (улицы Булгакова, Лермонтова, Толстого, Радищева) поэты (улицы Ахматовой, Бунина, Рубцова) художники (улица Братьев Васнецовых) актеры (улица Качалова) архитекторы (улица Архитектора Валерия Зянкина, улица Мельникова)	поэты 太白路 (улица Тай Бай, в честь Ли Бай, его второе имя Тай Бай) 明远路 (улица Мин Юань, в честь Бао Чжао, его второе имя Мин Юань) писатели 茅盾路 (улица Мао Дунь) 鲁迅路 (улица Лу Синь)
В честь деятелей науки	улицы Ломоносова, Менделеева, Циолковского, Лобачевского	Врачи 李时珍路 (улица Ли шичжэнь) 华佗路 (улица Хуа То) инженеры 李冰路 (улица Ли Бин) изобретатели 毕升路 (улица Би Шэн) 沈括路 (улица Шэнь Ко)
В честь видных военных деятелей	Военные деятели дооктябрьского периода (улицы Нахимова, Ушакова, Багратиона, Суворова, Кутузова) Участники Великой Отечественной войны и сопротивления советского народа фашистским захватчикам (улицы Гастелло, Ватутина, Олега Кошевого, Павла Садакова, Шевцовой, Зои Космодемьянской, Грухина, Матросова, Героя Костина, Героя Рожнева)	Участники сопротивления японским захватчикам 赵登禹路 (улица Чжао Дэньюй) 佟麟阁路 (улица Тун Линггэ) 邓铁梅路 (улица Дэн Темэй) 张自忠路 (улица Чжан Цзычжун)
В честь видных политических деятелей	улицы Ленина, Свердлова, Держинского, Пестеля, Калинина, Кирова	中山路 (улица Чжун Шань, в честь Сунь Ятсен) 翔宇大道 (улица Сян Юй, в честь Чжоу Энлай, его второе имя Сян Юй)
В честь революционных деятелей	улицы Карла Маркса, Энгельса, Тельмана, Карла Либкнехта, Ефима Бабушкина	白求恩路 (улица Бай Цюэнь) 牛顿路 (улица Ню Дунь)

4. Анализ именовании улиц в честь исторических лиц как результат закрепления исторического опыта в «картинах мира» двух народов – российского и китайского

Приведем в таблице данные топонимики, классифицируя названия улиц в честь знаменитых людей по социальным группам – профессии, роду занятий, а также оценке вклада в историю государства и народа.

Данные таблицы свидетельствуют о различиях в менталитете двух народов – русского и китайского. Так, мы можем сделать вывод, что в Китае количество улиц, названных в честь исторических лиц, гораздо меньше, чем в России. Русские, называя улицы в честь какого-то знаменитого человека, тем самым отмечают его индивидуальную ценность и успехи. Таким образом, уделяется внимание личным достижениям. Биография и достижения успешных предпринимателей, ученых, художников и элиты в разных областях общества представляют собой вспомогательную систему ценностных ориентиров социальной культуры. В связи с этим неудивительно, что многие улицы носят имена политиков и народных героев. Стоит отметить, наряду с этим, и десемантизацию некоторых названий; так, улица 26 Бакинских комиссаров уже не имеет столь явной внутренней формы, как несколько десятилетий назад (из-за смены политических установок, многие люди не знают, чем именно прославились 26 комиссаров).

В Китае количество топонимов, которые именованы в честь людей, постепенно увеличивалось после Синьхайской революции. Это результат взаимодействия китайской и западной культур.

В наименовании улиц сравниваемых стран есть и общие черты – не принято увековечивать имена людей, которые пользовались дурной славой. В старом Шанхае (до освобождения) глава преступной группы *Юй Чачин* хотел бы платить большие деньги, чтобы переименовать проспект Тибет в проспект Юй Чачин, но у него ничего не вышло. Это говорит о том, что прославлять справедливость и бороться со злом – общая черта стратегии в сфере именовании улиц как русского, так и китайского народа.

Заключение

Топонимия представляет собой явление культуры каждого народа, а также отражает типичную общую черту языковой деятельности представителей разных народов. Топонимия является носителем культуры и истории. В процессе развития культуры важную роль играет топонимия, которая записала и сохранила значимые для культуры

народа факты. Она непрерывно изменяется вместе с развитием общества, одновременно сохраняя богатую культурно-значимую информацию. Ее история представляет собой вертикальный срез развития страны. Среди разных элементов, которые влияют на переименования топонимии, самыми важными являются политические изменения в жизни государства.

Анализ названий улиц в китайской и русской лингвокультурах дает основание для следующих выводов:

1. Именованье улиц – это языковое творчество, обусловленное социальными, историческими и культурными факторами. Кроме того, политические факторы оказывают на него очень большое влияние.

2. Названия улиц известны как «живые ископаемые», они могут отражать оценки исторических событий и их глубокое осознание, выявлять национальную идеологию, представления о достоинствах и культурных идеалах.

3. Китайская и русская языковые картины мира имеют как совпадающие, так и различающиеся фрагменты. Выявление сходства и различия между этими картинами мира способствует улучшению межкультурного общения. Изучение направлений и особенностей наименований и переименований – важная сфера лингвокультурологических исследований.

Список литературы

Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. Т. 22. СПб., 1837.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. М., 2011.

Указатель улиц г. Москвы 1917–1982 гг. Изд-во Архивного управления Мосгорисполкома и Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы. Т. I–V. М., 1988.

Шанхайский географический справочник. URL: <http://www.shsmi.cn/dmb/dmkw/shanghai-dnz.htm>

Шолохов М.А. Поднятая целина. Минск, 1986. Цит. по: www.lib.ru

Сведения об авторе: *Ван Хуа*, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Института иностранных языков Шэньянского политехнического университета (г. Шэньян, КНР). E-mail: huasheng00544@163.com

М.В. Фелько

**К ИССЛЕДОВАНИЮ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ *ВЛАСТЬ*
В ГОТСКОМ И ДРЕВНЕИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКАХ
(НА ПРИМЕРЕ ПОДГРУППЫ *ПРАВИТЕЛЬ*): ОПЫТ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ**

Данная статья предлагает рассмотрение ЛСГ *власть* в двух языках – готском и древнеисландском. Анализ (на материале лексем со значением *правитель*) производится с точки зрения происхождения лексики, входящей в состав группы. Цель исследования – выделить хронологические пласты в рамках указанной ЛСГ, а также определить относительную древность отдельных слов.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, этимологический анализ, хронологический пласт.

This paper presents research into the lexical-semantic group *power* in two languages – Gothic and Old Icelandic. The group is being analyzed from the etymological point of view (on the basis of words meaning *ruler*). The aim of the research is to determine chronological layers within this lexical-semantic group as well as to determine the antiquity of single words.

Key words: lexical-semantic group, etymological analysis, chronological layer.

Древнегерманская лексика в целом не раз становилась предметом этимологических исследований, результатом которых стало создание ряда авторитетных этимологических словарей: [Buck, 1949; Lehmann, 1986; Vries, 1961]; однако отдельные лексико-семантические группы (далее – ЛСГ), и в частности ЛСГ *власть*, редко оказывались в центре внимания ученых. Между тем представляется, что рассмотрение конкретной ЛСГ может помочь определению «большой или меньшей “древности” отдельных лексико-семантических групп в разных языках» [Ершова, 1978: 160], а также выделению «хронологических слоев в общих и специфических лексических пластах» [там же].

Древнегерманские существительные принято разделять на следующие группы с точки зрения происхождения:

1. Лексемы, имеющие полные этимологические параллели в других индоевропейских языках.
2. Лексемы, обнаруживающие достоверные соответствия по корню в других индоевропейских языках, но имеющие другие детерминативы, суффиксы или огласовки.

3. Лексемы, образованные от корней любой этимологии (преимущественно индоевропейских) на германской почве, т. е. этимологизирующиеся внутри германских языков.

4. Заимствования.

5. Лексемы неизвестной или сомнительной этимологии [там же: 160–162].

В указанной работе И.А. Ершова отмечает, что значительная часть правовой лексики (80 %) и обозначений социальных отношений (60 %) с точки зрения этимологического распределения слов относятся к третьей группе, т. е. подавляющее число слов, входящих в эти ЛСГ, оказывается германского происхождения. В этом свете представляет интерес рассмотрение конкретной ЛСГ *власть* в аспекте этимологического распределения лексики с целью определения хронологических пластов в рамках данной группы.

В предлагаемой статье рассматривается ЛСГ *власть* в двух языках – готском и древнеисландском¹.

Многие ученые (ср., например: [Schwarz, 1951; Жирмунский, 1964]) указывали на наличие ряда общих черт в готском и древнеисландском на различных языковых уровнях. В.М. Жирмунский выделял ряд готско-скандинавских изоглосс на фонетическом уровне (например, закон Хольцмана: да. trēowe, двн. triuwi, но гот. triggws, дисл. trygg «верный») и морфологическом (например, склонение причастия I только по слабому типу). Э. Шварц предполагал тесные контакты между восточногерманским и скандинавским ареалами и выдвигал концепцию готско-скандинавского единства, подтверждая свою теорию выделением 68 лексических изоглосс.

Показательной для сопоставления ЛСГ *власть* в названных языках представляется изоглосса гот. gudja («священник») и ди. godi («жрец, годи»). Важно, что в других древнегерманских языках мы не обнаруживаем этимологически тождественных лексем. Готское gudja образовано от guþ «Бог» [Lehmann, 1986: 162] с помощью суффикса -jan, служившего для образования названий действующего лица мужского рода (ср., например, гот. kas «горшок» – kasja «горшечник»). В тексте Библии лексема использовалась для передачи греческого ἱερεύς «священнослужитель». Весьма важным представляется тот факт, что данное слово встречается также в рунической надписи (Nordhuglo): ekgudijaungandiRih² «я, жрец, неподвластный колдовству...» [Krause, 1966: 146], в которой, по-видимому, обозначает

¹ Проводя анализ указанной ЛСГ в готском и древнеисландском языках, необходимо учитывать разный характер письменных памятников, являющихся источником материала для исследования. Переводной характер текста готской Библии не мог не отразиться на репрезентации в нем рассматриваемой лексики (в частности, в сфере заимствований).

² Два последних знака интерпретируются предположительно, в силу этого предлагаемый нами перевод также является только предположительным.

языческого жреца. Наличие рассматриваемого слова в рунической надписи свидетельствует о его древности.

Древнеисландское *godi* так же, как и готское *gudja*, образовано от *god* «Бог» с помощью суффикса *-an* (о распределении суффиксов *-jan* и *-an* в германских языках см. в [СГГЯ, 1963, 3: 81]). *Godi* являлся носителем светской и религиозной власти (подробнее см.: [Стеблин-Каменский, 1967]).

Наличие этих двух лексем в готском и древнеисландском языках, их относительная древность, а также отсутствие подобных слов в других германских языках свидетельствуют о древнейших связях восточногерманского и скандинавского ареалов. Совершенно очевидно, что с течением времени лексика власти в указанных языках претерпевала изменения. Исследование процесса становления данной ЛСГ, источников и путей ее формирования представляет значительный интерес.

В статье рассматривается одна из подгрупп ЛСГ *власть*, в которую входят слова со значением *правитель* (лицо, облеченное верховной властью). Следует отметить, что не все слова, обозначающие правителя в указанных языках, рассмотрены в данной статье: так, мы не касаемся слов, которые нерегулярно обозначают лицо, облеченное властью (например, готское прилагательное *mahteigs* «могущественный»), а также слов, которые не обозначают верховного правителя (например, древнеисландское существительное *ufirmadr* «хозяин, начальник» и др.).

Как уже было отмечено, правовая лексика и обозначения социальных отношений не относятся к древнейшему слою лексики и распределяются в основном в третьей группе, т. е. группе слов германского происхождения. Однако в готском языке мы находим слово, которое может быть отнесено к древнейшим лексемам: таково существительное *riudans*, являющееся основным обозначением правителя в готском языке. Слово это образовано от *riuda* «народ» с помощью суффикса и.е. **-no-*, служащего для образования существительных со значением «глава социальной группы» (ср., например, лат. *domus* – «дом», *dominus* – «хозяин»). Этимологически слово связано с и.е. корнем *theu-t-* «племя» и имеет параллели в других германских языках: ди. *rijóðann* «правитель» (поэт.), да. *riðoden* «правитель», *Бог*, др. *thiodan* «правитель». При этом важно отметить такие параллели, как галльское имя собственное *Toutonos* и иллирийское *Teutana*. Для этого существительного, таким образом, можно определить значение «правитель» = «глава народа». Итак, слово *riudans* имеет соответствия не только в германских языках, но и в языках других ареалов; тем самым есть основания отнести его к типу лексем, имеющих полные соответствия в других индоевропейских языках, т. е. к древнейшему пласту лексики.

По схожей модели образовано и другое готское слово – *kindins*. Оно восходит к и.е. *gen-* «род, племя» и образовано с помощью суффикса **no-*, однако, в отличие от *þudans*, не имеет параллелей в других германских языках, обнаруживая соответствие лишь в бургундском (восточногерманском, как и готский) – *hendinos*³ (мн. ч.). Слово засвидетельствовано у Аммиана Марцеллина, который в своем труде «Римская история» пишет: «*apud hos generali nomine rex appellatur hendinos*» [Ammianus Marcellinus XXVIII, 5, 14] («у бургундов цари носят... одно общее имя «гендинос») [Марцеллин, 2000: 427]]. Обращает на себя внимание употребление этого слова во множественном числе, из чего следует, что царей могло быть несколько, при этом, как сообщается далее в тексте, цари «теряют свою власть, если случится неудача на войне под их командованием или постигнет их землю неурожай» [там же: 427]. Итак, бургундское *hendinos* (мн.ч.) обозначало царя, не имевшего полной власти над народом, его могли сместить и, по-видимому, выбрать (или назначить) нового. Особенно это интересно в свете описания жреца у бургундов: «*nam sacerdos apud Burgundios omnium maximus vocatur Sinistus, et est perpetuus, obnoxius discriminibus nullis, ut reges*» [Ammianus Marcellinus XXVIII, 5, 14] («Главный жрец у бургундов называется синист (*Sinistus*) и сохраняет свое звание пожизненно, не подвергаясь никаким случайностям, как цари») [Марцеллин, 2000: 427].

Возвращаясь к готскому *kindins*, мы можем заключить, что оно, не имея параллелей в других германских языках, может считаться локальной лексемой, образованной от корня индоевропейского происхождения на германской почве.

В группе лексики общегерманского происхождения должно быть рассмотрено готское *frauja*, которое возводится к и.е. **pro-*: скт. *pṛgvyás*, авест. *paourvya-* («первый, тот, кто впереди, древний») и имеет параллели в других германских языках: ди. *freug* «господин», *Freug* (имя бога), дс. *frōio* «господин», двн. *frouwa* «госпожа». Значение «господин, Бог» слово приобретает в германских языках, не имея параллелей с таким значением в других языках. В другом восточногерманском языке – вандальском – мы также находим родственное рассмотренному готскому *frauja* слово *froja*, которое засвидетельствовано лишь в молитве: *froja armes* «Господи, помилуй» (пример из [Wrede, 1886: 18]). Как и готское *frauja*, вандальское существительное используется только для обращения к Богу. Таким образом, можно говорить о том, что в восточногерманском ареале слово использовалось только для именованя Бога.

³ Этимология данного слова не совсем ясна, и возможность соотнесения его с готским словом *kindins* является предположительной. Этимологами выдвигаются различные версии происхождения слова *hendinos*. См., напр.: [Lehmann, 1986: 184].

К древнейшим заимствованиям следует отнести существительное *reiks*, которое было заимствовано из кельтского: ср. др.-ирл. *rí, rí* «король», галльск. – *rix* в именах собственных и этнонимах. Кельтские параллели представляют собой ареальное развитие и.е. **reg-* в виде основы с долгим гласным **rīg*. Кельтское обозначение имеет соответствия в итальянских и индоиранских языках: лат. *rex* («царь»), *rēgina* («царица»), др.-инд. *rājan-* («правитель»), *rājñi* («царица»).

Слово *reiks* было заимствовано, по-видимому, для обозначения новой реалии развивающихся социальных отношений. Оно имеет параллели в других германских языках: ди. *rīkr* «могущественный», имена собственные *Alrīkr, Gunnrīkr, Heiðrīkr*, да. *rīce* «могущественный, богатый», двн. *rīh(h)i* «богатый».

К заимствованиям, необходимость в которых возникла позже, в период осуществления перевода Библии, относятся слова *kaisar* и *taitrarkēs*. Интересно, что первое заимствовано во все германские языки: да. *cāsere*, дфр. *keiser*, дс. *kēsug*, двн. *keisur*, ди. *keisari*. Второе же существительное мы находим лишь в готском языке, что связано с необходимостью обозначения данной социально-политической реалии (тетрархия) в переводе Библии.

Итак, как мы видим, лексемы, входящие в подгруппу *правитель* в ЛСГ *власть* в готском языке, сосредоточены в основном в группе лексем германского происхождения. Небольшое число слов оказывается заимствованиями (разных периодов). При этом лексема *kindins* не имеет параллелей в других германских языках и является специфической для восточногерманского ареала, а слово *riudans* ввиду наличия соответствий в других индоевропейских языках может быть отнесено к древнейшему слою лексики.

Древнеисландское существительное *konungr* является основным обозначением правителя и имеет параллели во всех германских языках (кроме готского): да. *cyning*, дфр. *kening, kining*, дс. *cuning*, двн. *chuning* «правитель». Слово чаще всего возводят к **kunja* (ср. гот. *kunī pod*) с патронимическим суффиксом *-*ung-* в нулевой огласовке [Lehmann, 1986: 222]. Данное слово можно сравнить с рассмотренным выше готским *kindins*, но если в состав готского слова входит суффикс, с помощью которого образуются существительные со значением «глава социальной группы», то древнеисландское существительное, имея в основе тот же и.е. корень *gen-*, образовано с помощью патронимического суффикса. Кроме того, слова обнаруживают разные ступени аблаута, а гот. *kindins* при этом имеет формант, восходящий к и.е. *gen-ti-*, ср. лат. *gens, gentis* (Под. п.).

Другое древнеисландское слово, обозначающее правителя, – *dróttinn* (о/г *druhtinaz*) образовано от *drótt* «дружина» с помощью уже описанного суффикса *-ene/-ono* и имеет параллели в да. *dryhten*, дфр. *drochten*, дс. *drohtin*, двн. *truhtīn* («правитель»). Мы вновь видим, что

слово представлено во всех германских языках, кроме готского. В готском присутствуют такие лексемы, как *gadrauhts* «воин», *drauhtinassus* «военная служба», однако в данном языке нет лексемы с указанным корнем, которая имела бы значение «предводитель войска». Интересны также родственные русск. друг, дружина и лит. *draugas* «спутник, товарищ» [Фасмер, 1986, 1: 543]. Мы можем заключить, что в древнеисландском *dróttinn* (как и в других языках) – это правитель, господин именно как глава дружины, вождь.

Слово *herga* образовано от существительного *herg* «войско»; «народ», имеющего соответствия (с другим основообразующим суффиксом) не только в германских (гот. *harjis*, да., дфр. *here*, дс. *heri*, двн. *hari*, *heri* – «войско», «толпа»), но и в других индоевропейских языках (гр. *κοιράνος* «полководец», галл. *coiō-* «воин», лит. *kāras* «война»).

Первоначально слово использовалось в качестве обращения к конунгу. В XIII веке данное обращение стало использоваться по отношению к рыцарям и знатным людям в Норвегии, а после Реформации – к епископам [Cleasby, Vigfusson, 1957: 259]. В [Vries, 1962: 225] слово возводится к и.е. *ker-*. Таким образом, существительное *herg* «войско» можно отнести к древнейшему пласту германской лексики. При этом рассматриваемое *herga* может быть включено в группу германских существительных, которые имеют индоевропейские соответствия только по корню, не обнаруживая таковых по суффиксу. Следует также отметить, что в готском языке при наличии *harjis* «войско», «толпа» не представлено производное от него слово, обозначающее лицо, наделенное властью.

Древнеисландское существительное *þjóðann* образовано по той же модели, что и готское *þiudans*: *þjóð* «народ» + суффикс **no-*. Однако, в отличие от готского языка, в котором слово было основным для обозначения правителя, в исландском языке слово оказывается на периферии группы слов именования правителя и ограничено поэтическими текстами. При этом основным обозначением правителя оказывается рассмотренное выше *konungr*. В свете этого интересным представляется исследование вопроса о соотношении *þiuda* (и ди. *drótt*) и *kunni*. Почему в готском языке основным для обозначения правителя оказалось производное от *þiuda*, в то время как в древнеисландском – от *kunni*? Ответ на этот вопрос может помочь проследить становление терминологии в ЛСГ *власть* в рассматриваемых языках. Как уже отмечалось, слово *þiudans* было основным для обозначения правителя в готском языке, что подтверждается частотностью его употребления в тексте Библии: более 30 раз (данные приводятся по: [Köbler, 1989: 247]), в то время как для *kindins* засвидетельствовано всего восемь употреблений [Там же: 55]. Древнеисландское *konungr* является единственным для обозначения конуга, поэтому оно широко распространено и встречается в текстах весьма часто. Древнеисланд-

ское þjóðann при этом встречается немногим более 10 раз [там же: 641]. Итак, эта статистика наглядно демонстрирует частотность употребления рассматриваемых слов, и можно предположить, что здесь мы имеем дело с разными этапами развития племенной власти. Если в готском мы видим понимание правителя как главы народа вне зависимости от происхождения, то в древнеисландском на первый план выходит именно происхождение правителя. В этой перспективе закономерно образование слова konungr с помощью патронимического суффикса, т. е. правитель обязан своей главенствующей роли именно тем, что связан с родом своим происхождением. Это согласуется с историческими данными о наследственном характере власти конунга. Исходя из этого, мы можем предположить, что древнеисландские þjóðann и dróttinn утрачивали актуальность как обозначения правителя, поскольку отображали архаическое представление о ненаследственном характере власти.

Существительное jarl, обозначавшее своего рода наместника конунга на подвластной ему территории, имеет параллели в двух языках: да. eorl «воин, герой», двн. egl «человек» и связано также с рун. erilaR «мастер рунического письма». Дальнейшая этимология этого слова неизвестна. Некоторые ученые связывают его с этнонимом лат. egulī «герулы» (см. подробное обсуждение этого вопроса в [Макаев, 1965: 37–43]).

Последнее анализируемое нами слово – это keisari, которое, как уже было отмечено, заимствовано из латинского языка во все германские.

Мы видим, таким образом, что в древнеисландском языке так же, как и в готском, преобладают слова общегерманского происхождения. Следует также отметить меньшее, чем в готском, число заимствований в древнеисландском языке.

Таким образом, проанализировав небольшую часть подгруппы *правитель* (ЛСГ *власть*) в готском и древнеисландском языках, мы можем сделать ряд заключений:

1. Слова со значением *правитель* в обоих рассмотренных языках характеризуются преимущественно общегерманским происхождением и чаще всего демонстрируют общегерманское распространение.

2. Однако и в готском, и в древнеисландском обнаруживаются единичные слова, которые могут быть отнесены к древнейшему пласту лексики. Так, в готском языке существительное þiudans имеет полные параллели в других индоевропейских языках и относится к древнейшему пласту лексики, а в древнеисландском лексема herra представляет собой образование от индоевропейского корня с особым суффиксом, т. е. также относится к древнейшему пласту лексики.

Проведенный анализ и сделанные нами заключения могут помочь проследить становление ЛСГ *власть*. В данной статье в рамках

небольшой подгруппы слов мы отметили важный этап в развитии племенной власти, предположив переход от правителя народа (вне зависимости от происхождения) к правителю-представителю конкретного рода (т. е. к наследственной власти). Анализ более обширного материала позволит установить и другие тенденции в развитии лексики власти. Кроме того, исследование ЛСГ *власть* в целом (со всеми входящими туда лексемами) может показать распределение индоевропейских корней в рассматриваемых языках, их сохранность и тенденции распространения этих корней.

Список литературы

- Еришова И.А.* К вопросу об ареальной и этимологической стратификации древнегерманских существительных // Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978.
- Жирмунский В.М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964.
- Макаев Э.А.* Язык древнейших рунических надписей. Лингвистический и историко-филологический анализ. М., 1965.
- Марцеллин Аммиан.* Римская История (Res Gestae) / Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 2000.
- СГГЯ – Сравнительная грамматика германских языков / Под ред. М.М. Гухман, В.М. Жирмунского, Э.А. Макаева, В.Н. Ярцевой. Т. 3. М., 1963.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1986.
- Buck C.D.* A Dictionary of Selected Synonyms in Principal Indo-European Languages. N. Y., 1949.
- Cleasby R., Vigfusson G.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.
- Jónsson G.* Edda Snorra Sturlusonar: með skáldatali. Reykjavík, 1935.
- Jónsson F.* Ordbog over det Norsk-Islandske Skjaldesprog. København, 1931.
- Köbler G.* Gotisches Wörterbuch. Brill, 1989.
- Krause Wolfgang.* Die Runeninschriften im älteren Futhark. Göttingen, 1966.
- Lehmann Winfred P.* A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1986.
- Marcellinus Ammianus.* Res Gestae // URL: <http://www.thelatinlibrary.com/ammianus.html>
- Schwarz E.* Goten, Nordgermanen, Angelsachsen. Bern; München, 1951.
- Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.
- Wrede F.* Über die Sprache der Wandalen. Strassburg; L., 1886.

Сведения об авторе: *Федько Мария Викторовна*, аспирант кафедры германской и кельтской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: mfedko@yandex.ru

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Biblioteka przekładów rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej / Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы: Т. 1 Eliza Małek. Первый древнерусский перевод *Апофегмат* Беняша Будного. Исследование и издание текста. Łask, 2011¹; Т. 2 Eliza Małek, Siergiej Nikołajew *Апофегматы* Беняша Будного в переводе Петровского времени. Łódź, 2012.

Публикация в первом томе серии «Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы» издания и исследования **первого древнерусского перевода *Апофегмат* Беняша Будного мотивирована несколькими причинами. Прежде всего, до сих пор не было** полного научного издания текста ни одного из переводов *Кратких и витиеватых повестей* на русский язык, что приводило к неверной атрибуции конкретных повестей из *Апофегмат*. Кроме того, если печатные издания перевода Петровского времени сохранились в довольно большом количестве и доступны в российских и зарубежных библиотеках, то более ранние древнерусские переводы известны лишь по рукописным копиям, а первый рукописный перевод существует лишь в виде единственного списка из собрания БАН (П I 100). Как следствие, начать публикацию русских переводов *Апофегмат* было решено именно с него.

Первая глава – «*Апофегматы* Беняша Будного в Польше» – посвящена реконструкции некоторых обстоятельств биографии и творческого пути Б. Будного, а также истории распространения сборника «*Krótkich a węzłowatych powieści, które po grecku zową Apoftegmata, księgi III*» (1599), принесшего составителю наибольшую известность, в Польше. Рассматриваются изменения, внесенные в различные последующие издания, а также отмечается, что на рубеже XVII–XVIII вв. «эта знаменитая книга... выпала из поля зрения польских издателей, хотя другие переводы Будного все еще печатались. Но неожиданно-негаданно во второй половине XVII в. она привлекла внимание другого читателя, начав поистине “триумфальный поход” по русским городам и весям» (I, 17).

Во второй главе – «*Апофегматы* Беняша Будного на Руси» – уделяется внимание первым переводам и изданиям сборника, начиная от трудов двух переводчиков, обратившихся к этой книге независимо друг от друга в самом конце XVII в., и до включения отрывков из сборника в «Письмовник» Николая Курганова.

¹ URL: <http://dspace.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/1122>

В центре же внимания в третьей главе оказывается первый, сохранившийся в настоящее время в единственном списке перевод *Анофегмат*. Детально характеризуется сам список, обращается внимание на существующие дефекты (отсутствие общего заглавия, пропуски, вероятнее всего, восходящие к ошибкам не дошедшего до нас протографа, искажения смысла, ошибочные чтения и т. д.). Отмечается, в частности, что в некоторых случаях утрачиваются даже имена собственные (например, в результате утраты имени польской королевы Ядвиги «читатель так и не узнает, о какой королеве идет речь» (I, 24), а вследствие исчезновения имен некоторых философов возникают ошибочные атрибуции отдельных высказываний – I, 25).

Реконструируется источник русского перевода: на эту роль с наибольшей степенью вероятности претендует третье издание *Анофегмат* (Любча, 1614), так как оно оказывается «самым текстуально близким» и «переводчик следует за ним довольно точно» (I, 28), однако возможно предположить и то, что «древнерусский переводчик держал в руках экземпляр утраченного второго издания» (I, 28), появившегося предположительно в Вильно в начале XVII в. (I, 14). Таким образом, мотивировка интереса именно к этому переводу получает дополнительные основания: при том, что дошедший до нас экземпляр явно не безупречен (что отмечает и сама исследовательница – I, 22), он может содержать информацию, косвенно (и гипотетически) позволяющую дополнить наши представления о сугубо польской истории *Анофегмат*.

Отдельно характеризуются переводческие стратегии неизвестного древнерусского автора. Среди них выделяются как достаточно традиционные для переводчиков того времени приемы (христианизация древности, проявляющаяся зачастую в механической замене множественного числа «боги» на единственное «Бог» (иногда с уточнением – «вышнему Богу» – I, 29) или в замене имен языческих божеств на нейтральные категориальные понятия, зачастую в ущерб смыслу и пониманию; сокращение пространных авторских комментариев, обусловленных сверхзадачами дидактического или политического характера, которые ставил пред собой Беньаш Будный и которые оказались чужды русскому переводчику; так называемая деполонизация перевода), так и специфические, определяющиеся особенностями именно этого сборника. К числу последних относятся сложности в передаче огромного количества собственных имен, но главное – специфика работы с многочисленными стихотворными цитатами из классических авторов, которые – иногда только по-латыни, иногда с переводом на польский язык, чаще всего с библиографическим описанием источника цитаты – так любил вставлять в свой текст Б. Будный. Отмечается, что, несмотря на явные трудности при передаче латинских стихов на русском языке и некоторое тяготение к традиционным принципам морали (в результате чего, например, «поэтические образы богини любви Венеры и ее игривого сына Купидона, любовными стрелами уязвляющего сердца людей, заменяются в переводе традиционным определением чувственной любви» (I, 39) – существительным «похоть»), «тем не менее следует отметить, что именно наш переводчик

перевел намного больше стихотворных строк из комментариев Будного, чем автор второго древнерусского перевода или переводчик петровского времени. Поэтические цитаты (с упоминанием или без упоминания имени автора) из Овидия, Горация, Ювенала, Сенеки, Вергилия, Корнеллия Галла, Лукана, Теренция, Боэтия и Проперция появляются сравнительно часто. И это нельзя не поставить ему в заслугу» (I, 39–40).

Особый раздел (3.6. Переводческие «вольности» – I, 42–44) посвящен анализу «странных переводческих решений», необъяснимых общими установками переводчика на демифологизацию и деполонизацию оригинального текста. Так в рассказе о пренебрежении Аристиппа к деньгам вместо слова *куропатка* стоит слово *раб*²: «Raz kupił sobie **kuropatwę** za pięć talarów. Единою купи себе **раба** пятию сребреники» (I, 43). По мнению исследовательницы переводчик произвел замену сознательно, «так как ему, видимо, показалось, что никто не мог потребовать пяти серебряных талеров за куропатку», но «замену эту трудно признать удачной» (I, 43)³. Думается, что в этом случае (в отличие от других, разбираемых в данном разделе) мы имеем дело все же не с сознательной переводческой правкой, а с опиской в конкретной рукописи: «раб» вместо «ряб». Ведь по данным словарей имеется регулярное употребление формы *ряб* в значении «рябчик, куропатка» и в XVIII в., и в современных архангельских, псковских, вологодских, владимирских, уральских говорах⁴.

Относительно же личности переводчика в соответствующем небольшом разделе исследования (I, 45–46) высказывается предположение, что, возможно, им был кн. Михаил Кропоткин, однако отмечается, что для подтверждения или опровержения этой гипотезы «необходимо сопоставление публикуемого текста с автографами других переводов Кропоткина с польского языка» (I, 45), тогда как в настоящее время наблюдений по этой теме еще явно не достаточно.

Большая же часть тома (I, 55–194) содержит собственно публикацию четырех книг первого древнерусского перевода *Анофегмат* Беняша Будного по списку БАН П I 100.

Принципы издания текста подробно изложены на с. 195–196. Особо отметим технику представления в издании поэтических и прозаических фрагментов античных авторов, процитированных Б. Будным: «Поскольку Будный включил в свой сборник довольно много стихотворных и прозаических вставок на латинском языке, нам показалось целесообразным привести

² В списке БАН П I 100 уверенно читается «купи себе раба» (л. 23) – устное сообщение Э. Малэк.

³ Попутно Э. Малэк отмечает, что переводчик Петровского времени подобной замены не производит: «Некогда купил себе **куропат** за пять ефимков, некто же ему то во избыток вменил». Цит. по: *Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книги три. В них же положены различныя вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и беседования различных философов древних*. Переведены с польского на славенский язык. М., 1711. С. 10 (I, 43).

⁴ «Возгласи *рябь*, собра, их же не роди» // Словарь Академии Российской: В 6 ч. 1789–1794. СПб., 1794. Т. 5. Стб. 277; «В лесу живут пеструхи, куропти, *рябы*» арх., 1847; «сосстрелил *ряба*» печор., беломор. // СРНГ. Вып. 35. СПб., 2001. С. 330.

оригинальные тексты в примечаниях. В случае если перевод латинского стиха сопровождался в оригинале его переводом на польский язык, приводятся оба варианта, чтобы читатель мог оценить, к которому из текстов восходит перевод. В рукописи БАН переводы стихотворных вставок приводятся без разбивки на стихи, в издании же делается попытка восстановить стихотворную форму на основании польского текста. В случае если переводчик перевел польскую или латинскую пословицу, в примечаниях приводится ее текст в оригинальном звучании и дается ссылка на *Новую книгу польских пословиц*⁵» (I, 196).

Издание снабжено указателем имен (I, 197–211), списками сокращений (I, 212) и иллюстраций (I, 213).

* * *

Второй том «Библиотеки русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы» является результатом совместного труда Э. Малэк и С.И. Николаева и посвящен переводческой работе над *Апофегматами* Беняша Будного в Петровское время.

Первая глава – «Беняш Будный и его *Апофегматы*» – содержит еще более подробную информацию об авторе польского сборника. В частности, отмечается, что некоторые комментарии Будного могут быть навеяны теми или иными обстоятельствами его личной биографии. Так, в связи с обстоятельствами его придворной службы в Вильно исследовательница замечает: «Сам Будный, по-видимому, тоже тяготился статусом слуги и опасался за свое будущее, поскольку, будучи уже в преклонном возрасте, как бы вспоминая свой давний комментарий к апофегме об Анаксагоре, в котором писал, что у “малоразсудных господ старый слуга ничем не разнится от старой собаки...”, иносказательно намекает на упрек философа в адрес князя... <...> И в другом месте ответ Аристиппа на вопрос тирана Дионисия, почему философы так часто бывают у господ, а господа редко навешают философов, Будный снабжает своими раздумиями о ситуации “ученых людей” вообще, в число которых, как можно полагать, он включает и себя» (II, 12). Представляет интерес анализ комментаторских принципов Будного (II, 16–18) и его писательских стратегий (II, 19–20). Дополнены по сравнению с первым томом сведения о редакторских изменениях в последующих польских изданиях памятника.

В центре внимания во второй главе – «Петровский перевод *Апофегмат* Б. Будного» – оказывается текст, относящийся к Петровской эпохе и изданный в 1711 г. Обсуждается вопрос о том, что для этого издания был использован вполне самостоятельный перевод, не находящийся в генетической связи с более ранними древнерусскими переводами сборника (в отличие от ранее бытовавшего в науке иного мнения). В связи с наличием в собрании РГАДА⁶ рукописи, содержащей правку перевода *Апофегмат*

⁵ Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Red. J. Krzyżanowski. T. I–IV. Warszawa, 1969–1978.

⁶ РГАДА. Ф. 381. № 1579.

на этапе подготовки текста к изданию, становится возможным судить об основных принципах этого процесса, среди которых особенно отмечаются стремление «устранить из перевода признаки книжного церковнославянского языка» (II, 37) и просторечные выражения (там же). Обращается внимание на то, что редакторская работа «шла и во время печатания книги» (II, 40), а сам процесс, вполне возможно, осложнялся большой спешкой (там же). В качестве же рабочей гипотезы об источнике этого перевода предлагается версия о том, что «переводчик держал в руках дефектный экземпляр третьего, выпущенного Петром Бластусом, издания *Кратких и витиеватых повестей*» (II, 42).

Чертой, отличающей петровский перевод от других и прежде всего бросающейся в глаза читателю, оказывается отсутствие в нем четвертой книги, содержащей изречения мудрых и разумных жен. В качестве возможных причин выдвигается как гипотеза о сознательной редакторской правке («С логической точки зрения книга четвертая... могла показаться ненужной, излишней, нарушающей общую концепцию сборника, в котором ведущую роль играли мужчины» – II, 43), так и более прозаическое (и, кажется, гораздо более правдоподобное, учитывая все-таки очевидный интерес авторов этой эпохи к женщинам и женским образам в литературе) предположение о механической порче, неполноценности оригинала, имевшегося в распоряжении переводчика (там же).

Чрезвычайно интересны наблюдения, полученные в результате сравнения петровского перевода *Апофегмат* с двумя предыдущими. Так, отмечается, что новый переводчик чаще опускает комментарии Будного, причем не только в тех случаях, когда они могли показаться ему слишком политически ангажированными или связанными с сугубо польскими обстоятельствами и реалиями. Исследователи предполагают, что «переводчик Петровского времени принадлежал к тому поколению книжников, которые ценили буквальное значение литературного текста, и поэтому хотел дать своим читателям древнюю апофегму или исторический анекдот в “чистом” виде, оставляя ему возможность делать выводы, соответствующие содержанию данного текста, не через декларации и поучения автора, а через сюжет, коллизии» (II, 45).

Среди сугубо индивидуальных особенностей рассматриваемого перевода отмечается утрата «выходных данных» источников тех или иных цитат, которые охотно приводит Будный, и «внутритекстовых ссылок» (II, 47–48). Большой интерес представляет тщательный разбор не понятых или неверно интерпретированных переводчиком польских афоризмов, пословиц и поговорок, фразеологических единиц или просто отдельных лексем и словосочетаний (II, 49–61).

Петровский перевод *Апофегмат* рассматривается в диахронии – третья глава исследования посвящена его эволюции и рассматривает основные переиздания и редакции (включая чрезвычайно ценный список сохранившихся в настоящее время старопечатных сборников – II, 76–81), четвертая – апофегмам в составе знаменитого «Письмовника» Николая Курганова (включая

аналитические наблюдения по поводу принципов отбора и редакторской работы над текстами, оказавшимися включенными в сборник).

Особый интерес для исследователей низовой литературы и фольклора XVIII столетия представляет пятая глава – «Рукописные списки с изданий *Кратких, витиеватых повестей*: от буквализма к творческому переосмыслению» – в которой фиксируются точные копии с печатных изданий (II, 96–97), выявляются копии с пометами переписчиков и читателей (II, 98–100), устанавливаются индивидуальные рукописные подборки и переделки (II, 101–107). Главу завершает реестр рукописей из фондов РГБ, РГАДА, ГИМ, РНБ, БАН, ИРЛИ РАН, Института литературы Украинской АН – списков с изданий *Анофегмат* 1716, 1723 и 1745 гг. (II, 108–114).

В шестой главе – «Читатели *Кратких, витиеватых повестей*» – исследователями обсуждаются социокультурные факторы, обусловившие «долгую жизнь малой книжки», и предлагается сословно-территориальная стратификация российской читательской аудитории *Анофегмат* в переводах и переработках XVIII столетия.

Вторую половину тома составляют два Приложения: во-первых, переиздание (II, 139–253) *Кратких, витиеватых повестей книги три* (1711), предваряемое очерком принципов издания текста; во-вторых, факсимильное воспроизведение *Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книги три* (II, 254–415).

Издание также снабжено списком сокращений (II, 127–131) и указателем имен (II, 132–136).

В настоящее время в издательских планах «Библиотеки русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы» – труд Е. Маѣк «*Повесть утешная о купце* Беняша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью)», суммирующий многолетние научные разыскания по вопросам генезиса и эволюции одного из популярных сюжетов европейской новеллистики. Хочется пожелать коллегам-медиевистам и несомненно перспективному исследовательскому и издательскому проекту успехов по введению в широкий научный оборот самых разных переводных текстов этой яркой и интересной эпохи.

А.В. Архангельская, С.В. Алтатов

Сведения об авторах: *Архангельская Анна Валерьевна*, доцент кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: aghanna@mail.ru; *Алтатов Сергей Викторович*, доцент кафедры русского устного народного творчества филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alpserg19@yandex.ru

Ораич Толич Д. Хлебников и авангард / Пер. с хорват. Н. Видмарович. М.: Вест-Консалтинг, 2013. 183 с.

Начало XX в. – эпоха экспериментов. В самом широком их понимании. Глобальные перемены, поиски нового взгляда на вещи коснулись всех основополагающих сфер человеческой жизни. Разумеется, это не обошло стороной философию, искусство и политику. Именно эти три культурных пласта сквозь призму такого явления, как *авангард*, рассматривает хорватская исследовательница Дубравка Ораич Толич. Это новое веяние ворвалось в жизнь людей и было воспринято с энтузиазмом, как вызов всему закостеневшему, будничному.

Одной из ярчайших фигур русского и мирового авангарда является Велимир Хлебников, которому и посвящена рецензируемая книга. Она имеет трехчастную композицию. Если абстрагироваться от авторского деления книги, а именно: «Авангард как утопическая культура», «Заумь и дада», «Звездный язык», «Сверхповесть», «Хлебников и женщина», «Универсальный календарь», «Палиндромный апокалипсис», – по прочтении можно говорить о таких крупных «тематических блоках», как собственно авангард (что, зачем, почему и как), Хлебников и, наконец, поэтический отклик Дубравки Ораич Толич на творчество любимого поэта и на события эпохи.

Стоит обратить внимание на авторскую позицию в отношении изучаемого экспериментального периода в истории. Читателю предложена любопытная точка зрения на это культурное явление. Возможно, она не во всем нова, но определенно интересна и полезна. Полезна тем, что помогает выстроить общую систему координат, в которую, с одной стороны, укладываются разные сферы жизни общества, а с другой – внимание в этой системе акцентируется на языке, безусловно отражающем картину мира, свойственную как эпохе вообще, так и отдельно взятой личности. В эту систему гармонично укладываются не только социально-политические изменения, смена эстетических идеалов, развитие философской мысли, но и революционные исследования в области науки о языке, открытия в области психоанализа. Д. Ораич Толич мыслит авангард как утопическое мировоззрение, появившееся вполне закономерно. Подводя читателя к данному выводу, исследовательница сводит вместе следующие проблемы истории человечества на разных этапах: меняющееся восприятие времени, эволюция языковых систем, развитие научной мысли (в частности, в области теории языкового знака). От древнейших эпох с их онтологическим мышлением наблюдается переход к длительной стадии гносеологического мышления, и наконец эволюция человеческого восприятия мира, сопровождаемая изменяющимися социально-политическими условиями, приводит к наступлению периода утопического мышления, в рамках которого и возникает авангард как культура.

Эта первая, вводная, часть книги представляется наиболее связной и объективной, дающей общее представление о ходе мысли автора, о его взгляде на футуристическое, новаторское движение вообще. Ведь Д. Ораич Толич понимает это движение очень широко и прослеживает три фазы его развития: эстетическую, политическую и философскую. Для исследовательницы это не просто срез в истории культуры, а явление с собственной исторической обусловленностью, претерпевшее свое развитие со своим расцветом, имевшее временную протяженность. Явление, повлиявшее на разные области жизни людей. Автор ратует за целостный подход в его исследовании: как в синхронии, так и в диахроническом рассмотрении.

Ярчайшими представителями поэтического авангарда Ораич Толич называет Велимира Хлебникова и Алексея Крученых. Эти поэты – представители разных граней одного культурного явления, их поэтические системы, взгляды на язык различны. Их творчество – две диаметрально противоположные «модели семиотического утопизма» (с. 17). В чем суть этого противопоставления? В чем состоит разница между «звездным языком» Хлебникова и заумью Крученых? «По всем существенным характеристикам заумь Крученых была прототипом авангардного *антикультурного утопизма*, звездный язык Хлебникова – авангардного *транскультурного утопизма*» (там же), – так отвечает на поставленные вопросы автор книги. Под антикультурной моделью Крученых понимается стремление разрушить «все известные значения, находящиеся в естественно-языковом семантическом коде, категорию предмета, а вместе с тем и сам естественно-коммуникативный языковой знак» (с. 18), иными словами, его заумь пытается выйти за пределы существующих семантических систем, это нечто совершенно новое. Поэтический язык Крученых антиреференциален. Он, скорее, взывает к интуитивным ощущениям, ассоциациям, нежели к «расшифровке» нового кода. Хлебников же, наоборот, «возобновлял древние или создавал новые онтологические связи между знаком и предметом», «в особых выражениях или целых глоссариях разъяснял свои новые значения, строил новый семантический код» (там же). Его поэтический язык можно назвать транс- или даже метареференциальным. Недаром исследователи, да и просто читатели обращают внимание на то, что в текстах Хлебникова присутствует очевидная тяга к «корням», он относится к слову как к чему-то особому, имеющему настоящую силу. Мы можем наблюдать у него синтез архетипических представлений, индивидуального авторского взгляда и неизменно нового звучания. И даже сами звуки несут полноценную смысловую нагрузку. За каждым согласным стоит целый ряд образов.

С такого сопоставления двух моделей авангардного утопизма в поэзии начала XX в., с выявления особенностей функционирования и построения «звездного языка», с его ярких отличий от зауми, авторского переосмысления и наделения особой семантикой языковых единиц и начинается анализ творчества Велимира Хлебникова.

Об основной части книги, посвященной непосредственно этому автору, можно сказать, что она несколько отрывочна. Вернее, центральная часть книги по своей структуре больше напоминает сборник, где опубликованы работы, посвященные разным вопросам, связанным с творчеством поэта. Впрочем, это нельзя считать просто недостатком. Здесь можно разглядеть

свою драматургию. Перед нами разностороннее освещение поэтической системы Хлебникова. Д. Ораич Толич, как мы помним, придерживается системного подхода к вопросу. Даже анализируя отдельные мотивы и образы, она вписывает их в общую картину всего творчества автора, старается проследить их развитие, бытование в разных текстах поэта. Это, безусловно, немалый плюс.

Несколько смущает другое. Отдельные выводы, к которым приходит исследовательница, вызывают удивление и вообще выглядят спорными. Удивляют, потому что анализируются такие детали и особенности поэзии Хлебникова, на которые читатель, знакомясь с его произведениями, может просто не обратить внимания. Но само по себе это очередной плюс данной работы. А минус состоит в том, что некоторые заключения кажутся слишком субъективными, умозрительными. Это тот случай, когда читателю и исследователю есть о чем поспорить, по крайней мере, есть о чем поговорить. Исследовательница иногда словно предлагает идеи, версии, оставляя каждому право соглашаться с ними или нет. Хотя при этом очень логично строит свою мысль.

Д. Ораич Толич очень ценит и любит поэзию Велимира Хлебникова. Научный стиль работы не может скрыть проскальзывающее между строк восхищение. Восторженный отзыв хорватской ученой об этой поэзии мы читаем «вместо заключения». Внимательный и столь же заинтересованный читатель Хлебникова, держа в руках ее книгу, может вступить с исследовательницей в своеобразный диалог.

В центре внимания автора в первую очередь оказывается сверхповесть «Зангези». В этом произведении Ораич Толич видит «апогей творчества» Хлебникова и анализирует структуру жанра сверхповести, опираясь на формулировки самого поэта и на принцип монтажа в искусстве.

Глава «Универсальный календарь» – своего рода краткий экскурс в понимание системы времени будетлянином. Здесь речь заходит о неизвестных «Досках судьбы», о законах и закономерностях истории, которые пытался рассчитать Хлебников, о его особом отношении к числам и датам общемирового календаря. Эта увлекательная и непростая тема представлена в книге бегло, словно привлечена в ознакомительных целях. Исследовательница и не претендует на предоставление исчерпывающей информации, вероятно, тема интересна ей, но это не совсем ее профиль. В первых строках «Универсального календаря» она заявляет читателю, что это более эссе, нежели статья. А затем: «Точными науками я не занимаюсь, так что не могу проводить конкретного анализа хлебниковских законов времени или же проверять точность его расчетов временных волн. Однако могу попытаться проследить, каким образом возник хлебниковский проект об универсальных законах времени и в чем состоит суть культурологических вопросов, задаваемых с интердисциплинарной точки зрения» (с. 120). Один из главных вопросов, которые пытается «решить» данная глава: как в творчестве Хлебникова соотносилась поэзия и наука? Данная часть книги, действительно, может дать общее представление о направлении мысли поэта относительно категории времени и закономерностей исторических явлений. Для тех, кто не знаком с его теорией, это эссе – хорошее введение в суть вопроса.

Необходимо заметить, что автор книги «Хлебников и авангард» в ходе своих рассуждений приводит много полезных ссылок на имена, работы, непосредственно связанные с развиваемой ею темой. Это поможет любому заинтересовавшемуся читателю сориентироваться в данном вопросе и обратиться к нужному источнику.

Что касается заключительной, третьей части книги, а именно «Палиндромного апокалипсиса» Дубравки Ораич Толич в переводе Радомира Вентурина, то лучше целиком оставить этот поэтический финал на суд читателей. Стоит лишь сказать, что произведение состоит из пяти Криков.

Книга Д. Ораич Толич вызывает противоречивые ощущения. На это есть несколько причин. Некоторые уже были перечислены. Стилистическая разнородность, желание охватить разные аспекты творчества Хлебникова и поместить их в контекст авангарда в целом, а также анализ отдельных образов и мотивов местами породил некую лоскутность повествования, хотя внутри каждой главы автор стремится к обобщению накопленных фактов и их систематизации. Насыщенность текста терминологией, с одной стороны, кажется избыточной, затрудняющей восприятие, а с другой – с точки зрения собственно филологического подхода термины подобраны точно. Не будет ли «спотыкаться» заинтересованный читатель, взяв в руки эту книгу о Хлебникове? Или же она адресована исключительно специалистам? Во всяком случае, благодаря эмоциональности автора эта книга могла бы найти отклик у отзывчивых любителей футуристической поэзии.

В аннотации, написанной Йосипом Ужаревичем, сказано: «Перед нами интересная, полезная, стимулирующая книга, которая удачно соединяет интуицию, игру и научную дисциплинированность» (с. 2). Пробежав глазами это высказывание на обложке, можно не придать ему какого-либо значения. Но в процессе чтения все чаще возвращаешься к этой формулировке. Она справедлива. Книга интересна. Полезна, так как предлагает свой вариант систематизации представлений об авангарде. Ее можно назвать стимулирующей: она вызывает читателя поучаствовать в «дискуссии» с автором. И она действительно сочетает в себе научную основу, интуитивные находки и игру.

А.Е. Харитонова

Сведения об авторе: *Харитонова Анна Евгеньевна*, студентка 3-го курса бакалавриата филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: annakha93@mail.ru

H r d l i č k a M. Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010. 248 с.

Принадлежащая перу директора Института богемистических исследований (Ústav bohemistických studií) философского факультета Карлова университета в Праге рецензируемая книга посвящена основным аспектам изучения и преподавания чешского языка как иностранного и представляет собой переиздание (в ряде случаев с определенными сокращениями) его наиболее значимых статей по данной проблематике, опубликованных в 1995–2009 гг. в Чехии и за рубежом, см. их библиографическое описание, а также отсылки на близкие по тематике работы их автора в [Hrdlička, 2010: 237–245].

В **первой главе** рассматривается содержание интердисциплинарной по своей сути специальности «чешский язык как иностранный», подвергшееся в последние десятилетия существенным изменениям, связанным в свою очередь с изменившейся геополитической ситуацией. После вхождения Чехии в Евросоюз не просто существенно увеличилось число изучающих чешский язык, но и дифференцировались их потребности: одни собираются в Чехии получать (или продолжать) профессиональное образование, другие – работать или заниматься предпринимательством, третьи получают здесь политическое убежище и т. д. Наконец, огромное количество жителей соседних стран регулярно приезжают в Чехию на выходные для пешего или велосипедного туризма (отметим в этой связи, что, например, в средних и высших учебных заведениях Саксонии по статистике за 2012 г. чешский язык уступал из живых иностранных языков лишь английскому, французскому, русскому и испанскому [Воробьева, Изотов, 2013]). Тем самым насущной стала потребность как в разграничении понятий «чешский как иностранный» и «чешский как второй язык» (первый изучают туристы, второй – те, кто собирается в Чехии проживать, ср. принятые в англистике EFL и ESL [Harmer, 2007: 12–13]), так и в разграничении учебных программ для специальностей «преподаватель чешского языка [для его носителей]» и «преподаватель чешского языка для иностранцев». Последняя специальность предполагает, помимо собственно богемистических знаний, также профессиональное владение английским и хотя бы еще одним иностранным языком, ориентирование в сравнительно-сопоставительной и типологической проблематике, владение современными методиками преподавания и умение разрешать конфликтные ситуации. Далее отмечаются культурологический, исторический, социолингвистический, психолингвистический и этнографический компоненты (с. 21–22).

Отмечаются заслуги тех, кто стоял у истоков формирования новой дисциплины и излагается история Института богемистических исследований, характеризуются основные обеспечиваемые им в настоящее время формы обучения, а именно: (1) профессиональная подготовка преподавателей чешского языка как иностранного (в настоящее время реализуются учебные

программы подготовки бакалавра, магистра и доктора, см. [Воробьева, Изотов, 2013]); (2) преподавание чешского языка для иностранных студентов-небогемистов (4 часа в неделю практического языка на 1 курсе и 2 часа в неделю на 2 курсе); (3) курсы для стажеров (пять уровней исходных знаний чешского языка); (4) годовой курс (12 недель в зимнем семестре и 12 недель в летнем) чешского языка, истории, литературы, культуры, готовящий иностранцев для учебы в чешских вузах; (5) летняя школа славянских исследований (Letní škola slovanských studií) – месячный интенсивный курс (120 академических часов) для слушателей различных уровней от нулевого до профессионального.

Вторая глава посвящена анализу так называемого коммуникативного метода, который рассматривается как наиболее подходящий для целей и задач преподавания чешского языка иностранным слушателям. Описывается история его возникновения в контексте иных методов (аудиооральный метод в США, ситуационный метод в Британии, аудиовизуальный во Франции и т. д.) и его использование в современной практике. Особо отмечается, что коммуникативный метод отнюдь не предполагает отрицания системной подачи грамматического и лексического материала, как это порой происходит в декларативно «коммуникативных» учебниках, которым сейчас несть числа. Не вполне удачное использование основных принципов коммуникативного метода иллюстрируется на материале весьма популярного у преподавателей коммерческих курсов чешского языка для иностранцев и регулярно переиздаваемого учебника [Parolková, Nováková, 2001].

Особую ценность для зарубежного богемиста представляет, без всякого сомнения, **третья глава**, посвященная лингвистическим и лингводидактическим аспектам стратификации современного чешского языка. Дело в том, что весьма сложной является не только сама современная чешская языковая ситуация, но и ее интерпретации ведущими богемистами. И если полвека назад П. Сгалл, инициировавший дискуссию о статусе и перспективах того, что в советской богемистике стало принято называть «обиходно-разговорным чешским языком» [Сгалл, 1960], получил суровую отповедь от самого академика Б. Гавранека и его не менее именитых коллег, см. [Белич, Гавранек, Едличка, Травничек, 1961; Havránek, 1963], то сейчас, уже сам, став признанным авторитетом, он вновь завязал на страницах ведущего чешского лингвистического журнала Slovo a Slovesnost на ту же тему не менее эмоциональную дискуссию, в которой на обеих сторонах участвовали богемисты мирового уровня, ср. [Čermák, Sgall, Vybíral, 2005; Kořenský, 2005; Oliva, 2005].

Несколько огрубляя положение вещей, можно констатировать, что на большей части современной Чешской Республики (западные две трети ее территории) сложилась ситуация, близкая к ситуации классической диглоссии, когда в качестве «высокого идиома» выступает «литературный чешский язык» (spisovná čeština), а в качестве «низкого идиома» – «обиходно-разговорный чешский язык» (obecná čeština), подробнее см. [Изотов, 2013b]. На оставшейся восточной трети территории Чешской Республики в аналогичные диглосные отношения с литературным чешским языком может вступать местный диалект или интердиалект. Речь идет о центрально-моравском интердиалекте (obecná hanačtina = obecná středomoravština),

моравско-словацком интердиалекте (obecná moravská slovenština), а также о моравско-силезском интердиалекте (obecná laština), при этом степень сформированности данных интердиалектов весьма различна. Эта «диглоссность» чешской языковой ситуации может отрицаться вообще, либо может признаваться с оговорками (например, как «постдиглоссность»).

Помимо терминов spisovná čeština и obecná čeština весьма употребительным является также термин hovorová čeština, традиционно переводимый на русский язык как «разговорный стиль чешского литературного языка». По замыслу богемистов Пражского лингвистического кружка, которые ввели его в обиход в рамках «теории языковой культуры», речь идет об идиоме, призванном использоваться в ситуациях неофициального общения теми, кто привык активно употреблять «литературный чешский язык», и выступающем в роли своего рода фильтра, через который элементы «обиходно-разговорного чешского языка» или диалектизмы проникают в литературный язык, обогащая и развивая его.

К сожалению, в термины obecná čeština, hovorová čeština, а также в труднопереводимый, однако весьма употребительный термин běžně mluvená čeština (букв. «обиходный чешский») различные исследователи порой вкладывают совершенно различное содержание, понимая их и в плане сосюрровского langue, и в плане parole, совершенно по-разному соотнося их между собой, а также с классическим термином spisovná čeština и с новомодным термином standardní čeština (букв. «стандартный чешский»).

В рецензируемой книге предлагается компактное и вместе с тем максимально информативное изложение взглядов на данную ситуацию ведущих чешских и зарубежных богемистов от Гавранека и Белича до ныне живущих авторов, а также подробная библиография основных работ по данной проблематике (с. 66–70). Естественно, мы не можем поставить автору в вину, что эта библиография не смогла включить в себя вышедшие уже после сдачи книги в печать концептуальные работы [Bermel, 2010] и [Mluvená..., 2011].

Весьма ценно и мнение автора относительно того, какой же чешский язык из перечисленных (spisovná/standardní čeština, hovorová čeština, běžně mluvená čeština) следует преподавать иностранцам.

Дело в том, что в некоторых новомодных «коммуникативных» учебниках чешского языка для иностранцев, авторы которых решили не нагружать читателей лишней, по их мнению, грамматической премудростью, а знакомить их с «живым» чешским языком, обиходно-разговорные формы подаются на первых же занятиях, причем не вместе с соответствующими литературными формами, а **вместо** них. Это обычно мотивируется ссылкой на жалобы тех, кто якобы прилежно изучал у себя дома «литературный чешский язык», однако, впервые попав в Чехию, оказался в глупом положении, совершенно не понимая «обиходно-разговорного чешского» окружающих. Однако в данном случае масштаб расхождений между литературным и обиходно-разговорным чешским языком явно преувеличивается. Языковой шок, который могут испытать впервые попавшие в страну изучаемого языка и там столкнувшиеся с «языком улицы», – достаточно обычное явление для любой страны, особенно если речь идет о не очень хорошем владении

соответствующим языком. Как показывает практика, среди слушателей Института богемистических исследований лишь около 5 % владеют чешским на продвинутом уровне, и они-то никаких проблем с пониманием обиходно-разговорного чешского языка не испытывают (с. 78).

Бесспорно, изучающий чешский язык должен иметь представление и о его нелитературных формах, однако на начальном этапе обучения приоритет должен отдаваться языку литературному, в поддержку чего можно сказать прежде всего следующее:

Во-первых, в сложившейся мировой практике преподавания языка иностранцам базовым является наиболее социально престижный идиом (трудно себе представить, чтобы, например, подготовка зарубежного германиста началась с изучения баварского диалекта или берлинского просторечья). Далее, от иностранца, как правило, ожидается следование литературной норме (включая произносительную), любые отклонения от которой воспринимаются большинством рядовых носителей языка однозначно негативно. Наконец, использование литературного языка в целом ряде ситуаций официального общения обязательно (с. 76). К этому добавим, что литературный язык в принципе универсален, он применим во всех сферах коммуникации и на всей территории Чешской республики, тогда как обиходно-разговорный чешский неуместен на большей части Моравии и Силезии и недопустим в официальных сферах общения.

В результате более серьезные проблемы с коммуникацией могут быть как раз у того, кто выбрал обиходно-разговорный чешский вместо литературного. Да и учить обиходно-разговорный язык с его не до конца устоявшейся нормой и широкой вариативностью гораздо сложнее: например, вместо одной литературной формы творительного падежа числительного *čtyři* 'четырьмя' надо выбирать из возможных обиходно-разговорных вариантов *čtyřma*, *čtyrma*, *štyřma*, *štyrma*, ... (с. 79).

Как показало пилотажное анкетирование слушателей Института богемистических исследований, интерес к углубленному изучению обиходно-разговорного чешского языка характерен для студентов с высоким уровнем языковой компетенции (прежде всего для иностранцев-славян), студентов же начального уровня возможность и/или необходимость выбора из нескольких возможных вариантов часто сбивает с толку и воспринимается ими как гандикап (с. 74).

Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что хотя зарубежный богемист должен с самого начала получать адекватное представление о стилистической и функциональной стратификации языка чешской нации, слишком раннее активное освоение морфологических особенностей обиходно-разговорного чешского языка (а именно на них обычно обращают внимание, см. [Изотов, 2005]) может привести к формированию нежелательного «гибридного» способа выражения, который вроде бы позволяет студенту успешно общаться (он понимает реплики собеседников, а собеседники понимают его) и лишает его стимула для дальнейшего обучения. Как показывают многолетние наблюдения автора, обучение обиходно-разговорному языку после освоения языка литературного гораздо эффективнее, чем наоборот (с. 82).

Как справедливо отмечает автор, на начальном и средне-продвинутом этапе гораздо продуктивнее знакомство студента с фонетической и лексической стороной обиходно-чешского языка (с. 82). Отметим, однако, что в существующих словариках чешской обиходно-разговорной лексики, которые могут формироваться на основе интуиции составителя, как в [Sgall, Hronek, 1992: 134–170], либо на основе выборки снабженной соответствующей пометой лексики, как в [Изотов, 2009: 60–88], отсутствуют данные о реальной употребительности тех или иных единиц в современной чешской речи. Поэтому, если мы решим не удовлетворяться собственной интуицией, нам предстоит весьма нелегкая, хотя технически и решаемая обращением к корпусному материалу (см. [Изотов, 2013a]) задача по выявлению среди моря обиходно-разговорной лексики тех единиц, которые должны изучаться в первую очередь, во вторую очередь и т. д.

Анализ нескольких популярных учебников чешского языка для иностранцев ([Čechová, Trabelsiová, Putz, 1993; Naughton, 1987; Roubalová 1996; Vlasák, Šára, Šárová et al., 1969]) иллюстрирует следующие недостатки в подаче обиходно-разговорного материала: (а) произвольное смешение книжных, нейтральных и разговорных выразительных средств; (б) нежелательный «гибридный» способ выражения (code-mixing); (с) неудачная стилизация под обиходно-разговорный язык, учитывающая исключительно морфологические аспекты и игнорирующая аспекты лексические; (d) отсутствие квалифицированного комментария [с. 86–88].

Четвертая глава посвящена проблемам подачи грамматического материала в учебниках чешского языка для иностранцев. Автор вновь подчеркивает, что коммуникативный подход к преподаванию отнюдь не предполагает игнорирования или симплификации грамматического материала (с. 91). Отметим попутно, что лингводидактические аспекты чешской грамматики подробно рассматриваются в монографии автора [Hrdlička, 2009]. Особое внимание в главе уделяется глагольным категориям вида (с. 110–116) и времени [с. 117–121], традиционно сложным для иностранцев-неславян.

В пятой главе рассматриваются некоторые социокультурные аспекты преподавания чешского языка как иностранного. Обращая внимание на то, что, по данным [Encyklopedický..., 2007: 126], за пределами Чешской Республики живет около двух миллионов (!) этнических чехов, автор предлагает учитывать соответствующие идиомы при описании единого чешского языка, потому что иначе не придется ли, например, рассматривать «техасский чешский» (равно как «венский чешский», «банатский чешский» и т. д. – *А. И.*) как самостоятельный западнославянский язык? (с. 129). Учитываться должны также, по мнению автора, такие гибридные реализации чешского национального языка, как, например, язык чешских глухонемых, язык чешских цыган и, наконец, язык сотен тысяч мигрантов, имеющих в Чехии вид на жительство [с. 128–129]. Вспоминая малоизвестный факт обсуждения передачи Чехословакии по репарациям немецкой колонии Того, автор фантазирует о нереализованной возможности создания на базе чешского креольских и пиджин языков [с. 128].

Отметив, что, обращаясь к проблеме соотношения языка и национального характера, исследователь находится на тонком льду, автор рассказывает о предпринимавшихся в недавнем прошлом попытках связывать особен-

ности чешского менталитета с такими особенностями чешского языка и чешского речеупотребления, как фиксированное ударение на первом слоге, обилием уменьшительно-ласкательных наименований, обилие топонимов с пейоративной внутренней формой типа *Hrdlořezy* (с. 136–137). Рассматриваются и некоторые другие особенности чешского языка, а также современной чешской речи, которые могли бы иметь отношение к данной проблематике (с. 137–139).

Шестая глава посвящена таким отдельным лингводидактическим проблемам, как проблема освоения иноязычного кода (с. 143–153), «центр» и «периферия» в лингводидактике (с. 154–160), концепции курсов чешского языка для тех или иных типов обучаемых (с. 161–167).

В **седьмой главе** на богатейшем материале рассматриваются особенности употребления чешских предлогов, вызывающие проблемы при преподавании чешского языка иностранцам (с. 169–214). Отметим, что речь идет о хорошо знакомой автору проблематике, см. [Hrdlička, 2000].

Восьмую главу составляют своего рода языковые медальоны – лаконичные рассуждения о тех или иных непростых (даже для носителя чешского языка) случаях чешского речеупотребления, ранее публиковавшиеся автором в чешских журналах *Naše řeč*, *Češtinář*, а также в польском журнале *Bohemistyka*. Говоря о чешском императиве, автор выходит за рамки соответствующей морфологической категории, отмечая крайне интересные случаи грамматикализованной транспозиции наклонения, лица и числа, см. также [Изотов, 2008]. В эссе о числительном «пять» весьма интересно наблюдение автора сопровождающими счет от одного до пяти над соматическими жестами представителей разных культур: чехи считают, постепенно разгибая пальцы сжатой в кулак правой или левой руки, начиная с большого пальца и заканчивая мизинцем; в Соединенных Штатах, а также в некоторых других странах счет начинается с разгибания указательного пальца, продолжается в сторону мизинца и заканчивается большим пальцем; в некоторых областях Канады первым разгибается мизинец, а последним – большой палец; в Финляндии не разгибают, а загибают пальцы начиная с мизинца, сходную ситуацию автор предполагает и для России (с. 218).

Суммируя сказанное, безусловно рекомендуем рецензируемую книгу широкому кругу славистов как необычайно для них, особенно для богемистов, полезную.

Список литературы

- Белич Я., Гавранек Б., Едличка А., Травничек Ф. К вопросу об «обиходно-разговорном» чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 44–51.
- Воробьева Н.В., Изотов А.И. Чешский язык в мире и мир в чешском языке: VII Международный симпозиум о чешском языке за рубежом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 5.
- Изотов А.И. Чешский язык: Учебное пособие по развитию уст. речи на материале видеофильмов. М., 2005.
- Изотов А.И. Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М., 2008.

- Изотов А.И.* Обиходно-разговорный чешский язык: материалы к словарю // Язык, сознание, коммуникация. 2009. № 38. С. 55–88.
- Изотов А.И.* Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2013. № 4–1 (22). С. 68–71 (а).
- Изотов А.И.* Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2013. № 1. С. 52–60 (б).
- Сгалл П.* Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 11–20.
- Bermel N.* O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a Slovesnost, 71. Praha, 2010. № 1. S. 5–30.
- Čechová E., Trabelsiová H., Putz H.* Do you want to speak Czech? Chcete mluvit česky? Česká Lípa, 1993.
- Čermák Fr., Sgall P., Vybíral P.* Od školské spisovnosti ke standardní češtině // Slovo a Slovesnost. 66. Praha, 2005. № 2. S. 103–115.
- Encyklopedický slovník češtiny / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2007.
- Harmer J.* How to teach English. Pearson Longman, 2007.
- Havránek B.* Na závěr dvouleté diskuse o obecné a hovorové češtině // Slovo a Slovesnost 24. 1963. № 4. S. 254–262.
- Hrdlička M.* Předložky ve výuce češtiny jako cizího jazyka. Praha: Karolinum, 2000.
- Hrdlička M.* Gramatika a výuka češtiny jako cizího jazyka: K prezentaci gramatiky českého jazyka v učebnicích češtiny pro cizince. Praha: Karolinum, 2009.
- Hrdlička M.* Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010.
- Kořenský J.* K článku Od školské spisovnosti ke standardní češtině: reakce na výzvu k diskusi // Slovo a Slovesnost, 66. Praha, 2005. № 4. S. 270–277.
- Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds. S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011.
- Naughton J. D.* Colloquial Czech. L.; N. Y.: Routledge & Kegan Paul, 1987.
- Oliva K.* Požadavky na úroveň diskuse o spisovné/standardní češtině // Slovo a Slovesnost, 66. Praha, 2005. № 4. S. 278–290.
- Parolková O. Nováková J.* Czech for Foreigners. Praha, 2001.
- Roubalová E.* Učíme se česky. Praha: Karolinum, 1996.
- Sgall P., Hronek J.* Čeština bez příkras. Praha: H&H, 1992.
- Vlasák V., Šára M., Šárová J. et al.* Čeština pro cizince. Le tchèue sur la base du français. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1969.

А.И. Изотов

Сведения об авторе: *Изотов Андрей Иванович*, докт. филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филол. ф-га МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: a.i.izotov@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ СИМПОЗИУМ КЕЛЬТОЛОГОВ – ХРОНИКА СОБЫТИЯ

Симпозиум был организован и проведен 5–9 августа 2013 г. в городе Трир (Германия), основанном в 2009 г., Обществом европейских кельтологов (*Societas Celtologica Europaea*) совместно с Трирским университетом. В конференции приняли участие более 80 кельтологов из 50 различных исследовательских центров, включая специалистов из университетов Трира, Марбурга, Бонна, Утрехта, Вены, Дублина, Кембриджа, Глазго. Большое число докладов было представлено и филологами Московского университета, где исследования в области кельтологии ведутся уже несколько десятилетий.

Подготовка симпозиума длилась около двух лет, с момента его официального объявления на заседании общества *Societas Celtologica Europaea* в рамках XIV Международного конгресса кельтологов (Мэйнут, 2011 г.). Данная конференция является первой подобного рода, однако ей предшествовал ряд симпозиумов немецких кельтологов, проводившихся каждые четыре года, начиная с Первого симпозиума немецкоязычных кельтологов (*Erstes Symposium deutschsprachiger Keltologen*) в 1992 г. Тем не менее организация Первого европейского симпозиума позволила собрать специалистов из большего числа стран, тем самым предоставив возможность для обсуждения последних исследований в области кельтологии, ведущихся на базе различных университетов.

Отдельно следует отметить, что в качестве рабочих языков организаторами симпозиума были предложены не только английский, немецкий и французский, но и современные кельтские языки (при условии предоставления выступающим английского перевода). Данная инициатива, однако, не была поддержана участниками из-за стремления сделать доклады понятными наиболее широкой аудитории.

Открытие симпозиума началось с выступления ректора Трирского университета, профессора *Михаэля Йекеля*, отметившего, что, несмотря на отсутствие в университете полного курса по кельтологии, его студенты имеют возможность посещать дополнительные лекции и семинары по истории кельтов (древний и средневековый периоды), а также по истории исследования индоевропейских и кельтских языков. Со вступительной речью к участникам обратилась и глава общества *Societas Celtologica Europaea*, профессор *Карин Штюбер* (Цюрихский университет, Швейцария), которая подчеркнула, что данное мероприятие стало не только продолжением традиции проведения симпозиумов немецких кельтологов, но и своего рода экспериментом, попыткой вывести обсуждение на более высокий уровень и привлечь к сотрудничеству исследователей из других европейских стран.

На конференции был представлен ряд параллельных секций, тематика которых не ограничивалась кельтскими языками и их исследованием. Так, наряду с лингвистическими секциями («Современные кельтские языки», «Лингвистика и диалектология», «Исследования в области древнеирланд-

ского языка» и др.) были проведены заседания, посвященные истории и археологии («Археология кельтов», «Исследование ирландских законов», «История религии»). Кроме того, участники симпозиума имели возможность посетить пять пленарных докладов и три вечерние лекции, ознакомиться с рядом стендовых докладов, а также принять участие в круглых столах на различные темы и семинаре по этимологии.

В первом пленарном докладе (*Харальд Флор*, Боннский университет, Германия) затрагивалась тема языковой политики Ирландии на протяжении последнего столетия, при этом была произведена попытка проанализировать предпринимавшиеся правительством меры по поддержанию ирландского языка. Докладчик также сравнил языковую политику Ирландии (поощрение использования ирландского языка в повседневном и деловом общении) и Израиля (возрождение иврита в XX столетии), чтобы понять, какие факторы влияют на ее успешность.

В рамках следующего пленарного заседания (*Питер Буссе*, Свободный университет Берлина, Германия) обсуждался вопрос прародины кельтских языков, в том числе вызвавшая в свое время немало споров теория Джона Коха о тартессийском языке, согласно которой «кельтские языки возникли не к северу от Альп, а на территории Пиренейского полуострова». Наконец, последний день симпозиума был отмечен пленарным докладом *Дениса Кейзи* (Хельсинкский университет, Финляндия), который был посвящен фигуре одного из верховных королей Ирландии – Доннхада, сына Бриана Бору. В частности, в ходе выступления детально рассматривалась фигура Доннхада и место его правления в истории Ирландии.

Как уже отмечалось выше, на симпозиуме было также представлено большое число докладов российских ученых, в том числе и сотрудников филологического факультета Московского университета. С докладом о схематических конструкциях в современном ирландском языке выступил канд. филол. наук *В.В. Байда* (МГУ, Россия), подробно остановившись на использовании подобных конструкций, а также влиянии постановки определённого артикля на значение целого выражения. Просодии современного ирландского языка был посвящен доклад *М.Ю. Снесаревой* (МГУ, Россия), в котором рассматривались особенности паузации на примере двух ирландских диалектов – коннахтского и мунстерского. В частности, были отмечены различия в постановке пауз в спонтанной речи носителей данных диалектов, а также выдвинута гипотеза о возможной связи паузации в мунстерском ирландском с местом словесного ударения.

Древний период развития ирландского языка был отражен в выступлении профессора *Т.А. Михайловой* (МГУ, Россия), рассказавшей о происхождении и функциях огамических надписей IV–VI вв. н. э., найденных на территории Ирландии и Уэльса. По мнению докладчика, они представляют собой имитацию римских надгробных надписей, однако отсутствие на огамических вариантах сведений о возрасте погибшего позволяет предположить, что подобные надписи были сделаны еще при жизни увековеченных с их помощью людей. Слушателям была также предложена разработанная докладчиком теория аббревиатур (попытка определить происхождение некоторых нечитаемых огамических надписей). Следует упомянуть и выступление канд. ист. наук *Н.Ю. Живловой* (МГУ, Россия), посвященное древнеирландским законам и их функциям. В частности, в ходе доклада

было рассмотрено отражение в законах статуса различных членов общества того периода времени, при этом особое внимание уделялось вопросу статуса *aire échta*. Под ним, по словам докладчика, принято понимать человека благородного происхождения, чьей обязанностью было иметь дело с несправедливостями, причиненными его племенными членами другого племени, с которыми они недавно заключили договор.

Валлийскому языку был посвящен доклад канд. филол. наук *Е.А. Париной* (Институт языкознания РАН, Москва, Россия), где была затронута семантика прилагательных в древневаллийских глоссах на примере слов *dur* «жесткий, жестокий» и *trum* «тяжёлый», а также отмечены некоторые трудности, возникающие при анализе лексем: так, для определения их значения необходимо принимать во внимание более широкий латинский контекст. В симпозиуме участвовала и студентка 4 курса филологического факультета *О.В. Дереза* (МГУ, Россия), рассказавшая о семантике протокельтского корня **k^wenno* и ее эволюции в ирландском и валлийском языке.

Также интересно отметить выступление доктора *Кена Джорджа* (Плимут, Великобритания), посвященное корнской фонологии. В докладе утверждалось, что в средний период истории корнского языка в нем существовало два гласных *o*, которые представляли собой отдельные фонемы. В пользу такой трактовки говорят, в частности, различия в орфографии и рифмовке. При этом, в отличие от проводившихся ранее исследований, в выступлении были рассмотрены слова не только с ударными долгими гласными, но и с аналогичными краткими и безударными гласными.

Еще одной неожиданной темой, поднимавшейся в ходе симпозиума, стало обсуждение возможностей электронного обучения применительно к кельтологии (*Ян Нихьюз*, Марбургский университет, Германия). В выступлении были отмечены как плюсы данного вида обучения (экономика времени и денег, индивидуальный график), так и некоторые недостатки (отсеивание большого числа студентов, низкая степень взаимодействия с обучающимися). Кроме того, были упомянуты уже существующие бесплатные онлайн-ресурсы, которые можно использовать на традиционных занятиях (например, электронные варианты рукописей и огамические надписи в 3D).

В рамках симпозиума участники также имели возможность ознакомиться с целым рядом стендовых докладов на различные темы, среди которых можно выделить стенд выпускника Московского университета доктора *Максима Фомина* (Ольстерский университет, Дерри, Северная Ирландия), посвященный сбору и классификации ирландских и шотландских легенд-воспоминаний, связанных с морем.

Отдельного упоминания заслуживает прошедший на четвертый день симпозиума семинар по этимологии, в рамках которого было сделано три доклада. Так, из выступления профессора *Путера Схрейвера* (Утрехтский университет, Нидерланды) можно было узнать, почему протокельтское слово **eburos* обозначает не «тис», как считалось ранее, а некое другое растение, на что указывают различные значения, которые рефлекссы данного корня имеют в современных кельтских языках (ирл. *iubhar* «тис», валл. *efwr* «борщевик», брет. *evor* «крушина»). Предложенная докладчиком этимология предположительно связана с лат. *ebulus*, обозначающим «бузину травянистую». В свою очередь доклад профессора *Дэвида Штифтера* (Ирландский национальный университет, Мейнот, Ирландия) был посвящен этимологии

древнеирландских слов *ubull* «яблоко», *cáera* «овца» и *ascae* «соперник», последнее из которых по-прежнему имеет неясное происхождение.

Обсудить спорные моменты в области этимологии участники симпозиума могли и на одном из круглых столов, чьей основной темой стали «будущие направления в этимологии кельтских языков». Кроме того, отдельно отмечались существующие проблемы и пробелы в данной области, на которые необходимо обращать особое внимание в дальнейшем (большой объем работы для составления этимологического словаря; быстрое устаревание данных в связи с появлением новых исследований и т. д.).

Здесь следует упомянуть, что в рамках конференций по кельтологии круглые столы были представлены впервые, и это вызвало большой интерес среди докладчиков и гостей конференции, которые не только посещали данные заседания, но и принимали в них активное участие. Так, помимо вышеупомянутого круглого стола по этимологии было проведено междисциплинарное заседание, посвященное социальной стратификации кельтских народов во времена античности и средневековья. Обсуждаемые на данном круглом столе темы включали определение самосознания и национальной идентичности; социальную иерархию общества того периода времени, а также целесообразность использования при его описании таких терминов как «элита», «аристократия» и т. п.

Самый же большой отклик получил круглый стол, проведенный в первый день симпозиума, который был посвящен будущему самобытной «кельтской» культуры и отдельных кельтских языков. Участниками дискуссии активно обсуждалась возможность сохранения кельтских языков в условиях малого числа носителей, роль СМИ и культурных мероприятий в увеличении их популярности, а также значение данных языков в современном обществе.

В программу симпозиума был также включен ряд вечерних лекций на немецком языке на различные темы: от шотландских традиций игры на вельнке (*Михаэль Клевенхаус*, Немецкий центр шотландского языка и культуры, Бонн, Германия) до особенностей сооруженного треверами форта вблизи современного Трира (*Томас Фритч*, Нонвайлер, Германия) и образа короля Артура как завоевателя в средневаллийской литературе (доктор *Наталья Петровская*, Кембриджский университет, Великобритания).

Для участников симпозиума было организовано и несколько культурных мероприятий, включивших концерт традиционной шотландской музыки, посещение посвященной кельтам экспозиции Рейнского краеведческого музея города Трира, а также вечер поэзии, на котором был прочитан ряд стихотворений на бретонском, валлийском, ирландском и корнском языках.

Последний день конференции был отмечен собранием членов общества *Societas Celtologica Europaea* и последовавшим за ним подведением итогов симпозиума, который, по мнению большинства участников, оказался весьма насыщенным, плодотворным и интересным. Основное содержание представленных на конференции докладов отражено в сборнике тезисов. По материалам симпозиума планируется также издать сборник докладов на английском языке.

М.Ю. Снесарева

Сведения об авторе: *Снесарева Марина Юрьевна*, аспирант кафедры германской и кельтской филологии филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: marina_bb@pochta.ru

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

С 25 по 27 сентября 2013 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова проходила VIII Международная научная конференция «Современные методы сравнительно-исторических исследований», организатором которой выступила кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета. Конференция была приурочена к 150-летию основания кафедры; в ней приняли участие свыше 30 представителей различных отечественных и зарубежных научных центров.

Конференция открылась пленарным заседанием, на котором, после вступительного слова заведующего кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания проф. *А.А. Волкова*, были представлены шесть докладов. Открывал эту серию доклад проф. *В.А. Кочергиной* «Сравнительно-историческое языкознание в Московском университете», посвященный истории кафедры ОСИЯ со времени ее основания до сегодняшнего дня. Следом были представлены доклады зарубежных гостей. Проф. *К. Бардакджян* (Энн-Арбор, США) посвятил свое выступление “The Origins of the Designation *Amira*” истории терминов армянской почетной титулатуры, бытовавших в средневековой Армении. *Х. Кутабаяши* (Токио, Япония) в докладе «Concerning the Historical Framework of Proto-Standard English» ознакомил слушателей со своей ранее не публиковавшейся теорией происхождения современного литературного английского языка, согласно которой последний мог развиваться из первоначально низового диалекта, имевшего контактную природу (т. е. пиджина). Далее слово взял акад. *Н.Н. Казанский*: его сообщение «Верификация праязыковой реконструкции» было посвящено значению открытия памятников древнейших индоевропейских языков (микенского греческого, анатолийских) для внесения уточнений, подчас крайне существенных, в представления о ходе и характере языковых изменений от праязыка к засвидетельствованным состояниям. В докладе *Т.А. Михайловой* «Теория универсальных семантических переходов как один из методов сравнительно-исторического языкознания» речь зашла об исследовании устойчивых моделей развития лексических значений и о возможности установить для них статус универсалий либо фреквенталий, а также о возможности наблюдать реализацию этих моделей на примерах конкретных лексико-семантических групп в индоевропейских языках.

На послеобеденном секционном заседании, тема которого была заявлена как «Общие законы языкового развития и методы их изучения», было заслушано четыре доклада. Предметом сообщения *С.А. Бурлак* «Возникнуть с нуля: сегодняшние изменения и их роль для общей теории» явились активные процессы морфологических изменений в современном русском языке, служащие источниками новых языковых сущностей: переразложение

основ в пользу суффиксов, приводящее к получению новых словообразовательных формантов; выравнивание парадигм местоименного склонения, благодаря которому оказываются заполнены лакуны в этих парадигмах. Проф. *А.Н. Качалкин* в своем докладе «Методы анализа памятников письменности историками и филологами» представил обзор особенностей и проблем обеих названных групп методов, предложил пути их возможного взаимного обогащения. Доклад *О.А. Волошиной* «“Я обвосточился совершенно... готов принять за восточную надпись узоры, выводимые морозом на стеклах” (русский санскритолог П.Я. Петров)» был посвящен жизни и научной деятельности видного русского востоковеда Павла Яковлевича Петрова (1814–1875). В докладе *Г.А. Казакова* «Процессы сакрализации и десакрализации в лексике» была описана типология семантических переходов, свойственных лексике сакральных понятий в различных языках мира, в том числе затрагивающих ее процессов эвфемизации и дисфемизации.

Во второй рабочий день состоялись три секционных заседания.

Утреннее заседание открылось докладом *М. Браксаториса* «Мера синкретизма падежных форм имен существительных (на славянском материале)», посвященным количественному анализу динамики падежного синкретизма в славянских языках. Вслед за ним был представлен доклад *А. Браксаторисовой* “Kontrastive distributionelle und semantische Analyse des adjektivs neu und seines slowakisches Äquivalentes nový”. *Л. Хачатрян* выступил с докладом «Морфологическая полисемия в древнеармянском языке (опыт диахронического исследования)». Следующие два выступления – «Прибалтийско-финские заимствования в пермских языках: проблемы интерпретации» *М.А. Живлова* и «О новом типе прауральских основ» *А.В. Никулина* – затронули ряд актуальных вопросов сравнительно-исторической уралистики, в первую очередь фонологии, морфонологии и разграничения хронологических пластов лексики. Доклад *М.А. Косарик* «Явление метафонии в Романии (к проблематике инноваций и языкового единства)» содержал характеристику диалектного распределения метафонии в пределах романского ареала в терминах «центр/периферия»; был сделан акцент на том, что распространенность этого явления традиционно недооценивается, так как оно не представлено в литературных романских языках, а между тем география его достаточно широка и, вопреки распространенному мнению, не ограничена крайними зонами ареала. Тема вызвала живой интерес среди слушателей; в частности, председатель секции *А.М. Белов* в ходе обсуждения доклада высказал предположение о наличии прямой корреляции между зонами распространения метафонии и историческими областями с наибольшей плотностью латиноговорящего населения.

На секционном заседании, посвященном проблемам классической филологии и исторического языкознания, представили свои доклады *Н.М. Йова* («Синтаксические средства выражения категории высокой степени признака в древнегреческом языке»), *О.М. Савельева* («О семантике лексемы “спокойствие, тишина, исихия”»), *А.В. Верецагина* («К вопросу об использовании вторичной номинации при образовании древнегреческих антропонимов»), *А.В. Логинов* («Гомеровская лексика возмездия в и.е. перспективе»). Одно-

временно проходило заседание «Индо-иранские и анатолийские языки». В рамках последнего был заслушан доклад *А.В. Сидельцева* «Диахроническое развитие прилагательного фокуса (на материале хеттского языка)», затронувший проблемы не только анатолийского исторического синтаксиса, но и общей синтаксической типологии. Вслед за этим прозвучал доклад *О.В. Поповой* «Передача на письме смычных согласных аккадского языка в текстах Алалаха VII», представлявший детальный анализ и количественный учет случаев употребления тех или иных графем для передачи слогов, содержащих определённый смычный согласный. Доклад *К.В. Харитоновой* «Функции наречий времени в санскрите и древнеирландском языке» был посвящен контрастивному анализу внутренней формы и функций наречий в двух указанных языках и, в частности, привлек внимание к употреблению наречий в функции дискурсивных маркеров.

В третий рабочий день утреннее пленарное заседание было посвящено проблемам германистики и общей индоевропеистики. Открыл его доклад *Н.А. Ганиной* «Отношение древних германцев к мегалитам по данным языка и культуры», в котором был представлен анализ лингвистических и филологических данных, проливающих свет на роль мегалитических сооружений в культуре древних германских народов. Доклад *Н.Б. Пименовой* «Реконструкция словообразовательных подсистем (случай дивергенции германских основ)» очертил в деталях историю германских словообразовательных типов на -an и -bn. В докладе *М.В. Федько* «Лексико-семантическая группа “власть” в готском и древнеисландском языках» содержалась дескриптивная и этимологическая характеристика группы лексем указанных языков, обладающих значением «правитель, вождь». Доклад *М.В. Шеришковой* «Предикативные категории наклонения и времени в готском языке» был посвящен анализу переводческих решений, примененных для передачи греческих и латинских форм времени и наклонения средствами готского языка в переводе Библии (Серебряном кодексе) и отражающих, по мнению докладчика, своеобразие собственно готской модально-темпоральной системы. Сообщение *Е.А. Глебовой* «Изучение пространственных изоглосс западного континуума и.е. диалектов и проблема кельто-италийских связей» было призвано дать актуальную характеристику текущему состоянию разработки названных вопросов. Доклады *А.А. Трофимова* «Закон Зибса и проблема сочетаемости согласных в начале и.е. слова» и *О.М. Сергеевой* «Проблемные чередования с участием /l/: древнегреческие и общеиндоевропейские данные» затронули частные аспекты проблемы «подвижных» согласных в начале индоевропейского корня, до сих пор не имеющей решения.

На заключительном пленарном заседании было представлено два доклада. *Е.А. Брызгунова* посвятила свое выступление «Внутренние законы языка (на материале русского языка)» знаковым изменениям, имевшим место в русском языке в различные периоды его истории, таким, как: перестройка системы грамматических времен; переход к допустимости закрытых слогов; актуализация смыслоразличительного потенциала интонационных конструкций; проявление синтаксического аналитизма, выражающееся, среди прочего, в нейтрализации падежных форм в определенных конструкциях.

Завершил заседание доклад *А.М. Белова* «Проблема (пра)индоевропейских тонов в свете данных популяционной генетики», в котором была заявлена следующая гипотеза: замысловатое на первый взгляд географическое распределение засвидетельствованных языков Европы, характеризующихся наличием тонов в качестве ключевой черты их акцентного типа, находится в корреляции с распределением на территории Европы генетических маркеров, чьи носители идентифицируются с доиндоевропейским населением Европы; из этого может следовать, что присутствие тонов так или иначе обусловлено доиндоевропейским субстратом этих языков.

По закрытии конференции многие из участников выразили удовлетворение тем, что в сложившихся непростых условиях мероприятие было организовано на достойном уровне и прошло в подлинно научной атмосфере.

Следующая Международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию предполагается к проведению в 2015 г.

О.М. Сергеева

Сведения об авторе: *Сергеева Ольга Михайловна*, соискатель кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: hzml666@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информацию о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» выходит один раз в два месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к **формату** файлов:

- текстовый редактор Microsoft Word (любая версия);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный межстрочный интервал;
- поля 2,54×3,17;
- объем рукописи до 20 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – до 15 тыс. знаков с пробелами).

Требования к **форме** предоставления статей:

- текст предоставляется на компакт-диске (или присылается на электронный адрес редколлегии) в формате .doc или .rtf и в распечатанном виде (можно прислать указанные материалы простым письмом по почте на адрес редколлегии с пометой «для Вестника МГУ»);
- если в статье используются дополнительные шрифты (старославянские, древнегреческие и т. д.), то они должны быть записаны на диск;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных страницах.

Статья должна содержать обязательные элементы, без которых ее публикация невозможна:

- аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов / словосочетаний) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и / или адрес электронной почты автора;
- ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены **в тексте в виде постраничных примечаний**, а перечень процитированных произведений должен быть вынесен **в конец статьи в виде списка литературы**.

Статьи, оформленные не по правилам, не будут приниматься к публикации.

Помните, что набор текстов в других редакторах или программах, сохранение их на вирусных или дефектных дискетах, а также распечатка без соблюдения требований к шрифту, его размеру, межстрочному интервалу, некачественная печать могут существенным образом усложнить процесс публикации ваших статей.

Материалы сдаются в редколлегию по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, комн. 902; тел.: (495) 939-53-80; e-mail: edit@philol.msu.ru

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Рецензии не высылаются. Редакция в переписку с авторами не вступает. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата за публикацию рукописей (в том числе с аспирантов) не взимается.